НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

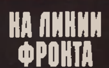
Лазарь Бронтман

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»

ВСТРЕЧИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

1942—1945

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»



ПРАВДА О ВОЙНЕ

Л. Бронтман

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Лазарь Бронтман

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»

ВСТРЕЧИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

1942–1945

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 63.3
Б88

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Бронтман Л.К.
Б88 Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 463 с. — (На линии фронта. Правда о войне).

ISBN 978-5-9524-3239-0

Военные дневники известного советского журналиста Лазаря Константиновича Бронтмана, более 25 лет проработавшего в главной газете страны — «Правде», публикуются впервые. С 1942 года и до конца войны Бронтман почти непрерывно находится на фронте. Его командировки охватывают весь театр военных действий. Дневник автора — уникальное историческое свидетельство, содержащее множество неизвестных фактов о войне, штрихов к портретам полководцев и государственных деятелей, деталей военного быта того времени, а также будней военного корреспондента.

ББК 63.3

ISBN 978-5-9524-3239-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ваших руках замечательная во многих отношениях книга. Публикуемый впервые военный дневник принадлежит перу журналиста «Правды» Лазаря Константиновича Бронтмана (1905—1953), которого коллеги не без оснований называли «королем репортажа» — за оперативность, высокий профессионализм и поистине громадный круг общения.

Л.К. Бронтман к началу войны был еще молодым человеком, но уже многого добившимся и многое повидавшим. Его отец, Хацкель Гершевич (подпольный псевдоним Костя, Константин), за революционную деятельность был выслан из Одессы в г. Курган, где в 1918 г. скоропостижно скончался. Тринадцатилетнему Лазарю пришлось работать: вначале чернорабочим на электростанции, затем учеником электромонтера, монтером, переписчиком, делопроизводителем. В 1923 г. он закончил Курганский сельскохозяйственный техникум и продолжил учебу в Москве — в Электромеханическом институте, а затем — в МВТУ им. Баумана.

Однако, еще будучи студентом, он почувствовал влечение к профессии репортера. Вначале он работал внештатным московским корреспондентом в газете «Уральская смена», в которой вскоре выдвинулся на первые роли. Энергичный репортер был замечен, и в середине 1920-х гг. стал публиковаться в центральном печатном органе ЦК большевистской партии — газете «Правда».

Л.К. Бронтман быстро втянулся в непростую газетную жизнь. Поначалу он вел в «Правде» судебную хронику, но постепенно перешел к освещению наиболее значимых событий страны: партийных съездов и пленумов, писательских съез-

дов, заседаний Верховного Совета СССР. Неоднократно публиковались его интервью с наркомами и учеными, директорами крупных заводов, передовиками производства.

Большое значение в судьбе и карьере Л.К. Бронтмана сыграло его увлечение авиацией. В 1930-х гг. он тесно сдружился со многими известными в стране летчиками и авиаконструкторами, такими как В.П. Чкалов, В.К. Коккинаки, М.М. Громов, С.В. Ильюшин. Необходимо учитывать то огромное значение, которое придавало советское руководство развитию авиации и пропаганде «красных соколов». Имена лучших летчиков знали все, от мала до велика, они были кумирами. Не последняя роль в популяризации советской авиации в предвоенные годы принадлежит Л.К. Бронтману.

Важнейшее значение в судьбе журналиста имело его участие в арктических экспедициях 1935 и 1940 гг., полярном дрейфе папанинцев (сам И.Д. Папанин на долгие годы стал его добрым другом). Лазарь Бронтман и его коллега из «Известий» Эзра Виленский стали первыми журналистами в мире, побывавшими на Северном полюсе. Его репортажи со льдины занимали главные места на страницах «Правды», а написанные позже книги об этих экспедициях «На вершине мира» и другие издавались в СССР и за рубежом, в том числе в Великобритании и США, большими тиражами.

Все это к концу 1930-х гг. выдвинуло Л.К. Бронтмана в обойму ведущих журналистов Москвы и страны. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) он был включен в число небольшой группы корреспондентов центральных газет, которые допускались в непосредственное окружение Сталина на официальных мероприятиях. На одном из парадов Бронтман был представлен вождю, и тот заметил, что знаком с его публикациями в «Правде».

Вообще мера ответственности работников «Правды» была исключительно высокой. Хорошо известно, что самый главный читатель, Хозяин, как часто именуется Сталин в дневнике, прочитывал «Правду» ежедневно до последней строчки. Потом он звонил лично, либо через секретаря главному редактору, давал критические оценки опубликованному материалу, делал замечания относительно времени выхода очередного номера и даже по поводу размера шрифта газеты. В дневнике Бронтмана можно найти немало любопытных моментов, раскрывающих механизмы общения власти с газетой:

заказ и утверждение статей и интервью, разворачивание и свертывание идеологических кампаний, «проработки» провинившихся, оборачивавшиеся долгими опалами. В одну из таких «проработок» попал и сам автор. «Правда» должна была быть идеальной газетой...

Война застала Л.К. Бронтмана на ответственном посту заведующего информационным отделом «Правды». В конце июня он был назначен заместителем заведующего военным отделом; в ноябре был принят в коммунистическую партию. Всю осень и зиму 1941/42 г. редакция «Правды» работала в прифронтовом режиме. Основная часть редакции, как и многие государственные учреждения, была эвакуирована на восток («Дали эвака...» — следует запись в дневнике). Бронтман остался в числе тех пятнадцати человек, кому пришлось тянуть нелегкую лямку выпуска газеты в голодной и холодной Москве. На это время коллектив редакции переселился на улицу Правды, так сказать, ближе к станку. Весной 1942 г., после того как в Москву вернулась эвакуированная часть редакции, Бронтман получил возможность выехать на фронт.

С этих пор и до конца войны он непрерывно циркулирует между редакцией и фронтом. Первые фронтовые записи отрывочны и пугливы — необстрелянный корреспондент сразу оказался на беспорядочно отступавшем в мае—июне 1942 г. Юго-Западном фронте. Однако он быстро осваивается и в дальнейшем чувствует себя на фронте вполне «комфортно», если такой термин применим к человеку на войне.

Юго-Западный, Сталинградский, Центральный, Воронежский, 1-й Белорусский, 1-й Украинский... Совершенно немыслимо обнаружить подобную калейдоскопическую смену армий, дивизий, собеседников и попутчиков в дневниках или мемуарах «обычных» фронтовиков, крепко привязанных к своей части и своему участку фронта. Список одних генералов, упоминающихся в этой книге, не уместился бы, пожалуй, на страницу. Дневник Л.К. Бронтмана перенасыщен лицами и событиями, что делает его исключительно интересным историческим источником. Здесь можно найти неожиданные версии хорошо известных событий (например, сцены сдачи в плен фельдмаршала Паулюса), интересные штрихи к портретам полководцев и государственных деятелей, авиаконструкторов (К.К. Рокоссовского, Н.С. Хрущева, А.И. Микояна, А.С. Яковлева, С.В. Ильюшина).

Большое внимание в дневнике уделено рядовым картинам войны, подчас жутким в своей обыденности. Сцены, подобные приведенной ниже, конечно, ни при каких обстоятельствах не могли попасть на страницы «Правды»:

«Ночевали в дер. Дубровное, за Городней, в гостеприимной, но очень грязной хате. У хозяйки (Соньки, как она отрекомендовалась, рождения 1903 г.) муж с первых дней на войне, вестей нет. 5 дочерей — старшей 19 лет, младшей — 5 лет. Две младших — Маша и Нина — больны, лежат на печи, тихие, присмиревшие. «Вы бы позвали врача», — сказал я. «Зачем? Может, помрут — все легче будет», — просто ответила она». «Страшно!» — пишет Бронтман.

Не меньший интерес представляют его описания работы и быта фронтового корреспондента. Базируясь, как правило, на политуправления фронтов и армий, корреспонденты часто съезжались в одной деревне, образуя целые репортерские колонии. Здесь они делились рассказами и байками, юмористическими эпиграммами, которых немало в дневнике автора. Фронтовые дороги сводили Бронтмана со знаменитыми писателями, поэтами и режиссерами, на время войны переквалифицировавшимися в военных репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров. Среди них писатели А.П. Платонов, Б.Л. Горбатов, А.Н. Толстой, Б.Н. Полевой, кинорежиссер Р.Л. Кармен и т. д. Журналистские общежития, стихийно возникавшие то на одном, то на другом участке фронта, очень живо описаны в дневнике.

«Обильна и своеобразна газетная кухня», — замечает автор. Среди разношерстной журналистской братии попадались люди и невысокой моральной пробы. Бронтман приводит примеры, когда фотографы возили с собой окоченевшие трупы немцев, каски, шинели, которые живописно разбрасывали, «украшая» ими пейзаж. Другие глубоко в тылу организовывали «форсирование Днепра» на плотах, бревнах, плащ-палатках. Редакция одной из центральных газет, проявив недюжинные монтажные способности, сделала из одного подбитого «Тигра» панораму из четырех плюс боевой эпизод! «Вот мерзость!» — остается прокомментировать автору.

Но конечно, такой нелицеприятной оценки заслужили далеко не все фронтовые журналисты. Л.К. Бронтман приводит удивительные примеры, когда корреспонденты центральных газет месяцами кочевали (и воевали) с партизан-

скими отрядами, водили в бой пехоту, заменяя выбывших из строя командиров, буквально заставляли брать себя на борт штурмовиков стрелками и получали заслуженные боевые награды. И гибли, гибли, гибли... Автор очень тяжело переживал смерть коллег-журналистов, особенно друзей — Михаила Калашникова, Петра Лидова, Сергея Струнникова, Петра Олендера.

Ближе к концу войны в сталинской политике почувствовались антисемитские тенденции. Ощутил их на себе и Л.К. Бронтман, которому ответственный секретарь редакции Л.Ф. Ильичев настоятельно рекомендовал использовать псевдоним. Поэтому на страницах дневника иногда можно встретить фамилию Огнев — на эту фамилию ему было выписано в 1943 г. удостоверение личности, так он представлялся не знавшим его прежде людям (см., например, запись беседы с Главным маршалом авиации А.А. Новиковым 18 августа 1944 г.), так он подписывал свои очерки — «Л. Огнев»; реже — «Л. Огнев (Л. Бронтман)». «Вернули» настоящую фамилию Бронтману сразу после его успешного интервью с А.И. Микояном в мае 1945 г.

Однако более тяжелый удар ждал его впереди. Роковую роль сыграла дружба Бронтмана с бывшим главным врачом больницы им. Боткина Б.А. Шимелиовичем, который был арестован в январе 1949 г. как «еврейский националист» и «враг народа». Разворачивалась печально известная кампания по борьбе с «космополитизмом». В начале марта на партактиве Л.К. Бронтман, так же как и его коллеги С.Р. Гершберг и Я.З. Гольденберг (Викторов), был осужден за «грубые политические ошибки». Только фронтовой товарищ Мартын Мержанов выступил на активе против. Гершберг и Бронтман были уволены из «Правды».

Для Л.К. Бронтмана наступили черные дни: он остался без средств к существованию. Чем могли, помогали его старые друзья В.К. Коккинаки и М.М. Громов. Они присылали деньги, продукты. Деликатный Громов покупал по небывалой цене книги из огромной библиотеки Бронтмана. Вадим Кожевников, редактор журнала «Знамя», давнишний друг Л.К. Бронтмана, на свой страх и риск взял его в свой журнал. Однако публиковаться он не мог, а работал редактором. Пользуясь обширнейшими связями, он организовывал интервью для журнала со знаменитыми людьми страны.

Между тем удар судьбы оказался роковым: Лазарь Константинович серьезно заболел. Коккинаки «выбивал» для него санаторные путевки, приглашал для лечения лучших врачей, но помочь уже не смог. Л.К. Бронтман умер в декабре 1953 г. от рака легких.

Публикуемые дневниковые записи Л.К. Бронтмана сохранились в семейном архиве и предоставлены для публикации его сыном, Ростиславом Лазаревичем Бронтманом. Компьютерный набор текста и первичную сверку осуществил внук журналиста, Сергей Ростиславович Рындин.

Дневник велся долгие годы; первые записи относятся к 1932 г. Из большого рукописного наследия Л.К. Бронтмана в этой книге опубликованы относящиеся к периоду войны тетради № 20—25 (полностью) и № 26 (до 20 мая 1945 г.). Все тетради, за исключением № 20[1], публикуются впервые. Хронологически книга начинается с 19 мая 1942 г., поскольку с мая 1941 г. и до этой даты записи Л.К. Бронтманом не велись, что связано было с чрезвычайной нагрузкой журналиста в редакции. Заканчивается публикация записью за 20 мая 1945 г., когда в «Правде» вышло важное интервью, взятое Бронтманом у А.И. Микояна, отредактированное и одобренное Сталиным. Одновременно журналисту была предложена его довоенная должность заведующего информационным отделом, которую он вскоре принял.

Насыщенность текста лицами и событиями потребовала снабдить его необходимыми комментариями, вынесенными в конец книги.

В книге полностью сохранены авторский стиль и манера изложения, исправлению подверглись лишь орфографические и синтаксические ошибки. Расшифровка встречающихся в тексте аббревиатур дана в комментариях. Нетрадиционные сокращения и пропуски слов, затрудняющие их понимание, восполнены в квадратных скобках в тексте. Остальные сокращения даны без изменений.

В. Невежин, доктор исторических наук,
А. Безугольный, кандидат исторических наук

---

[1] *Бронтман Л.К.* Из дневников военных лет / Публикация, предисловие и комментарии В.А. Невежина, О.С. Никулиной // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 82—140.

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»

ВСТРЕЧИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

1942—1945

1942 год

19 мая

Собирался 15-го вылететь с Кокки[1] в Омск, но 14-го вызвал Поспелов[2] и предложил ехать старшим на Юго-Западный фронт, где началось наступление на Харьковском направлении, с 12 мая[3]. Я, конечно, согласился.

Володя[4] 15-го ушел в Свердловск, отвез Валю[5] в Тагил, а затем в Невьянск и 17-го вернулся. Я доставал обмундирование, отбивал всякие льготы.

Сегодня выехали на своей машине из Москвы под Харьков. Провожали нас Гершберг[6], Баратов[7], Зуев[8].

К ночи доехали до Тулы. Остановились у замнаркомугля Оники[9]. Он сообщил, что из 58 шахт уже пущено 57, план добычи перевыполняется.

20 мая

Утром поехали дальше. Ехали бывшей оккупированной территорией Тульской, Орловской, Курской областей. Сожженные дотла деревни, много немецкой техники. Жители до сих пор куда-то перебираются со скарбом. Доехали (через Елец—Ливны—Задонск) в Воронеж.

21 мая

Отлично выспались. Встретил здесь Куприна[10] — его перебросили также с Брянского фронта на Харьковский[11]. Поехали трое на двух машинах. Доехали до переправы через Дон. Ночевали в редакции райгазеты.

22 мая

Ехали. Сидели в грязи у райцентра Алексеевка. Таскали машины на руках. Ночевали в доме колхозника. Утром зашли в штаб к Чанкотадзе[12], командующему юго-западной группой.

23 мая

Прибыли в Валуйки. Встретил Реута[13]. Пришел Костя Тараданкин[14]. Был с визитом в политчасти.

24 мая

Был с Куприным у бригадного комиссара Ушакова, замнач. политуправления.

25 мая

Был с Куприным у члена Военсовета, бригадного комиссара Кириченко[15]. Говорили о статье для «Правды» об украинских националистах и о положении журналистов.

26 мая

Выехали по аэродромам. Поехала с нами Наталья Боде[16], фотограф фронтовой газеты «Кр. Армия». Были на аэродроме бомбардировщиков Пе-2 полковника Егорова (комиссар Панкин). Заночевали. Ночью стучали зенитки. Узнали, что немец бомбит Валуйки.

27 мая

Утром переехали на аэродром штурмовиков (командир — подполковник Комаров[17], комиссар Сорокин). Мировые дела и мировые ребята! Встретили тоже отлично.

В 9 часов вечера выехали обратно в Валуйки. Сбились с дороги, ехали всю ночь. Ночью видели разрывы вдали: немец был в Валуйках. Оказалось, что накануне он сидел на подходе 3 часа, а вчера с 8 вечера до 5 часов утра народ укрывался по погребам. У Боде разбомбило и сожгло вагон с фотолабораторией и всякими экспонатами. Бомба упала в метре от ва-

гона. Все пропало у девушки, не во что было даже переодеться. Вообще — накидали много. Есть много жертв, побиты дома, порвана связь.

Погода мерзкая. После жары — вдруг холодно. Внезапные дожди. Брр! Ночью замерзли, как собаки.

28 мая

Спали до 5 часов вечера. Потом поехали в политуправление. Аттестатов наших все еще нет. Ходим попрошайничаем. Ночью — опять бомбежка. Рядом стучат зенитки так активно, аж хлопают ставни, и домишко ходит ходуном. Спали. Долматовский[18] сообщил хорошую песенку:

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Вот как, вот как...
Бабушка козлика очень любила,
Вот как, вот как...
И вот однажды после бомбежки
Остались от бабушки рожки да ножки,
Вот как, вот как...

Во всем есть свой комизм. Вчера бомба упала в угловой домик политуправления. Все стекла, ясно, повылетали. Было это во время ужина. Все легли на пол. Фотограф Рюмкин[19] ползком облазил все столы и собрал масло.

29 мая

Написал и передал очерк о штурмовке танковой колонны. Получилось ничего. Читал генералу Шкурину[20] — начальнику штаба ВВС. Доволен.

Ночью тревога. Но бомб мало. Люди готовятся переезжать. Парикмахер спрашивает: зачем это? Это — бомбежка. Известинцы и др. выезжают на ночевку в соседние села. Остальные лезут в погреба. Из окруженных 6-го и 57-го подразделений[21] с боями вышли некоторые газетчики. Шли с ними Розенфельд[22], Наганов, Бернштейн[23], но они потерялись во время боев. Тревожно. Положение подразделений тяжелое: нечем стрелять и драться. Связь только по радио. На остальных участках затишье. Из сводки Информбюро за 28 мая вечер Харьковское направление уже исчезло. А как меня гнали не опоздать!

30 мая

Ребят все еще нет. Тревога ночная была небольшой, 2—3 часа. В погреб нашей хозяйки сбегается пол-улицы. Вечерком вчера сидели банковали, была Боде. Пили водку-огурец. Вот, очевидно, откуда пошел «зеленый змий». Хотели сегодня уехать в армию — нет бензина.

Днем сильный дождь. Мы из бани вышли и снова промокли. Вечером наломал сирени — хорошо пахнет. Сажусь писать очерк о бомбежке харьковского аэродрома.

31 мая

Полный цирк! Днем поехали в отдел снабжения на край города — я, Устинов[24] и Боде. Нежданно налетели самолеты: три бомбардировщика в сопровождении одного мессера, и затем — еще два с одним мессером. Мы начали наблюдать. Как вдруг засвистит!

— Ложись! — крикнул я. — Бомба!

Тут же и легли на траве, а Сашка[25] — под забор. Рядом рвало и метало. Только и слышался свист да взрывы. Земля качалась. Зажгли эшелон недалеко. Минут 10 полежали. Вот и все. Забавно: одна мысль — куда ранит. Наташа держалась молодцом.

Вечером все было в полной норме. Часиков с 10 начались массированные налеты. Ревут зенитки, светит полная луна, бледные лучи прожекторов. Налет повторялся каждые 10—20 минут до 3 ч. утра. Пришлось под конец залезть в погреб. Ничего, жить можно, даже весело было.

В середине ночи немец сбросил 4 ракеты на парашютах. Осветили, как новые луны. И снова бомбили.

Тесно!

1 июня

День прошел спокойно. Приехал Костя Тараданкин из 21-го подразделения[26]. Рассказал, между прочим, что проехался по нашим следам. Был и у штурмовиков (там ему сказали, что я был у них) и у пикировщиков. Летчик-бомбардировщик Богданов, которого мы видели утром 27 мая, через день не вернулся из полета.

Вечером в 8 часов выехали в 28-е подразделение[27]. Перед этим был у Корнейчука[28] и Ванды Василевской[29]. Она расска-

зала о потрясающем факте. В феврале немцы вели на расстрел по Киеву 150 моряков (затем еще 100) Днепровской флотилии. Вели по улицам, голых, в кандалах. Выгоняли жителей смотреть. Моряки шли и пели — сначала «Интернационал», затем «Раскинулось море широко». Какая потрясающая выдержка! Ванда пишет об этом.

На отъезд получили селедки, достали бутылку зубровки-сырца. Хозяюшка Мария Ивановна сварила картошечки, и мы чудно посидели перед разъездом: Куприн, Григоренко, Реут, Боде и я.

Затем поехали. Отъехали километров 15—20, видим — идут немецкие самолеты на город. На наших глазах тут же произошел легкий воздушный бой двух ястребков с четырьмя «Юнкерсами» — безрезультатный.

Началась зенитная стрельба. Проехали еще километров 20 — над нами самолеты — строчат из пулеметов. А позади, минутах в 10 ездки, рвутся бомбы. Вовремя уехали!

Сейчас в 22.30 во тьме доехали до Ольховатки. Сидим в хате, заночевали. Вместе с нами лектор обкома партии. Во тьме отчетливо видны зарницы и разрывы зениток в трех местах: Валуйках, Купянске и Озерном. Там дают пить! Шарят прожектора. Луны еще нет.

Над головой все время проходят эшелоны немцев — тут лежит их трасса. Тянут, как ночью журавли, через село. Все время слышен гул самолетов.

2 июня

Утром выехали из Ольховатки. Мчались по темным дорогам. В том месте, куда мы ехали, политотдела уже не оказалось. Выяснили новый адрес — едем туда.

Нашли. Маленькая деревушка. Все учреждения разбиты по хатам. Оставили машину на краю села, замаскировали. Пошли. Начполитарма нету. Нашли редактора газеты — батальонного комиссара Киряшева. Чудный парень. Посоветовал ехать в дивизию Истомина — лучше всех дралась в майском наступлении против танков.

Ол-райт!

Пошли обратно — обстрелял самолет.

Поехали. Дивизию нашли в лесочке-осиннике. Там же КП. Полковник Истомин[30] — средних лет, крепкий, лад-

ный, типичный русак-вояка. Рад нам. Сразу водки, приглашает на одеяло. С 1923 г. в армии.

— Бриться гостям! Да с одеколоном обязательно!

Высокий, ладный, такой же здоровый, как полковник, комиссар дивизии — полковник Давидович.

В 18 часов явились командиры и комиссары полков. Основной вопрос — почему кое-где плохо кормят. Затем сообщил им о нашем приезде.

Потом рассказал мне о боевых днях, посоветовал поехать в 907-й полк, представленный к ордену Красного Знамени.

В 9 часов выехали туда. КП в хвойном лесу. Связной заблудился. Стояли в лесу часа два. Вспыхивают зарницы, артиллерия, жужжат самолеты, иногда освещает полнеба зарево залпов — бьет «катюша».

В 12.30 разыскали блиндаж командира полка — майора Скибы[31] и комиссара — батальонного комиссара Ильюшенкова.

Недалеко, за Сев[ерским] Донцом идет бой, тут пока тихо.

Разбудили. Выпили. Закусили. Легли спать.

3 июня

Встали. Позавтракали. Вышли. Чудное утро. В лесу — блиндажи, шалаши, окопы, артиллерия, машины, все. А издали — лес пуст.

С утра — за работу. Два батальона этого полка 15 мая выдержали атаку около 250 танков и выбили из них около 80. Говорил со многими: Скибой, Ильюшенковым, бойцом Щегловым, бронебойщиком Переходько, бойцом Васильевым, бойцом Дымовым. Последний пришел ко мне контуженый, полузрячий на один глаз. Над ухом рана, она гноится — так он сначала у речки ее обмыл.

Несколько раз пролетали немцы. Стучали пулеметы, тявкали зенитки. Мы работали.

Пообедали. И к полковнику. Чудно посидели вечерок. Говорили о судьбах офицерства, о традициях русских командиров.

Легли в 12 на воздухе. Непрерывно летают немцы. Пальба. Рядом ухнули бомбу. Тут спать не густо. Но ничего, сошло. Пошли было в блиндаж — там мокро и сыро.

4 июня

Встали в 7 ч. Завтракать. Полковник и комиссар все время дружески переругиваются, подшучивают.

Комиссар полковнику:

— Ты давно встал?

— Давно, уже позавтракал.

— А чего после завтрака улыбаешься? Володя (повару), что на завтрак?

— Яйца.

— Чьи?

— Ваши! (Хохот.)

После завтрака выехали на станцию Приколодное. Выезжая туда, увидели справа 7 самолетов. Разрывы зениток.

— Ходу!

Водитель рванул и со скоростью в 100 км/ч помчался по поселку, чтобы выехать за пределы станции. А немцы в этот день усиленно бомбили все ближайшие станции.

— Ненавижу железную дорогу! — говорит водитель Курганков.

Мчались так, что кидало, как мячик. Жители мечутся. Я смотрю на самолеты. Один отходит и, увидев нас, разворачивается и дает две очереди. Мимо! Мчимся. В стороне — клубы разрывов бомб, столбы дыма. Ходу, ходу!

Ночуем в Ольховатке.

Начполитарма Радецкий[32] сообщил интересный факт. Командир и комиссар одной роты 907-го полка испугались танков и подняли руки, сдались в плен, бросили бойцов. Бойцы, озверев, кинулись в атаку, отбили обоих и доставили их на КП дивизии. В тот же день их расстреляли.

5 июня

Переночевали в Ольховатке и — в путь. С трудом нашли, куда переселились наши ребята. Вообще, все хозяйство раскинулось на много десятков верст вокруг.

По слухам, немцы начали сегодня новое наступление на изюм-барвенковском направлении. Планы у них большие, но еще Наполеон говорил, что великий полководец не тот, кто предложит план, а тот, кто его выполнит. Днем приехали в Валуйки. Ночью — часиков в 9 венера и до 1.30 был

очередной концерт. Немцы сбросили пару ракет и несколько бомб. Стрельба шла почти непрерывно. Старухи крестились, бормотали: «Господи Иисусе».

6 июня

Валуйки. Утром отправили пленки в Москву. День дождливый. Во время обеда пришла на центр города на высоте 300—400 метров шестерка гансов. Сделала два-три захода. Все время стояла непрерывная канонада. Дообедали, пошли. Шофер Куприна хорошо сказал:

— Василий Федорович (Реут) очень легко выскакивает из машины, но с трудом залезает обратно.

Днем в воздухе на наших глазах развалился И-16. Летчик выбросился на парашюте. Несколько ястребков, охраняя, сопровождали его до земли. Много разговоров.

Сейчас снова дождь, дождь. Небо совершенно прохудилось.

Вечером сидели за языком, водкой, салом и колбасой. Куприн рассказывал о каком-то художнике. Долго и нудно.

Ба! Мяукают кошки, перепутавшие времена года. На дворе — дождь, слякоть, ручьи грязи.

Во время поездки немного поснимал. Снял:

— мельницу;

— командиров дивизии Истомина, бритье в 907-м полку;

— старушку Чаплыгину, читающую письма от сыновей в Ольховатке, читает учительница Анна Владимировна;

— пожар в Валуйках после бомбежки 31 мая;

— разрушенный и сожженный дом после пребывания немцев в дер. Гнилуши;

— трофейное орудие в Белом Колодезе.

7 июня

Валуйки. Погода совершенно смешная. Утром дождь. Из танковой бригады № 6 прислали вездеход за Боде. Уговорила и нас поехать. Поехали. Бригада дней 5 назад вышла из боев. Дрались хорошо, рядом с Истоминым и Родимцевым[33]. Ребята поснимали там (днем — солнце), а я сделал три материала: эвакуаторы танков, рождение воина (плохое), танкист-герой.

Вечером погода стала бл...й. Дождь. Разыгрался ветер. Низкая облачность. В комнате окна выбиты от недавних бомб, холодина. Сидим в ватниках, мерзнем. Брррр!..

8 июня

Валуйки. Тихий день. Без конца дождь. Писал. Ночь прошла спокойно. Лишь к вечеру пролетел разведчик.

9 июня

Валуйки. Солнце. Писал. Пока тихо. С КП вернулся Ляхт. На фронте всюду тихо. По данным разведки, немцы готовятся к наступлению. Вечером выехали в политуправление.

10 июня

Ночевали в небольшом поселке вблизи политуправления. Все вместе: Ляхт, Куприн, Реут, Устинов, я. Спали на сене — отлично.

Ясная тихая ночь. Над нами непрерывно ночью самолеты. Над Валуйками — лучи прожекторов, разрывы зениток, зарева от бомб, ракеты.

Утром проснулись от ожесточенной орудийной канонады. В чем дело — никто не знает. Разговоров тьма. Но дуют сильно — так и громыхают непрерывно.

В 2 часа дня я и Устинов выехали в Воронеж. На перетолк с редакцией. Реут и Куприн поехали менять мотор.

К ночи добрались до Коротояка. Ночевали у редактора Гринева.

Снял под ночь наведение понтонного моста через Дон.

11 июня

Чудный день. Встали, побрились. В 8 утра выехали от Коротояка, перевалили на пароме Дон. Отъехали километров 15 — сзади слышна зенитная канонада, взрывы бомб. Немцы бомбят переправу.

К 2 ч. приехали в Воронеж. Город оживлен, красив, много нарядных красивых женщин. Война чувствуется, однако, во многом: на перекрестках вместо мужчин — женщины-милиционеры, часто попадаются часовые-женщины.

Днем узнали причину канонады, слышанную нами около политуправления. Сводка за 10 июня сообщила, что в течение 10-го шли на Харьковском направлении бои с немецкими войсками, перешедшими в наступление[34].

Вечером, когда подошли ужинать к ДКА[35], услышали радио (в 21.00) о поездке и переговорах (и договорах) Молотова[36] в Лондоне и Вашингтоне[37]. Здорово! У репродукторов — толпы. Интересно, как он — летал или плыл?[38]

В 23.20 перед сном прослушали зенитную стрельбу. Видимо, немцы берутся полегоньку и за Воронеж. Дежурная говорит, что за последнее время город не бомбили, но пострелижвают часто.

Купил письма Пушкина и стихи Суркова «Декабрь под Москвой»[39].

12 июня

День прошел тихо. В столовой наслаждался чаем с пирожным. Ух, здорово!

Вечером узнал печальную весть: 5 июня из Валуек в Москву вылетел Костя Тараданкин. Идучи из редакции домой, он попал под машину. Измят изрядно, лежит в госпитале. Ну и ну! Стоило воевать 11 месяцев, быть во всех переплетах, чтобы попасть в такую историю.

А вот другая аналогичная история: фотограф Копыт снимал в тылу конную атаку. На него наскочила лошадь, подмяла, еще и еще несколько. И он — в госпитале. Копыт под копытом. Сегодня видели в здешнем театре «Фельдмаршала Кутузова». Плохо!

13 июня

Вечером в 18.30 говорил с Москвой, с Коссовым[40]. Просят материалы о боях на харьковском направлении. Дела там тяжелые и бои, как сводки квалифицируют, оборонительные. В Москве тихо, частые дожди.

Только кончил разговор — канонада. Потом — свист и взрывы шести бомб. Недалеко. Пошел. Народ на улицах возбужден весьма. Оказывается [немецкий самолет] нагло проскочил днем и сбросил бомбы в центре города. Одна упала рядом с парком ДКА — убито много детей и гуляющих. Повреждено здание «Коммуна».

В 9 ч. вечера — тревога. Гудки. Продолжалась до 12 ночи. Немного постреляли, взрывов не слышно.

Вечером приехали с фронта Куприн и Реут. Говорят, канонада не утихает весь день и ночь. Авиация немцев активизировалась весьма. В воздухе — непрерывный гул. Усиленно бомбят станции ж. д., бомбят Коротояк (понтонную переправу), по-прежнему Валуйки. Вчера над ними жгли 5 ракет сразу. Реут войной сыт по горло.

Купил в киоске письма Пушкина — читаю взасос.

Фотографы рассказывают о поведении фоторепортера Гаранина[41].

Приехал он в 6-ю армию — шасть к начальнику отдела агитации Иткину:

— Я прибыл по поручению т. Мехлиса[42]. Мне нужно для съемок несколько кило тола (т. е. для инсценировок взрывов).

А как только началась баталия настоящая — ходу оттуда.

Впрочем, и остальные фотографы снимают так. Зельма все танковые сцены снимал под Воронежем, в т. ч. и сдачу немцев в плен, и бомбежку танка с самолета. А «Известия» — ничего, печатают оного Зельму[43] (шельму).

Вот и завтра вся фотоватага идет снимать в 8 км отсюда танковый бой. Сильно!

14 июня

Тихо. Тревога. Тихо.

15 июня

Тихо. Дождь. Были в бане. Очень хорошо. Говорил по телефону с Гершбергом. Заявляет, что «золотой век» в редакции кончился. Снова введены дежурства членов, их — восемь. Все пошло по-дооктябрьски, организованнее, но тяжеловеснее. И главное, позже выходят.

16 июня

Дождь весь день. В 0.30 вспомнили, что Сашка Устинов — именинник. Легонько выпили. Уснули. Встали в 12 — решили отметить. Реут купил цветов и редиски, Боде — сметаны

и луку, Куприн и именинник достали водки. Соорудили салаты, чудно посидели, поснимались.

До смерти хочется домашнего крепкого чая. В 12 ночи постреляли.

17 июня

Дождь. Днем солнце. Перед вечером — пальба. Ночью — тоже. В городских организациях распространились слухи, что немцами взят Купянск. Одначе, сегодня же прибыли воздухом из Купянска летчики из истребительного полка Минаева[44]. Живое опровержение.

18 июня

Хороший день, и тем не менее тихо. Вечером пошли поглядели здешний дансинг в саду им. 1 Мая. Забавно — девочки-подростки, скучающие барышни — их всех много. Юнцы, несколько младших командиров — их мало. Девушки танцуют с девушками за неимением кавалеров. Танцуют неумело, плохо. Играет патефон, радио. Дансинг устроен в помещении летнего театра. Под потолком — три синие лампы. Вход — 3 рубля. В саду же пусто.

Любопытно: в Воронеже нет почти совсем милиционеров-мужчин. Вместо них — девушки. Отлично регулируют, вежливы, но неимоверно много свистят. Лица у большинства интеллигентные.

Возвращаясь из дансинга в гостиницу, услышали около 11 ч. вечера радиодоклад о последних соглашениях СССР с США и Англией. Я высказал предположение, что это — речь Молотова[45]. Одначе — не знали. Уснули.

Утром 19 июня на домах красные флаги. Почему?

19 июня

Оказалось, флаги — по случаю сессии Верховного Совета СССР, ратифицировавшей международные соглашения. И вчерашняя передача — действительно доклад Молотова.

Встретил Брауна — старшего батальонного комиссара, редактора фронтового радиовещания. Говорит, что положе-

ние наше улучшилось и настроение хорошее. Немцы заняли Бе[лый] Колодезь, и там их остановили.

Вот гады — пролезли-таки к ж. д.!

Вечером Боде уехала на фронт.

20 июня

Вчера вечером говорил по телефону с Лазаревым[46]. Предлагает мне выехать в Москву. Я выдвинул идею поехать на Южный фронт. Он считает, что надо возвращаться, но решил посоветоваться с Поспеловым.

Сегодня утром в столовой ДКА встретил двух летчиков — из полка пикировщиков, в котором мы были в конце мая. Полк погорел, осталось два экипажа. Остальные погибли в полетах. Какие были ребята!

Командует полком сейчас майор Якобсон (раньше — помощник командира). Бывший командир — полковник Егоров, сибиряк, — назначен командиром дивизии.

Вечером видел полкового комиссара Баева, начальника отдела кадров ГлавПУРККА. Он сообщил, что Мехлис снят и разжалован приказом наркома в корпусного комиссара (видимо — за Керчь)[47]. Начальником ГлавПУР назначен Щербаков[48]. Отсюда — усиление агитационной работы. Баев приехал подбирать кадры агитаторов. В отделе агитации создан совет, в который вошел цвет партии, в т. ч. Ярославский[49], Поспелов и другие.

Днем видел Безыменского[50]. Приехал с Брянского фронта. Скучный. Матерно ругал Союз писателей и Фадеева[51]. «Пишешь что-нибудь?» — «Ничего путного...» Съел он бутерброд с икрой у нашего воронежского собкора Жуковина и написал ему стихотворное извинение-послание.

Реут сегодня ночью уезжает в Москву, Куприна отправляю на КП.

21 июня

День тихий. Бездельничали. В сводке появились «бои с наступающим противником на одном из участков харьковского направления». Где бы это могло быть?

Днем зашел писатель Славин[52] с женой. Он — скучный, спецкор «Известий» на Брянском фронте.

— Пишете?

— Да, должен закончить пьесу. Идет медленно.

Она — артистка, художественный руководитель женской бригады Всероссийского театрального общества. Говорит о ней без всякого энтузиазма, спрашивает, как пролезть в Москву и где достать очищенную водку. Бригада выступает в частях.

Вечером пошли в летний театр ДКА. Смотрели «Богдан Хмельницкий» в исполнении театра им. Шевченко (Харьковский). Хорошо! Декорации убогие, на гривенник. Играют здорово, чувствуются традиции, школа. Народу — полно. В парке — девушки, ищущие командиров с пайком.

22 июня

Харьковский участок из сводки исчез. Зато вечерняя сводка за 21-е сообщила, что ценой огромных жертв немцам удалось вклиниться в нашу севастопольскую оборону. Очень погано!

Англичане сдали Тобрук![53] Вот так так...

Вечером были у Безыменского. Он уехал обратно к себе на Брянский фронт.

Оттуда зашли к Славину. Там нас напоили отличным крепким чаем. Благодать!

Увидели у него настольную зажигалку, сделанную из электропатрона. Электробензиновая. Жена его сказала, что оные делает какой-то учитель физики. Пошли к нему гуртом.

Прелюбопытнейшая фигура. Зовут его Константин Фирсович. На вид 35—40 лет, худощав, худоват, круглые очки (не роговые), курчавые, спадающие на лоб черные волосы, вышитая украинская рубашка. На самом деле — 50 лет. Живет во дворе музыкальной школы, над гаражом, две комнатки и кухня. Чисто. В его комнатке — много проводки, пара столов, заваленных инструментами, кусками проводов, в углу — станочки. На стенах — семейные фото, портреты композиторов. Он кончил когда-то физмат Московского университета (тогда еще «императорского»), был долгие годы преподавателем физики и математики, но последние 4 года преподает музыку в муз. школе. А сейчас делает зажигалки.

Разговорились. Оказывается, был летчиком в империалистическую войну. В 1920 г. на польском фронте на «Фармане» потерпел аварию. Падал с 1500 м. Упал, поломал в несколь-

ких местах череп, все ребра на правой стороне, все зубы, оба бедра. Очнулся на шестом месяце. Нажил эпилепсию. Ходил на костылях 8 лет, оставлял их только за сохой — жил на хуторе на Украине. Выжил, выздоровел («хотя и не лечился я»). Организм крепкий. «До сих пор не знаю, что такое теплое пальто, шапка, калоши».

Месяцев 7 назад, когда была угроза Воронежу, подал заявление в военкомат — предложили в морскую авиацию (на связь, санитарную). Дал согласие, потом отказался («не знаю моря и морской авиации»). Через месяц вызвали — предложили в санитарную. Согласен. Послали на медкомиссию: полная браковка. Комиссар говорит: «Ничего, сделаем — пошлем на свою комиссию», — и позвонил председателю по телефону: «Окажите товарищу содействие». Но и те вынуждены были подтвердить бракованный скелет.

Занялся по-прежнему музыкой и новой отраслью — зажигалками. Последними не столько из-за денег, сколько для отвлечения мыслей, чтобы не думать. Дело в том, что у него трое детей — все комсомольцы. Сын, дочь, лет 20—22, и дочь 15 лет. Сына 8 месяцев назад взяли в армию, и вот он попал в окружение и пропал без вести. Семь месяцев ничего не известно. Горюет, тоскует, не спит ночью. «Начал смиряться с мыслью, что он погиб». Старшая дочь замужем за чекистом и живет в Коротояке (он был там уполномоченным НКВД, а сейчас переброшен на фронт, она осталась в селе), младшая учится. К среде (послезавтра) сделает и нам по 2 зажигалки.

Сегодня утром дважды палили зенитки. Мы спали, не слышали.

23 июня

Харьковского направления в сводке нет. Вечером, вернее, ночью зашел Славин с женой. Посидели, выпили водки. Зашел разговор о литературе. Славин ругал Ставского[54], Вашенцева[55] за безграмотность и прозаические вирши. Зашел разговор о том, что будет делать литература после войны, как сумеет отразить те катаклизмы, которые произошли в характере народа, моральных устоях и пр. Я высказывал мнение, что сейчас мы показываем только действия людей, но не даем их облика психологического. Он согласился.

Договорились оба о том, что читатель страшно истосковался по лирике. Отсюда тяга и огромный успех стих. Симонова «Жди меня»[56], повести Панферова «Своими глазами»[57] и пр. немногих вещей.

Сказал Славин о своем любопытном разговоре с генералом Игнатьевым (автором «50 лет в строю»)[58]. Генерал сказал: «Самые храбрые люди — журналисты».

— Почему???

— А они все время возвращаются на фронт. Это — самое страшное.

И верно замечено.

24 июня

Вечером были в театре им. Шевченко. Смотрели пьесу «Талант» украинского классика Старицкого[59]. Отлично. Ночью приехал с КП Ляхт. Сидели до 3-х, разговаривали. Дватри дня назад мы предполагали начать наступление. Немцы опередили. Бои идут, по данным на 22 июня, за Белым Колодезем (он у немцев), на подступах к Ольховатке, в 38 км от Валуек. Основная сила — авиация, заменяющая даже арт. подготовку и танки. Пехота наша держит слабо. Отлично показала себя вся танковая бригада Еременко[60], в которой мы были 9—10 июня. Она сдержала натиск на Валуйки. Валуйки все время бомбят, сильно разрушена Россошь: пострадало 300 домов. На фронт идут большие пополнения, особенно техники, в т. ч. американской и английской.

Сегодня (во вчерашней вечерней) сводке говорится: «...На харьковском направлении наши войска вели бои с наступающим противником. Наши войска несколько отошли на новые позиции». Такая формулировка по харьковскому направлению. За последние полтора месяца — впервые. Тревожно!

Редакция предложила мне задержаться на ЮЗФ[61] на некоторое время, усилить информацию о боях. Это понятно: сейчас на всем фронте только два активных участка: Севастополь и тут. Думаю послезавтра выехать на КП.

Вот только узнать, где он: не переехал ли?

Гриша Ляхт привез мне с КП 10—12 писем. Читаю весь вечер. Тут и от Зины[62], и от Славки[63] («папа, сколько немцев ты укокошил?»), и от Абрама[64], и деловые. Сейчас буду продолжать чтение.

28 июня

В ночь на сегодня немцы устроили полный концерт. Еще в ночь на вчера, часиков в 11 вечера, они прощупывали оборону Воронежа. Объявили тревогу, постреляли. Мы не вышли из номера, сидели банковали.

Вчера в 10.20 вновь начали строчить зенитки. Круто. Я сидел дома один, ребята ушли в город. Писал о танкистах («Единоборство»). Стрельба усилилась. Вышел в фойе, сидит старик-книжник. Купил у него «Одиссею» в переводе Жуковского. Пришел обратно. Стучат. Повинуясь какому-то предчувствию, сложил бумаги со стола, убрал зажигалки в шкаф и уложил чемодан. Потом вышел в коридор. Полно народу, все пережидают. Слышно, как где-то кладут бомбы.

В коридоре увидел режиссера театра им. Шевченко Шарлотту Моисеевну Варшовер. В халате. Предложил ей спуститься вниз, в вестибюль. «Я должна взять сумку». Зашли к ней в номер. Окно открыто. Подошли. Ночь лунная, чистая. Вблизи виден пожар. Вдруг — свист, присели, квартала за полтора взрыв. Фонтан искр и пламени.

— В коридор!

Снова свист. Мы вниз. Она поискала уголок потемнее (из-за халата), сели на вешалки в гардеробе у окон. Я закурил. Снова свист, взрыв. Вскочили, кинулись к колоннам. В тот же миг раздался страшный взрыв, повылетали все стекла и двери, погас свет, здание заходило ходуном. Это бомба легла у тротуара гостиницы, как раз у окон моего номера.

Режиссер мой присела, голову опустила до земли и закрыла лицо руками. И страшно и смешно.

Прислушиваюсь — взрыв чуть дальше. Значит, пронесло. Народ голосит, крики, разом все рванулись в бомбоукрытие. У улицы уже бежали: помогите, где санитары — погибает раненый. Не шелохнутся — испугались. Я и еще несколько человек вышли. Взрывом оторвало ногу постовому милиционеру. Мы взяли его, подняли, внесли в подъезд, он без сознания. Одна женщина разорвала свое белое платье, перевязала, но не помогло. Через полчаса он умер.

Зенитки продолжали стрелять валом. Строчили пулеметы — шли низко. Канонада сливалась порой в один гул. Неподалеку от нас полыхали три пожара. В вестибюле не осталось никого. Нашел бомбоубежище. Битком. Темно. Окликнул Ляхта, Устинова. Их нет. Откликнулась Варшо-

вер. Протиснулся к ней, встал у стенки. Так пробыли до 2 часов ночи. Зенитки продолжали бахать. Слышались и взрывы.

Мы разговорились. Оказалось, что Варшовер — жена Корнейчука (умолчала только о том, что он ныне женился на Ванде Василевской). Рассказала забавную историю, как она зимой попала в Уфу, застряла. А надо было ей двигаться к семье в Семипалатинск. В нее влюбился какой-то железнодорожный начальник, занимавшийся трофейным имуществом. Он решил отправить ее в трофейном вагоне с трофейным паровозом. Неожиданно Москва потребовала трофеи. Отдали. Тогда начальник начал делать комфортабельную теплушку, обили ее всю войлоком, сделали салон, поставили зеркало, печи, мебель и т. д. Получили разрешение Москвы на прицепку к пассажирскому. Потом потребовалось разрешение [из] Куйбышева (это их дорога). Все сделано. Вдруг выясняется, что прицепить нельзя — у поезда автосцепка. Варшовер решила ехать просто поездом. Но заболела воспалением легких. Начальник тем временем начал ладить новую комфортабельную теплушку с автосцепкой. Почти закончил, но его нежданно отозвали в Москву. А она уехала на ЮЗФ. Театр этот им. Шевченко готовился переезжать в Харьков...

Забавно она попала и в Уфу. Летела самолетом в Семипалатинск. Авария, посадка в поле. Семь суток добирались по снегам до Уфы.

Ребята провели ночь в каком-то домишке, недалеко от гостиницы, лежа в сенях на полу.

В 2 ч. ночи я поднялся в номер. Страшное дело. Все вверх дном. Повылетали рамы, двери. Сила взрывной волны была такой, что распечатало и разорвало письмо Куприну, лежавшее на столе. В закрытой уборной разнесло в кусочки зеркало. Вышибло наружную дверь. На кровати — кусок дерева с сучьями (росло на улице).

Пришли ребята. Убрали свои вещи, ушли в другой номер, уснули.

В 12 проснулись. Бьют зенитки. Умылись. Пришел Жуковин. В городе нет ни одного непострадавшего района. Видимо, клали по секторам. Было около 30 самолетов. В городе сильное возбуждение — все стремятся скорее уехать.

В час приготовились ехать на фронт. Опять зенитки. Поехали.

(Запись сделана в Коротояке, на квартире у редактора Гринева, пока готовится обед.)

29 июня

Ехали караваном — три машины. Я и Устинов, спецкоры ТАСС Зиновий Липавский и Щукин и корреспондент Информбюро ст. батальонный комиссар Антропов. Вчера к вечеру доехали до Коротояка — там уже через Дон не паром, а понтонный мост.

В Коротояке пообедали, во тьме двинулись дальше. До Острогожска. Ехали, конечно, без фар. С трудом нашли квартиру. Спали все в ряд на полу, на шинелях. Ночь провели спокойно.

Из-за разных хозяйственных хлопот выехали только к концу дня. Доехали до с. Щербаково. Тут решили заночевать, т. к. дальше — ж. д. станция, а мы ж. дорог во время войны не любим. Тут — колхоз им. Карла Маркса. Переселенцы, почти сплошь украинцы.

Ночевали в школе, натащили свежего сена. Пили яблочное вино. До полуночи наблюдали цирк над Лисками. Пятую ночь подряд бомбят. Прожектора, гул самолетов, разрывы зениток, слышны взрывы, видно зарево большого пожара.

30 июня

Утром выехали. Приехали в Россошь к 2 ч. дня. Нашли всех. Городок пыльный, большой. На улицах непрерывное движение, машина за машиной. Немедля отправил отсюда очерк «Единоборство» о танкисте Фокине из 6-й бригады, уничтожившем за 2 боя 11 танков и 5 орудий[65].

Увидел здесь Алешу Суркова. Ругается. Тоскует по Западному фронту. Встретил Федю Константинова — лектора ЦК, бывшего зав. отделом библиографии «Правды», ныне корреспондента Информбюро. Его уже начали тягать делать доклады для партактива, для жителей.

Сняли хатку на окраине. Позже выяснилось, что рядом — зенитки, а с другой стороны — аэродром. На Россошь налетов не было недели две. Зато тогда — три дня подряд. В дым разбило вокзал, депо, поезд. Много жертв.

1 июля

Россошь. Получали бензин, всякие карточки. От редакции ворчливая телеграмма — недовольны оперативной информацией, предлагают мне взять это лично на себя.

Встретил Рузова — корреспондента «Известий». Он только что вернулся из 21-й части[66]. Три дня назад немцы начали там сильное наступление. Очень много танков и авиации. Самолеты крестят все слева направо. Его сопровождали от передовой до Валуек. Валуйки не трогали 4 дня — сейчас (вчера) начали опять. В городе пустынно.

Бомбят и Овчинниково по старым следам (там было ПУ ЮЗФ)[67].

Вечером пожелали друг другу спокойной ночи. Только на войне познаешь истинный смысл этих слов.

2 июля

День тихий, солнечный. Утром прошел разведчик, довольно низко. Зенитчики хитро молчали. Вечером узнали, что все наши корреспонденции с 29 июня лежат на узле, некоторые отправлены самолетом.

...!!!

К вечеру натянуло облака. Видимо, будет дождь. Я, Антропов и Рузов собираемся играть пульку.

Собрались, просидели до 3 ч. утра.

3 июля

Россошь. В сводке появилось: «Сегодня бои с наступающим противником на Белгородском и Волчанском направлениях». Речь идет об участках 21-й и 28-й [армий].

На участке 21-й они еще в конце мая рванули восточнее Тернового (отбитого ими обратно) двумя дивизиями и 200 танков. Пошли быстро. Заняли Волчанск, потом вышли к Осколам.

На участке 28-й заняли Ольховатку (плакала Сашкина фуражка), Волоконовку. Т. о. ж. д. перерезана в двух местах.

Пошли делать информацию. Связи с частями нет, только по радио.

Утром летал над Россошью самолет. Сбросил пару бомб у вокзала.

Узнав о нашем приезде, из поезда «Красный артист» прилетела Боде. Рассказывает о страшной бомбежке Валуек. Бомба попала в поезд. Кругом убитые, раненые. Останавливала бойцов, заставляла оказывать помощь под бомбежкой. Вся была залита кровью. Ушла оттуда пешком!

4 июля

Россошь. Днем пролетело 4—5 самолетов. Шли на 2000—3000 метров над центром города. Я как раз брился. Зенитки. Рядом с нашей хатой — батарея. Аж стекла зазвенели. Сын хозяйки Виктор прибежал тревожный:

— Лазарь Константинович! Кипяток-то продолжать кипятить?

— Давай, давай.

Сразу успокоился и занялся делом. Видимо, это были разведчики. По всем правилам надо ждать налета. Сейчас немецкая авиация зверствует. Бомбят города один за другим, стремясь морально подавить. Вчера или позавчера сильно утюжили Острогожск (сейчас его эвакуируют), Лиски и др. города.

Приехал Ляхт. Рассказывает, что все дни немцы сильно и днем и ночью бомбят Воронеж. На днях днем налетело 52 самолета. Утюжили без всякого сопротивления. В гостинице осталось 12 человек — переехали жить в подвал, штаб разбежался. Учреждения уже два дня не работают. Толпы жителей уходят пешком. На обочинах шоссе стоят сотни людей, молча протягивающих вперед полулитровки. Шоферы за подвоз берут по 3—5 тыс. рублей. Столовые (даже обкома и ДКА) не работают.

Город психологически подготовлен к сдаче, хотя несомненно, что армия будет его защищать упорно. Это слишком важный пункт, да и рубежи (Дон, Воронеж) солидные.

Началась эвакуация. Готовят ко взрыву. Кое-что неладно. Из Киева эвакуировали рацию в 50 kW (типа «Коминтерн»). В Воронеже ее демонтировали. А сейчас готовят ко взрыву.

Судя по разговорам, немцы заняли Касторное, находятся в 40—60 км от Воронежа, заняли Большие Лавы, снаряды ложатся у Валуек.

Вечером на 6 машинах выехали ночевать в хутор Висицкий (7 км от Россоши). Военных тут нет. Приехали сюда: я,

Устинов, Антропов, Константинов, Ляхт, Куприн, Рузов, Зельма, Липавский. Заняли несколько хат. Потолковали. Сели играть в пульку. Кончили в 4.

5 июля

Утром все разъехались по делам. Я остался писать очерк. Хочу написать «Руки пахаря» о бронебойщике Переходько, уничтожившем за один бой три танка.

Хатка наша небольшая, да и все село небольшое, вытянулось по склонам песчаной горы вдоль яра. Хозяйка уложила нас на перинах и подушках. Выспались чудно. Утром прибрала, на пол насыпала листьев сирени для запаха, на окно — ромашку и шелковицу, на стены — ветки сирени. Уютно, чисто.

6 июля

Устинов вчера уехал снимать в танковую бригаду, расположенную к N[68] от Россоши. Остальные — в городе. Часиков в 12 я поехал в Ново-Постояльный в ПУ. Там застал большое оживление. Все укладываются. Немедленно послал машину за Устиновым.

Ожидая, наблюдал непрерывный цирк немецкой авиации. Шли бомбардировщики, истребители. Поблизости каждые 15—20 минут стукали зенитки. Иногда трещала одиночная пулеметная очередь. Пошел бриться — опять под зенитки. Брадобрей Каминский побрил молниеносно, но худо.

Часика в 3 разыгрался над селом на высоте 200—400 м воздушный бой: 3 мессера и 2 наших. Длился минут 10—15, долго! Одного сбили (какого — неизвестно), летчик на парашюте — километрах в трех.

Часов с 4 дня машины начали уходить. Приехали Устинов и Боде. Устинова я послал в хутор за вещами. Ребята встревожены (немцы находятся уже в 20 км от нахождения бригады), но съемку делали.

В 5 мы выехали. Ехали через Россошь. Утром и днем немцы основательно побомбили станцию, нефтебазу, эшелоны. База и один эшелон горят. Дым огромный.

Машин до хрена. Наш маршрут дан через Богучар, но регулировщик говорит, что там переправы нет, и направляет на Белогорье. Едем туда.

Несколько налетов. Останавливаемся в лесах. На дорогах видны свежие воронки.

Не доезжая километров 15 до Белогорья, встречаем (часиков в 9 вечера) возвращающиеся машины. Что??

Переправа горит. Решил ехать дальше. Машин все больше и больше. Вот и подступы к Белогорью. С горы в полутьме видно несколько больших очагов пожара. Горит почти весь городок, в т. ч. и переправа. Бомбить ее начали с 2 часов дня, но подожгли около 8 часов вечера.

Решаем ехать на соседнюю переправу против Павловска (село Басовка). Огромный поток. Узнаю, что в леске находится дивизионный комиссар член Военного совета Гуров[69]. Нашел, представился. Знает. Просит подождать. Пока выясняется где что, лежим. Ночь. Ракеты. Бомбежка. Устинов — заяц. Потеряли Гурова. Снова ракеты. Принимаем решение пойти к переправе пешком. Ракеты, бомбежка, пулеметы. Перевернутые машины. Разбитая рация «Nord». Раненый лейтенант-киевлянин.

Идем пешком. Отъезд Курчанкова. У переправы дискуссия бат[альонного] комиссара с бойцами. Плоты. Бакенщик. Конники. Переезд. Поход. На машинах. Вокруг раненые — легко и тяжело.

7 июля

Казинка. Здесь застали несколько человек из ПУ. Остальные съезжаются. Где остальные ребята — неизвестно. Руководит всем делом замнач. ПУ полковой комиссар Александров. Ведем беседу, днем поспали несколько часов.

Эвакуируют скот, слухи о бомбежке школы, все сидят в погребах. Весь день в воздухе немцы. Пикируют на аэродром и паромную переправу, бомбят ее второй день, но ничего сделать не могут.

Народ из ПУ подъезжает. Едут через Старую Калитву (на пароме) или через Богучар, там мост, хотя и бомбят, цел. Через день его зажгли, и машины шли через огонь, заливая его ведрами, и по огненной улице.

Вечером распространился слух о взятии Павловска — десант. Устинов переживает. Я успокаиваю, бойтесь очевидцев!

Ночевка. Часть машин ушла дальше.

8 июля

Утром поехали. Я и Боде с Александровым. Дорожные впечатления. Солдаты. Раненые. Эвакуировавшиеся беженцы. Куда они идут? Жена Г[ероя] С[оветского] С[оюза] Григорьева.

В 5 часов прибыли куда надо — штаб в Калаче, ПУ — в хуторе Николинка. Пообедали. Концерт вахтанговцев, отличный спектакль. Они на фронте с февраля.

9 июля

Николинка. Ребят наших все нет. Искупались, позагорали. Устинов завтра поедет по всем переправам искать Курганкова. Как передает радио, Совинформбюро сообщило: 1. о создании Воронежского фронта[70]; 2. о больших боях на ЮЗФ. Немцы пишут о большом нашем наступлении на орловском направлении («большие силы, наши части в ряде пунктов переходят в контратаки»). Очень интересно.

Вечером дежурный доложил, что пришла машина за корреспондентом. Пошел. Курганков! Испытал до х... Ждал нас час, затем бомбежка, ракеты, решил, что надо ехать, а без нас-де лучше, надежнее. Бомбили его три дня. От переправы к переправе. Перебрался к станице Вешенской, в 100 км от Ростова. Ехал на керосине, доставал в МТС. Отлично!

Корреспондентский корпус, оказывается, в Урюпинске. Ух, куда их занесло!

10 июля

Николинка. Немцы сообщили, что заняли Воронеж. Липа! Просидел все утро в разведотделе у полкового комиссара И. Мельникова. Показал интересные материалы. Ребята в городе. Невыносимо жаркий день.

Вечером было совещание о задачах печати у замнач. ПУ полкового комиссара Александрова. Приехали Антропов, Константинов, Липавский — были в Урюпинске.

Немцы жмут до Дона и вниз по Дону. Расчет: окружить 38, 28, 9-ю армии. Идут бои на улицах Воронежа. Поблизости Дон не форсирован.

11 июля

Николинка. Проснулся в 6 ч. утра. Ясное голубое небо. Уже третью ночь спим непосредственно под яблоней, хорошо!

С 6 ч. утра до 9 ч. в воздухе непрерывно шум моторов. Идут высоко, невидно, на восток.

Днем все гудят — то наши, то «тощие» мессеры. Четыре мессера в течение получаса пикировали и расстреливали бензобазу в Калаче. Зажгли, было 3 грандиозных взрыва. Сбросили несколько бомб на соседний с нами аэродром, зажгли у нас на глазах Р-6, погнались за ТБ-3 (тот шел прямо на них), но тот ушел чудом.

Незадолго до этого был над нашим хутором воздушный бой. Стрельба из пулеметов. Но безрезультатно.

Липавский рассказал, что жил рядом со штабом 21[71]. К слову говоря, до этого путешествия он в течение недели 8 раз менял место.

Ляхта и Куприна что-то все нет.

14 июля

Сталинград. События развивались так. Штаб решил переехать в хутор Ново-Анненковский. В ночь с 11 на 12 мы выехали. Газетчики решили идти самостоятельно. Отправились я с Устиновым, Липавский со Щукиным, работники «Сов. Украины» на полуторке. Ночь непроглядная. Дорогой моя машина села — сломалась шпонка задней полуоси. Мой шофер и шофер Липавского Жеребцов два часа во тьме в степи что-то стругали, ладили и все-таки сделали. Через 20 км опять сломалась. Полуторка взяла нас на буксир. Машин — море. Пылища — каракумовская, солнца не видно. Дотянули до ближайшей МТС — оставили машину ладить.

На переправе через Хопер я увидел Рузова, затем Куприна — разыскивали меня. С Куприным поехал в Урюпинск — нашли там Ляхта. Слава богу, все целы. Оттуда — в Ново-Анненковскую.

Вечером 12-го, когда мы не успели еще расположиться, пришло сообщение о преобразовании нашего фронта в Сталинградский и выезде нас в Сталинград. Поехали опять. Но-

чевали в казацком хуторе Витютин. Вечером сегодня прибыли в Сталинград.

Около города много техники, танков, на запад и юг непрерывно идут составы с танками, орудиями, зенитками. Приятно!

15 июля

Все попытки, предпринятые для связи с редакцией, безрезультатны. Телефон не работает, телеграф забит по пробку. Ночь на сегодня просидели с Липавским в обкоме, дожидаясь ВЧ. В час ночи к Чаянову[72] (1-му секретарю обкома) приехал Хрущев[73]. Мрачный. Сидел до 4 утра.

Я пару часов говорил со вторым секретарем Прохватиловым и двумя другими секретарями. Рассказал о положении. Для них — новость. Сталинград до вчерашнего дня полностью спокоен. Сегодня и город и секретари нервозны. Повсюду пошли директивы: в случае чего — уничтожать, вывозить. Последними уходят райкомы. Это хорошо.

Сталинград пока не бомбят. Но очень сильно бьют по узлам, в частности Поворино. В итоге только сегодня получили «Правду» за 7 июля — раньше получали на 3-й день.

В 5 ч. утра связался по ВЧ с редакцией. Поспелов был очень рад: «Мы вас потеряли, послали Потапова[74] и Болкунова из Саратова искать». Говорил потом с Лазаревым. Предложили прилететь, чтобы рассказать обо всем.

В 8.40 утра я и Устинов вылетели. Летели вдвоем на целом «Дугласе». Шли бреющим. Я спал всю дорогу — Устинов разбудил над Москвой. Пришли в 12.20.

Вечером докладывал обо всем Поспелову, Лазареву. Все меня чуть не похоронили.

Обрисовал обстановку: немцы рванули танками от Коротояка до Вешенской, пехота отстала — в эту прореху ринулись наши части. На левый берег немцы нигде не переправились, но создана очень серьезная угроза нашим армиям, еще остающимся там (на правом берегу), и всему Южному фронту.

Тем паче, что, усиливая клин, немцы начали наступление на лисичанском направлении и заняли Миллерово. Южный фронт волей-неволей должен податься.

Наши части отходят без боев. Как заявил мне вчера вечером нач. ПУ дивизионный комиссар Галаджев[75], за после-

дние три дня соприкосновений с противником не было. Мы занимаем оборону по левому берегу Дона. Подошла 5-я резервная армия. Прибыло еще 200 самолетов. Хорошо!

16 июля

Общее внимание приковано к Воронежу. Стоит отлично. Бои идут на улицах, и немцев заставили перейти к обороне. Командует там Голиков[76], членом ВС у него Мехлис.

На Калининском [фронте] немцы тоже предпринимают атаки, но небольшие. На Западном мы — то же самое.

17 июля

Был у Коккинаки. Встретил, как брата. Говорили долго. Занимается по-прежнему выжиманием максимума с самолетов из своих многочисленных заводов. Как раз сегодня в полете предложил Ильюшину[77] сделать самолет для тарана.

— Вот это будет дело. Надо бить, а самому быть целым. Как правило. А по нолям — это к чертям. Правда, иногда надо таранить. Вот тут на днях пришло два разведчика немецких. Ходили на 5000 м. Все кольцо палило, весь город смотрит, зубоскалит. Ушли — обидно. Да я бы сам первый пошел таранить!

Очень опечален гибелью генерала Логинова[78] — своего друга, командира дивизии. Эту дивизию Володя собирал для себя, выдергивал по одному человеку отовсюду. Сейчас — лучшая дальняя дивизия.

— Хочу пойти на фронт. Тошно стало. Раньше хоть инспекционными делами занимался. Летал на Эзель по бомбежке Берлина. Вернулся — Сталин принял через 2 часа. Летал на юг — то же. Обещал, что потом пустит. Вчера подал заявление: пишу совершенно конкретно, что летчики летать не умеют, прошу разрешить научить, показать, доказать. Жду ответа.

25 июля

Редакция приняла решение остаться мне в Москве, сесть в прежнее кресло. Пока отписываюсь о поездке, пишу передовые — написал две: о стойкости и о задачах авиации (напечатана сегодня).

В связи с передовой об авиации позавчера говорил с командующим ВВС РККА Новиковым[79] (в 3 ч. ночи по вертушке). Он просил обязательно поставить следующие вопросы: бить в первую очередь танки и артиллерию, бить бомбардировщики, хорошо маскировать свои машины и притом каждый день менять лицо аэродрома, знать оружие (в частности, штурмовика — «там всего до черта»), менять тактику.

— А как с тараном?

— Я бы его не популяризировал. Раз подошел близко — стреляй.

Вчера вечером долго говорил (в 3 ч. ночи по вертушке же) с командующим авиацией дальнего действия генерал-лейтенантом Головановым[80]. Особенно он напирал на маневр.

— Маневр позволяет усиливать авиацию многократно. Один самолет стоит при маневре трех. А без маневра — три самолета работают как один. Вот немцы, посмотрите, как маневрируют. Кидают все куда надо. Сначала в Керчи, потом — на юго-запад. И не отвлекаются. А самолетов у них меньше, чем у нас. Это точно, по документам.

Зашел разговор о взаимодействии. Жалуется:

— Просили меня помочь под Воронежем. Надо было занять село у единственной немецкой переправы через Дон. Договорились. Мы работаем с 12 до 3, а в 3 ч. утра встает пехота в атаку. Начали. Метода: сначала сотки (меньше у нас нет, мы мелочью не занимаемся), потом 250 кг, потом 500, потом — тонну. Нагнетаем мораль. Пехотинцы аж аплодируют. Кончили. А они пошли в атаку в 9 ч. утра. И залегли, конечно. «Там, говорят, стреляют». А вот другой пример. Там же. Укрепился немец отчаянно, не могли взять. Побомбили. Пехота пошла сразу и взяла без выстрела! Но таких примеров довольно мало.

Мы разработали свою тактику. Массированные налеты. Это — наше. Вот англичане сейчас применяют. Начали-то ведь мы. И сейчас применяем, но своеобразно. Массовый налет поодиночке. Раньше шли скопом и бомбили по ведущему. Если ведущий штурман нацелился правильно — все кладут правильно, если нет — все кидают впустую. А поодиночке — каждый целится. Да и проскочить легче.

Положение на фронте становится все тяжелее. Немцы яро жмут на юг[81]. Сейчас бои идут в районе Ростова (причем вчера ставка Гитлера сообщила о взятии города, а за несколько

часов до этого передавали: «По сведениям из Берлина, взять Ростов сразу нельзя, т. к. большевики сильно заминировали весь город»), Новочеркасска и Цимлянской. В Цимлянской немцы яростно стараются форсировать Дон. Вчера одному полку удалось это сделать, но его уничтожили. К концу дня последовала новая атака и нескольким подразделениям, как сообщает «Красная звезда», удалось вклиниться на южный берег. Бои продолжаются.

Лазарев считает, что если удастся удержать Ростов еще несколько дней, то его судьба будет решена положительно и наступление немцев выдохнется.

На других участках — сравнительно тихо. На Ленинградском фронте наши начали наступление и с удивлением обнаружили пустоты в немецкой обороне. Видимо, перебросили войска южнее. В частности, вернулся из партизанских отрядов из Брянских лесов наш военкор Сиволобов[82]. Он говорит, что в районе Орла и Курска немцы сконцентрировали очень много войск. Не собираются ли они оттуда начать наступление на Москву?

Наши самолеты начали часто летать группами ночью на Кенигсберг (головановские). Это отрадно.

Сейчас 2.30 ночи на 26 июля, минут пять постучали зенитки. Ночь лунная, ясная. Ничего не видно. На днях бомбили Сталинград.

Представляю, как драпают сейчас люди, эвакуировавшиеся из Москвы в Баку, Тбилиси. Пока нет приказа об эвакуации промышленности Кавказа. Вывозят только нефть и хлеб.

26 июля

Положение на юге столь же сложно, немцы продолжают напирать. Бои идут на окраинах Ростова. У Цимлянской им удалось переправиться даже танками, и они немедля растекаются по берегу, чтобы расширить прорывы и обеспечить побольше переправ. На других фронтах тихо.

Из третьей поездки по партизанским районам вернулся наш корр. Мих. Сиволобов. Пробыл больше трех месяцев на сей раз. Попыхивает по-прежнему трубочкой, но рассказывает невеселые вещи.

Немцы двинули на этот партизанский край танки, авиацию, артиллерию. И раздавили. Все деревни сожжены дотла.

Жители ушли в лес и образовали так наз. гражданские лагеря. Отряды подробились. Большим отрядам жить нельзя: ни спрятаться (они прочесывают леса), ни прокормиться. С харчем очень туго. Последние два месяца отряд, где был Сиволобов, питался только мясом (коровы и лошади). Видеть мясо уже не могли. Хлеба нет, картошки нет, ничего. Курили рябину.

У гражданских (кочующих деревень) лучше. Они кой-чего все-таки припрятали. В частности, прятали в искусственных могилах. Немцы прочухали — начали разрывать: глядь, взаправдашний немец лежит!

Террор страшный. Во многих местах расстреливают детей старше 10 лет — «большевистские шпионы». Среди ребят и верно много наших помощников — молодцы, не боятся.

Но, несмотря на это, партизанские отряды действуют, в частности по ж. д. Брянск—Рославль. Не проходило дня, чтобы ее не подрывали. Немцы охраняют ее зверски: понастроили через каждые полкилометра будки с блиндажами, ходят патрули, у всех мостов на 200—400 метров вырублен лес, ночью — ракеты. Научились, гады! И все же рвут!

Сиволобов был, конечно, отнюдь не корреспондентом. Он был одним из руководителей отряда (командир, комиссар и он), ходил на операции. Перед последним вылетом в отряд (в апреле) он, к слову говоря, летал туда и свез им две тонны боеприпасов на «Дугласе». Перед этим был у командующего фронтом генерала Жукова[83], долго толковал с ним и взял у него самолет.

Сегодня снова, после 2,5-месячного перерыва, дежурил по отделу.

От Мержанова[84] телеграмма: «Все живы». Слава богу! А то уж мы Южный фронт совсем потеряли.

30 июля

Вчера стало известно о приказе т. Сталина по Южному фронту. Очень резкий и серьезный. Смысл: больше отступать нельзя, отход с позиций без приказа — преступление перед Родиной, ни шагу назад. Создаются заградотряды, для командиров, отошедших без приказа, — разжалование и штрафные батальоны, для рядовых — штрафные роты, для бегущих —

расстрел на месте. Приказ указывает, что Ростов был сдан без приказа Ставки, а держать его было можно.

Прилетал Михайловский. Он в ВВС Калининского фронта у Громова[85]. Говорил — немцы сняли почти всю авиацию с Калининского фронта и перекинули на юг. То же говорят и наши ребята по Западному фронту.

Бои сейчас идут в излучине Дона и южнее Ростова. Немцы, видимо натолкнувшись на растущее сопротивление, сегодня пишут, что битва за Кавказ еще впереди. На других участках — сравнительно тихо.

Вечером был у В.С. Молокова[86]. Еще перед отъездом на фронт я узнал, что его освободили. Вместо него назначили генерал-лейтенанта Астахова[87]. Был он тогда у Маленкова[88] и Молотова, но ничего конкретного на будущее не обещали. Маленков велел заняться некоторыми делами, связанными с перегонкой самолетов. Василий Сергеевич слетал месяца полтора назад в Крест-Хольджай, поглядел и с тех пор сидит дома, ждет дальнейших указаний. Несколько обескуражен.

За ним сохранили квартиру, машину, ставку, наркомовский паек, кремлевку, всякое прочее.

Встретил меня великолепно. Посидели часика три. Выпили, закусили. К моему приходу Надежда Ивановна испекла сдобные булочки и пирог с рисом — очень и очень!!

Потолковали об авиации. В.С. весьма обрушивался на отсутствие инициативы у многих авиакомандиров. Говорили о гражданских летчиках. Очень хвалит их на войне: вся предыдущая работа готовила и закаляла их. Высказал он мысль о создании «пиратской» авиации, задача которой клевать то, что увидит. А в нее — летчиков из авиации спецприменения. Очень интересная мысль.

От Молокова позвонил в редакцию и узнал, что меня разыскивает Погосова. Позвонил ей. Оказывается, вчера из Мурманска приехал Сашка[89]. В 23.15 я отправился к нему.

Он уже почти полгода в Мурманске, занимается погрузкой и разгрузкой американских и английских пароходов.

Рассказывает интересные вещи. Приходят они караванами по несколько десятков судов. Английские — всякого тоннажа, американские — большинство новые, очень добротные, не меньше 10 000 тонн. Американцы — народ отличный, но

под их флагом плавает и много других — бразильцев, бельгийцев, чехов и т. п., — это шпана. Англичане держатся хмуро, заносчиво. Сашка рассказал любопытный случай. Понадобилось ему выговорить оборудование с одного английского парохода. Пришел. Капитан, с которым и раньше холодно встречался, встретил нелюбезно. Зашли в каюту. Капитан сел в кресло, предложил Погосову место напротив и вдруг положил на стол ноги в резиновых ботах, прямо под нос Сашке. И закурил сигару. Сашка неторопливо достал портсигар, закурил «рашен сигаретт», положил на стол ноги в болотных сапогах и продолжал курить, сбрасывая пепел на ковер. Англичанин опешил, с минуту сбрасывал пепел в пепельницу, затем снял ноги и учтиво спросил: «Чем обязан?» В итоге — дал все, что просил Сашка.

Мурманск бомбят усиленно. Пострадало с полгорода. Основательно досталось и порту, но тем не менее работает на 95% своей мощности. Несколько кораблей — на дне. В день бывает до 10—12 тревог, т. е. налетов. Порой налетает до сотни самолетов. Силен и отпор — очень часты воздушные бои, хорошо бьют зенитки.

Сашку ранили. Одна бомба взорвалась перед окнами, осколки и стекла — в морду. Наложили 18 швов, причем сначала залатали в порту, а затем главхирург Северного флота доктор Арапов, когда доставили к нему, все расшил и зашил по-своему («когда заживет — меньше заметно будет»). И верно, сейчас — почти незаметно. Получил Сашка медаль «За боевые заслуги» — отвалил Папанин[90]. Сашка просится штурманом в военную авиацию — не пускает. Guarantee allow.

Довольно серьезны потери союзников на море. По сему поводу Сашка рассказал две истории.

Однажды к нему пришел представитель английской миссии, ведающей приходом кораблей, в сопровождении какого-то английского дяденьки. Представил его и сказал, что дяденьке повезло дважды. Их торпедировали. Было много убитых. Дяденька — что-то вроде замглавы английской морской миссии в СССР. Спустили шлюпки. По традиции дяденька вместе с капитаном сошел последним на плот. Спустя какое-то время их встретил немецкий катер. Спросил: «Откуда?» — и забрал капитана, остальных оставил. Немцам было невдомек, что тут есть птица поважнее. Повезло действитель-

но дважды. Сашка спросил: как нравится у нас в водах? Дяденька ответил: «Теперь я начинаю понемногу понимать, что война тут иная, чем на Западе».

Второй случай. Подорвали какой-то американский корабль. Экипаж — на плоты и шлюпки. Плоты потеряли. Поручили Моте Козлову[91] найти. Долго бился, отыскал на западной стороне Южного острова Новой Земли. Сел. На «Консолидейтеде». Сначала американцы руки вверх. Сказали им, что русские летчики. Обрадовались, руки целуют. Ероплан качается на плаву на якорях. Все на берегу, кроме второго пилота и механика. Вдруг вынырнула немецкая субмарина (и это у Новой Земли!!), открыла огонь. Ероплан потопила, механика убили, пилота ранили. Сейчас вся труппа в Амдерме уже, будут вывозить на самолете.

Рассказал о рейсе «Красина». Он был в бухте Провидения. Пошел вниз, прошел Панамским каналом, затем вверх, через Атлантику, Англию, Исландию — к нам. Сейчас снова в Арктике. Вел Миша Марков, получил за это Красное Знамя. Корабль не узнать: пушка, зенитки, пулеметы, караван — легкий крейсер!

Во время нашей беседы пришел Володя Камразе — бортмеханик. Сейчас он в авиации дальнего действия у Голованова, инженером эскадрильи. Летал недавно на Курск («Шли на 7500. Разведка, фото. Фронта не чувствовал. Зенитки не били. Летал, как в мирное время»).

Звонил Юрка Орлов. Улетает завтра в Архангельск к Папанину. Вот молодец. С начала войны не слазит с самолета. Сколько раз летал в Мурманск. Скольких людей вывез из Ленинграда! Сколько овса, боеприпасов, харча, людей возил в тыл к Белову[92] с его корпусом!

Когда я уже уходил — столкнулся с Леней Рубинштейном. Прилетел вчера с Крузе из Красноярска, завтра улетает на своем «Дугласе» на юг, на Кавказ.

Сколько людей встречаешь в один день на перекрестке! Как покидала всех война. Люблю эти встречи на полустанке.

Вчера был у меня наш корр. Михайловский. Он — в ВВС Калининского фронта у Громова. Юмашев[93] там замом, Байдук[94] командует отличной дивизией штурмовиков. В оперотделе у Громова — Хват[95], спецкором «Сталинского сокола» — Регистан[96].

Только что Соловейчик[97] из «Красной звезды» сообщил, как меня похоронили. После сдачи Севастополя они потеряли всякий след своего корреспондента Иша[98]. Начали розыски, справки. Люди, разыскивавшие Иша, сообщили телеграфно: «Иш, Корбут («Красный флот») и Бронтман остались в Севастополе, не вышли». Это совпало как раз с тем, когда обо мне не было сведений три недели.

Слух распространился по всей «Красной звезде», начал идти и по другим газетам. Все приняли за чистую монету. Даже жалели!

Вообще же потери в газетном корпусе очень серьезные. Вчера мы получили сообщение от Мержанова, что на самолете погиб корреспондент «Красной звезды» Вилкомир[99]. Сообщили Ортенбергу[100].

— Знаю, — ответил он. — Это уже 12-й.

Рассказал я об этом Чернышову из «Комсомольской правды».

— А у нас одиннадцать, — сказал он.

У нас с начала войны погиб Певзнер[101] (в киевском окружении был ранен, еще раз ранен, застрелился), убит на Ленинградском фронте Атич, пропали без вести Ратач и Нейман (в киевском же окружении), разбился на самолете Евгений Петров[102].

Во время майского изюм-барвенковского окружения пропали без вести Мих. Розенфельд и Мих. Бернштейн (оба в последнее время работали в «Красной звезде»), Наганов («Комсомольская правда», был в Одессе, Севастополе), Джек Алтаузен[103] и много армейских газетчиков.

В Севастополе погибло (видимо) много газетчиков, не успевших уехать, в том числе Иш, Корбут, Хамадан[104].

В киевском окружении погибли Огин (он же Шуэр)[105], Лапин[106] и Хацревин[107] (все — «Красная звезда»).

Во время окружения 19-й армии осенью прошлого года на Западном фронте погиб вместе со всей армейской газетой бывший правдист Лев Перевозкин, писатель Штительман[108] и др.

31 июля

От нашего корреспондента по Южному фронту получил воздушной почтой корреспонденцию от 28 июля. Пишет, что немцы подошли к Манычу, наши части перепра-

вились на южную сторону канала, удерживают за собой переправу.

На Калининском фронте вчера началось крупное наступление наших частей. Слухи о нем ходили уже несколько дней. Наши части прорвали оборону, занимают один пункт за другим. Бои идут в глубине немецкой обороны на Ржев. Похоже, что Ржев нами уже взят[109]. До поры до времени нам предложено ничего о Калининском фронте не писать.

День серый, дождливый.

В районе Калача (Сталинградская обл.) немцы сосредоточили 8 дивизий и авиационный корпус и пытаются прорваться к Дону на этом кратчайшем радиусе. Бои идут шесть дней. Пока удается отбиваться.

4 августа

Говорят, есть приказ: выстоять! Стоять — не отступать, выстоять во что бы то ни стало[110].

Надо дать передовую.

Наступление на узком участке у Гжатска. Самолеты поставили непроницаемую дымовую завесу. Серая пелена, толщиной в 6,5 км и такой же высоты, окутала лес. Наша пехота, невидимая для врага, бросилась вперед и обрушилась на доты, дзоты и пр.

Передний край был сломан бойцами Берестова. «Наши войска, с боями овладевая опорными пунктами немцев, развивали успех».

В 23 ч. мне позвонил Вадим Кожевников[111] и обиняками рассказал, что он был там и очень удовлетворен виденным:

— Немцы накануне начали чего-то двигаться. Стреляли, обрушивались огнем. Мы молчали, засекали. А утром дали жить, вплоть до «катюш». Вообще, сосредоточено всего — я еще не видел столько.

Все было опытно-показательно. Лучшие методы — и наши и немецкие, лучшая техника, образцовое взаимодействие, безукоризненная точность (минута в минуту), лучшие генералы. А было нелегко. Прошли сильные дожди. Все размокло. Я шел с маршем. И, несмотря на дорогу, прибыли в срок. В 7 часов утра уже с воздуха можно было видеть пеше-

ходов (т. е. отступающих), а на земле — пленных. Перешли на ту сторону, заняли много пунктов.

— О чем напишете?

— Об артиллеристах.

— Покажите, Вадим, стойкость.

— Не могу. Эта проблема у нас не стоит. Это — у соседей разных.

К слову говоря, часиков в 7—8 вечером я звонил по вертушке Шевелеву[112]. Только начал с ним говорить, он извинился: Подожди, у меня на трубе Западный фронт»...

В трубку было слышно, как он говорил: «Понятно... понятно... ясно...» А затем сказал: «Так вот, Новодранов[113] дает 38, такой-то — 36, такой-то — 25 и т. д.» Было ясно, что речь идет о помощи самолетами. Получалось, что одно только ведомство Шевелева дает для операции около полутораста самолетов. Сейчас ясно, о чем шла речь.

Шпигель написал, показал Поспелову. Утвердил. Рассказал о нашем наступлении — выслушал очень внимательно. Затем я попросил отпустить меня на несколько дней в авиачасти — показать, что такое есть мастерство летчиков.

— Очень хорошо. Только немного позже. Сейчас надо, чтобы вы были здесь. Может быть, надо будет куда-нибудь послать. Может быть, даже в связи с тем, что вы сейчас рассказывали.

У нас в клубе, оказывается, действует бильярд. Сегодня, в разговоре с Кокки, случайно упомянул об этом. Прямо загорелся.

— Во сколько встаешь?

— Обычно в 2—3.

— Поздно! Давай не поспи, часиков в 12—13 встань и сыграем завтра. Идет?

Я согласился.

8 августа

5 августа в ЦК было совещание (у завотдела печати Пузина) о работе и нуждах военных корреспондентов. Меня не звали. Я проинструктировал своего зава Лазарева.

Сыграл с Кокки на бильярде (одну выиграл, вторую продул, контру — тоже).

Позавчера Лазарев попросил меня оформить проект решения ЦК по этому вопросу. Я написал. В основу положил консультации, допуск в части, уравнивание с командирами, обеспечение питания и обмундирования, пенсионное обеспечение семьи в случае гибели, освобождение от военного налога.

Приехал с Калининского фронта Хват. Худой как жердь. Был месяцев 8 в Ташкенте, потом написал несколько писем с предложением услуг: Громову, А.С. Яковлеву[114], Е.К. Федорову[115], Н.Н. Кружкову[116]. Любопытна их судьба (писем).

Громов немедленно прислал телеграмму: «Ты необходим для важной работы. Немедленно выезжай часть».

Левка вылетел и стал работать у него (с 20 июля) в оперативном отделе штаба ВВС Калининского фронта.

Яковлев письмо получил и тут же забыл о нем — Левка вчера ему звонил, и разговор был весьма и весьма прохладный. Вот зазнался!

Женя Федоров узнал то, что просил Хват, но все не собрался ответить.

Колька Кружков прислал ему литер и приглашение работать в редакции фронтовой газеты СЗФ[117] «За Родину», которую он редактирует.

Сегодня утром перед сном сидели мы — Хват, Гершберг и я — и вспоминали последнюю газетную сенсацию перед войной — раскопки гробницы Тимура[118], на которых Левка был спецкором ТАСС. Ну и баталия была!

В сводке появился Кропоткин. Ух! Вот и еще одно место, где бывал, занято врагом.

Приехал с Воронежского фронта Цветов[119]. Немцы заняли почти $^3/_4$ города. Вывезти мы почти ничего не успели. Зарылись, гады, в землю по уши, вышибить их невероятно трудно. На третий день занятия рубежей немцы уже начали укреплять их стальными конструкциями, бетоном.

Лишь в одном месте мы их основательно жмем: около Коротояка. Там нам удалось не только переправиться, но и крепко давануть, забрать несколько пунктов.

Был Левитский с Северо-Западного фронта. Рассказывает, что 16-я армия по-прежнему сидит на своем месте, сохраняя плацдарм. Питают немцы ее по коридору шириной в 7—8 км.

10 августа

Сенька Гершберг рассказал очень интересную историю. Месяца полтора назад вызвал его Ярославский и сказал, что ему предстоит сделать доклад об экономических мероприятиях советской власти за время войны. Доклад — на сессии лекторов ЦК. Сенька опупел, начал отказываться, предложил кандидатуры Леонтьева[120] — члена редколлегии, члена-корреспондента АН, Косяченко[121] — зампред. Госплана. Ярославский отрезал: «Это решение ЦК. Я назвал вашу фамилию Щербакову, он сказал: «Хорошо, попробуем».

Деваться некуда. Сенька начал готовиться, написал доклад 40 стр., никогда раньше не делал этого. В назначенное время собрали сессию, кроме лекторов, были вызваны секретари обкомов по пропаганде и секретари обкомов просто — из ближайших районов (до Урала). Был ряд докладов, в т. ч. Ярославского — о текущем моменте, Минца[122] — о партизанской войне, Митина[123] — моральный фактор, полковника Толченова — военный обзор и др.

В этой компании Сенька трусил страшно. В назначенный день выступил. Читал два часа (в зале заседаний ЦК). По общим отзывам — отличный доклад, очень конкретный, построенный на неизвестном аудитории материале (ибо об экономике, а особенно об экономической политике мы ничего не пишем). Все — Ярославский, другие — остались очень довольны.

Тогда МГК[124] попросил его повторить доклад для московских пропагандистов. Сделал.

Потом ГлавПУРКК[А][125] — для военных лекторов. Сделал.

Рогов[126] — для лекторов флота. Сделал.

Начали звонить райкомы — отказался.

Но пришлось сделать еще один доклад. По решению ЦК на двух московских заводах — «Красный пролетарий» и № 23 (бывший № 22) работают проп[агандистские] группы ЦК, задача — поставить там образцово пропаганду и агитацию с тем, чтобы потом перенести этот опыт на всю страну. Сделал и для них.

Сейчас ему позвонили и сказали, что он должен сделать этот доклад на собрании членов военных советов армий в Солнечногорске. Щербаков решил их периодически собирать для повышения их квалификации. Будут доклады о международном положении, о текущем моменте, о военном положении, о силах антигитлеровской коалиции и т. п. И Сенькин. Завтра едет.

Молодец!

По инициативе Хозяина принято решение о всемерном развитии добычи местного топлива. Даем об этом материал (статьи, заметки).

12 августа

Военное положение за эти дни не улучшилось. На юге немцы продвигаются все вперед. Бои идут на Северо-Кавказском фронте, как сообщает сводка, в районах Черкасска, Краснодара, Майкопа. На Сталинградском фронте — в районе Клетской и северо-восточнее Котельниково (как сообщает Ляхт — около с. Тонгута). Немцы пишут, что они заняли Пятигорск, Майкоп, Краснодар и что их колонны движутся на Новороссийск и Туапсе. Как будут развиваться операции дальше? Дальше на юг идут горы. Неужели они и там пролезут?! Майкоп мы взорвали и зажгли.

На Воронежском фронте мы отбили несколько пунктов в районе Коротояка, под самим Воронежем — стандартно. На Брянском — небольшие подвижки. Наше наступление на Западно-Калининском фронте[127] развивается медленно. Прибыли оттуда Курганов[128] и Лидов[129]. Жмем на Ржев и мы, и Калининский фронт. Прошли две линии обороны, продвинулись в общем на 60—70 км. Немцы пишут, что бои идут на окраинах Ржева. Но все страшно затрудняют дожди. Из-за этого стоят танки, машины, артиллерия. Нет подвоза боеприпасов, продуктов. Даже в штабной столовой 20-й армии на завтрак дают сухари и кипяток, обед — каша и сухари. Отлично действует наша авиация. Особенно дали Ржеву.

Сегодня Вишневский[130] прислал из Ленинграда очерк, из которого стало ясно, что мы вели наступательные бои и на Ленинградском фронте. Отбили даже Урицк, не сумели удержать и отдали обратно.

Вчера звонил Бессуднов[131] с Северо-Западного фронта. Сообщил, что выезжает в части. «У нас на одном участке начинается представление». Ну что ж, Бог в помощь! Вообще, видимо, мы, пользуясь тем, что немцы сосредоточили все силы на юге, пытаемся рвануть в других местах.

За границей сплошной шум из-за событий в Индии. Индийский национальный конгресс, инициированный Ганди, потребовал полной автономии Индии, увода английских войск и т. п., угрожая в противном случае кампанией гражданского неповиновения. Индийское правительство разогнало конгресс, арестовало лидеров (в т. ч. и Ганди) и начало расправляться с зачинщиками и активистами кампании[132]. Дело идет. Посмотрим — что дальше.

У нас в редакции сенсация. Неделю назад московский корреспондент американского агентства Кинг пригласил Якова Зиновьевича Гольденберга (Викторова)[133] на завтрак. Посоветовался, принял. 10 августа вечером он явился в ресторан «Арагви». Там, в отдельном кабинете, его ждало целое общество. Сам Кинг, еще 2 журналиста, директор какого-то агентства, секретарь американского посольства, полномочный посол «Свободной Франции» (де Голля)[134] г. Карро с женой. Был обильный ужин, а затем начали из него пытать. Карро, выпив, разошелся, начал кричать, что он не понимает либерализма англичан, которые держат сразу двух послов — и Виши[135] и деголлевского. У Яши узнавали его мнение о втором фронте. Он сказал откровенно, что союзники тянут.

А вчера Кинг уже передал за границу, что известный советский международный обозреватель г. Викторов считает, что немцы тянут из последних сил и поэтому второй фронт весьма поможет.

Уже несколько дней в иностранной печати идут усиленные разговоры о том, что в Москве идут тайные военные переговоры военных миссий США, Англии, и называют даже Китай — о едином плане действий. Кстати, Кинг говорил Гольденбергу, что сюда приехал глава американской миссии, который привез личное письмо Рузвельта[136] Сталину.

А сегодня в Москву прилетел Черчилль[137]. Прибыл он днем на большом четырехмоторном самолете. Встречали его Молотов и другие. Снимал Миша Калашников, Кислов[138], Петров, киногруппа Кармена[139]. Миша говорит, что старик — невысо-

кий, полный, в черном костюме, очень устал, видимо, болтаться. Сразу с аэродрома он поехал в гостиницу, а оттуда — к Сталину.

Вечером был у Коккинаки. Прилетела на пару недель его жена — Валя. Посидели, поужинали. Стало уютнее.

— Видишь? — говорит Володя и показывает на сетчатую занавеску, на салфетки.

— Этой занавеской хорошо рыбу ловить, — говорит брат Володи Павел.

— Через полторы недели, когда Валька уедет, мы весь этот уют приспособим к делу.

Зашел разговор о войне. Кокки горячо говорил о необходимости организованного действия во всем, чеканных массированных ударов:

— Авиация должна действовать кулаком, личная храбрость — хорошая вещь, но 100 машин — еще лучше. Все надо делать целесообразно. Надо дать населению Германии почувствовать войну. Ну что мы раньше пускали по 2—3 машины — это буза, треск. А вот бросили сразу соединение на Кенигсберг — это вещь. Помню, в октябре прошлого года, отступая из Калинина, наши войска не успели взорвать мост через Волгу. Приказали авиации. Днем стали посылать ДБ-3. Идут на 600—800 м. У немцев — очень сильная зенитная защита. Срубили 21 машину, а мост цел. Я не выдержал, позвонил Сталину в ноябре, говорю: «Безобразие, разве так можно воевать? Я предлагаю послать десять штурмовиков и прикрыть их истребителями».

Послали, сделали.

Кроме того, иногда со скуки развлекается пилотажем. Так, на днях сделал на «сотке», к общему удивлению, иммельман[140], петлю и еще что-то.

Кроме того, договорился с ВВС о том, чтобы ему разрешили облетать все новые иностранные машины, дабы иметь о них представление. Завтра утром будет летать на американском бомбовозе «Бостон», потом на «Дугласе-7», потом на истребителе «Аэрокобра».

Посидели до часу ночи. Обратно шел пешком. Чудная звездная ночь, без луны. Падают звезды, чиркая небо, как ракеты с самолетов. На улицах пусто, изредка — машины. На углах патрули, проверяющие документы. Город насторожен.

13 августа

В сводке появились Минеральные Воды, немцы пишут, что они заняли Элисту. Прут, сволочи! Приехал Ставский, говорит, что позавчера немцы предприняли наступление в районе Белев—Киров. В первый день немного продвинулись, вчера им дали крепко по зубам. Наше наступление на Ржев, задержавшееся было из-за дождей, сейчас снова активно продолжается. Действует там у нас более тысячи самолетов, несколько тысяч орудий, в т. ч. новых.

Звонил мне Саша Раппопорт. Был он раньше газетчиком, работал на Украине в ТАСС, плавал со мной на «Сталине» за «Седовым». В начале войны бы взят в армейскую газету, оттуда перевели в оперотдел дивизии. За Тихвин получил Красное Знамя, послали учиться в Академию им. Фрунзе. Вчера вернулся, капитан. Он рассказывает, что мой очерк «Стойкость» прорабатывали в академии, до этого Цветов говорил, что читали всюду на Воронежском фронте, в частях. Приятно!

ЦК сегодня вынес постановление о работе военных корреспондентов. Указывается, что газеты и политуправления плохо и слабо руководили ими, что они торчали в тылах, давали оперативные материалы либо повторяющие сводки Информбюро, либо, порой, раскрывающие военную тайну. Предложено: сократить количество корреспондентов, утверждать их в Управлении пропаганды и агитации ЦК, сидеть в частях, главная задача — показывать живых людей.

Приехал с Северо-Западного фронта Ник. Кружков, редактор фронтовой газеты «За Родину», полковой комиссар. Нашел я его у Рыклина[141]. Сидят банкуют. Колька рассказал забавный анекдот:

— Просыпается однажды Разин. Спрашивает: «Филька, ну как я вчера — здорово выпил?» — «Обыкновенно, Степан Тимофеевич». — «Не бузил?» — «Что вы, Степан Тимофеевич!» — «Ну ладно, позови княжну». — «Какую?» — «Обыкновенную, персидскую». — «Никак нельзя. Вы ее вчера изволили в набежавшую волну выкинуть». Сел Разин, схватился руками за бороду: «Ую-юй! Вот, опять начудачил...»

Гриша ответил двумя, связанными с бездеятельностью англичан и вызванными, видимо, нервозностью нашего люда по поводу затяжки второго фронта:

— Вызывает Бог Майского[142] (нашего полпреда в Англии). «Что это вы, товарищ Майский, там за войну начали?» — «Это не мы, это немцы, мы обороняемся!» — «Позвать сюда Гитлера! Что это ты за войну там начал?» — «Я тут ни при чем. Это англичане всегда гадят». — «Позвать сюда англичан!» (Явился Черчилль.) «Мы??? Господи помилуй! Да никогда! Найдите хоть одного воюющего англичанина!»

— В одной турецкой газете была чудная карикатура. Стоит англичанин у военной карты и говорит: «Для войны нужно три вещи: деньги, солдаты и терпение. Деньги есть у Америки, солдаты у России, ну а терпения у нас хватает».

Недавно погиб белорусский поэт Янка Купала[143]. Он напился пьяным и свалился с 11-го (кажется) этажа в пролет лестницы гостиницы «Москва». Сейчас его называют очень метко «пьЯнка Упала».

Раппопорт говорит «УзбекистОн» (так его называют эвакуированные). Об эвакуированных говорят: «Дал эвака».

За последнее время мы много перепечатываем. Рыклин зовет Поспелова «Петр Перепечатник» (по аналогии с Федоровым-первопечатником).

17 августа

Официально вчера объявлено, что наши войска оставили Майкоп. С других участков ничего нет. Прилетел с юга фотограф Рюмкин, рассказывает, что картина там такая же, какую я видел на ЮЗФ. Раненые. Дети, эвакуированные из Ленинграда. Жители. В Махачкале все забито желающими уехать. Куда? Отпускаем Як. Цветова и моего зама Золина[144] в Астрахань вывезти свои семьи.

Черчилль вчера улетел. Сегодня дали коммюнике о его пребывании.

Позавчера выступал у нас профессор Ерусалимский[145], рассказывал о своей поездке в Иран и Ирак (май—июнь). Говорит, что лучше всех относятся к нам иранцы, высланные в свое время из СССР. Рассказывает любопытные подробности о так называемом курдском восстании — инсценировке, сделанной иранским правительством для того, чтобы ввести свои войска в Северный Иран (так называемый грабеж курдов, встречи на дороге, демонстрации и т. д.).

Иранская армия, по его мнению, чепуха и воевать не может, дисциплина в ней, однако, автоматическая. В английской армии (и в Ираке и в Иране) дисциплина херовая (по принципу «Хэлло, Джек»). Англичане явно стараются показать, что их больше, чем на самом деле. В индусских частях дисциплина отличная, и они оставляют очень хорошее впечатление. У иракских дисциплина — так себе.

Две мелочи из доклада. Английский вице-консул в Тегеране раньше был в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Турции, т. е. по всей границе с СССР. Отлично говорит порусски (вплоть до того, что предлагает не выпить, а «чекалдыкнуть»).

В Ираке Ерусалимский встретил наш теплоход «Арктика», вышедший из Владивостока через 2 дня после начала войны Японии с США и Англией. Он рассказывал, как во время японской бомбежки Манилы английские офицеры прятались под столы, под кровати, один сидел на корточках в углу консульства, закрыв лицо руками. Вот вояки!

Сегодня утром, после номера, решили немного посидеть. Взяли с собой свои ужины и пошли к Гершбергу: я, Гольденберг, Калашников. На столе — тьма тарелочек, 0,25 водки белой, 0,5 водки, настоянной на каком-то цитрусе, 0,5 портвейна. Мишка[146] принес кило черного хлеба, и, кроме того, было до хера наименований: бутерброды с паюсной икрой (2 шт.), колбаса украинская (4 ломтика), копченая (6 ломтиков), огурцы малосольные (1 шт.) и свежие (2 шт.), редиска (5 шт.), морковь (5 шт.), картошка (1 порция от ужина), котлеты (1 шт.). Выпили водку, портвейн, потом чай с сахаром и печеньем.

Яша Гольденберг стал хвалить свою черносмородиновую настойку. Ах, так! Вызвали машину, поехали к нему. И впрямь — чудна! Послушали Карузо, Шаляпина, Утесова (пластинки). В 10.30 утра легли спать.

Да, чуть не забыл одного обряда. В ноябрьские дни мы пили довольно много всяких испанских и польских ликеров. Миша Калашников сберег бутылочку и, когда в мае поехал в Чернолучье, захватил с собой. Там собрались по случаю приезда наши жены (Гершберг, Калашникова, Мержанова, Верховская, Зина и пр.), выпили полбутылки, а остальное решили распить, вернувшись в Москву в том же составе. Но тут

вспомнили о мужьях. Мише поручили собрать мужей, дать им пригубить, а остальное оставить до приезда жен. Вот мы и попробовали по наперстку между водкой чистой и настоянной. Благодатная вещь.

19 августа

В ночь на сегодня, в час ночи, позвонили мне домой из редакции. Я лежал, хотел чуть отоспаться, накануне не выспался.

— Где ты пропадаешь? Идет награждение 837 летчиков. Садись за передовую.

Награждали дальних бомбардировщиков. Позвонил командующему авиацией дальнего действия генерал-лейтенанту Голованову. Он рассказал мне, кого и за что наградили.

— Сегодня был у т. Сталина. Он мне сказал, что надо больше писать об АДД[147]. А то, говорит, вы — молчальники.

— А что у вас интересного?

— Ну вот сейчас, например, наши самолеты бомбят Данциг.

— Много?

— Очень много.

Сегодня днем я ему позвонил: все самолеты вернулись без потерь. «Сейчас пишем рапорт наркому, вечером ждите сообщения». Я немедленно послал в дивизию Реута и Устинова. Дали в номер снимок участников и их рассказы.

Днем был писатель Пав. Лукницкий[148] из Ленинграда. Он провел там всего зиму, а весну пробыл на внешней стороне кольца Ленинградского фронта. Очень красочно рассказывал свои впечатления после перерыва:

— Нормы хлеба: 500, 400 и 300 г. Рабочим хватает, остальным — мало. Служащие и иждивенцы варят суп из травы, пекут хлеб из нее. Вещь уже почти стандартная — на рынке лепешки из травы имеют стандартную цену. Рабочие, кроме всего, получают бесталонный обед. Но все-таки нехваток чувствуется.

Возродилось гостеприимство. Придешь к кому-нибудь, обязательно угостят. Правда, к чаю — мелехонькие кусочки сахара, но все же... Жизнь возрождается. У писателя Гуздева сохранилась даже собака — вероятно, единственная в Ленин-

граде. На улицах много народу. Гуляют, смеются, любятся. На велосипедах — очень распространенном виде движения — катают девушек. За две недели моей беготни по улицам видел только двух несомых покойников. Зимой за один выход встречал десятки, на глазах за одну прогулку умирало несколько человек. На улицах у людей не заметно экономии движений — то, что было характерно раньше. Хотя дистрофики — преимущественно старики — еще встречаются. На углу Литейного какой-то человече установил весы. Народу — отбою нет. Все хотят знать, на сколько граммов они поправились после того, как потеряли 24 кг. Вода есть. Правда, подается во дворы, иногда доходит до 1-х этажей. Поэтому — обычная картина — на мостовой стирают белье, машины объезжают. Все клочки земли усеяны огородами. Марсово поле — сплошной огород. На грядках — фамилии владельцев. У памятника Суворову овощей нет (неудобно, полководец!), зато посажен табак.

Оживленно на рынке. Деньги поднялись в цене, нужны, раньше — только меняли. Спичка (одна) стоит рубль (спичек нет, и все ходят с лупами), литр водки — 1500 руб., кило хлеба — 400 руб. Город усиленно готовится к зиме и возможному наступлению немцев. На перекрестках окна домов заложены кирпичом и бетоном, превращены в доты, много противотанковых препятствий. Особенно это заметно на окраинах. Усиленно идет эвакуация населения. Вывозят по 10 тысяч человек в день. Многие не хотят: одним жаль перенесенных страданий, другим — вещей, третьи — боятся ехать, считая, что на новом месте будет еще хуже. Немного развито воровство. Правда, некоторые, уезжая, просто настежь распахивают двери своих квартир: пусть забирают все, кто хочет.

Звонил Кокки. Говорит, что очень занят. Одновременно ведет три работы, ведет вне Москвы, сюда прилетает только ночевать.

Летает на «ВВ» — воздушная вошь, так он называет У-2. Самолет старенький, весь в заплатах (на одной плоскости — 20 дыр). Летает по 5 человек (трое в задней кабине, один у пилота на плечах). «Когда летим вчетвером, говорим: ух, и свободно же!!»

Кокки говорит, что основная его работа состоит в том, что он летает с завода на завод, где делают штурмовики или бом-

бардировщики Ильюшина, и ускоряет выпуск, передает опыт (по модификации, новым агрегатам, замене).

Кроме того, ведет работы «для себя» — то ставит дополнительные баки, то новый мотор, то какую-нибудь штуку.

Кроме того, инструктирует дивизии АДД. («Сначала в одной летали с полным весом на N часов, потом на 1,5 N часов, а я все гоню — хочу на 2,5 N».)

Кроме того, он летает на всяких машинах одного ремонтного завода (и налетал там вдвое больше заводских летчиков) — это для того, чтобы набить руку. «Я скрипач — должен ежедневно тренироваться»

30 августа

9 ч. утра. Хочется спать. Кончили газету в 6 ч., но ждал до сих пор разговора с Омском, хотел поговорить с Зиной — не толковали с полгода. Сейчас она приехала туда. Но время кончается через 10 минут, видно, не выйдет.

Вот начал новую книгу дневника. Сколько их уже, и до чего разрозненные записи! Вот и сейчас только несколько строк, надо спать.

В последние дни всех особенно тревожит судьба Сталинграда. Положение его очень серьезное. Официальная формулировка сводки «северо-западнее Сталинграда» означает на самом деле то, что немцы несколько дней назад прорвались непосредственно на окраины. К тому же в результате зверских бомбежек «по площадям» город здорово выгорел — ко всем зажигалкам был выведен из строя водопровод.

Вчера, вернее, 28 августа как будто удалось выбить немцев с окраин. Сейчас идут бои за уничтожение прорвавшейся группы.

Заводы Сталинграда не работают (по постановлению ГКО[149]), но не вывезены. Промышленники несколько раз ходили к Хозяину с просьбой разрешить эвакуацию, но он отказывал. Последний раз он заявил очень хмуро:

— Вывозить некуда. Надо отстоять город. Все!

И хлопнул кулаком по столу.

Понемногу там начинаем активизироваться. Вечерняя сводка за 29-е сообщает, что в районе Клетской нанесено поражение 2-й итальянской дивизии. Куприн и Акульшин[150] в телеграмме, данной 29.08 в 21.30, сообщают, что мы начали

наступление еще 5 дней назад в двух районах: северо-западнее Клетской и в районе Клетской. Разгромлены не только 2-я, но и 3-я, и 9-я итальянские пехотные дивизии. Немцы подтянули свои части, но и они не могут остановить.

Очень любопытное дело! Неужели это — начало мешка немцам? Когда я показывал телеграмму в 4 ч. утра Поспелову, он ее перечел дважды и долго елозил по карте.

У Сталинграда сидит начальник Генштаба Василевский[151]. У немцев там сил много: по их данным — 50 дивизий, по нашим — 25—30 дивизий.

На Кавказе немцы за последние два дня не продвинулись, отбиты. На западно-калининском фронте мы уж какой день топчемся у Ржева, на его окраинах. Очень трудно с подвозом — дороги размокли.

Был корреспондент ТАСС по Западному фронту Капланский. Он записывает журналистские песни фронта. Вот они:

ПЕСНЯ О ВЕСЕЛОМ РЕПОРТЕРЕ
(Симонов, Сурков). Июль. ЮЗФ, 1942 г.

Оружием обвешан,
Прокравшись по тропе,
Нетерпелив и бешен,
Он штурмом взял КП.
Был комиссарский ужин
Им съеден до конца.
Полковник был разбужен
И побледнел с лица.
Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
В блокноте есть три факта,
Что потрясут весь свет.
Но у Бодо[152] контакта
Всю ночь с Москвою нет.
Пришлось, чтоб в путь неблизкий
Отправить этот факт,
Всю ночь с телеграфисткой
Налаживать контакт.
Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Еще не взвились флаги
Над деревушкой N,
А он уж на бумаге
Взял 300 немцев в плен.

Во избежанье спора
Напоен был пилот,
У генерал-майора
Был угнан самолет.
Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Под Купянском в июле —
Полынь, степной простор...
Упал, сраженный пулей,
Веселый репортер...
Планшет и сумку друга,
Давясь от горьких слез,
Его товарищ с юга
Редактору привез...
Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».

Полторацкий[153]. Сталинградский фронт, 1942

Чужие жены целовали нас.
В их брачную постель
Мы как в свою ложились.
Но мы и смерть видали много раз,
Над нашим телом коршуны кружились.
Нас утешала крепкая махорка,
Мы задыхались в чертовской пыли,
И соль цвела на наших гимнастерках,
Когда у вас акации цвели.
И близкой смерти горькая отрава
Желаньем жизни разжигала кровь...
Простите нас, но мы имеем право
На мимолетную солдатскую любовь.

Виктор после мне объяснил, что это стихотворение написано на спор — как пародия на лирические обращения Симонова к Серовой. Виктор говорил, что их можно писать, как блины [печь], и тут же написал их за 15—20 минут.

Б. Лапин, З. Хацревин. ЮЗФ, 1941 г.
(На мотив «РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО...»*)*

Погиб журналист в многодневном бою.
Он жизнь свою отдал с любовью
(*от Буга в пути к Приднестровью*).
Послал перед смертью в газету свою
Статью, обагренную кровью.
Редактор мгновенно статью прочитал
И вызвал сотрудницу Зину,
Печально за ухом пером почесал

И вымолвил:
— Бросьте в корзину!
Наутро уборщицы вымели пол,
Чернила на стульях замыли.
А очерк его на растопку пошел,
И все журналиста забыли.
И только седой старичок метранпаж,
Качнув головою, заметил:
«Остер был когда-то его карандаш,
И с честью он смерть свою встретил».
А жизнь фронтовая плыла и текла,
Как будто ни в чем не бывало,
И новый товарищ поехал туда,
Где вьюга войны бушевала.

А в октябре—ноябре, во время киевского окружения, и сами авторы сложили безвестно свои головы.

В. Поляков, И. Френкель[154]. *Южный фронт, 1941 г.*
(На мотив «УМЕР БЕДНЯГА В БОЛЬНИЦЕ ТЮРЕМНОЙ»*)*

Работал бедняга спецкором военным,
Долго, родимый, страдал.
Днем он и ночью работал бессменно:
Заметки он с фронта писал.
Вот присылают ему три заданья,
С грустью он сел в грузовик.
Тихо сказал он друзьям «До свиданья!»
И головою поник...
Только проехал он два километра,
Думал, дела на мази —
Вдруг под порывами сильного ветра
Села машина в грязи.
Вылез, бедняга, а грязь по колено,
Стал он машину толкать.
Долго толкал он ее постепенно,
Она продолжала стоять.
Все же под вечер на фронт он явился,
Скудный добыл материал.
Но телеграфа в тот день не добился —
Время лишь зря потерял.
Сутки не ел, был обстрелян нещадно,
Долго бомбили его.
Было обидно до слез и досадно —
Он не привез ничего...
Встретив, друзья его долго молчали,
Что же им было сказать?
Всю глубину журналистской печали
Трудно в словах передать.

Надо будет достать еще песенки южан. У них есть чудная песня «Давай закурим». Да, один коллекционирует песенки, а вот Фаб[иан] Гарин[155] на Калининском фронте завел

«вдовье поминание» — список журналистов, погибших на фронте. У него — 55 фамилий.

Немцы начали пробовать налеты на Москву. 5 сентября вечером была тревога от 7 вечера до 7.45. Летело 70 бомбардировщиков, сбили на подступах!! Зенитки не били. Вчера утром (в 9 ч.) была тревога — кончилась через час без стрельбы.

Говорил по вертушке с Дунаевским[156]. Он в Архангельске. Началась война в Арктике. Рейдер обстреливал Диксон, был и налет. Были попытки и на другие пункты. Бомбится Архангельск часто. Город пострадал, порт, дорога, заводы — нет.

С фронта приехали Лидов, Эстеркин (Курганов), Калашников. Калашников был под Ржевом. Говорит, мало сил — и у нас и у них. Немцы висят в воздухе и непрерывно бомбят передний край. Большие жертвы. Наша авиация почти не противодействует. Продвижения у нас там нет. Чуть левее, по направлению к ж. д. Ржев—Сычевка, мы за пять дней продвинулись на шесть километров, вообще же в этом месте (у дороги) наши войска продвинулись вперед от Погорелого Городища на 90 км. Пленные, взятые у Ржева, рассказывают, что под Ржев прибыла танковая бригада, предназначавшаяся на африканский театр: танки ее окрашены в желтый цвет.

Приехал Устинов с Брянского фронта. Там тихо, местные действия. То же говорит и Коршунов[157], прибывший с Северо-Западного фронта.

Интересны фронтовые словечки.

— Брехливые новости — «сарафанное радио», «солдатский вестник» (это еще и в смысле узун-кулака, т. е. длинного языка), «агентство ОГГ» (одна гражданка говорила).

— ВПЖ (военно-полевая жена).

— Продукт 61 (водка).

12 сентября

Был сегодня во 2-м гвардейском бомбардировочном полку авиации дальнего действия (дивизия покойного Новодранова). Ему вручали гвардейское знамя.

Вечером на газу разговорился по душам с летчиком Героем Советского Союза капитаном Молодчим[158]. Молодой 22-летний парень, бомбил Берлин, Кенигсберг, Будапешт,

Варшаву и т. д. Был, между прочим, в этом году первым над Берлином — 27 августа. Шло тогда туда 16 самолетов, остальные не выдержали огня и бомбили Штетин.

— Страшно?

— Я самый паршивый трус из всех, кого знаю. Повернуть обратно хочется до смерти. Заставляешь себя идти в огонь только мыслью о том, что это — приказ, да еще приказ Сталина. Ну а над целью забываешь обо всем. Лишь бы сбросить погорячее, где почернее. Вот вы летали много? Давайте я вас свезу на Берлин. Гарантирую, что придем обратно, ну м[ожет] б[ыть], с дырочками. Я тут недавно чуть ли не 150 пробоин притащил. Ну, согласны? По рукам! Куликов (штурману) — разними... Сколько я сбил самолетов? Ни одного. И до конца войны не собью ни одного. Это — не мое дело. Я — бомбардировщик. И когда я вижу далеко-далеко немца, я, как заяц, в кусты: в облака, в низину, в сторону, готов даже обратно идти на немецкую землю, а потом где-нибудь свернуть домой.

Приехал Саша Морозов с Черноморского флота. Рассказывает любопытные вещи. Три наших последних катера, уходившие из Севастополя, подломали в пути моторы. Несет. Глянь — берег. Оказывается — турецкий. Ну, думают, труба, интернируют. Прощай, война! Одначе, встретили гостеприимно, отвели в гостиницу, а командира — гостем губернатора, обед, прием. «Что вам нужно?» — «Да вот, моторы барахлят».

Сменили, отремонтировали, указали курс к дому. Прибыли.

Врет, наверное, Саша...

Ехал он поездом до Баку, оттуда — Красноводск, Ташкент, Москва. В Баку на пристани 40 000 эвакуированных, в Красноводске — 25 000 (ждут поезда, поезд — раз в двое суток, а все остальные поезда — нефть).

В Красноводске люди бросают свои вещи. Комендант-майор подбирает их, сортирует, меняет у «кочевников» на продукты и организует из этого фонда питание раненых — ежедневно кормит 1000—1500 человек.

Любопытно перевозят нефть. Наполняют в Баку цистерны, кидают с рельс в воду, сцепляют тросом — буксир, и айда в Красноводск. Там — краном наверх, на платформы и ту-ту, поезд. Говорят, идея Ширшова.

Забавно, как много и охотно все говорят о еде. Вспоминают меню прежних обедов, а ежели кто-нибудь обедает или ужинает у знакомых даровитых, то немедленно дразнит слушателей подробным перечислением блюд.

28 сентября

Давненько не писал. Все руки не доходили. Мой начальник Лазарев уезжал «на войну», и поэтому мне пришлось быть за всех. Дела наши военные остаются без особых перемен. Немцы по-прежнему жмут на Сталинград, но в их печати уже появились нотки о том, что «Сталинград потерял свое стратегическое и экономическое значение», а посему неважен, что «мы его, конечно, возьмем, но это не обязательно должно быть скоро, т. к. мы экономим и жалеем людей». Вся мировая печать пишет о том, что немцы сейчас будут форсировать битву на Кавказе — за Грозный, Орджоникидзе, Баку. Там и впрямь дела активизировались, силы туда подброшены. В районе Моздока мы было одержали некоторые успехи: отбили обратно три крупные станицы на левом берегу Терека: Червленную, Калиновскую и Наурскую, ликвидировав тем самым угрозу флангового охвата Грозного с севера. Но сейчас немцы там опять жмут, встречая, правда, очень сильное сопротивление.

На Западном без перемен, все еще чешемся у Ржева. Кстати, Полевой на днях прислал захваченные у немцев документы: подробное описание зимней битвы за Ржев. Немцы признают там, что зимой Ржев был накануне падения.

ДАВАЙ ЗАКУРИМ

И. Френкель. Южный фронт, 1941 г.

Теплый ветер дует,
Развезло дороги.
И на Южном фронте оттепель опять...
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах,
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то, что
Ты дал мне закурить.

Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой.
Нас опять Одесса
Встретит, как хозяев,
Звезды Черноморья
Будут нам сиять.
Славную Каховку,
Город Николаев...
Эти дни когда-нибудь
Мы будем вспоминать.
А когда не будет
Немцев и в помине
И к своим любимым
Мы придем опять,
Вспомним, как на запад
Шли по Украине...
Эти дни когда-нибудь
Мы будем вспоминать.

БЕРЕЗКА

И. Френкель. Южный фронт, январь 1942

Я видел березку
На фронте в бою
И вспомнил тебя,
Дорогую мою.
Метель бушевала,
Бил ветер в лицо,
Качал и сгибал
До земли деревцо...
Вот такая березка
Есть на нашем дворе.
Суждено ей, бедняжке,
Замерзать в январе,
Трещать от мороза,
Трогать веткой окно.
Тыловая береза...
Это ей суждено.
Ты услышишь ночью, быть может,
Тихий шорох за темным окном.
Он тебя, дорогая, встревожит,
Выйдешь ты, накрывшись платком.
Вкруг тебя забушует вьюга,
А на улице — нет никого.
Ты увидишь березку-подругу,
Вспомнишь милого своего.
Походные ночи,
Минутные сны,
И кажется нам,
Далеко до весны.
Но мы довоюем,
И мы доживем,
Дождемся тепла
На пути боевом.

Я увижу березку
По дороге домой,
Закурю папироску,
Постою под листвой.
От лихого мороза
Не погибла в ту ночь
Фронтовая береза,
Словно наша — точь-в-точь.
Ты услышишь ночью, быть может,
Тихий шорох за темным окном.
Он тебя, дорогая, встревожит,
Выйдешь ты, накрывшись платком.
Теплый ветер подует с юга.
Ты подумаешь: нет никого...
И увидишь любимого друга,
Встретишь милого своего.

ПЕСНЯ О МАТРОСЕ ЖЕЛЕЗНОВЕ

С. Михалков[159]. Южный фронт, лето 1941 г. г. Николаев

В степи под Одессой не так интересно,
В степи под Одессой бомбят.
Живет под Одессой правдист всем известный
Матрос Железнов-Айзенштадт.
Однажды редактор позвал Айзенштадта
И так ему грозно сказал:
— Читал я вас в «Правде», мой милый, когда-то,
Но что-то у нас не читал.
— Я еду на фронт, — Айзенштадт отвечает, —
Вы дайте заданье скорей.
— Похвально, — редактор ему замечает, —
Храбрец вы, хотя и еврей (*это — намек на Б. Горбатова*[160])!
И дали ему две ручные гранаты
Для дел для его боевых.
И вычел пятнадцать рублей из зарплаты
За эти гранаты Косых (*начальник издательства*).
И сел Айзенштадт в захудалую эмку,
И двинулся срочно в поход.
Удачно оформил военную темку,
Но цензор с ней сделал компот...
В степи под Одессой не так интересно,
В степи под Одессой бомбят.
Живет под Одессой правдист всем известный
Матрос Железнов-Айзенштадт.

Митя Зуев настаивает на записи рыночных цен на сегодня. Хлеб черный — 120 р. за кило, молоко — 25 р. кружка, лук — 60—70 р. кило, масло — 1000 р. кило, яйца — 130—150 р. десяток, картофелина — 5 р. штука, помидоры — 70—100 р. кило.

За деньги народ все делает неохотно. Коссов понес починить ботинки сына частному мастеру (подметки и набойки),

тот запросил полпуда муки или полпуда риса. Обещает зато поставить кожу. Я дал утюжить 2 пары брюк. Мастер потребовал хлеба. Я не дал. Взял 75 рублей.

Питание наше немного улучшилось. Сегодняшнее меню: завтрак — картошка, 3 ломтика колбасы, чай; обед — картошка, котлеты, щи, маленький кусочек леща с гречневой кашей, кисель; ужин — великолепный (необычно!) — 2 бутерброда с икрой и маслом, стакан какао с сахаром.

Со вчерашнего дня цены на водку опять повышены вдвое. В Москве — большой бум: впервые не отоварили и аннулировали продуктовые карточки за сентябрь (жиры, масло). Рыбу не дают уже 2 месяца.

14 октября

Положение на фронтах более или менее стабильное. Под Сталинградом немцы не продвинулись, и интенсивность боев там за последние дни несколько ослабла. Под Моздоком — то же. И в последних двух вечерних сводках эти пункты даже исчезли из шапки.

С Северо-Западного фронта приехал наш корреспондент Сережа Бессуднов. Рассказывает, что окруженная в оные времена немецкая 16-я армия все еще стоит на месте. Немцы расширили коридор, связывающий ее с основными войсками (местами до 15 км, длина его около 30 км), и сейчас полностью снабжают армию всем необходимым по земле (по воздуху прекратили). Как не вспомнить слова М.И. Калинина[161] на совещании агитаторов Западного фронта:

— М.И.! А что мне ответить бойцам, когда они спрашивают — почему раньше писали о 16-й армии, а сейчас нет?

— Я бы на вашем месте ответил, что окружили, а потом, б...и, выпустили.

С Закавказского фронта прибыл Кривицкий[162]. Рассказывает, что бои идут вдоль побережья, на расстоянии 40—90 км от воды, по хребту. Как говорит Мержанов, «наше командование удачно расположило Главный Кавказский хребет». Немцы пытались разрезать береговую колбасу на сосиски, ударив на Геленджик, Туапсе, Сухуми. Не вышло. И держат их примерно на месячной давности рубежах.

Любопытно получилось с Сухумом. Месяц назад он едва не был захвачен с налета. Два горных полка немцев, прошедшие специальную годичную тренировку, не бывшие в боях (их предназначали в Югославию, но они туда опоздали), состоящие из отборных молодых спортсменов, подошли с севера к Главному хребту. Два местных старика проводника провели их к Клухорскому перевалу (высота 2820 м), а затем скрытыми тропами по высотам — к Сухуму. Шли они так умело, что несколько дней не встречали никого. Шли с артиллерией, минометами. Был разработан точный график, рационы. Но — гладко было на бумаге, да забыли об овраге...

И вот в 32 км от Сухуми они заметили впереди большое кирпичное здание. Решили, что это — казарма. Затаились, дождались темноты, послали разведку. Она выяснила, что там пусто. Но день пропал, и он решил все. Утром немцы, решив, что все равно много времени потеряно, решили подождать свою отставшую артиллерию. И все! Их накрыли — осталось мокрое место!

В Сталинграде учреждения начали перебираться на левый берег Волги. В том числе переезжали и обкомовские организации.

Маленкова спросили, где будет его ставка.

— В Сталинграде, — ответил он.

И переезды немедленно прекратились. И все стали уверены, что Сталинград решили не отдавать, раз Маленков избрал ставкой город. И он все время, все горячие дни, все бомбежки пробыл там. И Маленков сформулировал вывод: если мы решаем твердо не отдавать какой-нибудь город, надо, чтобы штабы и обком оставались там.

Поглядел он авиацию. Наши самолеты он считает хорошими (не имеет к ним претензий), но летными кадрами недоволен: многие летчики неопытны, командиры неумелы, сами на современных машинах летали мало, поэтому и других не могут научить путному. Надо будет дать передовую о летной учебе!

Сегодня под Москвой был воздушный бой, в котором принимало участие 400 наших самолетов, разбитых на «красные» и «синие» (в т. ч. около 200 Яков). Бою предшествовали двухдневные учения. Разрабатывались основы тактики и приемы крупногруппового боя. Присутствовали Жуков, Новиков, Во-

рошилов[163], Маленков, Шахурин[164] и др. Прошло хорошо. Правда, два ЛаГГа (сейчас их по предложению Хозяина называют Ла-5) столкнулись и побились, но остальное — хорошо.

15 октября

Сенька (Гершберг) написал передовую об авиации. Вчера он был с ней у Шахурина. Тот одобрил, но посоветовал показать ее еще военным людям в ВВС. Сегодня днем по просьбе Гершберга я позвонил по вертушке командующему ВВС генералу Новикову. Он попросил поговорить сначала с начштаба генерал-лейтенантом Фалалеевым[165], а затем с ним. Позвонил ему.

— Буду ждать в 22.00.

Тогда я позвонил еще полковнику В.И. Сталину — начальнику инспекции:

— Говорят, вы большой энтузиаст.

— Чего? Авиации?

— Ну, это понятно. Нет, овладения техникой.

— Это верно. Мы с Алексеем Ивановичем (Шахуриным) тут блокируемся. Приезжайте в 21.00. Вас будет встречать мой адъютант. Жду.

Сообщил о поездке Поспелову, спросил — надо ли заказывать статью полковнику, сказал — не надо, поговорили немного о поездках вообще.

Приехали. Огромный дом. Мраморные колонны. Часовой позвонил. Пришел адъютант — капитан. С удивлением увидел у него геройскую звезду, орден Ленина и Кр. Знамя.

Как оказалось впоследствии (рассказал полковник), это — Герой Сов. Союза Долгушин. Он дрался в полку, составленном полковником, сбил 16 самолетов, сейчас ранен и временно находится при нем. Уходя, я спросил Долгушина[166]: «Когда же будет 17-й?» Он засмеялся и ответил: «Как только полковник отпустит на фронт». Молодой, невысокий, крепкий парень, с простым русским лицом, буйными светлыми волосами.

Полковник был на докладе у командующего, и мы зашли к Фалалееву. Небольшой чистый кабинет, на стене — крупная карта СССР, на перпендикулярном длинном столе — карты во всю длину стола, на шкафу — барограф. Генерал — высокий, с неправильным, сужающимся вверху ли-

цом, коротко стрижен и лысоват, полевые петлицы, кожанка внакидку (холодно). Живые, умные глаза, решительное суровое лицо, очень оживляющееся улыбкой. Часто звонил телефон, он брал трубку, давал указания по завтрашней операции.

Прочел передовую. Там было указано, что полк Клещева[167] сбил 90 машин и потерял две.

— Вранье! — сказал генерал. — Так не бывает. Вообще — полк отличный, дрался хорошо, но — вранье.

Вообще же — передовая понравилась. Попросил добавить только, что авиация работает не самостоятельно, а для земли, для войск.

Зашел разговор об авиации. Почему все говорят, что под Сталинградом у немцев превосходство в воздухе?

— Чепуха. Имейте в виду, что на любом участке будут это говорить. Ибо все судят по ударам, испытываемым ими самими. Вот если бы мы заставили нашу пехоту испытать силу нашего воздушного удара — она бы сказала, что у нас превосходство. Но она его сможет почувствовать только тогда, когда мы начнем ее бомбить. Мы же не можем бросить все наши самолеты на защиту наших войск. Бомбардировщики и штурмовики должны бить противника, истребители (в значительной степени) их прикрывать. Нашу пехоту бомбят? Так надо же понять, что это удел войск: их стреляют, рвут машинами, снарядами, бомбами. На то и война.

— Есть ли у немцев количественное преобладание в воздухе над Сталинградом?

— Нет. Это происходит от учета. Представьте себе, что 20 «Юнкерсов» полетело бомбить цель. Все части, над которыми они пролетают туда и обратно (а обратно они идут другим маршрутом), засекают их и сообщают. В горячке боя данные о курсах, типах и т. д. не сверишь. И получается, что летело не 20, а 120 самолетов.

Поговорили об освещении авиации в печати. Он отметил некоторые ошибки у нас. Я напомнил о том, как мы первое время писали, что немцы «идут на подлые уловки» (т. е. заходят со стороны солнца), «норовят ударить из-за угла» (прячутся в облаках). Он весело рассмеялся.

— Какие же тут уловки. Это — правильная тактика. И мы так стремимся. Вот вы часто пишете, что немцы позорно бежали из боя. Правильно делают, если видят, что их сейчас со-

бьют. И нашим нередко этой разумной осторожности не хватает. Зачем лезть на рожон? Если уверен в себе, в машине — можно драться и в неравном бою. Если видишь, что противник так же опытен, а сил у него больше — зачем идти на верную смерть?

— А как вы относитесь к тарану?

— Когда я командовал авиацией на ЮЗФ, я приказал отдавать под суд тех летчиков, которые идут на таран с нерасстрелянным боезапасом. У нас какая-то мода пошла на тараны. И считают его доблестью: мол, летчик не летчик, если он не таранил.

— Как вы считаете Ла-5?

— Самый лучший наш истребитель. Вы правильно акцентируете на нем в передовой.

— А «Аэрокобра»?

— Лучший истребитель в Европе. Но хуже наших.

— Ме-109Г?

— Очень хорошая машина. Но куда хуже Ла-5!

Затем я порасспрашивал об общих знакомых по ЮЗФ. Фалалеев командовал там год и был в мое время. Я напомнил ему встречи в Валуйках в конце мая. Командир полка Пе-2 полковник Егоров сейчас командует дивизией, отлично отозвался о штурмовом полке полковника Комарова, о котором я писал.

Тепло простились, пригласил бывать, звонить.

От него зашли к В.И. Сталину[168]. Принял сразу. Вышел, его ждали. Увидел нас.

— А, заходите!

Просторный кабинет. Простой большой стол. В образцовом порядке разложенные папки (одна выглядывает из-за другой), стекло во весь стол, стеклянный чернильный прибор, на маленьком столике слева два телефона и мегафон. На перпендикулярном столе — два атласа, на стене — политическая карта Европы. Перед ним — вахтенная книга, в которую делаются пометки телефонных разговоров. Чистота, много света. Тепло.

— У вас тепло.

— Вот от этой хреновины, — показывает на электропечку.

Невысокого роста, стройный, с виду — юноша. Красивое, очень живое лицо, каштановые с золотистым отливом

волосы, серые живые глаза, тонкий нос, тонкие губы. Верхняя часть лица похожа на отца, вообще же сильно походит на мать (Аллилуеву[169]), и много общего в лице с Розенфельдом[170]. Костюм полковника, поверх — меховой распахнутый жилет (черный мех). Говорит тихо, не повышая голоса, властно. Повторять не любит. Во время разговора потирает верхнюю губу (как и отец), потирает лоб или подпирает его, подпирает подбородок. Во время чтения хмурится, улыбается, в общем — реагирует.

В характере видно много летного.

Курит длинную трубку. Потом бросил ее, нажал кнопку мегафона.

— Слушаю, товарищ полковник, — раздался в репродукторе голос адъютанта.

— Дай мне папиросы. Не могу курить эту сволочь, все время гаснет.

Адъютант принес пачку «Советской Грузии». Закурил, предложил нам. Задымили.

Начал читать передовую.

— Слушаю, Коля. Да. Да. Так вот будет послезавтра, вернее (взглянул на часы: 0.40), завтра... Назначено на 8. Я прилечу в начале девятого. Буду сам участвовать в бомбежке. Настоящими бомбами. Это для кино, к 25-летию.

Объяснил нам:

— 18-го, в Ногинске, устраиваем для кино воздушный бой и бомбежку. Поведу я сам. Снимать будет Кармен.

— Можно и нам?

— Прошу. Присылайте кого хотите.

Вызвал полковника:

— Распорядитесь. Поезжайте с утра сами. 18-го к 8.00. Как можно ближе к старту должно быть горючего для трех Илов на четыре захода, ФАБ-100, ФАБ-250, РС[171], снаряды, патроны. Бомбы можно цементные. Затем горючее и боеприпасы для Пе-2 на два захода и для двух истребителей на один рейс. Отвечаете вы лично. Понятно? Можете идти домой.

Вернулся к чтению. Снова вертушка.

— Слушаю. Да, да... Сегодня же прикажу выяснить.

Вызвал другого полковника. Дисциплина строжайшая. Входят, докладывают, стоят смирно, уходят с поворотом, щелканьем.

— Запишите. Ил-2 начал штопорить. Такому-то выяснить в двухдневный срок. Испытать все. Высота не меньше 3000. Организация и контроль за таким-то. Все. Идите.

Читает. Прочел. Одобрил:

— Очень хорошо, что советуетесь с нами. Вот «Кр. звезда» не советуется и глупит иногда. Пару замечаний — по статье. Вот насчет Клещева. Может, не надо упоминать?

— Почему? Неправдоподобно?

— Нет, не то. Все цифры точны. Этим полком за 17 дней мы сбили 51 самолет и не потеряли ни одного. Цифры точны. Потом, правда, теряли.

— Полк плохой?

— Полк отличный. Другого такого нет. Это — мой полк. Я лично подбирал каждого пилота. Готовил его 4 месяца. Хотел посадить на «Кобры». Потом позвонил Шахурин: «Вася, помоги, не верят летчики в Яки».

А я Яковлева очень ценю и самый горячий патриот Яка. На этом самолете сам тысячи полторы часов налетал. Ну и перекинул всех на Яки, чтобы показать — что стоит машина[172].

— Командир плохой?

— Клещев-то? Чудный человек. Молодой, а летчик... я многих летчиков знаю, сам летаю, но таких летунов не видел... Чудо! А командир — говно. Дерется, как бог. Но захваливать его стали, в газетах пишут, в кино показали. Зазнаваться начал, вот я и придерживаю восторги.

— А вы скажите ему: вот тебя похвалили в «Правде» — значит, зазнаваться нельзя.

Смеется.

— Дальше. Вы пишете: Ил-2 — противотанковый самолет. Это неправильное название.

— Но вы помните, что его так официально называли?

— Мы заблуждались. Курите. Это еще не противотанковый самолет.

— Верно ли, что у немцев превосходство в воздухе над Сталинградом?

— Неверно. Я за это время сам там был (вот с этим полком) три раза. У страха глаза велики. Военные любят врать. Меня и замначальника главного артуправления генерал-лейтенанта Корнилова[173] застала бомбежка. Легли в канаве. Он приподнимается...

— Не вставайте, генерал!!

— Ничего...

И осколок прямо в лоб. Хотел он посмотреть, как его батареи стреляют. А я в десяти шагах, ничего, бомба помиловала. Так вот, после докладывают в Ставку: бомбило 40 самолетов, на самом деле — 4!

И он повторил, чертя на бумаге, то же объяснение этой путаницы (донесения постов ВНОС[174] различных частей с различных участков), которое нам сделал Фалалеев.

— Но у них все-таки там сила?

— Нет. Они этого достигают быстротой маневра и решительным оголением участков, не обращая внимания на требования и жалобы войск. Но и в этом случае их не больше. Вот массированные налеты у них действительно сильны.

— А у нас?

— У нас тоже неплохие.

— Как вы считаете наши самолеты?

— Отличные машины. Но если бояться врага, тогда, конечно, отличная машина не поможет. Потому и говорят иногда, что она плохая. А еще — по незнанию и неумению.

Во время разговора он часто зевает. Видимо, не высыпается. Позже он сказал, что сидит каждый день до 6 ч. утра. Объяснил, чем приходится заниматься: всем хозяйством ВВС.

— Еще одно замечание по передовой. Вы пишете: «Нельзя обращаться с машиной на «ты»...

— Это сказал Громов.

— Громов — не военный летчик. Но независимо от этого, выражение неправильное. На «ты» обращаются к хорошо и близко знакомым, на «вы» — к малознакомым. Я, например, с машиной на «ты». Я ее такое заставляю делать, что при незнакомой машине и не снится. И затем добавьте, что опыт показал, что на наших машинах можно немца, в том числе и на Ме-109Г, бить как угодно.

Зашла речь о газетной тематике. Я сказал, что надо бы дать передовую об обмене опытом. Полковник говорил о необходимости усилить внимание качеству подготовки летчиков.

— А штурманов?

— Тоже. Но они, как показал опыт, меньше выбывают.

В заключение он предложил запросто обращаться к нему: заходите, звоните.

— Да вот давайте сегодня встретимся. Позвоните мне часиков в 19. Я соберу летчиков, поговорим.

— У нас в 20.00 заседание редколлегии о темах и подготовке к 25-летию.

— Ну, давайте позже. Позвоните. И насчет съемки воздушного боя договоримся. А для систематической связи я к вам полковника Лебедева прикреплю. Очень дельный человек. И специалист по всем делам, как и я. Будем держать связь.

Сегодня у нас опубликована нота т. Молотова об ответственности лидеров гитлеровской Германии за зверства в Европе. В ноте в числе этих лидеров назван Гесс[175] (идет на третьем месте). А ниже сказано, что предлагаем незамедлительно судить лидеров, уже попавшихся в руки стран[— участниц антигитлеровской коалиции]. Т. е. предлагаем англичанам судить Гесса. Интересно, как они вывернутся из столь деликатного положения?

Сегодня год московской страды. Ровно год назад москвичи подались на восток. Кончив номер в 5.30 утра (уже 16 октября), мы вспоминали об этой дате. Решили отметить свою вахту.

Взяли с Сенькой свои ужины: по ложечке красной икры и два ломтика сыра, закуску от обеда (ломтик мяса и грамм по 10—15 масла), завернули все это в газету — и ко мне. Оставалось у меня чуть-чуть водки дома. Подняли Митьку, он натер редьки. Водки хватило по полторы рюмки. Выпили, провозгласив тост за Москву, закусили этим ужином из 5 блюд, выпили по стакану кофе, и Сенька разошелся (домой).

Сейчас — 10 утра. Надо спать. Вставать — в 4 ч. дня.

27 октября

Положение на фронте без особых перемен. Лишь южнее Новороссийска (вернее, восточнее Туапсе — такая формулировка появилась сегодня в сводке) немцы добились небольшого успеха. В течение месяца борьба шла за ущелье, ведущее от Ладыженской к Туапсе. По этому ущелью проходит шоссе Туапсе—Майкоп, следовательно, по нему можно пустить танки к побережью. Судя по всему, немцы все-таки влезли в горло ущелья.

Надо записать несколько рассказов ребят.

19 октября были у меня Изаков[176], Марьямов и Голованивский.

Борис Изаков — бывший наш корреспондент в Лондоне, замзав. иностранным отделом, с первых дней войны находится на Северо-Западном фронте. Сначала был в одной дивизии, участвовал в боях, дрался, водил в атаку, отличился. Затем работал в партизанском отряде ПУ фронта, а последние месяцы — во фронтовой газете «За Родину». В августе он был в Партизанском крае[177], приехал на празднование его годовщины, а через несколько дней нежданно-негаданно оказался вынужденным ограждать натиск карателей. Он пробыл там еще около месяца, присутствовал до конца разгрома края. Об этом вчера напечатали его подвал «Борьба продолжается». По словам Бориса, они мирно сидели в одной деревеньке, когда вдруг прибежал связной и сообщил, что идет неприятель. Выбежали за околицу, залегли. И вот видят, метрах в 300 поднимается ражий мужик с красным флагом и кричит: «Сдавайтесь, е... вашу мать». В ту же минуту раздалось несколько выстрелов, и он упал. Заговорили наши пулеметы, уложили несколько десятков карателей, отбили натиск. Так началось. Борис рассказывает, что среди карателей довольно много русских (полицейских). Партизаны расправляются с ними совершенно беспощадно.

Сообщил он об одном обыске, о котором я не знал. Если в партизанском отряде, лишенном базы в деревне, есть раненые, а надо передвигаться, «то их убивают, или они сами стреляются. Таков суровый закон леса». Врет, поди?

Два любопытных факта. Кое-где очень благоволят партизанам. В одном селе поп исправно читал проповеди, служил обедни, а затем говорил: «А теперь, православные, послушаем сводку Информбюро» — и читал сводку, полученную от партизан. В другом районе поп был в партизанском отряде. Когда командир выбыл — выбрали попа, как самого активного и смелого бойца. Его наградили Красной Звездой. Приехал он в Ленинград получать орден. Вручает Жданов[178]. Говорит ему:

— Вы бы, товарищ (имярек), постриглись, а то уж больно на попа похожи.

— Да ведь мне, А.А., после войны опять на прежнюю работу возвращаться.

— На какую?

— Да я батюшка!

Хохот. Уехал, и по сей день командует отрядом.

Борис написал книжку о Партизанском крае[179]. Его наградили Красной Звездой, он — старший батальонный комиссар.

Писатель Александр Марьямов[180] с первого дня войны на Северном флоте. Вначале писал нам, потом перестал, зашился работой. Рассказывает, что бой у Диксона с германским рейдером вел наш ледокольный пароход «Дежнев».

Из Сталинграда вернулись наши ребята Борис Полевой[181] и Петр Лидов, которых мы посылали туда.

Полевой был на Сталинградском фронте, был в Сталинграде. Рассказывает, что борьба идет очень тяжелая. Город разбит на сосиски. Южная часть города — наша, и немцы там сидят в обороне, центр занят ими с месяц назад, район «Красного Октября» и «Баррикад» — наш, СТЗ[182] занят сейчас немцами, дальше — рынок, опять наш, и еще дальше — опять перешеек немцев, за ним — Донской фронт. Дома все развалены, целых нет.

Впечатление Полевого — города не сдадим, если не будет очередного просера, вроде того, как 2,5 месяца назад немецкие танки, миновав два пояса обороны, вдруг появились у смены СТЗ. Если бы не зенитчики, задержавшие немцев, город тогда бы пал.

Немцы измотаны сильно. Попавшие в плен имеют вид совершенно изможденный: белье сопрело, висит клочьями, мундиры изорваны вдрызг, вшивы, обросли, воняют страшно. Воюют они без отдыха и без смены. Город завален трупами, много наших, но еще больше (гораздо больше) немецких. Как только всходишь на берег — смрадный трупный запах. Забивает нос, тошнит.

Был он на одной высоте. Перед ней все бело от немецких трупов, погибших во время атак, земли не видно. Собаки грызут тела. Моряки, обороняющие высоту, стреляют собак — противно все-таки, когда едят человека.

— Держаться можно, только немец здорово воняет, — говорят они.

Гвардейцы наши великолепны. Стоят намертво. Полевой был в землянке генерал-майора Родимцева[183], командира

гвардейской дивизии: «Били вшей и спорили о «Кола Брюньоне»[184]...

Авиация немцев господствует. Против «Мессершмитта-109Г» наши не лезут. Но бомб немцам не хватает. Часто сбрасывают обломки машин, металлические части и т. п., а ко всему этому привязывают консервные пустые банки, чтобы свистели. Отлично действуют наши У-2. За 2 месяца мы там их потеряли всего 11 штук, а летают сотни. За ночь делает этот орел по 5—6 вылетов, забирая каждый раз по 300 кг бомб. В итоге — тянет больше, чем бомбардировщик.

Лидов был северо-западнее Сталинграда, на Донском фронте (там, по его словам, тихо) и по собственной инициативе поехал на южную окраину Сталинграда, где газетчики еще не были (Бекетовка, Сарепта). Попал там под сильный артобстрел, как свистит снаряд — уходили в блиндаж, вырытый в берегу Волги, затем снова выходили. Там тихо, немцы сидят в обороне, девушки флиртуют с сержантами.

На северной окраине шуму много. Перебраться на север через Волгу трудно. В иные дни гибнет до 90% перевозочных средств.

Оба сильно наседают на тамошних газетчиков — говнюк на говнюке.

Володя Коккинаки улетал в Сочи. Там был тяжело ранен Исаков[185] — контр-адмирал, замнаркома. Ему ампутировали ногу. Он очень хотел повидать Кокки. Сей муж взял аэроплан, слетал, вернулся.

Позавчера был на праздновании XXV-летия 193-го артзенитного полка. О его юбилее и боевом пути мы напечатали 25 и 26 октября. Там довольно подробно говорили с командующим Московским фронтом ПВО генерал-майором Журавлевым[186]. Он сказал, что за время войны на Москву налетало 12 500 самолетов.

— Сколько прорвалось?

— Около 250.

— Наибольшее количество самолетов над Москвой?

— 10—12.

— Были ли сбиты самолеты над городом?

— Не раз. Два валялись у Боткинской больницы, один на Никольской, в Тушине и т. д.

— Как наша оборона в сравнении с лондонской?

— Я думаю — лучше всякой иной. Правда, сейчас давно не было налетов. Это для нас плохо — мы дисквалифицируемся. Но налеты еще будут. Могут очень сильно напакостить, но решить задачу уже не смогут. Вы смотрите, они не смогли этого сделать раньше, когда оборона была слабая. За все это время ни разу не были повреждены свет, водопровод, связь, газ, канализация, т. е. основные нервы города. Ни один завод серьезно не пострадал. А немцы пострадали очень сильно.

— Почему не видно сейчас зениток в городе? Убраны?

— Нет, их больше, чем раньше. Спрятаны хорошо.

На заседании был оглашен очень интересный приказ т. Сталина октября 1941 г. В нем предлагалось зенитчикам быть готовыми к отражению танков. И некоторые батареи этого полка дрались с танками.

Кто-то из ребят сообщил интересные подробности о Щербакове. Он сейчас многолик: секретарь ЦК, секретарь МК и МГК[187], начальник ГлавПУРККА, начальник Совинформбюро. И вот кто-то был у него в МК. Сидит читает последний номер журнала «Иностранная литература». Хорошо!

Немцы начали применять новые приемы в агитации. Марк Кушнер[188] рассказывает, что под Ржевом они бросают листовки о том, что идут переговоры о мире и поэтому нет резону воевать. «Кто доживет до мира — останется жив!» Александр Анохин[189] говорит, что под Воронежем кидают листовки в виде обрывка наших газет и там вкрапливают по нескольку ядовитых строк.

2 ноября

Гершберг затеял фотосъемку всех Героев Социалистического Труда, имеющихся налицо в Москве. Это — к 25-летию Октября. Сегодня вечером в редакцию приехали Костиков[190], Грабин[191], Иванов[192], Ильюшин, Шпитальный[193], Поликарпов[194], Воронин[195], Доронин[196].

С некоторыми из них у меня произошел любопытный разговор. Из Ильюшина я уже давно вынимаю статью. Сегодня затащил его к себе и опять нажал.

— Нет, Лазарь, сейчас не дам. Вот погоди. Сделали сейчас двухместный штурмовик. Ты помнишь, я его и с самого начала конструировал как двухместный. Тогда сказали — не надо, я его переделал. А жизнь показала, что надо. Вот теперь снова пришлось делать, не та, конечно, схема, что раньше, а несколько измененная. Машина уже пошла в части. Совершенно неприступная будет машина.

— Ну вот и пора выступить!

— Нет, погоди. Вот в марте выйдет новая машина. На смену «Москве». Двухмоторная, крепость настоящая, без дураков. Ее данные... Сам посуди, что это такое! Вот тогда с тобой и напишем.

Еле-еле уговорил его на несколько общих строк.

— Ну ладно. Главное — не стоять, немцы работают, и мы должны работать. Главное — идти впереди врага.

Поликарпов был мрачен и предупредителен.

— Что с вами, Ник. Ник.? В Москву бы пора.

— Я человек дисциплинированный. Сказано там сидеть — сижу[197]. А какая там работа? Станков нет, все делаем почти вручную. До сих пор у нас к исследовательской работе относятся как к второй очереди. Дорого это обходится. Возьмите «Т»[198]...

— Кстати, а где ваша машина, которую строили для Валерия?[199] Он мне рассказывал. Чудная по тому времени машина намечалась.

— Построили. Вот скоро в Москву пригоним. Приходите посмотрите.

Шпитальный немедленно, увидев меня, поинтересовался: жив ли пистолет, который он мне воронил?

— Жив, жив. Меня под Сталинградом все спрашивали, кто делал. Я сказал, есть в Москве мастер.

— Пусть отстоят Сталинград, всем повороню, — смеется он.

Костиков приехал позже всех. Мы сидели у Гершберга втроем и разговаривали откровенно, просто. Он молод, но усталое лицо, много курит, полевые петлицы генерал-майора.

Когда Гершберг меня представил, он улыбнулся:

— Мы знакомы. Помните, вы были у нас на полигоне, году в 1935—1936-м? На пуске ракеты. И кажется, дважды? Я вас хорошо помню. Вы были первым газетчиком, проникшим к нам.

Я сразу вспомнил и полигон, и пуск ракеты (даже напечатал «Ракета идет в воздух» в «Правде»). Вспомнили и людей, поговорили о них — кто где. Сразу установилась с гостем товарищеская атмосфера. Он объяснил принцип действия «катюши».

— Для того чтобы поразить какую-то определенную площадь — вам нужно выпустить, скажем, N зарядов. Следовательно, из орудий надо сделать N выстрелов, для этого нужно сколько-то орудий и сколько-то снарядов. На это требуется время. Следовательно, элемент внезапности теряется, поражение уменьшается, моральное воздействие распространяется во времени и ослабевает. Разрушительная сила орудийных снарядов меньше, чем наших. Мы же накрываем всю эту заданную площадь одним залпом. Говорят, что прицельность и точность «катюш» меньше, чем пушки. Это правильно, но при стрельбе по площади не имеет никакого значения. Ведь важно накрыть ВСЮ площадь, независимо от того, что там — батальон пехоты, огневые точки или укрепления. Кроме того, всякая пушка дает обязательно отклонение, рассеивание. И чем больше ее калибр, чем дальше она стреляет — тем рассеивание больше. Я считаю, например, что крупнокалиберная, тяжелая артиллерия себя просто не оправдывает. Ну, сделает она (скажем, 210 мм) двадцать выстрелов, и вези ее в мартен: износ ствола. Каждый выстрел — 20—30—60 тыс. рублей. Рассеивание велико: попробуйте попадите в цель на 20 км! Только по городам. Нерентабельно!

— А ваш выстрел сколько стоит?

— Несколько дешевле выстрела из обыкновенного орудия. Правда, я уже разработал полностью вопрос о новом процессе производства наших снарядов. Это удешевило бы их в несколько раз, позволило бы производить их везде, как мины. Но сейчас пока приходится делать по-старому — сейчас важно делать их больше, не обращая внимания на цену. Всему свое время.

— Полностью ли применяется ваше оружие на войне?

— Нет. Видите ли, это новое оружие. Правда, я сделал свою пушку задолго до войны. Ее мариновали. Сейчас я даже

доволен этим: она явилась полной неожиданностью для немцев. Если бы ее пустили раньше, то вполне возможно, что ее бы выкрали или шпионы продали. И как всякое новое оружие, она не имела своей тактики применения. Мы учимся и разрабатываем эту тактику в ходе войны. Главным врагом «катюши» является авиация. Как только раздастся залп — немедленно появляется самолет-корректировщик, сообщает по радио ориентиры и налетает авиация. Поэтому мы даем залп и немедленно сматываемся. И то, что появляется в печати, допустим, о действиях гвардейцев-минометчиков по Сталинграду, — это результаты одного залпа.

— Почему у немцев до сих пор нет «катюши»?

— Я сам этому удивляюсь. Я думаю, что они ни одной целой машины не захватили. У меня имеются печатные наставления, изданные германским командованием по «сталинскому органу» (так они официально именуют «катюши»). Судя по всему, это шпионский снимок. Многое там доретушировано. А когда они знают наше оружие (возьмите, например, их наставления по нашим танкам), так дают не только общие снимки, но и деталей, разрезы и т. п. Снаряды они захватывали, но техники их применения не знают. Мне рассказывали, что они сбрасывали их, как болванки, с самолетов, но я этому мало верю.

— Но такая технически развитая страна, как Германия, могла самостоятельно дойти до этой пушки. Так ведь?

— Не совсем так. Германия — страна технически развитая, но научно застывшая. Гитлеровцы, придя к власти, оставили только те научные учреждения, которые прямо работали на войну, а остальные закрыли. В этом их принципиальная ошибка. Ибо никогда нельзя сказать, к каким практическим выводам и возможностям приведет научная работа, ведущаяся на первый взгляд в совершенно абстрактной области.

И Костиков привел несколько примеров величайших военных и промышленных изобретений, выросших на абстрактной базе. Да и сам танк был придуман как средство приблизить стрелка к цели замаскированной, спрятанной.

— Не кажется ли вам, что с развитием военной техники она упрощается?

— То есть?

— Ну вот возьмем артиллерию. Она развивалась по пути максимального усложнения от шомпольной пушки до орудий

тяжелых на ж. д. платформах — целый комбинат. А последнее достижение артиллерии — простая небольшая противотанковая пушка, обладающая огромной скоростью снаряда (и вследствие огромной пробивной силой) и скорострельностью. А еще дальше мы видим «катюшу», ликвидировавшую ствол и прочие усложняющие механизмы.

— Да, пожалуй, вы правы, — сказал Костиков, — этот процесс пойдет и по другим отраслям вооружения. Уже есть минометы — самоварная труба и все. Когда они появились, тоже говорили, что оружие без будущего, ибо прицельность его невелика. Но суть не в прицельности, а в массовости поражения. У нас часто путают абсолютную точность попадания и поражаемость. Тов. Сталин всегда требует при возражениях специалистов поражаемости. Что же касается процесса упрощения техники, то он пройдет всюду. Скажем, в авиации мы будем, очевидно, свидетелями появления наряду с гигантскими транспортными кораблями, реактивными самолетами (такие уже есть) и самолетов-снарядов, самолетов-бомб, самолетов-фотоаппаратов, простых, дешевых, массовых в применении.

Заговорили о недавней статье Шпитального в «Известиях» (кажется, 30 октября «От камней к звездам») о бериллии. Автор доказывал, что применением сверхлегких бериллиевых сплавов можно получить самолет со скоростями в 900 км/ч.

— 900? — переспросил Костиков. И начал тут же высчитывать с пером в руках. — Я не специалист в авиации, но полагаю, что не выйдет. Можно сделать некоторые детали мотора из бериллиевой бронзы. Цилиндры, поршни. Но при 900 км/ч самолет сможет носить только себя самого. А летчик, горючее, оборудование, вооружение? На это подъемной силы уже не хватит.

Я спросил о некоторых предтечах реактивного движения. Костиков отлично знает историю этой науки. Он горячо говорит о Циолковском[200] и считает, что его труды до сих пор по-настоящему не поняты. Рассказал он о выдающемся русском ученом Цандере[201].

— Правда, он был тронутым. Он мыслил только космически. Я разбирал его записки. Он разрабатывал, например, такие вещи: чем человек будет питаться в безвоздушном пространстве, и писал, как надо выращивать помидоры на собственном кале. Или посвящал много внимания проблеме

строительства на Луне: там своих деревьев нет, и, следовательно, стройматериал надо доставлять с Земли. Но вообще он был человеком очень интересным, и почерпнуть у него можно много.

Простились за полночь. Снялись вместе. Костиков пригласил приехать к нему на полигон и посмотреть хозяйство в действии.

— Ведете ли вы записи? — спросил я под конец. — Ведь у вас целое богатство науки.

— Нет, некогда!

— Вы варвар!

— Да!

— Может быть, вы в чем-нибудь нуждаетесь?

Он засмеялся:

— Это было раньше. Сейчас — все к моим услугам. Даже неловко иногда становится.

3 ноября

Я и Хват ночью были у Жени Федорова. Сидели пили, вспоминали дела. Женя рассказал об ошибке Спирина (89°26'), похвалил Алексеева (90°). Отметил ценность народных примет о погоде. Жаловался, что с полюса привез все в Москву и пошли «подштанники Федорова» по миру.

9 ноября

Сегодня был на передаче танков КВ, построенных на средства, собранные полярниками. Об этом написал (см. «Правду» за 10 ноября). Обратно ехал вместе с замнач. АБТУ[202] армейским комиссаром Бирюковым[203].

Он рассказывал:

— Последний приказ т. Сталина о танках[204] мы писали два раза. Первый раз Хозяин вызвал нас троих (меня, Федоренко[205] — нач. АБТУ — и еще одного), рассказал все, что надо. Мы написали. Он забраковал. Мы переделали. Он после этого сам три часа редактировал. До чего сильно сидит в нашем сознании старая концепция! Вот, например. Написали мы в проекте: танки идут на полной скорости, ведут с хода огонь, по возможности прицельный. Как он на нас набросится: вы так все государство погубите своим прицельным огнем. Раз написали так — значит, люди будут обязательно стараться ве-

сти прицельный огонь, следовательно, уменьшать скорость, даже останавливаться, экономить снаряды. Следовательно, будут делать не то, что нужно, а то, что не нужно. Вы гонитесь за целью и забываете о моральном воздействии огня.

И он сел к столу и своей рукой поправил: «...ведут огонь с хода, хотя он и будет беcприцельным».

Потом Бирюков рассказал:

— В феврале вызвал нас т. Сталин и спросил:

— Вам известно, что КВ стоят?

— Да.

— Почему??

— Снег глубокий.

— А Т-34 и немецкие ходят?

— Да.

— Почему?

— Они легче.

— Почему же вы не облегчите КВ???

И он тут же продиктовал приказ, а т. Молотов записывал, об облегчении КВ. Он предложил снять с него запасные бачки, уменьшить индивидуальный запас и т. д. Но в то же время запас снарядов увеличил.

21 ноября

Хочется написать, с каким нетерпением все ждали 6 ноября. Будет или нет торжественное заседание? Выступит или нет т. Сталин? Даже утром 6 ноября не было известно: состоится ли заседание. В этот день я с Папаниным уезжали за город на передачу танков «Советский полярник» (не состоялась из-за технических неурядиц и перенесли на 9 ноября), волновались, что опоздаем. Вернувшись в 4 часа, начали осторожненько звонить — неизвестно. Я приехал в редакцию.

А в 5 принесли билеты. Мне не было. Поспелов вызвал меня, извинился: «Дали очень мало, вы были в прошлом году. Поэтому избрали Гершберга».

Ребята поехали в Кремль (в Большой дворец). Мы сели у репродуктора в комнате Гершберга. Набилось полно. И слушали Сталина. Было слышно довольно хорошо, даже сердитую реплику: «Потушите!» (прожектора). Киношники после плакались, что вторую часть доклада им пришлось перемонтировать, дополнять и т. д., ибо не досняли (без света нельзя).

А вот парада не было. Ждали всю ночь, ушли в 7 ч. утра, заказав будить, ежели будут проблески. Но так и не было. В прошлом году билеты получили часа за два до парада.

Позже мы узнали, что буквально через 2 часа после торжественного заседания т. Сталин уже снова занимался делами и, в частности, утвердил план увеличения суточной добычи по Подмосковному бассейну с 35 000 тонн до 60 000 тонн. А 35 000 тонн — довоенный уровень. В связи с этим числа 10-го в бассейн выехала правительственная комиссия в составе Вознесенского[206], Попова[207] (секретаря МК) и др. Был с ними и Гершберг.

В начале ноября в Москве начали снова освещать центральные улицы. Освещение хилое, щупленькое, но для взгляда — вещь совершенно необычная. Едешь, как по городу! Вот только маскировка совсем расклеилась, дома светятся — удивительно быстро москвичи забывают о войне и воздухе.

В ночь с 14-го на 15-е, наконец, выпал снег. Сразу пейзаж стал зимним и сразу устарели все снимки. Но довольно тепло, сегодня –4 °С.

15-го с Калининского фронта приехал Толкунов[208]. Он не был в Москве 4,5 месяца. Довольный, веселый. Рассказывает о том, как проходила операция под Ржевом. Все происходило у него на глазах. Начали успешно: 30 июля. Многократное превосходство сил. Командующий[209] считал, что возьмем в один-два дня. А потом приказал всем газетчикам молчать: заняло больше времени.

Основное: ливень и неорганизованность. Ливень враз размыл все дороги. Артиллерия, танки встали, снаряды пришлось таскать на руках за 15—20 км, на это мобилизовали всех, все штабы, газетчиков, связистов и т. д. Неорганизованность: на узкий участок было брошено слишком много сил, боевые порядки перемешались, управление было потеряно, залпы иной раз накрывали не то, что нужно.

Отлично действовала АДД. Остальная авиация — хуже.

Разыскал Левка двух панфиловцев — двух героев из погибших 28. Их фамилии — Васильев и Шемякин. Много они претерпели с доказательством своего тождества. Писать о них пока не стоит[210].

30 ноября

Центральная тема — наступление наших войск в районе Сталинграда и на Центральном фронте[211]. Особенно ошеломительно на всех подействовало сообщение Информбюро о сталинградском наступлении. Это было 22 ноября. Часиков в 12 ночи прибежала ко мне курьер Соня, пожилая, спокойная, вечно зябнущая или болеющая зубами женщина.

— Ой, т. Бронтман, идите скорее слушать!

Слушали, буквально затаив дыхание. Чувствовался какой-то огромный душевный подъем. Потом все кинулись по этажам, по кабинетам.

— У меня даже волосы от радости подымаются, — сказала Соня.

Прямо праздник! Я сел и написал передовую «Будет и на нашей улице праздник!» (помещена 23 ноября).

В Москве только и разговоров. Летчики звонят каждый день: нет ли известий новых? Подъем всюду. Хирург центрального института переливания крови Софья Борисовна Вихирева рассказывала мне, что сразу после опубликования коммюнике вдвое увеличился поток доноров. Хирурги с ног сбились, работают не глядя («в вену ли, нет ли...»), до 10—11 вечера.

У москвичей появилось приветствие: «С «Последним часом» вас!»

И все ждали «Последнего часа». Когда же дня через три его перестали передавать и включили вести о наступлении в обычную сводку, у всех наступило этакое разочарование.

Немцы и остальная пресса меж тем усиленно писали о нашем наступлении в районе Ржева, Торопца, Великих Лук и на Волховском фронте. Мы (в редакции) ждали официальных вестей.

28 ноября они последовали. Был дан «последний» час о нашем наступлении на Центральном фронте. Я написал передовую «Новый удар по врагу» (напечатана 29 ноября). Дали несколько корреспонденций (Полевого, полк. Артеменко), сменив у них номерки «Калининский» и «Западный» фронты на «Центральный».

Маемся с корреспондентами. Севернее Сталинграда — Лидов и Ляхт (Григоренко), южнее — Куприн и Акульшин. Положение там такое: в первые же два-три дня нам удалось

окружить сталинградскую группировку немцев (примерно 12 дивизий), сейчас кольцо сжимается. Немцы яростно стремятся прорвать кольцо и извне и изнутри. Об окружении [материал] пока не даем, ждем результатов. Немцы уже вынуждены снабжать свой мешок на самолетах, и наши за два последних дня сбили 72 транспортных самолета. Одновременно удар расширяется по флангам, на юге подошли почти к Котельниково, на севере — идем к Морозовской.

Судя по всему, удар был нанесен внезапно. На севере (в районе Серафимовича, Клетской) оборону держали румыны. Они сразу посыпались. В районе Распопинской были окружены четыре румынские дивизии. Одна улизнула, три сдались. Их генералы заявили довольно любопытные вещи (см. об этом и об условиях сдачи в корреспонденциях Лидова в моем архиве). Сейчас бои приняли весьма ожесточенный характер и продвижение замедлилось: в драку вступили немцы.

На Центральном фронте наступление идет медленно и с большим упорством. Тут — сплошные немецкие части, и, кроме того, они заранее знали о наступлении. Скрыть было невозможно: удар готовился почти два-три месяца. На этом участке у нас Полевой, Бессуднов, Калашников, едет Шур[212].

Шур вернулся с Карельского фронта, где был с начала войны. Привез любопытные суждения:

— У нас фронт тихий. Финны до минимума снизили активность. Раньше часто ходили к нам в тыл. Сейчас за лето было всего два случая. Гарнизонов в их тылу не осталось, войска стоят в одном эшелоне. От войны устали, часто не принимают боя, бегут, чего раньше не бывало.

Он удивлен кое-чем в редакции. «У нас на фронте после того, как человек 15—20 раз увидит, что едва не потерял жизнь, он начинает мыслить весьма краеугольно и смело. Должность для него ничего не значит. А тут кое для кого должность дороже жизни».

Рассказывает, что получается довольно много писем от жен, сообщающих о том, что они вышли замуж. Действует угнетающе. Одному командиру пишет другая женщина: «Ваша жена сошлась с моим мужем. Он носит Ваши костюмы. Это подло по отношению к Вам. Она Вас не заслуживает». И в заключение: «Не пришлете ли Вы мне свою карточку, будем друзьями».

Такой же случай с бойцом. Был растяпа. Однако отличился, стал орденоносцем, командиром. Друзья написали в сельсовет. Ему посоветовали «зазнаться». Сейчас она добивается его, а он — гоголем.

16 декабря

За последние дни наше наступление в районе Сталинграда и на Центральном фронте несколько замедлилось. Немцы, понимая, чем это угрожает, отбиваются руками, ногами, зубами. Позавчера в сводке «Юго-западнее Сталинграда» появились давно невиданные формулировки: «вклинился» (противник), вчера — «потеснил наши части». Немцы пишут о том, что они сами перешли там в наступление. Но сегодняшняя сводка (за 16 декабря) дает уже снова сдвиг. Позиции улучшили, просочившуюся группировку уничтожили, захватили большие трофеи.

С Центрального фронта приехал сегодня Сергей Бессуднов. Рассказывал о боях за ж. д. Ржев—Вязьма. Бои очень тяжелые, потери большие. Вначале наш танковый корпус (частью сил), которым командует старый знакомец Арманд, вместе с кавдивизией перерезал дорогу и вышел на ту сторону, потом танкистов перебросили в другой пункт (ударить с тыла по одному селу), немцы поднажали и расчистили ж. д. Кавалеристы наши и сейчас ходят по ту сторону, действуют, но и дорога действует: ходит бронепоезд, эшелоны. Борьба сейчас идет за три укрепленных селения, лежащие в 4—6 километрах от дороги. Если вышибем — контроль над ж. д. наш.

Полевой вчера сообщил о захвате В[еликих] Лук. Пока не даем — нет в сводке.

Вчера было партийное собрание: перевыборы бюро. Раньше было 11 членов, но получилось, что больше половины в бегах (Корнблюм[213] — в Кузбассе, Ровинский[214] — в «Известиях», Рабинович — в Куйбышеве, Кузьмичев — в армии, Калашников — на фронте и т. д.), фактически — налицо только четверо, из них трое — члены редколлегии (Ильичев[215], Сиротин[216], Лазарев), четвертый — Домрачев[217] — от секретариата.

Домрачев сделал отчетный доклад. Присутствовало 28 чл. партии и сколько-то кандидатов. Отчитывался за 19 месяцев. Указал, что 25 коммунистов из аппарата редакции ушли в ар-

мию (Железнов[218], Кружков, Кузьмичев, Путин[219], Верховский[220], Маляр, Галантер[221], Печерский, Перекалин и др.). Некоторые из них награждены: Павлов — Кр. Звездой, Маляр — медалью. Когда была запись в народное ополчение, записывались дружно: записались даже Заславский[222], Тезиков и др. Запись и собрание происходили в полутемноте, в незатемненном конференц-зале. После группа товарищей ушла в истребительный батальон: Верховский, Широков (умер потом от тифа), Джапаридзе (покончил самоубийством). В октябре прошлого года, когда создавались рабочие батальоны, группа правдистов там. В иные дни на комбинат падало до 150—200 зажигалок.

В 6 утра позвонили: почему нет газеты? Обещали выйти через полчаса. Вышли в 7.10. Сейчас держим курс на 5 ч. утра, пока эти дни выдерживаем.

За последние дни в газете много внимания уделяем сбору средств на строительство танков, самолетов и т. п. Особенное внимание — сбору в деревне. Недаром два приветствия т. Сталина обращены к деревне (колхозникам Тамбовской и Саратовской областей). Там денег — вагоны.

Вчера звонил Марку Шевелеву — нужны были факты для передовой. Он порекомендовал обратиться в его дивизию — Монинскую.

— Да они спят еще. Три часа только.

— Ничего, буди. Скажи — воевать пора!

Странная погода. Вообще зима мягкая. Но в ночь с 13-го на 14-е выпал дождь, потом пошел мокрый снег. С 14-го на 15-е чуть подморозило, со вчера на сегодня — просто ударил мороз градусов под 20. Москвичи везде ищут печки-буржуйки, топят худо (бумагой, опилками), дома 10—12 градусов. Жестоко лимитируют электроэнергию. Нам дали сначала на квартиру 59 гектоватт в день, сейчас — 9. Вихирева мне рассказывала, что они половину вечеров сидят при свечах, дабы не выйти из лимита. Часто выключают целые кварталы.

26 декабря

Наступление развивается. Немцы, пытаясь пробиться к своей окруженной сталинградской группе, подтянули много сил в район Котельниково и ударили оттуда по нас, потеснили. Наши собрались с силами, ответно стукнули, заняли не-

сколько пунктов и теснят дальше. На Юго-Западном дела идут хорошо. Сегодня Лидов сообщил, что начались уличные бои в Миллерово, идут бои за Обливскую. Горит (в переносном смысле) ст. Морозовская — армейская база и штаб немцев. Там трофеев будет без конца. Немцы всерьез обеспокоены, их пресса мямлит о том, что еще немного и русские слишком растянут свои коммуникации, наши же, мол, будут компактнее. Вот к этому-то мы и стремимся!

С Черноморского флота приехал Руднев — переводим его вообще в Ленинград, но пока поедет на Юго-Западный. Туда же перебросили и Цветова (с Брянского). Руднев жалуется:

— Флот господствует, а воевать не с кем. А авиация бьет, топит корабли.

Погода в Москве, да и в других местах — дрянь. Руднев 12 дней ждал в Тбилиси самолета: Коккинаки неделю сидит в Куйбышеве, не может вылететь в Москву.

Вчера приехал с Калининского фронта Байдуков. Командир штурмовой дивизии. Уламывал его написать в новогодний номер.

— О чем?

— «Штурмовики летят в Новый год».

— Нет.

— Тебе надо обязательно выступить. Вас, старых героев, все потеряли.

— Заезжай чай пить — тогда напишу. (Я обещал.) Посылают меня на курсы усовершенствования при ВВА. Думаю — отлынить.

Звонил мне на днях Анатолий Дмитриевич Алексеев[223], смеется:

— Колхозник Ферапонт Головатый[224] внес 100 000 р. на самолет. Вот он — герой. А я — Герой — едва 500 рублей наскребу.

Прошел слух, что один летчик вернулся пешком из-под Берлина. Я позвонил Шевелеву, нач. штаба АДД.

— Треп! Но похож на правду. Помнишь, как-то писали, что два экипажа не вернулись? Оба летчика пришли, одному-то было недалеко, а второй из-под Варшавы. Ехал поездом, в угольных вагонах (я, говорит, потом счет Гитлеру за проезд пошлю). Изредка вылезал, подхарчиться в селах, попросить корочки. Вылазит однажды — в поле мужички.

— Что это?

— Острогожск.

— Незнакомое название. А что рядом?

— Коротояк.

— А, это знаю, венгров тут бомбил.

Подался к Дону, переплыл, уже ледок. Крестьяне сказали, что за Петропавловку (напротив Коротояка, на левом берегу) идет бой. В чьих руках село? Лег нагишом в канаву, дрожит. Ночь. Идет мимо солдат в шинели, каске, с автоматом. Кто его знает, чей. Лежит. Слышит рядом голоса. Прислушивается. И вдруг доносится: «Опять, е... его мать, кашу прислали!» Фффуу, бесспорно — свои! Подождал, пока загрохал котелок (ест — не убьет с перепуга без спроса), выскочил: «Я русский летчик, веди к командиру!» Пехотинец сначала перепугался, а потом услышал: «Веди», — приосанился, повел.

Ошибки нас преследовали. 24 декабря в дневном сообщении Совинформбюро напечатали (грохнули тысяч 200): «...однако *неизвестно*, что гитлеровцы с истиной не в ладах...» Сегодня перепутали заголовок и вместо «Анкарский судебный произвол» дали «Анкарский судебный процесс». Напечатали 5000, ломали.

ЦК вынес суровое решение по ошибке от 15 декабря (по ЧелябГЭС) и от 24 декабря. Записали нам, что это беспорядок, предложили навести порядок, сообщить и наказать виновных. Сегодня было заседание редколлегии. Старшему корректору Полонскому объявлен строгий выговор с предупреждением, корректорам Шаровой и Гришиной — строгие выговоры. За безответственное отношение к сверке документов (по сегодняшнему случаю) Волчанской — выговор, считывающему с ней Хандросу[225] — на вид, Гершбергу — за Челябу — указать, Штейнгарцу[226] — выговор.

Введен по предложению ЦК порядок: дежурные члены редколлегии и редактор читают материалы не только в полосе, не только в подписанной полосе, но и с барабана, и по выходе — весь номер. Уухх!

28 декабря

Сегодня был у Байдукова. Когда приехал, сидел у него полковник Геллер и какой-то капитан. Была и Женя — жена Егора, она напоила чаем с печеньем и скоро ушла спать. Гел-

лер и капитан тоже быстро ушли. Мы с Егором просидели часов до 2 ночи.

Внешне Байдуков изменился. Раньше он всегда выглядел очень моложаво. Сейчас он своих лет. Потяжелел, обрюзг. Одет в военную форму, на груди — ордена, кроме прежних (Ленин, Звезды и Знамени), на правой груди Отечественной войны. Знаки полковника.

— Что же, не представляют тебя к генералу?

— Нет, рано. Да и что я — я ведь гражданский человек, летчик-испытатель, пошел на войну по долгу гражданина. Кончится баталия — опять уйду на завод.

Много и откровенно он говорил про войну. О промахах наших под Ржевом, о потерях, о недооценке противника. Искренне восхищался работой штурмовиков. Ласково, но язвительно отзывался о Громове — хорошем летчике, но никаком начальнике. О качествах штурмовиков я распространяться тут не буду, об этом Егор написал достаточно в своей статье (см. «Правду» от января 1943 г.), рассказывал он о «Харрикейнах»: «Прилетел как-то к нам полк харриков — 157-й, 18 машин из Ленинграда. Командир — майор Андреев. Докладывает: прибыли машины в ваше распоряжение, личный состав обратно. Я говорю:

— Документы!

— Чьи?

— Ваши.

Дает.

— Еще есть какие?

Дает. Кладу в карман:

— Останетесь здесь.

Он взмолился:

— Т[оварищ] полковник, я же ленинградец!

— Ничего, будете здесь драться. Давайте условимся: собьете 45 машин — полетите обратно.

Ладно, договорились. А немцы в эту пору нам жить не давали. Особенно повадились на этот аэродром. Ребята молодые. Чтобы не очень скучали, я к ним переехал. За два месяца сбили 42, а больше — нет и нет. Скучает Андреев. И вот раз — налет на немецкий аэродром. Шпокнули еще 13. Обязательство сделано! Ну что же, езжайте. Поехали. Погрузили 11 машин (вначале было 18). Хорошие истребители, можно работать».

— А самому летать приходилось?

— Нет, это нам запрещено. Один раз попробовал, так потом такой нагоняй устроили — жизни не рад был. А так все прелести — к нашим услугам. Вот раз под классическую бомбежку с адъютантом попал. На аэродром налетели. Легли. Бомбы рвались в 10—15 шагах. Ничего, отряхнулись.

— Чье превосходство в воздухе?

— У нас на участке, бесспорно, наше.

— Немцы: молоды, юнцы?

— Юнцов не видел. Сбивали часто — офицеры, с крестами, опытный народ. Правда, и они иной раз ошибаются. Наша пехота никак не могла взять одну деревушку на горке. И вот смотрим: идет около 20 «Юнкерсов». Мы подняли своих истребителей и сразу дали приказ не драться, т. к. немцы начали бомбить собственные позиции. Аккуратно, по-немецки. Ушли «Юнкерсы», пехота поднялась и тихо, деликатно заняла деревню. Жертв — почти нет.

— Ну а как штурмовики против танков?

— Работают. Только не РС-ами, а бомбами с мгновенными взрывателями. А РС-ами мы запретили пользоваться. Не берут. Но эти бомбы — любо-дорого.

— А как Мих. Мих.[227] командует?

Смеется:

— Ну какой он командующий. И тут остался спортсменом. А Конева он боялся, ходил просто бледный. Я его никогда таким не видал. Конев и на меня было взъелся. Вообще, мужик серьезный, людей «бьет» прямо в морду. Ну, я его обрезал. Ничего, обалдел, отошел, даже сесть предложил, хотя у него никто не сидит, и для посетителей даже стульев нет в кабинете.

— А как действуют наши истребители?

— Как. Вот тебе ответ. Недавно Мих. Мих. сказал: «Слава богу, погода плохая». Есть молодежь, драться не умеет, летает плохо, но смелые!

— Ну а машины наши?

— Не хуже немецких, а лучше.

Написал он нам статью о штурмовиках, а сам поехал на высшие курсы комсостава при ВВА на месяц.

1943 год

1 января

Вот и Новый год. Встретил его дома с Зиной. Чуть выпили. Потом позвонил Гершбергу. Подошли к нему — у него Калашников с женой. Потом подошли Верховцев[1], Мержанов. Посидели часиков до 5.

Перед этим было много разговоров о том, где встречать. Хотели было в ЦДРИ[2], но там, оказывается, надо было сдавать обеденные талоны за 30 и 31 декабря и вносить по 500 руб. с пары. В клубе моряков — только для своих. В клубе летчиков — ничего. Плюнули, решили дома.

По случаю Нового года осадное положение приказом коменданта города в ночь с 31 на 1 было в Москве снято.

5 января

Сиволобов рассказывает о своей поездке на Юго-Западный фронт:

— Майор Федоров? Знаю, как же. Спали на одних воротах.

— ??

— Ну да. В избе пол земляной. Так мы сняли ворота, втащили их в избу и спали на них.

Рассказал он занятную историю из своей последней поездки к партизанам Витебской области: «Был у нас один партизан. Увидел у меня зажигалку.

— У... у меня их много было, да все раздарил.

В другой раз, через недельку примерно, вспомнил о зажигалках и говорит:

— У... много их было, да на хлеб поменял.

Показалось подозрительным. Вот мы едем с комиссаром отряда в другой отряд и не сговариваясь поворачиваемся друг к другу и говорим: «Подозрительно». Решили вернуться. Взяли его, повели выяснять. А тут один партизан — татарин — навстречу попался, увидел его, побледнел даже: «Да он, сукин сын, нас допрашивал в немецком лагере под Витебском!»

Оказалось — провокатор. Кокнули.

15 января

За последние дни несколько раз звонил т. Сталин. Нажимал с выходом газеты. Пару дней назад, например, позвонил Поскребышев:

— Когда выйдет?

— В 7.30.

Ровно в 7.30 позвонил Хозяин:

— Вышла?

— Вышла.

Под Новый год позвонил:

— Когда выйдет?

Поспелов объясняет, что много официального позднего материала (шло коммюнике об итогах 6-недельного наступления под Сталинградом), набор, сверка...

— Я это сам знаю. Когда выйдет, я спрашиваю?

Как-то на днях мы не дали одной официальной иностранной телеграммы. Небольшой и, на наш взгляд, незначительной. Тесно было. На следующий день позвонил Сталин и предложил ее напечатать.

17 января

За последнее время по всей стране перекатывается сбор средств на танки и самолеты. Дело потянулось большое. В редакции собрали тысяч 80. Я подписался на 1500 р. Послали рапорт Сталину, ответил, напечатали.

Наступление наше развивается повсюду. Немцев щелкают каждый раз в новом месте. С Кавказа они бегут, боясь, что мы выйдем к Ростову и устроим им большой котел. Бегут так, что мы еле-еле догоняем.

19 января

Горе из Коминтерна сделал очень умный доклад о международном положении для актива редакции. Горе считает: 1) Гитлеру не удастся собрать силы для контрудара; 2) начался распад вассалов; 3) кончается период саботажа второго фронта и действий в Африке со стороны наших союзников.

20 января

Сегодня уехала Зина обратно в Омск. Многие уже перевозят свои семьи, но я пока не хочу. Мотивов несколько: холодно, голодно, немцы все же недалеко (восточнее Гжатска), могут бомбить.

С топливом в Москве тяжко. В редакции в последние дни 6—7 градусов, работаем в шинелях и пальто. Мержанов даже правит в перчатках. Дома около 7 °С — это у меня. В нашем доме на Беговой — 0—2 °С. Многие дома в Москве совсем не отапливаются. Люди ставят буржуйки (такая, например, у Гершберга), топят заборами, палисадниками. Появилось разнообразие систем: кирпичные, чугунные, двухъярусные и пр. На улице последнюю неделю 25—30° мороза. Тяжело и со светом. Все дома посажены на жесткий лимит. Мне принесли сначала на 9 гектоватт в сутки (на 4 комнаты). После домогательств увеличили до 14. Еле-еле хватает на 16—25-свечную лампу на 3—4 часа света в сутки. У нас не горит свет в ванной, кухне, уборной — и то еле-еле влазим (лампочки перегорели, а новых не продают), в типографии лампочки воруют, поэтому по окончании номера их вывинчивают со столов толлера. За пережог москвичами лимита — штраф в 10-кратном размере и выключают окончательно. Сейчас еще добавилось выключение группы наших домов на 2—3 часа в сутки (с 6 до 8—9 утра). Так и повсюду в Москве. Так как в котельной морозы, то это сказывается и на топке. Бррр!!

Тяжело и с харчем. Когда была здесь Зина, я ужин (паек с 208-й базы) получал домой, но все равно оба сидели полуголодные. Но это еще у нас! Иждивенцы по карточкам сейчас ничего не получают, кроме хлеба и соли. Служащим за январь выдали только по 300 гр. крупы, больше ничего, детям кое-что дают, но до 3 лет.

Тем, кто обедает в столовой, вырезают из карточки талоны на мясо, жиры, крупу — почти целиком. Кормят же в сто-

ловой похабно. Зина обедала около месяца. В столовой ИТР[3]: вода с капустой, на второе, как правило, картошка или каша. Раза два-три дали котлеты, пару раз — рыбу. Жена Миши Штиха[4] работает в «Крокодиле» и питается в общей столовой. Меню: раз в день — только первое (щи из пустой капусты), на другой день — щи и вареная картошка. В типографии появились случаи дистрофии.

Война есть война.

Местком достал и раздал картошку и муку (закупали в дальних колхозах). Раздали по 30 кг картошки и по 10 кг муки. Все сейчас этим и подкармливаются. Все жрут лук. В связи с недостатком витаминов большой популярностью пользуется в Москве чеснок.

30 января

Наступление развивается. Прорвали блокаду Ленинграда по краю Ладожского озера. Ликование. Идет жестокая борьба за мгинский ж. д. узел — это дало бы ж. д. путь в Ленинград. Немцы сопротивляются озверело: бросают в один налет на один участок там по 50 «Юнкерсов» в сопровождении 50 истребителей.

Начал Брянский фронт. За три дня прорвались на 50 км и заняли свыше 200 селений. В районе Сталинграда: перебитие остатков окруженных дивизий заканчивается. Бои идут в Ворошиловграде — там держатся. С Кавказа немцы поспешно выбираются, оставили сегодня Майкоп, Тихорецк. Именно поэтому так держатся они у Луганска[5], чтобы сохранить ворота (ростовские) для выхода своих армий. Очевидно, основная цель у них сейчас: сохранить живую силу. В самой Германии объявлена тотальная мобилизация.

Пару раз мы слушали их передачи. Сводки их Верховного командования необычайно лапидарны и неконкретны: «тяжелые оборонительные бои», «превосходящие силы русских», «протекали действия по планомерному сокращению фронта» и т. д. Голос диктора унылый.

По-прежнему холодно. Правда, на улице потеплело — 18—20 °С. Но дома — не больше 9 °С. Сплю в свитере, накрываюсь поверх ватного одеяла пледом. Сегодня был в гостях — сидел в своем кожане, сверху меня закутали шалью, а на колени я набросил шинель. В комнате там, ну, +4 °С.

Людмила Пожидаева, работающая в студии «Мультфильм», рассказывает, что у них там минус 2. Она — художница — работает так: в полном облачении (пальто, шляпа) закутывается в байковое одеяло, садится с ногами на стул, на руках — перчатки с обрезанными кончиками пальцев, как у кондукторов трамвая, и так рисует. Дома у них установлена печка. Недавно она была где-то в гостях и принесла оттуда родителям подарок — 5 поленьев. До этого стопили ящики, старые стулья, кое-какие книги отца-профессора.

Вообще, печки расплодились. Уралов хвастается какой-то многоярусной. Был позавчера у Коккинаки, установил он буржуйку в коридоре и все живут вокруг нее. Тут мы и играли в преферанс, тут и все встречи. По дороге туда видел вечером, как у одного дома две девушки спиливают колья изгороди. Буржуйки установлены и кое-где у нас — в кабинете Ярославского, Поспелова, Ильичева.

Холодно и в театрах. Но полно. На первый акт раздеваются, в антракт — одеваются и дальше сидят в шубах.

Кокки угостил меня ликером «Голубые глазки» (он же — по словам Спирина — «Синий платочек») — смесь спирта с глицерином, заливающаяся в механизмы шасси.

1 февраля

Вчера эффектно закончилась ликвидация сталинградского окружения. 16 генералов, в том числе генерал-фельдмаршал фон Паулюс[6], взяты в плен. Немцы сегодня вынуждены были признать, что окруженные войска кончились, но о плене, разумеется, молчат. Зато в мировой печати — бомба. Сегодня Вирта[7] сообщил из Сталинграда подробности пленения Паулюса. Пока не даем, хотя специальным самолетом в Москву доставлены даже снимки 7 генералов.

Сегодня первый день ношения погонов. Москвичи ходят и засматривают, офицеры — горды. За Мержановым на улице бежали ребятишки и кричали: «Дядя, почему без погон?» (у него две шпалы)[8].

Недавно мне пришлось писать передовую о танкистах, в связи с награждением Ротмистрова[9] орденом Суворова. Он получил его за смелый, глубокий рейд почти под Батайск.

В связи с этим генерал-лейтенант Бирюков мне рассказывал:

— Это сам Сталин его наградил безо всякого нашего представления. И генерала Баданова[10] за такой же рейд (захват Тацинской) тоже сам. И корпуса гвардейскими стали. Раньше т. Сталин часто нас спрашивал: «Неужели у вас не найдется людей, которые отважатся действовать по тылам противника на собственной родной земле?» И вот нашлись. Сила в массированности, в кулаке. Знаете, как т. Сталин называет людей, которые раздергивают танки по бригадам и дивизиям по 5—10—15 штук? Он их называет «варварами».

6 февраля

Снова крупная неприятность. 1 февраля мы напечатали два материала о том, как немецкие генералы под Сталинградом сдавались в плен. Дунаевского «Генералы сдаются в плен» и Григоренко «Сталинград сегодня».

В первом из них генерал фамильярно и панибратски беседует с полковником нашим, взявшим его в плен, во втором — наши пригласили генерала на вечер художественной самодеятельности.

Шум — гигантский. Т. Сталин прочел и возмутился, назвал это либерально-заискивающим отношением к иностранцам, в том числе к врагам, назвав это «рабской психологией». Вчера редакция получила строгое постановление ЦК, в котором помещение этих материалов расценено как грубая политическая ошибка, указано, что это свидетельствует о притуплении чувства партийности у работников редакции. Постановлением Дунаевский и Григоренко сняты с военкоров, как не отвечающие своему назначению, Поспелову поставлено на вид.

Вчера по этому поводу заседала редколлегия. Что решила — неизвестно. Члены ходят молча и таятся. Редактор мрачен, как туча.

15 февраля

Сегодня днем немного постреляли. Это уже второй раз за последние несколько дней. Видимо, немцы боятся оживления на нашем центральном участке фронта и высматри-

вают — нет ли движения и концентраций. Ходили, надо думать, разведчики.

Вчера был в цирке. Пошел посмотреть «Кио[11] с 75 ассистентами». Народу — битком. В фойе и у входа не протолкнешься. «Нет ли билетика? Плачу 60 рублей за любое место». Мальчишки бойко торгуют из-под полы билетами. Понятно — Кио, да еще в воскресенье.

Встретил у входа Ильюшина, в полной генеральской форме, с сыном. Пошел на свои места — кто-то окликает из 3-го ряда: «Лазурька!» Гляжу — Папанин с женой. Он недавно вернулся из Мурманска и решил поглядеть иллюзиониста.

В антракте с Ильюшиным пошли курить. В курилке было тесно, стояли в коридоре («кури в рукав, как в церкви», — учил меня Сергей). Он мне рассказывал о своей работе: модернизировал Ил-4, скоро выйдет новая машинка.

— А Ил-4 для дневной сейчас пойдет?

— Днем?? — Он засмеялся. — Знаешь, недавно вызвал т. Сталин авиаторов и спрашивает: «На чем немцы днем бомбят? На «Юнкерсах»? А мы почему на Илах не можем? Скорость у них поменьше, зато нагрузка больше, маневренность выше, огонь сильнее». И приказал создать дивизии дневных бомбардировщиков. Но ходить обязательно с прикрытием. Каждой дивизии Илов — две дивизии истребителей.

— А новая будет хорошая?

— Ничего. Видишь ли, сейчас уже трудно ошарашить противника. Когда вышел Ил-2, штурмовик, это было неожиданностью для немцев: полная броня, РСы. А тут — не удивишь. Но машина хорошая.

— За тобой еще самолет-таран, помнишь идею Володи?[12]

— Я не думаю его строить. Хотя он весь в голове готов. Кого таранить? Бомбардировщик? Лучше его сбить, дешевле. Истребителя? Тоже. Но если делать — нужно делать раздельно для того и другого. С крепкой, несокрушимой броней, молоток.

Когда возвращался на место, Папанин задержал: «Поедем обязательно ужинать ко мне». Я отнекивался — не могу, Мержанов болен (пошло кровохарканье) и т. д.

— Ничего, я сам из дома Поспелову позвоню. Обязательно надо со встречей раздавить.

В перерыв я позвонил в отдел. Ответила секретарша:

— А вас ищут со всех ног по всему городу. От Поспелова несколько раз звонили. Куда посылать машину?

Позвонил редактору.

— Лазарь Константинович, немедленно приезжайте на легкой ноге. Приятные вести.

Примчался. Папанин кричал вдогонку:

— Обязательно позвони и приезжай потом. Это, наверное, Ростов.

Только зашел к Поспелову, так и есть: «последний час» о Ростове, Ворошиловграде и Красном Сулине. Сел, написал передовую «Наши победы на юге». За три дня — две передовых (первая — «Могучие удары по врагу»).

Ошибка с генералами вызвала крупные последствия. В среду 10 февраля обсуждали это на бюро. Вынесли мне и Лазареву по выговору, Мержанову — указание. 11-го и 12-го было партсобрание. Докладывал Поспелов, потом выступало примерно 20 человек. Досталось нам по первое число. Говорили и об ошибке, и о плохой работе отдела. Все единодушно заявляли, что Лазарев не справляется с работой и его нужно снять. Ильичев и Сиротин пытались было его защитить, но их энергично поправили. Взыскания нам утвердили.

Какой уж раз поскальзываюсь на чужом материале! Сейчас все гадаем — останемся ли здесь («укрепить отдел»), переведут ли в другой отдел или пошлют на фронт спецкором. Последнее — самое лучшее.

Прилетел Григоренко, мы его вызвали. Летел в полной уверенности, что за орденом (операция закончилась, фронт ликвидировали, печатали много). Тем более что на месте представили. И вот... Ходит потерянный. Видимо, оба будут работать в выездных редакциях на заводах.

Начались реэвакуационные настроения. Гершберг еще в начале зимы перевез семью в Москву (наркомы и другие ответственные работники сделали это давно). Когда здесь была Зина (она прожила с 23 ноября до 20 января), мы договорились на весну. Сейчас многие хотят забрать: Калашников, Азизян[13], Гольденберг, Шатунов, Коссов и др. Подали заявку в Совнарком на выписку 50 семей. Молотов разрешил. Завт-

ра в Главмилицию идет первый список на 14 семей. Я решил во вторую очередь — в апреле—мае. Холодно больно везти, да и в Москве и холодно и голодно.

25 февраля

С огромным нетерпением все ждали 25-летия Красной армии. Выступит Сталин или нет? Что скажет? Как оценит наступление? Действия союзников.

Под утро с 21-го на 22-е мы получили билеты на заседание. И сразу стало ясно: торжество не в Кремле, а в Колонном зале [Дома союзов]. Значит, доклада Сталина не будет. А по окончании номера Поспелов сказал, что докладчик — Ярославский.

Значит, во-первых: положение не такое ясное, чтобы требовалось выступление; во-вторых, видимо, рано раскрывать карты. («Сталину, если выступить, надо сказать что-то о международной обстановке, а — видимо — он этого не хочет сейчас и о своих планах молчит», — говорит Гольденберг-Викторов.)

Представляю, как разочаровались в мире дипломаты, в том числе и наши союзники. Недаром даже сегодня, 25 февраля, напечатана заметка, сообщающая, что Рузвельт заявил, что еще не читал приказа наркома от 23[14]. Экая плохая связь! Вообще, в широких кругах отношение к союзникам за последнее время весьма ироническое.

Вечером 22.02 получили приказ Верховного Главнокомандующего. В нем три особенности: 1) не переоценивать успехов и не недооценивать врага; 2) никаких конкретных сроков и задач войны; 3) ни слова о союзниках.

Наше наступление продолжается. Заняли Харьков, Павлоград, Красноград, Сумы. Все черкают карты, рисуют дальнейший ход ударов, каждый стал стратегом, прикидывают: «А куда отсюда ударят?» Это — всюду.

Но за последние дни отпор немцев усилился. На юге (в Краснодарском крае, в Ростовской области) началась оттепель, дожди, все раскисло, наступать трудно. На Юго-Западном и у нас — плохая погода. Таким образом, почти всюду авиация действует мало и помогает мало. А самое бы время!

Да и немцы собрались, видимо, с силами и темп наступления замедлился. Как сообщает сводка, в районе Красноармейское наши части непрерывно отбивают контратаки, иной раз немцы даже «вклиниваются».

Все ждут Орла. Сегодня говорил по телефону с Мих. Сиволобовым, посланным туда. Он сказал:

— Тот город, о котором мы с тобой говорили перед отъездом, пока очень тяжел. С большим трудом мы прошли одни ворота (линию), но за ними — много дворов. Сейчас пасемся (прогрызаем).

Давно бьемся и с Новороссийском и за Мгинский узел (под Ленинградом) и окружаем 16-ю армию. Пока туго!

В сводке второй день нет занятых пунктов. Народ недоумевает, тревожится. Разбаловались, решили, что война уже кончилась.

ЦК вынес постановление о сокращении тиражей и периодичности газет. «Правда» не будет выходить по вторникам (таким образом, впервые с 1929 года у нас появится выходной — понедельник — с 1 марта). Тираж наш сокращен с 1200 тыс. до 1 млн. Тираж «Известий» — с 500 до 400 тыс. Все областные газеты (за исключением «Ленингр. правды», «Моск. большевика» и «Вечерки») будут выходить 5 раз в неделю, все районные — 1 раз на двух полосках. Ряд газет и журналов закрывается. Аргументируется острым недостатком бумаги. Подписано: «Сталин».

Полевой рассказывал, как во время уличных боев в Великих Луках он пробирался на машине к городу. Навстречу идет парень в форме танкиста и несет сверток. Показалось, пьяный. Подошел:

— Товарищ командир, возьмите. Я, должно быть, помираю.

И упал. Подозвали санитаров, унесли. Потом узнавали — выжил. А в свертке — девочка лет 3—4. Оказывается, раненый танкист, пробираясь по городу, увидел на набережной труп мальчика и плачущую девочку. Видимо, брат бежал с ней от немцев к нашим и был убит миной или снарядом. Танкист подобрал, вынес из боя, из города и вот упал. Полевой доставил ее с санитаркой в Москву. Сразу пришлось ее положить в госпиталь — истощение, простуда. Месяц висела

на волоске, выходили, особенно мать Полевого (врач). Об этом где-то у меня есть записка Полевого (в пачке переписки с корреспондентами).

Утром 23-го прилетел из Харькова Устинов. Летел три дня на У-2, непогода. Рассказывает: горит. Разрушен так, что с трудом узнаешь. Населения много. Много переодетых офицеров. До сих пор (20-го улетел) вылавливают автоматчиков. Голод страшный.

Из Сталинграда приехали Куприн и Акульшин. Долго сидели у меня, рассказывали. Досталось им крепко. Акульшин обижался, что вычеркивали из его репортажей красоты.

— Война имеет и свою красоту. Вот когда, например, бомба упадет в воду. Такой великолепный столб — прямо загляденье. И потом — атолл, подымает песок, внутри и снаружи — вода. А как-то при нас из 6-ствольного миномета залепили в 5-этажный дом. Недалеко. Он разом поднялся в воздух, как в кино. Красота! Мы смотрели зачарованные.

Зуев рассказывает забавную историю. Московские трамваи ходят совершенно отвратно. Их даже не ждут. Автобусов нет, троллейбусы редки. Зато в метро — битком. И вот Зуев как-то встретил на трамвайной остановке писателя Павла Нилина[15].

— Чего ждете?

— Трамвая.

— Куда?

— Еду в трамвайный парк делать доклад о текущем моменте и задачах производства. Вот и тема: жду час, опаздываю по их вине.

Получен негласный приказ: в кратчайший срок привести в порядок все химубежища в Москве. Толки. Гершберг, Мержанов считают, что немцы не пустят газы: Америка и Англия удушат их тогда. А по-моему, и пальцем не шевельнут, только писать будут без конца. Я попросил ребят привезти с фронта противогаз («или противогазов?» — пошутил Сиволобов). Причем лучше — фрицовский, он на их газы предусмотрен (хотя наши не хуже).

Сегодня запломбировал зуб.

26 февраля

Сегодня было заседание редколлегии. Куприн и Акульшин рассказывали о своей работе в Сталинграде. Излагали часа 2 с половиной. Наиболее интересным был рассказ Акульшина о том, как взяли в плен фельдмаршала Паулюса. Сей рассказ существенно отличается от напечатанного у нас 4 февраля репортажа Вирты, причем ребята клянутся, что Вирта наврал все.

Вот рассказ Акульшина:

— К концу месяца января бои в Сталинграде приняли такой широкий и жаркий характер, что командующий 64-й армией генерал Шумилов[16] жаловался, что у него в кармане (в резерве) осталась только 38-я мотострелковая бригада. Но вскоре пришлось и ее вынуть из кармана.

Сломив несколько крупных узлов сопротивления, автоматчики бригады подошли к зданию универмага (недалеко от обкома, на площади). Этот дом за его форму называют «утюгом». О том, что там помещается штаб Паулюса, никто не подозревал. Паулюса искали на вокзале — не нашли, в здании обкома — нету. И универмаг приняли за обычный дом и решили захватить его обычной штурмовой группой.

Утром 31 января к дому подобралось 32 наших автоматчика. С ними был какой-то прибалтийский немец, частенько выполнявший обязанности переводчика. Подобравшись поближе, командир группы — капитан — приказал немцу: «Кричи: сдавайтесь! Вы окружены!»

Тот закричал. На шум вышел немецкий офицер и спросил: нет ли тут русских офицеров, с которыми он мог бы поговорить. Пошли трое: капитан и два старших лейтенанта. Офицер попросил их следовать за собой. Они вошли во двор и крякнули: там находилось несколько тысяч солдат, с минометами, пулеметами и прочим. Зашли в подвал. Затем офицер вышел и сказал, что генерал их принять не может, а хочет поговорить только с представителем генерала Рокоссовского.

— Есть такой представитель?

— Есть, сейчас вызовем.

Командиры вышли, снеслись со штабом бригады. Штаб Паулюса здесь! Но нельзя же было тянуть время. К ним примчался замкомандира бригады по политчасти подполков-

ник Леонид Абович Винокур[17], бывший до войны инструктором Куйбышевского райкома Москвы. Подбросили еще немного автоматчиков, а у здания обкома поставили единственную пушку, имевшуюся налицо. Винокур был в куртке, и знаков различия не видно. Винокур вошел в подвал. В первой комнате полно генералов и полковников. Они крикнули: «Хайль», он ответил: «Хайль». К нему подошел адъютант Паулюса и заявил, что с ним будет беседовать по поручению фельдмаршала генерал-майор Раске. Вышел Раске и представился:

— Командир 71-й пехотной дивизии, ныне командующий группой войск (окруженной западнее центральной части Сталинграда) генерал-майор Раске[18]. Уполномочены ли вы вести переговоры? Кого вы представляете?

— Подполковник Винокур. Да, уполномочен. Политическое управление Донского фронта.

— Прошу иметь в виду, что то, что я буду говорить, представляет мое личное мнение, т. к. фельдмаршал Паулюс передал командование войсками мне.

— Фельдмаршал? Позвольте, но господин Паулюс, насколько мне известно, генерал-полковник!

— Сегодня мы получили радиограмму о том, что фюрер присвоил ему звание фельдмаршала, а мне — полковнику — генерал-майора (за точность последней фразы о Раске не ручаюсь. — *Л. Б.*).

— Ах, вот как! Разрешите поздравить господина Паулюса с новым званием.

Беседа стала менее официальной.

— Гарантируете ли вы жизнь и неприкосновенность фельдмаршала?

— О да, безусловно!

— Если нет — то мы можем сопротивляться. У нас есть силы, дом заминирован, и в крайнем случае мы все готовы погибнуть, как солдаты.

— Дело ваше. Вы окружены. На дом направлено 50 пушек, 34 миномета, вокруг 5000 отборных автоматчиков. Если вы не сложите оружия, я сейчас выйду, отдам приказание и вы будете немедленно уничтожены. Зачем же напрасное кровопролитие?

— А есть ли у вас письменные полномочия?

Винокур на мгновение опешил. Конечно, у него не было ничего. Но, не подавая виду, он ответил:

— Удивлен вашим вопросом. Когда вы мне сказали, что вы Раске, что стали генерал-майором, а не полковником, что командуете группой, я не спрашивал у вас документов. Я верил слову солдата.

— О, верю, господин подполковник. А на каких условиях мы должны сложить оружие?

Он ни разу не сказал «сдаться» или «сдаться в плен».

Винокур опять призадумался, а потом нашелся:

— Ведь вы читали наш ультиматум?

— Да.

— Условия, следовательно, известны.

— Гут! Гут!

— Тогда приступим к делу.

— Разрешите написать прощальный приказ войскам.

В это время вошел начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт[19] и сказал, что фельдмаршал хотел бы повидаться с представителем генерала Рокоссовского.

Винокур отправился в соседнюю секцию подвала. Паулюс поднялся навстречу из-за стола. Он был высок, мрачен и небрит.

— Хайль!

— Хайль!

— Гарантируете ли вы судьбу и жизнь нашим солдатам и офицерам, в том числе и раненым?

— Да.

— Я прошу не задавать мне никаких вопросов, связанных с этой процедурой, т. к. командование группой я уже несколько дней назад передал Раске (хитер, бестия!).

Винокур вышел. Приказ уже был готов. По просьбе Винокура его написали в двух экземплярах: один он положил в карман. Состоял приказ из 4 пунктов:

1. Голод и холод изнурили германскую армию под Сталинградом. Измена некоторых частей усугубила тяжелое положение. Поэтому командование решило и предлагает войскам сложить оружие.

2. Офицерам сохраняются личные вещи, ордена и холодное оружие. Гарантируется жизнь и возвращение по окончании войны на родину или в другую страну.

3. То же о солдатах, кроме оружия.

4. Немецкие солдаты и офицеры под Сталинградом выполнили свой долг и приказ фюрера. Всему личному составу объявляется за это благодарность.

Приказ заканчивается словами: «С нами Бог, с нами Господь!»

В это время прибыл из штаба 64-й армии генерал-майор[20]. Винокур доложил ему о ходе переговоров. Он прочел приказ и заявил:

— С пунктом вторым я не согласен. Холодное оружие вычеркните. Это вам предлагали три недели назад до боев, не захотели — пеняйте на себя!

Раске покривился, но вычеркнул. Началась процедура сдачи оружия, затем вызвали грузовики и начали грузить личные вещи генералитета. Приказ передали войскам по телефону. Солдаты и офицеры во дворе построились. Вышел Паулюс и генералы. Зачли приказ, Паулюс обнял и расцеловал некоторых генералов и в том числе одного автоматчика. Наши поинтересовались: а чем вызвана такая нежность? Оказывается, он убил 79 русских. Наши заприметили этого убийцу.

Генералов увезли на машинах в штаб дивизии, потом в штаб армии. Начали выводить солдат со двора. Их там было более 3000 человек, в том числе около 700 офицеров. А наших автоматчиков к концу едва набралось до сотни!

Как быстро мы начинаем восстанавливать отбитые районы. Еще неделю назад в Донбасс выехала правительственная комиссия по восстановлению шахт, а до этого было отправлено два или три эшелона с рабочими из Подмосковного бассейна.

Сегодня Гершберг сказал, что принято решение восстановить Сталинградский тракторный завод. Обследование показало, что там сохранились около 4000 станков и прилично сохранился силовой цех. «Через пару месяцев, уверен, завод уже будет ремонтировать танки».

Все наркоматы и заводы усиленно вызывают в Москву жен. На днях СНК принял постановление об улучшении снабжения ответработников наркоматов. Им будет даваться кроме литерного обеда еще сухой паек (в размере рабочей карточки) и ужин (в таком же объеме). Хотим приравняться!

5 марта

Трудно аккуратно вести дневник. Сижу один в отделе: Коссов еще в ноябре уехал в выездную редакцию в Свердловск на стройку электростанции (этих выездных у нас за время войны развелось видимо-невидимо: на авиазавод в Куйбышеве, на завод № 24 в Москве, на шахтах Кузбасса и в Подмоск. бассейне, в Горьком и т. д.). Мержанов начал кровохаркать и лег в санаторий. Золин поехал на прорыв блокады в Ленинград, участвовал в танковой атаке, заменил артиллериста, разорвался снаряд в башне, два осколка в руку, перебита лучевая кость, пролежит два месяца в госпитале (об этом см. в «Правдисте»[21]). Вот и остался один, даже писать никуда некогда, хотя каждый день звонят из Информбюро и радио.

За последнее время газетчиков вообще начали пулять. Позавчера «Красная звезда» дала некролог о Сашке Анохине — 27 февраля погиб на фронте: прямое попадание бомбы в машину, 28.02 похоронен с воинскими почестями на фронте. Вчера «Красный флот» дал некролог о Мацевиче — погиб на Северном флоте. На днях прибыл в Москву Илья Бачелис[22] — эстет и балетоман. Поехал от «Известий» на ЮЗФ, пошел с танковым корпусом в Красноармейское, немцы ударили, еле выполз на животе с группой, ранен осколком снаряда в правую руку (в ладонь).

Позавчера после значительного перерыва был снова «Последний час»: взятие Ржева. Судя по последним сводкам, наступление там развивается успешно. А вот на левом фланге Западного фронта (район Сухиничи) 10-я и 16-я армии тыркаются уже несколько дней, а результатов пока нет. В Донбассе немцы перешли в контрнаступление. По их сообщениям (сводки ставки), они отбили за последние дни Красноармейск, Павлоград, Краматорскую, Лобовую, Барвенково, Изюм, сегодня они сообщили о Лисичанске и об «окружении советской армии южнее Харькова». Судя по тому, что из наших сводок исчезли Краматорская и Красноармейское, доля истины в этом есть. Но война есть война, и она не кончена.

28 февраля мы получили сообщение о новых гвардейских кораблях. Позвонил мне вечером Ильичев:

— Ты единственный сейчас моряк. Пиши передовую.

Позвонил я адмиралу Кузнецову[23].

— Что хотите видеть в передовой?

— Да так трудно тебе сразу сказать. Дай подумать.

Я позвонил начальнику ПУ генерал-лейтенанту Рогову. Кое-что выжал из него о задачах. «Основная — корабли, а не авиация и пехота».

Сел написал. По просьбе Кузнецова послал ему на просмотр. Но документы не пришли, и передовую мы отложили (идет только сегодня, на 6 марта). Позвонил ему. «В целом хорошо, но есть небольшие замечания. Приезжайте ко мне. Можете?» Договорились на полночь с 2.03 на 3.03. Приехал. Встретил у ворот его адъютант. Вошли в дом. А Кузнецова нет — вызвали в Ставку. Зашел к Рогову. Показал, одобрил, стали вообще разговаривать. Сидели часа два.

— Верно ли, что за время войны вы потопили много?

— Да, больше 500 — это боевых и вспомогательных судов. Одних боевых же около 130.

— Выкладывайте задачи для передовой.

— Воспитание стойкости. Мы передали армии (в морскую пехоту) сотни тысяч моряков. Пришли на их место молодые. Что такое стойкость, они не знают. Не знают и многие командиры. А ведь на море характер борьбы, что в обороне, что в наступлении, почти неизменен.

— Так, еще!

Не находит. Я подсказываю: овладение техникой, плавать в любую погоду, передавать опыт.

— Совершенно верно. Вот хорошо бы показать трудности одних и других. Балтийцы, скажем, подлинные молодцы. Были в Таллине, перебазировались в Кронштадт, затем в Неву, устье реки простреливается, приходится даже лодкам идти под обстрелом, а действуют. Черноморцы — сколько баз сменили: Одесса, Севастополь; Новороссийск, Сочи, Поти. А Северный — все на одном месте. И действовать легче: попробуй-ка заминировать просторы и глубины Севера.

— Надо бы показать наш большой флот. Линкоры, крейсера...

— Н-да. Не время. Да и на чем покажете? Вот «Марат». Стоит полузатоплен, а стреляет. Моряки смотрят, рыдают. Ничего, после войны поднимем. Вообще, много можно будет после войны писать...

И он рассказывает мне три замечательных случая:

1) В Финском заливе крейсер «Киров» был атакован немецкими лодками. Одна торпеда попала, но не в жизненное место. Шла вторая, деваться некуда. Еще несколько секунд — и хана. Тогда выскочил вперед эсминец «Карл Маркс» и подставил под торпеду свой борт. Взрыв, затонул. Но «Киров» спас. На эсминце 250 человек, на крейсере — больше 1000. Государственное самопожертвование!

2) Лодка под командованием Героя Советского Союза Колышкина[24] была повреждена у вражеских берегов. Ни погрузиться, ни плыть. Экипаж решил взорваться с лодкой. Дали об этом шифровку в штаб. Рядом была, оказывается (они не знали), другая лодка. Штаб предложил ей снять людей с аварийного корабля. Подошла. Не тут-то было. Отказались наотрез. Потребовалось три категорических приказа штаба, чтобы покинули лодку. Вот привязанность к кораблю!

3) Небольшой корабль (кажется, тральщик) на севере был поврежден не то бомбежкой, не то миной. Отвалилась корма. Командир с частью экипажа покинул судно. 12 человек отказались сойти. Долго плавали и потонули с пением «Варяга». Командир расстрелян.

Я напомнил ему о торговом корабле, который в начале войны при бомбежке и пожаре (на Балтике) также был покинут командованием, а несколько мальчиков остались, погасили пожар и привели корабль в Ленинград; об этом был приказ Сталина. Потом рассказал ему (рассказывала мне еще в Валуйках В. Василевская) о моряках Днепровской флотилии, которых немцы голых вели зимой по Киеву на расстрел, а они пели «Раскинулось море широко».

— А пока пишите о тральщиках. Вот герои — настоящие труженики моря. Сами не воюют, а все делают для других. После войны они еще лет 20 воевать будут, расчищать моря.

Много говорили о газетчиках и газете. Жаловался на «Красный флот», скучен. Сказал, что посадит туда зам. редактора Плеско. Спросил мое мнение о нем. Вообще, видно, интересуется газетами.

— Много вашего народа в Севастополе погибло. Не у партизан ли? Нет. С ними связь хорошая, воздухом. Мы специально посылали туда трех инструкторов политуправления — выяснить, кто остался. Там только краснофлотцы, средние командиры. А Хамадан ваш, Галышев[25] из «Известий» и другие погибли бесспорно. Хорошие были ребята!

Спросил мое мнение о морских писателях. Я сказал, что большинство — халтурщики, причалившие к флоту от воинской повинности. Он вполне согласился.

Погиб дважды Герой Григорий Кравченко[26]. Был командиром дивизии истребителей. Кокки рассказал, как было:

— Полетел сам на операцию. На Ла-5. Подбили, загорелся. Выпрыгнул, парашют не раскрылся. Все. Потом выяснилось, что пуля перебила стропы.

Хоронили на Красной площади.

Вчера слушал любопытный разговор по телефону. Девушка (имя ее Мила) говорила парню о своей любви, пеняла на его темперамент и заявила:

— А у меня, знаешь, какое чувство! Вот если бы было так, ну, одним словом, как у Хемингуэя в его книге «Прощай, оружие!» — помнишь? Вот если бы так случилось с тобой, так я все равно, ну, словом, мое чувство все равно осталось бы прежним. А у тебя?

Да!

В свое время Информбюро сообщило, что наша подлодка на севере торпедировала германский линкор «Тирпиц». Потом среди подводников было много разговоров о том, что это липа. Немцы опровергали. Я спросил Рогова: «Где же истина?»

— Торпедировали, бесспорно. Это подтвердила потом агентурная разведка, и известно, что он полтора месяца ремонтировался в доках (сейчас, конечно, уже давно починен). Но вот что интересно. Командир лодки и команда утверждают, что выпустили две торпеды и слышали два взрыва. А заплата и все сведения говорят об одном попадании. И сейчас выясняется, что вторую торпеду принял на себя линкор их охраны, подставивший свой борт. Сейчас проверяем.

7 марта

Вчера, выходя из Кремлевки, встретил Костикова. В генеральской форме, я его сразу даже не узнал. Я искал машину. Он предложил подвезти. Я сказал, что будет шофер ждать.

— А машин у вас много?

— Нет.

Смеется.

— Я бы вам дал. Но могу только вместе с «катюшей». Других нет.

Я напомнил ему об обещании показать нам полигон в действии.

— Обязательно. Позвоните мне числа 15-го. Поедем. Там увидите новое хозяйство и старое. Полный фейерверк. Собирался я все заехать к вам с летчиком-испытателем стратоплана, да он еще не приехал. Летал опять несколько раз. Молодец! А его помощник разбился — на «Кобре».

— Это даже обидная смерть.

Сегодня был у меня любопытнейший старче. 53 года, высок, здоров, крепок. Бывший партизан, гренадер, с 1920 г. в партии. Директор живсовхоза в Моршанске. Вырастил 4 своих, 4 приемных сыновей, 7 дочерей. Все сыны воюют, живы. Сам едет восстанавливать птицесовхоз в Ейске. Недавно внес 11 000 рублей на танк. Ввели в семью трехлетнего сироту. «Напишите обо всем, чтобы сыны еще лучше дрались».

12 марта

Один день. Хочу подробно записать все, что случилось за этот день и как он прошел.

Номер кончили сравнительно рано, около 6.30. Пришел домой, поговорил с Дмитрием. Лег, почитал «Прощай, оружие!» Хемингуэя. Любопытно читать его во время войны — как все острее и ближе. Очень много общего, не в событиях, а в звучании, что ли. На днях прочел его «Фиесту» и «Возвращение» Ремарка — те же ощущения.

Уснул в 8.30 утра. Встал в 5 часов вечера. Позавтракал дома: чайная колбаса, хлеб, чай. (Колбасу купил в паек с кремлевской базы. Съел сантиметра три.) Зашел в парикмахерскую, побрился. Мыло какое-то новое — жидкое, с эссенцией для запаха, быстро сохнет и стягивает кожу. Одеколон. Все вместе — 4 р. 50 коп.

В 7 был у себя в кабинете. Занялся подправкой номера. Позвонил Верховцев: не написал ли я передовую? (о мастерстве командиров). Нет, некогда было.

Зашел Дунаевский. Он вчера прилетел с Юго-Западного фронта. Его сняли с военкоров. Внешне держится молодцом.

— Жаль, мы так хорошо сработались с Рудневым.

Верно, они давали в последнее время хорошие вещи, мы печатали их уже за подписью одного Руднева. Дунаевский отпустил усы. Это теперь мода, усы носит и Полевой. Много их и в армии (особые — у гвардейцев).

Позже пришел Лидов. Как всегда подтянутый, молодой, стройный. Он прилетел вместе с Дунаевским с ЮЗФ. Те части, которые вырвались вперед (в Красноармейское, Павлоград, Красноград и др.), не вернулись, отрезаны, разбиты.

Вчера вечером я был в «Известиях», видел там Бачелиса и Когана. Бачелис был с танковым корпусом в Красноармейском. Впервые попал на фронт (ехал в штатском даже) и сразу влип в горячее дело[27]. Но держался, говорит Лидов, молодцом. Ему с немногими удалось вырваться. Ранен осколком в кисть правой руки. Благополучно, писать будет. Носит на перевязи.

— Бьет по карману.

— А ты подтяни выше.

— Не то, писать не могу.

— Диктуй!

— Не умею...

Коган (быв. корреспондент «Советской Украины», ныне военкор «Известий», я с ним был на ЮЗФ, и он, когда отступали из Калача, тащил мою эмку на буксире своей полуторки) говорит, что некоторые наши танки вырвались даже за Днепр. И кавалеристы, и еще кое-кто.

— Похоже ли на наш драп в прошлом году?

— Нет. Организованный выход. И самое главное, штаб все время знал, что делается. Сейчас все время подходят свежие части. Но в бой не вступают, занимают оборону. Будет очень плохо, если он возьмет Харьков.

— Да, будет очень плохо.

Лидов в эту поездку работал очень плохо. Почти ничего не давал, а то, что давал, — либо плохо, либо политически неверно. Сейчас этим обескуражен. Меня только выслушивал, не оправдывался.

Зашел Вадим Кожевников. Собирается ехать под Вязьму. Рассказывает о темах очерков, советуется. Хочет написать о лесном бое (небольшой группы), о минной панике (вот возникло и новое слово, раньше появлялись, по ходу войны, слова «танкобоязнь», «самолетобоязнь»). Рассказал: сидел в госпитале у какого-то врача, лежала собака, хорошая, ласковая. Послышался шум машины. Пес зарычал — и к двери. Его схватили за ошейник.

— В чем дело?

— Она противотанковая. Вот удерживаем пока силой. Но все равно погибнет. Она — самоубийца.

Зашел Давид (брат)[28]. Поговорили о работе его. Сейчас он в своей спецгруппе занят расчетом перевода орудий на электромотор (повороты, поднятие ствола и т. д.). Кроме того, он расшифровывает немецкий оптический прицел к орудию. Вот только визирной головки у прицела нет. И на всех трофейных орудиях отсутствует. Один из инженеров помнит, что за месяц до войны в фотовитрине на Никольской он видел пушку с таким прицелом и головкой. Нельзя ли достать этот снимок? На Никольской — это, видимо, Союзфото. Я позвонил директору оного Серебренникову.

— Пусть зайдет. Поищем. Не ручаюсь. Вязьму даешь?

— Если сообщат — раз, если привезут снимки — два.

Ага, значит, взяли, наконец. И действительно, в 10.30 вечера по радио сообщили «Последний час».

Около 11 вечера приехал на машине Миша Калашников. Оттуда. Был в Вязьме[29]. Город разбит и сожжен в дым. Он встретил там Брагина: тот говорит, что Вязьма разрушена больше, чем Сталинград. Все дороги минированы, мосты взорваны. На пути от Гжатска до Вязьмы Калашников насчитал 14 взорванных мостов. Надо объезжать. На объездах — мины. «Кое-кто подорвался». Бои, по его словам, были перед Вязьмой, с арьергардами. В общем, уходят, гады, быстро. Около станции в Вязьме есть свалка изломанных автомашин. Оставили там плакат на русском языке: «Совинформбюро. Вот ваши трофеи». Вот стервецы!

— Жители-то есть?

— Да, но мало.

Ближе к полуночи приехал оттуда Оскар Курганов. Сначала натрепался, что прилетел, потом начал плести, что был в Вязьме, потом оказалось, что был в дивизии Питерса[30], бравшей город. Говорит, что бои были жаркие. У немцев было 8 дивизий, оставили на защиту три, пять увели. В общем, сокращают фронт действительно интенсивно. По подсчетам штаба — это по Западному фронту, — позволит высвободить им 35 дивизий, длина фронта тут сократится почти вдвое. Где остановятся? Много об этом говорим. Вероятнее всего, на нашем старом укрепрайоне, в районе Ярцево—Смоленск. Действует ли авиация? Нет, ни наша, ни немецкая. Всех это интересует в штабе и частях. Наша, вероятно, на левом крае — в районе Сухиничи, где приходится грызть оборону немцев вот уж сколько времени. А немецкая — совсем непонятно.

Оскар написал очерк «Возвращение в Вязьму», Михаил делал снимки. Оскар написал плохо — правил его больше часа. Сдал в четвертом часу утра. До этого сдал Цветова «Битва за Харьков». Судя по корреспонденции, а также по сводкам Информбюро — дело там плохо. Яша пишет, что город непрерывно бомбят, что на окраинах идет артстрельба. Я эти места выкинул. Немцы рвутся в город с трех сторон. Получили корр[еспонденци]ю Макаренко — бои в горах около Новороссийска. Тесним немцев там. Отложили пока: рано.

Обедал в 12 ночи. Первое — пустые щи из кислой капусты, второе — кусочек мяса с картофельным пюре, третье — два маленьких мандарина, на закуску — две чайных ложечки красной икры, два ломтика белого и два черного хлеба. Обед и завтрак — 7 р. 80 к.

Звонил Ефимов из американского сектора Совинформбюро: почему давно не пишу для Америки? Некогда. Но как только будет время? Да-да.

Звонила Теумин — из нацсектора Информбюро: почему не пишу? Некогда. Кстати, не можем ли мы дать о действиях литовской дивизии? Она дерется под Орлом, вступила прямо с марша, и дерется отлично. Кто напишет? Могу поговорить с президентом — Палецкисом[31], он, кстати, сам журналист. Хорошо, посоветуюсь с Поспеловым, позвоните завтра ночью.

Ночью привезли с телефонного узла корреспонденции Полевого («В мертвом городе» — о Белом, он летал туда) и Ерохина (зверства немцев в Новороссийске).

Зашла наш курьер Ксения Ефимовна Валялкина с разметочным номером. Я разметил за какую-то корреспонденцию 250 рублей.

— Три кило картошки, — сказала она. — Или 6 кружек молока.

В пять утра зашел к Гольденбергу. Что слышно?

Немцы сообщили о том, что 11-го оставили Вязьму (т. е. вчера). Идут бои на улицах Харькова. (Неужели отдадим? Худо...) Два дня назад сообщили о том, что они начали крупное наступление западнее Курска. Подробностей пока нет. Бомбили Лондон (надо проверить противогазы).

В 5.45 кончили последнюю полосу. Зашел к Ильичеву, поторговался о завтрашнем дне, обменялись зубоврачебными новостями (оба лечим зубы, мне вчера выдрали четвертый).

В 6.30 пошел домой. На улице тепло, днем таяло, сейчас иней. Принял ванну. Уходя из редакции, съел завтрак (ужин беру в сухом виде, пайком, поэтому к концу номера ем завтрак) — ложки три рисовой каши с маслом и два кусочка селедки. Ел без хлеба, так как запас хлеба отдал Лидову — он без ужина и спит в соседнем кабинете, Оскар спит на диване в моем кабинете.

После ванны выпил 2 рюмки водки, поел семги из пайка (грамм 100), выпил чаю и лег. Почитал немного «Прощай, оружие!». Хорошо. Уснул, опустив штору, в 9.30 утра.

Встал сегодня, 13 марта, в 5.30 вечера. Для ванны Митя Зуев дал крохотный кусочек хозяйственного мыла — я не получал мыла уже месяца 3—4. Сегодня он достал редкость: пачку иголок (по пропуску + 5 промтоварных единиц).

24 марта

Прямо заклятье какое-то! Никак не выберешь время сделать записи. Как встаешь — так и идет, идет петрушка, вертится колесо без конца. Писать перестал уже совсем, не пишу

ни строки. Иной раз выберется свободная минута (длиной в 1,5—2 часа), мог бы написать, да рука не поднимается. Видимо, устал очень.

На войне стало потише. Распутица дает себя знать. Наше продвижение на Западном становится все медленнее, подходим к основным рубежам. На левом крае фронта (Запад), у Жиздры немцы 19-го попробовали начать наступление. Три дня бились, положили 7000 душ и 140 танков, но не продвинулись. Их было много больше, но не вышло. Вот бы так воевать с начала войны! Под Харьковом они взяли Белгород, но дальше двигаются улиткой. На Донце ничего не выходит у них. И сводки немецкие, которые в последнее время были кричащие, сейчас стали опять тихие, появилось словцо «стабилизация».

Сегодня Яша Гольденберг часиков в 5 утра зашел ко мне довольный.

— Ну что сообщают тебе твои мальчики? Я своими корреспондентами удовлетворен (его корреспонденты — НДП).

Он считает, что немцы сейчас усиленно готовятся к весне. И вопрос о ходе летней кампании будет решен тем, кто раньше ударит и кто возьмет инициативу в руки.

О втором фронте и у нас, и в мировой печати все меньше и меньше разговоров. Народ начинает относиться к нашим союзникам все более недоверчиво. Ярко это почувствовал я, например, во время двух своих последних докладов «О международном положении и текущем моменте» (по заданию райкома). Первый из них делал дня три назад в трамвайном грузовом депо — для актива агитаторов, а второй — вчера в терапевтической больнице Октябрьского р-на. Хотя вопросов на эту тему и не задавали, но по тому, как слушали «союзную» часть доклада, чувствовалось абсолютно точно, что союзникам не верят ни на грош.

За эти дни побывало у меня несколько фронтовиков.

Из Донбасса приехал Борис Горбатов. Много рассказывал о Ворошиловграде. Много он изучал, как жилось при немцах. Были там, конечно, всякие зверства, но были и семьи, которым немцы ничего не сделали. Но все в один голос говорят:

«Больше под немцем не останемся. Будем бежать куда глаза глядят — НЕЧЕМ ДЫШАТЬ!»

— За время войны я привык ко всему, — говорит Борис, — но чего не могу понять, это отношения немцев к детям. Вот тебе случай: в дом входит офицер. Требует самовар. Достает колбасу, шоколад, ест. Рядом стоит девочка 7—8 лет, смотрит не отрываясь на колбасу, голодна. Немец недовольно бурчит, кричит, чтобы ушла. Она стоит, смотрит, не просит, но смотрит. Тогда он отрывает кусок колбасы и бросает кошке. Садизм!

Рассказывал Борис о поведении населения, о неумении вести подпольную работу («делаем ее так, как будто партия большевиков никогда не была в подполье. Так, по крайней мере, обстояло в Ворошиловграде»). Лучше всех, по общему мнению, проявили себя старики и подростки. Это настоящие герои. Многие женщины жили с немцами и итальянцами, но в то же время многие хорошенькие нарочно ходили замарашками, мазали грязью лица, чтобы не обращать на себя внимание немцев. Были предатели, и в то же время находились люди — беспартийные, комсомольцы, коммунисты, — которым никто подпольной работы не поручал, но они вели ее, рискуя жизнью. Было довольно старост в селах, которые сохранили скот и имущество от грабежа, заявляя: «Ничего нет, все побито, вывезено», — сейчас они сеют полным ходом. В Ворошиловграде был какой-то пришлый комсомолец, он стал переводчиком и предупреждал людей о готовящихся арестах и прочем.

Заходил Шаров. Он — в танковом корпусе. Его перебрасывают на другой фронт, по пути зашел. Зашел разговор о бренности жизни на войне.

— Вот операция, продолжалась она ровно четыре минуты. Танкисты, веселый экипаж, сел в Т-34, пошел. Раздавил немецкую пушку, вторую, прошел через траншеи, подавил немцев, попал снаряд, загорелся, водитель привел обратно, уцелел только он, все остальные убиты.

Вчера вернулся из партизанского отряда Леша Коробов[32]. Прилетел. Еще позавчера был под Киевом. Пробыл 50 дней в отряде Героя Советского Союза Ковпака[33]. Проделал с ним рейд по 6 областям — 800 км. Рассказывает много, но

и врет притом с три короба. Ковпака рисует как батьку, дает очень колоритную фигуру. Басней надо считать, что за ним ходит стадо (сначала называл 7000 голов, потом 1500). Это же такая гиря! Но кое-что, видимо, не врет. Рассказывает, что немцы стали усиленно оберегать мосты. Партизаны обхаживали мост через реку Тетерев. Его защищали 2 батальона, 7 пушек, 40 станкачей. Пришлось выделить четыре батальона партизан, дать бой, отогнать немцев и только после этого взорвать мост. Сам взрыв продолжался 5 часов, было мало толу и выбирали наиболее уязвимые места. Прав он, видимо, о связи. Отвратительная! Как-то отряд жестоко нуждался в снарядах и, особенно, патронах. Усиленно просили по радио прислать. И вот приходит самолет, сбрасывает два огромных тюка. Нетерпение такое, что их не развязывают, а разрезают. Куча маленьких свертков, на каждом из них надпись: «Подарок молодому партизану». В свертке несколько конвертов из срыва[34], бумага очень низкого качества, и плохенькие открытки с рисунками захудалых художников. И смех и грех! У партизан — прекрасные трофейные кожаные книжки, бельгийские конверты, итальянская бумага и т. п. Подарок от какой-то московской бумажной фабрики. Ковпак взял несколько свертков, завязал в пакет, написал на нем «Молодому Строкачу[35] от старых партизан» (Строкач — нач. украинского партизанского штаба) и послал первым самолетом.

В отряде широко рассказывают, как Ковпак принимался т. Сталиным. Беседа длилась долго, на прощание Сталин обнял и расцеловал его и проводил до выхода из Кремля. Этим все партизаны страшно гордятся.

Когда мы вели наступление в Донбассе, взяли Красноград, Павлоград, Харьков, — в тылу у немцев началась страшная паника. Особенно драпали итальянцы и румыны. Они бросали оружие, гранаты, меняли их на продукты. Мальчишки обзавелись автоматами, парабеллумами. Но итальянцы страшно боялись немцев, хотя и те драпали. Подбегая к деревне, они спрашивали: «Немцев нет?» — и, если нет, входили, есть — обходили.

Коробов, по его словам, участвовал в разведках и операциях. В одной разведке подошел километров на 15 к Киеву, хотел пройти туда, но «откровенно говоря, в последнюю минуту стало боязно: 99% за то, что поймают и повесят».

Местком занят заявками на коллективный огород. Записался. Участок дали где-то в 30 км по Савеловской дороге.

Ребята рассказывают, что фотографа Колли на фронте называют «орденопросец». Из этого же жанра: в московском военторге продают нашивки за ранения, плакат на стене: «Ранения — 1 р. 40 коп. метр».

30 марта

На войне — полная тишь, на всех участках «бои местного значения», «поиск разведчиков», «огневые налеты» и т. п. Немного активизировались англичане: за неделю совершили два крупных налета на Берлин и начали шевелиться в Тунисе[36]. Вообще, надо думать, на островах и в Новом Свете о войне совсем понемногу помнят. Сегодня мы смотрели летний номер (за 1942) американского журнала «Лайф». Голые бабы, огромный снимок «Танцы в воде в купальных костюмах», бокс, виды, да 2—3 снимка самолетов. Вот [что] показывают вместо ответа на вопросы о втором фронте...

В Москве весна. Почти месяц стояла чудная погода, солнечная. Потом, с недельку назад, немного похолодало. А два последних дня непрерывно идет нудный, холодный, мелкий осенний дождь.

26-го мне предложили написать в номер передовую об авиации дальнего действия (несколько дивизий и полков переименовали в гвардейские, дали 13 мальчикам Героев, наградили остальных). Созвонился с Шевелевым, поехал посоветоваться. В особняке, как обычно, тихо. Зашли к нему в кабинет. 6 телефонов, небольшой стол, в углу — за ширмами и зеркальным шкафом — койка, буржуйка.

— Ты не смотри, Сан-Лазарь, тут у меня как на Рудольфе[37].

Это было в день опубликования постановления о присвоении ему звания генерал-лейтенанта, и все его поздравляли. Звонили отовсюду. Он доволен страшно:

— Знаешь, Лазарь, если бы мне два года назад сказали, что я буду генерал-лейтенантом, я бы послал куда подальше за насмешку.

— Знаешь, Марк, если бы мне два года назад сказали, что я буду сидеть в кресле, я бы...

Посмеялись.

Занялись делом. Он много и с гордостью рассказывал о работе АДД.

— Не только по тылам. Нет, пожалуй, ни одной крупной операции, где бы мы не работали. И работаем крупно, массированно. В ВВС не всегда учитывают моральный фактор от силы удара: и на чужих и на своих. Когда идет много самолетов — они просто подымают свою пехоту от земли: вот, мол, дали ему, дожмем. И это — независимо от точности удара и произведенных разрушений. Ведь с переднего края результатов не видно. Также и противник не знает, что у него делается в километре, но гром, взрывы, моторы, визг бомб делают свое громкое дело. А потом при массовости и поражений больше. Вот под Сталинградом немцы жаловались, что ни в одной лощине не могут спрятаться от бомб. Что же удивительного? Каждую ночь их утюжили по несколько сот самолетов да мелкими бомбами. Ну, ясно — везде попадет. В общем, на всех участках, где мы наступаем и где... не наступаем, АДД работает.

— А потери у вас большие?

— Одна машина на 800 часов.

— Позволь, да это почти норма Гражданского ВФ в мирное время!

— Да, приближается. Урон от потери ориентировки исчисляется единицами, от нехватки горючего — тоже.

— Вам хорошо, у вас лучшие старые летчики.

— Ты не прав, это было раньше. Сейчас стариков много меньше, чем молодых. Часть убилась, часть отлеталась: моральный износ, нервы не выдерживают. Их места заняты молодыми. Но с ними работаем много. По приходе в часть он, прежде всего, направляется в школу повышения летной и штурманской квалификации, к Саше Белякову. Это наш университет. Там он должен налетать на ДБ[38] несколько десятков часов, в том числе ночью и вслепую. Потом составляем экипаж, и с экипажем он слетывается 40 часов. После этого даем ему легонькое задание. Знаешь, как кошка приучает котят охотиться, притаскивая им полузадавленного мышонка. В совершенно ясную ночь даем цель, недалеко, без сильного огня. Летит, бомбит... Возвращается гордый, как будто бомбил Берлин. Первый вылет! Все у него, конечно, значительно: и обстреляли, и линию фронта пересек, и бомбы легли в цель... Нужды нет, что они рвались по овра-

гам: человек растет. Месяца через три даем ему уже посерьезнее дела, а через полгода его можно пускать на настоящие операции.

— А в некоторых общевойсковых дивизиях я такой тщательной шлифовки молодых не встречал.

— Видишь ли, у них потери больше, поэтому и с людьми возятся меньше.

Заговорили о маневренности. Я сказал:

— Хочу об этом в передовую. Правильно ли будет сказать, что при маневре один самолет стоит трех, а без — три не стоят и одного?

— Абсолютно точно. Вот у англичан, у Гарриса[39], скажем условно, втрое больше самолетов, чем у нас, а делают втрое меньше нашего. А какие у них машины отличные. Да мы бы на таких еропланах... Знаешь, как маневрируем? Иногда Хозяин звонит: завтра надо помочь там-то. А это «там-то» — за тысячи км. И помогаем.

— Но все-таки на стариках ездите? Они же вам традиции создают, молодежь воспитывают.

— Ну еще бы! Причем старики, как ты знаешь, у нас по своей прошлой работе летчики гражданские и полярные. Я вообще считаю, что лучше всех воюют и войну выигрывают штатские люди.

— Это и Голованов считает.

— И правильно делает.

— Почему немцы не налетают на Москву, а вы на Берлин?

— Мы бы с превеликим удовольствием, но нет команды. А они заняты передним краем. Вот станет потише на фронте, наверно, опять будут налетать.

— Мне Журавлев жаловался: нет налетов — дисквалифицируются кадры. Тем паче много молодых, много девушек.

— Он абсолютно прав.

Мне надо было ехать. Прощаясь, я сказал:

— Вот [бы] после войны описать, что делалось в этом особняке.

— Да, это, брат, тема. Вот пока мы тут с тобой сидели, энное количество самолетов бомбило ж. д. узел Орел, ж. д. узел Гомель и другие узлы. Несколько сот машин. Очень неспокойная ночь была у фрицев.

— Слушай, а что это за новые бомбы у англичан — 4-т[онные]?

— Это — вещь! Она квартала два должна разваливать. И не спрячешься — засыплет обломками. А в поле и в 100 м — ничего, ну, присыплет немного землей — и все. А в щели — и совсем тихо.

— А если прямое попадание?

— А тебе не все равно тогда: 4 тонны или 2,5 кг? Мне, например, безразлично!

Разговаривал недавно по телефону с Ургановым. Он звонил из штаба Западного фронта.

— Ты слышишь шум? Я говорю от связистов. Тут в репродуктор посты ВНОС передают с передовой: курс такой-то 8 «Юнкерсов», квадрат такой-то, курс такой-то — 3 мессера и т. д.

Приехал Шаров из танкового корпуса Катукова[40]. Не был в Москве несколько месяцев, пробыл несколько дней:

— Устал я от Москвы. Тут очень нервная обстановка, на фронте куда спокойнее. И народ очень нервный. Преувеличенно много говорят о продуктах и о еде, на фронте этого нет. Очень много бытовых дрязг, много всяких семейных трагедий... Нет, поеду завтра в часть.

28 марта мы получили разрешение печатать указы, международную и внутреннюю информацию петитом. Дает это в номер от 200 до 300 строк. В феврале еще сделали пробный полупетитный номер, т. Сталин написал на номере «согласен».

Вчера из Чернолучья приехал первый вагон семей (Калашникова, Мержанова, Азизяна, Гольденберга, Лазарева и пр.), всего человек 15.

31 марта

Хочу записать смешное дело: звонки, за время сегодняшней работы. Пришел на работу в 19.20 (собственно, пришел в 4 часа. Был на собрании — инструктаже по ПВХО[41] — опять взялись, затем брился и т. п.). Все звонки записывать забывал, особенно по мелким текущим делам номера. Но основные все же отметил.

7.40 (вечер). Абрам (брат): вернулся из командировки? Что слышно?

7.50. Писатель Фейнберг-Самойлов[42]: послезавтра уезжает на Северный флот. Идет ли его очерк о Сгибневе[43], не можем ли дать удостоверение?

8.00. Теумин[44]: получил ли статью президента Палецкиса о боях литовцев[45] (они дерутся хорошо, статья средняя, сдал ночью в набор).

8.30. Ефимов из Информбюро: нет ли для Америки материалов о зверствах немцев? Когда начну сам писать?

9.30. Писатель Ровинский: не передавал ли Лидов мне его рассказ? Нет.

10.10. Лазарев: что получили от корреспондентов? Объяснил.

10.30. Коломиец из радио: не могу ли писать им очерки? Пока нет.

11.05. Лазарев: из корреспонденции Михайловского о потоплении трех транспортов в Баренцевом море надо выкинуть упоминание о разведке.

12.00. Козлов (из секретариата): вам дано 3 колонки. Что ставить?

12.20. Перепухов[46]: срочно в ВЧ, в кабинет Поспелова.

12.35. Секретарь: что посылать на визу? (До этого несколько раз звонила: о гранках, о том, что на узле материал и т. д.)

12.38. Адъютант командующего Сев. флотом: Михайловский просит передать, что материал о транспортах печатать можно.

12.45. Штих: что из присланного много надо править в номер?

12.50. Белогорский: добились ли мы наркоматских пайков? Что я сегодня ставлю? Сколько получил места? Полполсы? Я бы не нашел материала — ничего, охламоны, не пишут!

1.20. Секретарь Ильичева: заявку на завтрашний номер?

1.40. Секретарь: Лидов передал материал с Западного фронта.

1.45. Фейнберг-Самойлов: может ли завтра заехать за удостоверением? (Я договорился с Поспеловым об удостоверении и о том, что он его примет завтра.)

1.50. Малютин[47] (он дежурный по номеру): надо снять «Доблесть артиллеристов» и заменить.

2.30. Соловьев из Информбюро: посланный материал просмотрел, такие-то правки.

2.40. Ушаков из Информбюро: то же (по морским материалам).

3.00. Малютин: пришли сообщения о 54 Героях, награждении 37 частей орденами, преобразовании в гвардейские и т. д. Напиши шпигель.

3.20. Феофилактова (секр. Информбюро): передала поправки к мелким заметкам.

4.05. Макаров (из нашей группы проверки): почему в заметке с Волховского фронта написано «СиРявинские болота»? Исправить!

4.10. Малютин: о том же.

4.15. Лазарев: почему сняли заметку об артиллеристах.

Мои звонки:

12.30. Генерал-лейтенанту Рогову: можно ли давать о потоплении транспортов? Как он относится к Фейнбергу-Самойлову? Не знает.

1.00. Ушакову: прошу прочесть материалы Михайловского.

1.05. Феофилактовой: прошу дать на прочтение одну заметку из посланных несколько дней назад.

1.10. Тараданкину: из разговора с Белогорским узнал, что он приехал. Договорились завтра встретиться.

1.15. Фотоотдел: приготовить снимок Кафефьяна.

1.18. Фотоотдел: проявлена ли моя пленка?

1.30. Писателю Кожевникову: какое звание у героя его очерка: воентехник или старший сержант? (В материале — и так и так.)

1.55. Лазареву: может ли командир бригады присваивать звание лейтенанта? (Так в материале Кожевникова «Старший сержант».)

2.45. Перепухову: посылаю удостоверение Фейнбергу, прошу дать на подпись.

2.50. Ильичеву: о завтрашнем номере.

Кроме того, звонков 30—40 о присылке курьера, гранок, набора и т. д.

Ко мне заходили и беседовали: Лидов, Коробов, Толкунов, Кожевников, Струнников[48] (со снимками), Вера Иткина, Ленч, Домрачев, Верховцев, Штих, Баратов, секретари.

Я заходил к Гершбергу, два раза к Поспелову, в секретариат, к Верховцеву.

Кроме работы по полосе, я сдал на утро 7 крупных материалов и в текущий набор 5 разных.

9—10 апреля

7 ч. утра. Пришел домой в 5.10. Сейчас, несколько дней, кончаем в 5, нам снова напомнили о том, что это предельный срок. Сидел читал «Будь готов к ПВХО», сегодня надо сдавать нормы — обязательно для всех. Вообще, за последнее время в Москве стали немного подтягивать, а то все забыли и об осадном положении, и о маскировке, и о ПВХО. Тревожно напомнили об этом два сообщения на днях: о налете на Ростов, о налете на Ленинград.

Желая развить и продолжить эту тему, я сегодня часиков в 10 вечера предложил Ильичеву дать передовую о борьбе с налетами.

— О, хорошо, садись, пиши в номер.

Ладно. Позвонил генерал-лейтенанту Журавлеву, командующему Московским фронтом ПВО:

— Что бы вы хотели видеть в передовой?

— Я бы не хотел ни передовых, ни налетов.

— Позвольте, т. генерал-лейтенант! Когда мы с вами виделись в зенитном полку Кикнадзе[49], вы сказали мне, что жалеете о том, что нет налетов.

Он смеется раскатисто, аж трубка трясется:

— Да, это профессионально. Нет налетов — народ дисквалифицируется. А как гражданин и москвич, я, конечно, против. Что же касается по существу передовой: задавайте вопросы.

— Ленинградцы выдвинули лозунг: сбивать с первого залпа. Верно?

— Это не только ленинградцы. — Обиделся за москвичей. — Конечно верно. В полевой артиллерии можно пристреливаться: перелет, недолет, вилка, корректировка. Тут надо сразу. Поэтому очень важна подготовка первого залпа, чтобы точно ударить.

— Это не противоречит заградительному огню?

— Ни заградительному, ни сопроводительному. Дополняет. И потом, скажите в статье об аэростатчиках, прожектористах.

— Хочу еще написать о расстреле осветительных бомб. У москвичей это как будто хорошо получалось?

— Совершенно верно. — Оживился. — Тут большой опыт у нас. Неплохо научились. Особенно это важно при налетах на узкие цели (мосты, станции, аэродромы, эшелоны). Погасить — значит ослепить.

— Стоит ли призывать к ведению пехотного огня (из стрелкового оружия)?

— В городе — нет. В прифронтовой полосе — да. В городе и неэффективно, т. к. идут на большой высоте, и покажет, что нет зенитной артиллерии.

Позвонил генерал-лейтенанту Голованову.

— Вот хочу написать, что лучше всего заняться профилактикой налетов: уничтожать на аэродромах. И привести опыт АДД.

— Точно. Вообще, надо сказать, чтобы уши не развешивали. Не забывали об авиации противника. Попробуйте-ка к Москве подобраться — за 100 км увидят. А в это время можно армию поднять в воздух. А в Ростове — прохлопали. Это сейчас там тоже ушки на макушке — немцы и не пробуют. А об аэродромах — правильно. Можете указать, что это очень полезное дело. Вот в Орше мы стукнули 89 самолетов, в Брянске — 65. Полезно!

— Передовую об АДД читали? Все правильно?

— Правильно. Вот только не могу дознаться, чья инициатива?

— Ничья. Моя.

Явно не верит:

— Т-а-а-к... А мне Щербаков звонил, поздравлял. Так, значит, ваша?

Вчера долго разговаривал с Коробовым. Он вернулся из партизанского отряда Ковпака. Прошел с ним 800 км по правобережной Украине. Стал ярым поклонником рейдов. Рассказывает про украинских националистов:

— Сначала лизали жопу немцам. Потом увидели, что никакой самостийной Украины немцы им не дадут. Обиделись. Ушли в полуподполье. Но с народом не связаны. Так как гнилы по натуре, то просто страдают без предательства, и чуть что узнают — продают немцам. Но играют в оппозицию. Вот мерзкие бл...!

Был Коробов в Польше. Там много партий, много подпольных организаций. Твердой программы у них нет, партизанских отрядов (в нашем смысле слова) нет. А база для их развития большая — народ накален. Англичане («друзья!») подбрасывают туда агентов, чтобы прибрать поляков к рукам в своих целях.

27 апреля, вторник

Ну как назвать это безобразие: опять не брал две недели пера в руки. А несколько записей так и просятся. Сегодня мы утром (в 7.30) поехали на наш коллективный огород. Получили 2,5 га в совхозе ТСХА[50] «Отрадное», возили компост со свалки. Работали довольно дружно. Картограф Андрей Ведерников мне говорит:

— Я сначала думал — буза, к концу лета получим по сковородке. А сейчас вижу дело, готов чуть не каждый день ездить.

Но не в этом соль. Мы ехали дорогой и смотрели: всюду народ копает, каждый свободный клочок у шоссе, у домов, во дворах используется под огород. Да что далеко ходить: в нашем дворе все клумбы еще в прошлом году разделили под зелень, а в этом домоуправление объявило даже предварительную запись. Но еще дальше пошли. Сосед, живущий надо мной, натаскал на свой узенький балкончик 16 ведер земли, разделил две грядки и засадил луком и салатом. А Коршунов пошел еще дальше: установил ящики с землей на окнах.

После зимы в Москве все, что делается во дворах, отлично заметно: заборы почти везде спалили. Душа на улицу! Разговоры об огородах — везде. Много пишут и в газетах.

Как цепко народ учитывает значение карточек. Позавчера (в воскресенье) еду я от Кокки ночью. Шофер незнакомый и со мной и с Москвой, девушка. Фамилия — Бабушкина.

— Вы давно ездите?

— Месяц.

— А школу давно закончили?

— В 1939 г., но тогда поработала немного и ушла на канцелярскую службу.

— Почему же сейчас вернулись к баранке?

— А рабочая карточка! Только трудно. Посадили работать ночью. У меня ребенок — 5 лет. Я его на замок запираю.

Несколько дней назад поехал я с Устиновым снимать Москву. Ничего особого не нашли: сняли афиши на ул. Герцена́ (напротив консерватории), да потом на Тверской я увидел вывеску: «Закрытый магазин. Открыт с 2 до 4». Это мне напомнило шутку (кажется, Рыклина): «Помещавшаяся здесь открытая столовая закрыта. Здесь будет открыта закрытая столовая».

Решили купить по галстуку. Проехали по ряду магазинов — нету. Зашли в другие — вообще пустые прилавки, покупателей нет. Оживленно только в комиссионных, ходит много англичан, некоторые — с чемоданчиками.

В ночь на 13 апреля был крупный налет на Кенигсберг. Получив сообщение, Поспелов позвонил командующему АДД Голованову и попросил принять меня. Пожалуйста. Приехал. Провели. Небольшой кабинет, большой стол, на столе — альбомы карт и фотографий, на стене — огромная карта Европы с концентрическими кругами от Москвы — радиусы достижимости и расстояний. Голованов в простом без орденов сером кителе, высокий, статный, с очень энергичным лицом, на полевых погонах — три звездочки: генерал-полковник. Подошел и член Военного совета АДД, генерал-майор Гурьянов[51]:

— С праздником, т. Голованов!

— Спасибо! Давненько не были. Я рад, что приехали именно вы. Хотелось бы показать этот налет по-настоящему. Если бы англичане провели такую операцию — они шумели бы о ней две недели. А мы плохо еще подаем свои достижения. Я бы хотел, чтобы хотя бы у редакции «Правды» создалось правильное представление о масштабе наших операций. Наши газеты, описывая налеты, приводят одни и те же имена (Молодчий, Андреев, Даныцин[52] и др.), и получается впечатление, что летает несколько экипажей только. Между тем мы давно уже забыли о двузначных цифрах и оперируем только трехзначными самолетами.

Он познакомил меня с донесениями и официальными сводками, показал рапорты контролеров:

— Мы никому из летчиков не верим на слово, в каждом полете непосредственно нами назначается контролер, кто он — не знает даже командир дивизии, его обязанность не только бомбить, но и наблюдать работу остальных. В част-

ности, одними из таких контролеров в этом полете были по 1-й дивизии капитаны Даныцин и Ширяев. Затем и их донесения проверяем земной разведкой.

Показал он мне карту поражения города («вот бы опубликовать, да не дадут»). Бомбы легли сплошняком на склады, аэродром, ж. д. узел, здание правительства, орудийный завод, машиностроительный завод, порт, целые куски плана города были заштрихованы красным.

— Листовки бросали?

— Да, — улыбается. — За 2 полета — 2 млн. листовок, — весь апрельский фонд пустили на ветер.

— Сколько точно продолжался налет? В коммюнике говорится: свыше 2 часов.

— 2 ч. 16 мин. Так и надо бы написать. Англичане небось всегда точно указывают. Обязательно укажите, что, кроме того, бомбили город и ж. д. узел Тильзит, города Генрихсвальде, Лабиау, Инстербург, Растенбург, а также Каунас, Даугавпилс, Резекне, ж. д. узлы Лолоук, Смоленск и др. (Это у меня вычеркнули.) Над Кенигсбергом обстреливали 50 зенитных орудий.

— В сообщении говорится, что не вернулось два самолета.

— Один уже нашелся: только что звонили. Сидит на своей территории, экипаж жив, машина цела. Вот второй — неизвестно где, известно только, что отбомбился и шел назад.

— Большая к вам тяга, и — что особенно показательно — истребители.

— Да. — Он очень доволен. — Это вы очень точно подметили. И объясняется не только заботой о людях, но и эффективными результатами. Люди видят, что не зря воюют. А какое соревнование идет между дивизиями. Мы рассылаем по всем результаты работы, посмотрели бы, как дерутся за первенство и оглядываются на остальных. Отлично работают женщины, у нас есть некоторые подразделения, там роты связи и проч. За всю войну — ни разу не подтягивал. Дисциплинированный народ!

Я рассказал, как в Воронеже, во время бомбежки, женщины-милиционеры стойко себя вели.

— Правильно. Они спокойны в опасности.

В заключение он снова вернулся к вопросу о масштабах работы:

— Т. Сталин как-то спрашивал меня: почему мы не показываем работу АДД? Я еще раз напоминаю вам об этом разговоре. Покажите нас, сейчас мы уже взрослые. Вот возьмите март, помните, какая была паршивая погода всю первую половину, да и конец мокрый. И тем не менее одна АДД сделала больше вылетов, чем вся английская авиация за весь март. А потери разве можно сравнивать?! У них считается нормой 5%. Если бы они дотянули (снизили) до этой цифры — они бы все получили ордена навалом, если бы [мы] поднялись до этой цифры — нас бы надо было повесить. Англичане спрашивали нас, как мы работаем, мы им кое-что посоветовали: сейчас у них потери несколько уменьшились.

Просидел я у него часа полтора. Разговор шел о многом в авиации. Но надо было писать в номер, я попросил разрешения уехать.

— Ну что ж, раз надо. А об авиации можно банковать без конца...

В субботу в Москве началось оживление. В воскресенье — Пасха. В магазинах до этого продавали куличи (по талонам белого хлеба). И вот десятки тысяч людей решили идти в церковь. Большинство, видимо, из любопытства. Но кроме того, распространился слух, что в Кафедральном соборе на Елоховской площади будут петь Михайлов[53], Козловский[54] и Лемешев[55]. И туда ринулись все их поклонницы. К слову сказать, перед Пасхой распространился и другой слух, видимо пущенный «пятой колонной»: что вскрылось несколько случаев ритуального убийства евреями православных детей. По радио передавали, что на пасхальную ночь осадное положение снято и можно ходить всю ночь без пропусков.

Сестра кинооператора Вихирева — врач Софья Борисовна Скопина — рассказывала мне:

— Решила я с подругой пойти на Елоховскую. Пришли в 8 ч. вечера. В стороне стояла небольшая очередь святить куличи и яйца. Вообще, в соборе сначала было довольно просторно. Но потом, уже через час, нельзя было повернуться и нечем было дышать. Давка, крики женщин «Задавили! Дурно!» и пр. Было так душно, что по колоннам текло. Свечки, которые передавали из рук в руки, свернулись спиральками. Очень много молодежи (не знаю только, с какой целью пришли). Некоторые мамаши пришли с детьми. Много военных

(об этом мне говорили и потом. — *Л. Б.*). Народ сидел даже на кресте с изображением Христа — словом, как на футбольном матче. В 11 часов вышел священник и заявил, что «прибудут наши друзья — англичане». Но мы уже не могли дышать и вышли на улицу. Около церкви увидели несколько машин — это подъехали англичане. Мы поехали домой. Потом подруги рассказывали, что ни Михайлова, ни других не было.

Сегодня опубликована нота о разрыве отношений с польским правительством. Это серьезное предупреждение союзникам о том, что мы не позволим наступать себе на ноги. Англичане, видимо, это поняли, и, комментируя ноту, английское министерство информации заявило сегодня (смысл его):

— Пока есть Гитлер — не может быть и речи об объективном и беспристрастном расследовании смоленского инцидента[56]. Немцам не удалось посеять рознь между союзными державами.

А немцы свистят и улюлюкают от удовольствия.

Москвичи ждут налета на Москву. Особенно они считают, что это будет ускорено нашими налетами на города Германии. Я сказал об этом Голованову. Он смеется:

— Волков бояться — в лес не ходить.

Папанин наградил меня значком «Почетному полярнику» и говорил, что ни он, ни большинство членов коллегии такого не имеют.

6 мая

Тихо. Позавчера ездили второй раз работать на огород. В первый (прошлый вторник) возили перегной, нынче копали лопатами землю. Было человек 15—20, в том числе Домрачев, Мержанов, Штейнгарц, Козлов. Погода была отличной, загорели. Вообще, установилась приличная погода, солнце, тепло.

Вчера выдали, наконец, абонемент: карточки на получение наркоматского типа пайка. Совнарком СССР дал их 30. Завтра поедем получать. Улучшились и ужины. Сейчас дело

с питанием (количественно и в сырье) можно считать решенным.

На фронтах пока тишина. Лишь на Кубани идут серьезные бои. Как сообщило сегодня СИБ[57], вчера взята Крымская, фронт обороны прорван нами на 15 км. Приятная ласточка!

Завтра проводим совещание замов военного отдела: что нужно сдавать, чтобы идти в ногу с приказом т. Сталина.

Сегодня пришел невесть как рано: всего 2.30 ночи. Прямо не знаю, что делать дома.

Мартын (Мержанов) собирается — послезавтра летит на Кубань. В кресло дежурного посажен Бессуднов.

Сегодня после долгого перерыва играл на бильярде с Железновым. Выиграл у него обе партии.

12 мая

Получено известие, что погиб Коля Маркевич[58]. Месяц назад он был у меня. С увлечением и свойственной ему иронией рассказывал о своих планах работы в авиадесантных частях. Давно я его знаю — это один из газетных могикан. Работать он начал в «Комсомолке» еще, кажется, при Тарасе Кострове[59]. Он был в числе славной «комсомольской» гвардии: М. Ризенфельд, Коля Том (Кабанов), Анатолий Тругманов, Константин Исаев, Юрий Корольков и др. Затем был в «Известиях», а года три-четыре назад вернулся в «Комсомолку». Много ездил, облазил всю страну, хорошо знал наш восток, Среднюю Азию. Вместе с ним я был в Армении на 20-летии, в Баку. С первого дня войны он на фронте. До последнего времени был на Волховском. Там его наградили медалью «За отвагу», а за эвакуацию танка с поля боя и [за] участие в атаке представили к ордену. Звание — капитан.

Сейчас он (в начале мая) возвращался из тыла Западного фронта на самолете «Дуглас». Как рассказал мне замредактора «КП» Любимов, светлое время суток застало их в полете. Самолет подбил мессер. Тем не менее летчик дотянул до своей территории. Сел в поле, но при посадке вмазал в дерево. Взрыв, пожар, все погибли. Хоронили обугленные тела.

Такая обида, и так это тяжело!

Почти одновременно пришла весть о гибели выездной редакции «КП», посланной во главе с Меньшиковым на Украину к партизанам. Три раза они вылетали на «Дугласе» в тыл. Но каждый раз возвращались, т. к. условные сигналы в месте посадки не соответствовали полностью условиям (то вместо 5 костров было 4, то еще что-нибудь). И вот вылетели в четвертый раз два самолета: на одном люди, на другом — техника, бумага и проч. Пришли на место. Все в порядке. Начали кружить, глядя на посадочное поле, приноравливаться. И вот во время второго круга «Дуглас» на высоте 200 м нежданно взорвался. Все погибли. Второй сел, принял на борт партизан и раненых и улетел обратно.

Высказывают такое предположение: ребята летели в тыл в первый раз. Перед посадкой волновались — а вдруг немцы. Начали, наверное, приводить оружие в порядок. Разрыв гранаты или случайный выстрел из автомата — и все.

Невольно вспомнишь, как много журналистов и друзей погибло уже. У нас — Гриша Певзнер (Гринев) во время киевского окружения осенью 1941 года. Он еще в Киеве оступился, сломал ногу. Когда начали выбираться из кольца и попали в переплет — он не мог самостоятельно двигаться. Надо было бросить машины и двигаться пешком: это не по нему. Его ранили, и он застрелился. Его похоронили там же. Погиб там без вести и второй корреспондент по Киеву — Ротач.

На Ленинградском фронте погиб — убит пулей в лоб — фотограф наш Агич.

В киевском окружении пропали без вести бывший наш работник (затем «Комсомольская правда» и выездная редакция «Гудка») Миша Нейман (Немов), писатели Лапин и Хацревин, Гайдар[60].

При эвакуации Севастополя погибли наш бывший работник Хамадан (корреспондент ТАСС), корреспондент «Известий» Галышев, корреспондент «Красного флота» Иш и многие другие.

Во время Изюм-Барвенковской операции 1942 г. погибли Михаил Розенфельд и Михаил Бернштейн (оба в это время были в «Красной звезде»), Джек Алтаузен и еще несколько человек.

Недавно на Калининском фронте погиб наш бывш. работник, затем корреспондент «Красной звезды» Саша Ано-

хин. О нем хоть дали некролог, об остальных — вообще ничего. Вообще, «КЗ» потеряла 15—20 человек, в том числе большого умницу П. Огина.

Иной раз погибают совсем нелепо. Был такой редактор газеты, не то 30-й, не то 31-й армии Западного фронта, Бурцев. Вызвали его недавно на совещание в ГлавПУРККА. Поехал на машине. В 70 км от Москвы попал под бомбежку и готов.

Довольно счастливо отделался наш корреспондент Михаил Сиволобов. Он на войне почти с начала. Был на Брянском, на Западном, затем опять на Брянском. Дважды, по несколько месяцев, был у партизан в Брянских лесах, провел долгое время у партизан Белоруссии. Участвовал сам в операциях. И вот поехал он на эмке в Серпухов за нарядом на бензин. Из-за оплошности шофера Мирошниченко машина свалилась с моста через маленькую речушку под Серпуховом. Высота — 12,5 м. В итоге сломано 2 ребра, ключица, отбиты легкие. Произошло это 29 апреля, сейчас лежит в госпитале. Ну не обидно ли? Особенно боевику, капитану, награжденному Красной Звездой и медалью «За отвагу»?

Кстати, вот факт для фельетона. Когда Сиволобова доставили в один из госпиталей в Серпухове, то там его принять не могли... потому что в госпитале шло партийное собрание об итогах соревнования и все врачи были на собрании, обсуждая показатели и условия соревнования на лучшее обслуживание раненых. Скопилось несколько раненых, но их никто не принимал, и беседовала с ними только одна санитарка, беспомощная что-нибудь сделать, но зато беспартийная.

На фронте начинается оживление. Вслед за активными действиями на Кубани зашевелились и другие участки фронта. Уже четвертый день сводка из утра в вечер сообщает об активности немцев в районе Лисичанска («атаки противника»). То же — в районе Балаклеи. Активизировалась и авиация обеих сторон.

На Кубани наше наступление временно застопорилось. Мы уперлись в т[ак] называемую «голубую линию», которую немцы заблаговременно построили от западных отрогов Кавказа до низовий Кубани — сейчас долбаем ее артиллерией.

В Африке союзники покончили с Тунисом. 100 000 пленных — что будет дальше?

17 мая

Вчера ушли рано. Несколько дней назад было постановление ЦК, обязывающее выходить не позже 4 ч. утра. Поэтому пока кончаем газету в срок. Вчера ушли домой (газета еще не была готова) в начале четвертого. Встал в 12. Выпил чаю, съел залежавшейся колбасы. На дворе — пасмурно, дождь, холодно. Звонил Шишмарев, предлагает идти разгружать прибывшую для огорода картошку. Не хочется.

Хочется записать о двух примечательных днях, пока их совсем не забыл.

22 июня 1941 г.

Накануне я ушел довольно поздно, что-то около 5 ч. утра. Шла какая-то подборка по отделу информации, которым я заведовал. Только уснул — звонок, длинный-длинный. Звонит секретарь Поспелова. Редактор велит немедленно приехать.

— А он где?

— Дома. Сейчас выезжает в редакцию.

— Меня одного?

— Нет, и других. Какой домашний у Гершберга?

В первый момент я думал, что мы чего-нибудь напороли. Но раз вызывают и других — значит, что-то случилось. Прибежал в редакцию. Собрались уже основные: Гершберг, Гольденберг, Заславский, Верховский, Железнов, Кружков и пр. Члены редколлегии все в сборе, сидят запершись у Поспелова. От дежурного по редакции знаем, что звонил Щербаков и по его звонку всех подняли. Вот и все, что известно. Члены — молчат. У нас самые разноречивые предположения, но больше все либо кто-то умер, либо война.

Пришли к Гольденбергу. У него приемник. Навели: все ясно! Декларация Риббентропа. Выступление Гитлера (или наоборот). Наконец, позвал нас Поспелов и объявил — война. В первые минуты мы как-то не поверили.

Потом стало известно, что днем будет выступать по радио Молотов. Мы разъехались по городу. Я поехал в Наркомат авиации. Митинг там был во дворе.

Собрались опять в редакции. Что делать и как делать, еще не знаем. Ребята подают заявления к посылке на фронт спец-

корами: Эстеркин, Бессуднов, Мержанов, Калашников, Коробов и др. На след. день некоторые уже выехали.

Пока делали газету, как обычно (и потом, в течение еще нескольких дней, военные дела освещал наш отдел информации, а не военный. Лишь в конце месяца меня вызвал Ильичев и спросил: не буду ли я возражать против перехода первым замом в военный отдел).

— Конечно, это некоторое внешнее снижение, но ты понимаешь... и т. д. Разумеется, все условия останутся прежними и проч.

Я, конечно, сразу согласился.

Через несколько дней приехал из Минска Лидов. Он рассказывал о первой бомбежке Минска, и мы слушали его зачарованно. Нам казалось, что он перенес тягчайшие испытания. Докладывал он об этом на узком собрании актива у секретаря партбюро Домрачева. Мы обещали — никому об этом ни слова. Лидов умчался оттуда столь поспешно, что не зашел даже (хотя был во дворе) снова в свою квартиру, не взял никаких вещей, в том числе и паспорта — свой и жены, лежавшие в столике, и т. д.

О дальнейших днях надо будет записать потом, в том числе об эвакуации населения и жен, о первой тревоге и первой бомбежке (22 июля). Сейчас несколько слов о втором знаменательном дне.

15 октября 1941 г.

Еще в конце сентября О. Курганов, будучи в Москве, сказал мне, что в штабе тревожное ожидание, немцы что-то замыслили. Но что именно — неизвестно. 1 октября (или 2-го) началось известное наступление немцев на Москву. Мы следили за ним, но не представляли себе всей его угрозы. Оскар изредка звонил и на мои вопросы отвечал, что все в порядке. Как-то он сказал, что штабные работники нервничают. Штаб в то время был около Вязьмы в Лявле.

— Не известно ли что-нибудь у нас?

— Нет. А как дела в штабе?

— Ждем. Спим не раздеваясь.

Я понял. Через день или два немцы совершили обходной маневр (в лоб их готовились встретить страшным огнем) и

начался драп. В то же время они подвергли страшному налету штаб фронта. Ребята наши случайно уцелели.

А 15-го немцы неожиданно сделали рывок и оказались около Наро-Фоминска (если не ошибаюсь). И вот только я пришел на работу (около часа или нет, позже — около 3—4 часов дня), как меня вызвал Ильичев:

— Между нами. Немцы прорвались к Москве. Положение очень серьезное. Редакция в основном эвакуируется. Остается несколько человек, в том числе и ты. Согласен? Отлично. Будем выпускать газету до последней возможности. Может быть, день, может — больше. Предупреди людей, чтобы собирались. Поезд в 9 ч. вечера. Можешь пойти на часок домой и приготовить что нужно в дорогу.

Я предупредил народ. Сунул сверх списка Реута, пошел домой. Быстро собрал маленький чемоданчик (и переехал на всю зиму в редакцию). Суматоха в редакции была страшная: собирались, без конца звонили люди к редактору и просили включить в эвакосписок, ссылались на свои заслуги. Помню, звонил муж М. Шагинян, какие-то старые большевики и пр. В самой редакции спешно жгли архивы, бумаги, уничтожили телефонные списки и т. д.

По списку (как узнал позже — сказал Поспелов, — утвержденному ЦК, причем Поспелов лично докладывал секретарям о каждом из нас и даже показывал фотографии) оставались Поспелов, Ильичев, Лазарев, Гершберг, я, Парфенов[61], Шишмарев[62], Домрачев, Штейнгарц, Полонский — корректор, стенографистки Коган и Козлова, машинистки Рискинд и Бельская, секретарша редколлегии Соколова, секретарь Поспелова Толкунов. На следующий день выяснилось, что не уехали (хотя и были намечены) секретари Фрося Барабанова (Шляпугина) и Катя Румянцева. Да, и цензор Аркаша Баратов. Вот и все. В таком составе мы работали до 15 ноября. Затем прилетели на самолете из Куйбышева Гольденберг и Заславский и, наконец, после Нового года прибыли основные работники из Куйбышева.

Функции распределились следующим образом: Поспелов, Ильичев и Лазарев занимались своими делами, Гершберг — все тыловые вопросы (в том числе строительство укреплений, производство оружия, подготовка резервистов), я — военный отдел, Домрачев — партийный и сельхоз, Штейнгарц — секретариат, выпуск и иностранный. Баратов

читал «Правду» и все выходящие в Москве фронтовые и военные газеты.

Особенно трудно было составление первого номера. Причем ЦК нам предложил сразу без отдыха делать второй. И когда мы часиков в 6 утра разделались с номером от 19 октября, то немедленно стали составлять второй. Мы решили отразить в газете специфику и дать материал по строительству укреплений. Но оказалось, что Кирилл Потапов (который накануне посылал туда Макаренко[63], Кононенко[64], Винокурова и еще кого-то) в порядке бдительности перед отъездом изорвал эти материалы и бросил их в корзину. Извлекли их оттуда и сдали в набор. Так кое-как, по кирпичику, составили газету (надо посмотреть номер, и сразу вспомнится, как ее делали).

Часиков в 8 мне поручили отвезти к нашему эшелону на Павелецкий вокзал людей. Я поехал с грузовиком по ним по их квартирам. Помню, как все нервничали, собирали вещи, забирали всякое старье, плакали. На улицах творилась страшная неразбериха. Все куда-то мчались, шли с рюкзаками, многие выступали из Москвы пешком. На вокзале — кромешная неразбериха.

По окончании работы над номерами (двумя) выяснилось, что наш эшелон еще стоит. Тогда мне поручили отвезти на вокзал 10 или 12 машинок. Воспользовавшись случаем, Гершберг, Магид[65] и я решили отправить в Куйбышев по свертку белья и постель, чтобы было где спать. Зашли домой, пусто. Сенька поснимал снимки жены и сына («будут немцы издеваться»). Я отвез. На вокзале — по-прежнему давка. На всех площадках — дозорные из работников эвакуируемых учреждений: не пускают посторонних. А они ломятся! Носятся слухи, что тот эшелон обстреляли, тот разбомбили. Поезд наш ушел часиков в 10—12 дня 16.10.41.

В течение следующих двух дней мы отправили еще несколько десятков человек — то с вагоном ТАССа, то еще с кем-то. И стали жить и работать. Числа 16-го я переехал в кабинет Гершберга, и так вместе и провели всю зиму, тут же спали. Сначала в этом же кабинете поставили свои койки Курганов, Лидов и Калашников, но потом они переехали в соседнюю комнату.

Последующие дни слились сейчас в памяти в один. Первое время мы все чувствовали себя на колесах и почти не сомневались в том, что придется топать в Куйбышев. Парфено-

ву было поручено держать наготове три ЗИСа и две (кажется) эмки. Они и стояли на газу. Лазарев ездил разведывать дороги на восток — по шоссе Энтузиастов, по Щелковскому и пр. Все мы вооружились и спали с пистолетами под подушкой.

А газету делали честно. Решили изо дня в день давать о строительстве укреплений и давали, несмотря ни на что. 16-го или 17-го дали подборку о производстве вооружения (несмотря на возражения наших москвичей) и с тех пор давали почти ежедневно, хотя первую подборку делали с большим трудом, с натяжкой, вымучивая данные у секретарей райкомов по вертушке (в частности, я — у Пролетарского райкома). С ходу подхватили создание рабочих батальонов. По очереди писали передовые. Мы заставили даже комитеты по делам кинематографии и искусств для упокоения москвичей дать объявления «Сегодня в кино» и открыть кинотеатры.

Лазарев ездил в Генштаб и возвращался хмурый.

— Если сумеем продержаться еще 2—3 дня, — говорил он, — тогда, видимо, удержимся: подойдет одна дивизия.

Больше всех нас волновал вопрос: в Москве ли т. Сталин? (т. к. мы этого и до сих пор не знаем: был ли он 16, 17 и 18-го в Москве). 19-го вечером пришло знаменитое постановление ГКО об обороне Москвы за подписью Сталина. И сразу отлегло: Сталин в Москве, значит, за Москву будем драться вовсю и, видимо, Москву до последней возможности не сдадим. Я написал передовую о постановлении.

В последующие дни, несмотря на то что немцы подходили к Москве все ближе, настроение было все увереннее.

Расшалившись, я и Гершберг предложили редакции выпустить «Огонек» (вся его редакция отбыла в Куйбышев). Выпустили, написали мы сами «Москва в эти дни», позаказали материалы, затем выпустили еще один номер, потом выпустили «Крокодил», «Большевик». Затем я принял редактирование и выпустил еще два номера «Пионера» (здесь оставался только секретарь журнала Валентина Алексеевна Поддубная). Так шли дни.

26 мая [1943 г.]

Сегодня был в полку (командир Герой Советского Союза подполковник Шинкаренко[66], чудный парень, молодой, веселый, небольшого роста с очень живыми глазами, три орде-

на Ленина). Передавали им 32 Як-9, построенные на средства полярников. Поехали ватагой: Папанин, Кренкель[67], Белоусов[68] и пр. Я заехал за Папаниным. По дороге произошла забавная встреча: светофор задержал нас у пл. Маяковского. Рядом с нашей машиной остановился «Бьюик», за рулем Ильюшин в генеральской форме.

— Сережа, здравствуй!

— Здравствуй!

— Нужна статья. О технических качествах наших самолетов. Давно обещал писать нам — вот и садись.

— Да ты дай хоть отдышаться и очухаться! Заезжай вечером, поговорим. Ладно? Ну, пока!

Гершберг, сидевший в машине, искренне хохотал.

— Вот это по-американски! Не хватало ее тут же и получить!

Приехали к Папанину. В этот день он получил звание контр-адмирала. Тут же происходила примерка нового кителя. Мне он торжественно вручил значок «Почетного полярника».

Кренкель немедля набросился и потребовал новых анекдотов за время, которое мы не виделись. Я рассказал.

Белоусов добавил. Затем появился нач. политуправления ГУСМП[69] Валериан Новиков[70], который только что прилетел из Арктики. Летал с февраля, налетал 26 тыс. км — с Орловым, Махоткиным, Крузе, Сырокващей и др. Пошел треп.

Приехали. Торжественная передача (см. отчет в номере от 28 мая), затем — газ. Я сидел рядом с Белоусовым. Не виделись с начала войны. Он мне рассказал подробности гибели «Сибирякова»[71]. Произошло это в Карском море тогда, когда рейдер обстреливал Диксон. Точнее, не рейдер, а (по словам Белоусова) линкор «Адмирал фон Шпее», который возвращался от Диксона на запад. Командовал «Сибиряковым» капитан Качарава — грузин, чудесный парень. Немцы предложили ему спустить флаг. В ответ он храбро открыл огонь изо всех орудий, а их у него было кругом десять, из них старшая — трехдюймовка. Скорлупа против линкора! Бой продолжался две минуты. Спасся только один человек — кочегар Королев (или Голубев), его подобрал Черевичный[72] — он лежал где-то на берегу у маячного знака.

Белоусов усиленно звал меня с собой. Он завтра снова уезжает на Север. Предстоит большая интересная операция, как он говорит, с «шумовым эффектом».

Разговорился я за ужином с одним летчиком — лейтенантом Германом[73]. Он сбил 12 самолетов. «Еще собью, но только, наверное, убьют. А очень жить хочется. Только не удастся». Молодой, 23 года.

В редакции небольшие перемены. Нас в отделе сейчас вагон: четыре зама: я, подполковник Яхлаков[74], кап. 2-го ранга Золин и сейчас вернули из армии Петра Иванова, кроме того, дежурит Сергей Бессуднов. Есть предположение (твердое) поехать мне в конце июня на Воронежский, я больше склонен на Западный или по авиачастям. Буду говорить с Поспеловым. Коссов передан замом в экономический отдел.

Заказываем на 5 июня вагон для вывоза семей из Чернолучья. В Москве стоит холодная, дождливая погода. Температура +10. И это лето!

Кожевников рассказывает, что за время войны погибло 150 писателей (в том числе Гайдар, Алтаузен, Розенфельд, Лапин, Хацревин и др.). Кстати, Анохин был убит бомбой.

3 июня

На фронтах все еще тихо. Идут более или менее серьезные бои в районе Новороссийска (инициатива наша, но дело подвигается очень туго) и все. На остальных участках — вылазки, прощупывания, действия снайперов. Дня два-три назад германский обозреватель генерал-лейтенант Дитмар[75] выступил с большим обзором, в котором (не первый уже раз) проводит следующую концепцию: война вступила в новую фазу, немцы вначале выиграли пространство и теперь могут не наступать, им даже выгоднее не наступать, не всегда наступать выгоднее, противник вынужден будет наступать, нельзя недооценивать силы и потенциал союзников. Другими словами, как заявил мне вчера полковник Сергей Гаврилович Гуров (зав. военным отделом Информбюро), немцы провозгласили не «блицкриг», а «зиц-криг» (стоячая война).

Зато воздушные бои становятся все ожесточеннее. Англичане усиленно долбают промышленные центры Германии и Италии, сбрасывая в иные налеты по 1500 тонн бомб. Наша АДД систематически бьет по узлам и дорогам. Немцы рвутся к нашим узлам. Сегодня опубликовано сообщение, что, например, 2 июня на Курск было совершено 5 налетов, в которых участвовало 500 немецких самолетов, сбито... штук[76]. Вче-

ра прилетел с Северо-Кавказского фронта Я. Макаренко. Он рассказывает, что в воскресенье был один из многих налетов на Краснодар, прилетело 100 самолетов. Яша был на аэродроме, а Мартын Мержанов в это время спал в городе, выспался плохо. Ждем налетов на Москву.

Вчера было собрание партактива Москвы. С докладом о развитии промышленности выступал т. Щербаков. (Основное требование: к концу года по валовому выпуску достичь довоенного уровня, в Москву возвращаются многие заводы.) Шел разговор там и о МПВО[77]. Докладчик усиленно напирал на это и сообщил между прочим, что за последние полтора месяца т. Сталин четыре раза вызывал москвичей по этому поводу.

Усилились лекции и инструкции по радио. На улицах снова появились колонны людей в противогазах, у нас прошла учебная химическая тревога.

26 мая я был в одном полку на передаче самолетов Як-9. Вспомнив одно указание Хозяина, решил в отчете указать марку. Информбюро запротестовало. Я с Гершбергом позвонили наркому авиационной промышленности Шахурину. Он заявил, что самолет воюет и указывать марку можно и даже следует. Я — к Поспелову. Он начал искать Щербакова, не нашел, позвонил тому же Шахурину. Тот снова подтвердил и рассказал об одном разговоре с Хозяином, когда он говорил, что мы афишируем вражеских конструкторов и не показываем своих. Поспелов оставил марку Як-9 на свой риск.

Через пару дней Гершберг мне сказал, что ему звонил Шахурин и сообщил: 29 мая у Хозяина было совещание по вопросам авиации. Присутствовали все члены ПБ[78] и авиаторы, не было только Щербакова. Шахурин вспомнил о нашем звонке и сказал, что надо бы писать о наших машинах так, как они заслуживают. Хозяин ответил:

— Я уже говорил однажды, что это безобразие. Мы пишем: «Мессершмитт-109», мало того, добавляем: «Ф», или «Г», или даже «Ф-4». А наши — либо «Як» просто, либо «ястребки». Чем Яковлев хуже Мессершмитта?[79] И Яковлев не хуже, и «Яковлев» лучше. Надо показывать те самолеты, которые уже воюют. Надо, чтобы наши люди знали марки наших самолетов и наших конструкторов. Надо писать: «Яковлев-7», «Иль-

юшин-2», можно и сокращенно, но и полностью. Вы, тов. Новиков, проследите за этим.

Тогда Шахурин заявил, что и Новиков тут, как и он сам, ни при чем. Надо, чтобы т. Щербаков, как шеф печати, дал указания.

— Хорошо, — ответил Хозяин. — Я ему обязательно сегодня же об этом скажу, не забуду.

Об этом разговоре я узнал ночью в воскресенье и сразу в одной заметке назвал «Ильюшин-2». В понедельник мы не работали, во вторник (с 1 на 2 июня) я дал корреспонденцию Руднева об истребителях и вынес в ЗАГОЛОВОК: «Яковлев-7». Эффект потрясающий! Сегодня даем корреспонденцию Толкунова «Ильюшин-2».

4 июня

День нормальный. Солнце. Тепло. В 5 ч. вечера у нас, на небольшом устроенном мною собрании, выступил с сообщением о своей поездке в США и Англию кинооператор Владислав Микоша[80]. Он совершил чудную кругосветку. Выехал из Москвы в Архангельск. Оттуда — конвоем в Англию, побыл там 1,5—2 месяца и морем в США. 2—2,5 месяца там и через Тихий океан — в СССР. Рассказывал он очень интересно (есть стенограмма). Будет писать нам 3—4 очерка. Когда он несколько дней назад зашел ко мне — я его сначала не узнал. Он был у меня раньше, после севастопольской эпопеи, где он находился до конца и снимал фильм «Черноморцы». Маленького роста, живой, с сухим лицом и очень живыми глазами, с гладко зачесанными назад волосами и тонкими губами. Сначала он был в мундире старпома капитана торгового флота, со всякими нашивками. На доклад пришел в отличном синем костюме с орденом Красного Знамени (награда за Севастополь). Говорит медленно, чуть запинаясь, много строит на деталях, подмечает смешное. На руке — перстень.

— Это что?

— Это талисман. Я после Севастополя стал суеверным.

Сегодня выпустили 2-й военный заем. Я поехал днем на митинг на Трехгорку. Прошло очень дружно (см. номер от 5 июня).

Вернулся, написал и зашел домой. В 10.45 вечера, во время передачи последних известий вдруг раздался уже отвычный мужской голос: «Граждане, воздушная тревога». Сначала я подумал, что это учебная, потом сообразил, что никто не станет устраивать ее в первый день займа.

Заревели сирены. И я опять почувствовал знакомое сосущее ощущение в груди и какое-то желание немедленно чем-нибудь заняться. Я вышел на балкон. Во дворе с шумом и весельем люди шли в убежище, дежурные загоняли их, они старались остаться на воздухе. Близкой пальбы, бомб не было, и поэтому все (а среди наших жильцов уже больше половины не бывавших под тревогой) отнеслись к налету несерьезно.

Прислушавшись, можно было различить чуть слышную редкую далекую канонаду. Небо было чистым, прожекторов нет.

В 1.30 дали отбой. Очевидно, это было прощупывание наших средств ПВО. Мне это не нравится, после прощупывания (разведки боем) обычно начинается бой. И как раз мы вызвали сюда семьи!

Работники ПВО говорят, что лезла довольно большая группа самолетов, прорвалась в защитную зону, но к городу не пролезла.

5 июня

Тихо. В час ночи началась канонада уже городского кольца. Я вышел на балкон в редакции. Шарили по горизонту прожектора, в небе — тучи, рвались красные блестки зенитных снарядов, на тучах отблескивали выстрелы зениток кольца. Через полчаса все стихло.

Народу все это не нравится. Видимо, дошел черед и до Москвы.

В ночь на сегодня Лазарев уехал в командировку в Горьковскую область примерно на неделю. Постановлением редколлегии и. о. завотделом назначен Золин.

Сегодня узнал, что тяжело ранен Борис Изаков. Он несколько лет работал у нас, был нашим собкором в Лондоне, затем сидел в аппарате. Перед войной работал в «Огоньке», с первого дня — на Северо-Западном фронте. Лектор, награжден, последние полтора года был в газете «За Родину».

Недавно снова отправился к партизанам. Внезапно разгорелся бой с карателями. Командир приказал ему (как представителю фронта) уйти в тыл и дал провожатого. На пути шальная пуля попала во взрыватель гранаты, висевшей у провожатого на поясе. Она взорвалась, от детонации взорвалась и другая. Провожатого пополам, Бориса тяжело ранило в бедро. Его переправили через линию фронта, сейчас лежит в госпитале СЗФ, состояние тяжелое.

Дня два-три назад позвонил мне один паренек, сказал, что отправляется в тыл к немцам, хочет писать, поэтому не приму ли я его... Зашел. Высокий, худощавый паренек с бегающими живыми глазами, одет в штатское, в плаще. Представился.

— Простите, я вас не знаю. У вас есть какие-нибудь документы?

Он рассмеялся:

— Вам какие: русские, украинские, немецкие?

И рассказал:

— Позавчера мы должны были улететь. Но когда ночью приехали на аэродром — выяснилось, что откладывается. Вернулись в Москву. И тут вспомнили, когда остановил патруль, об осадном положении. У нас автоматы, гранаты, документы, конечно, только немецкие. Говорим: нет документов. В комендатуру! Еле выпутались.

Ночь с 9 на 10 июня

Воздушная война все разгорается. За последний месяц-полтора мы систематически печатаем сообщения о налетах АДД и дневной авиации на узлы и города, занятые немцами. Они, в свою очередь, систематически бомбят Краснодар, Ростов, Ленинград, Курск. 2 июня в налете на Курск участвовало до 500 самолетов. За последние дни они три раза бомбили Горький. Сегодня печатаем сообщение о налете 70 самолетов на г. Волхов.

Сегодня в 22.50 объявили тревогу и в Москве. Через 10 минут запалили зенитки. Били явственно, хотя и не все. Над городом, по уверениям москвичей, было 1—2 разведчика. Бомб не видно. Отбой дали в 1.50. Тревога длилась 3 часа.

В редакции вновь созданы пожарные команды из сотрудников, введены их дежурства.

11—13 июня

Все нормально. Как будет дальше?

В пятницу 11 июня был мусульманский праздник. Отсюда, видно, пошла пословица: семь пятниц на неделе. Мудрый народ!

15 июня

Приехали наши! Весь день выгружали вещи в дыру забора из вагона. Умаялись, как собаки.

19 июня

Сегодня в 1 ч. дня поехали несколько человек из редакции на Даниловский рынок. Там, в одном доме на Малой Тульской, было проведено публичное учение по тушению тяжелых немецких авиазажигательных бомб. Эти бомбы были сброшены немцами во время последних налетов на Горький и не взорвались (а вообще не взорвалось и не зажглось много бомб). Собралось много народу: секретари райкомов, директора заводов, моссоветчики во главе с Прониным[81], пожарники и др. Для испытания выделили один шестиэтажный дом, основательно пострадавший во время бомбежки 1941—1942 годов (зимы). Испытывались 50-кг и две 170-кг бомбы. Прошло все мирно. Описание этого действа — см. завтра в «Правде», немного снимал.

Магид рассказывает:

— В редакции «За индустриализацию» работала до войны библиотекарша. Редактор брал и не отдавал книги. Она воспротивилась и перестала ему выдавать. Ах, так! Он вызвал секретаря парткома, и решили сменить библиотекаршу. Объявили ей: мол, ответственный пост, можем доверить только коммунисту. Не зная, где найти правду, она написала письмо Сталину и опустила у Спасских ворот. Сама пошла опять в «ЗИ», добиваться встречи с редактором и ликвидировать дела. Буквально через 3 часа ее там разыскал чекист, посадил в машину и, ничего не объясняя, повез в Кремль.

Ввели ее в кабинет. В сборе — все члены ПБ. Суть дела не излагается: видимо, говорили уже до нее. Сталин предложил постановление:

1. Ее немедленно восстановить.

2. Редактора снять.

3. Секретаря судить.

4. Поручить т. Щербакову провести собрание парторганизации «ЗИ» с выявлением зазнавшихся коммунистов.

(Она сама об этом «сне» рассказывала Магиду.)

5 июля

Надо отметить несколько постановлений.

На днях т. Сталин подписал постановление ПСО[82] в восстановлении трудколоний НКВД для беспризорных (разогнанных уже при Ежове[83]). Т. Берии[84] предложено в течение, кажется, двух месяцев открыть колонии на 50 000 детей. Начинается серьезная борьба с беспризорностью.

28 июня «Комсомольская правда» зверски напутала. Публикуя постановление СНК на первой полосе о присвоении звания генерал-майора Крюченкину[85], она вместо подписей Сталина и Гадаева дала Калинина и Горкина[86]. Последовало постановление ЦК. Замредактора т. Глязермана снять и объявить строгий выговор, зав. корректурой — строгий выговор, корректора — снять, редактору Буркову[87] — выговор и предложение ликвидировать хаос и беспорядок в хозяйстве.

У нас сейчас всерьез задумываются об изучении языков. Сигнал очень серьезный. Надо бы и мне заняться этим. А то когда-то принимался и за немецкий, и за французский, и за английский, да все невсерьез.

В конце июня нач. военного отдела полковник Лазарев заявил мне, что мы оба должны выехать на фронт для инспектирования военных корреспондентов, ознакомления с условиями их работы и т. д. Лазарев взял на себя Брянский, Центральный и, возможно, Воронежский, я должен был поехать или полететь на Юго-Западный, Южный и, возможно, Северо-Кавказский фронта. Срок — месяц-полтора. Если начнутся события, то на деле разумно определяться.

Лазарев уехал 1 июля. Так как я не в кадрах, то надо было испросить разрешения на поездку у ЦК и пропуск у ГлавПУРККА. И когда я уже был полностью изготовлен к поезд-

ке, позавчера раздался звонок. Звонил старший инструктор отдела печати ЦК Сатюков.

— У меня к вам просьба: 12-го — совещание редакторов армейских и фронтовых газет. Напишите ваши соображения об их тематике: что из газетных отделов (не в структуре, а на полосе) изменить, что добавить. Кстати, вы собирались на фронт? Придется задержаться. Нельзя, чтобы и начальник и его первый зам. одновременно уезжали. Я так докладывал т. Пузину (завотделом печати), и он согласился.

Фу-ты ну-ты! А я уже так изготовился. Собирался отсюда мотануть прямо до Ростова на машине. В тот же вечер капитан 2-го ранга Золин, оставшийся за Лазарева, звонил Пузину и получил тот же ответ. То же сказали и секретарю партбюро Домрачеву, когда он был в отделе печати.

Позавчера был в Главсевморпути, зашел к Кренкелю. Он остался за Папанина (вернее, за него остался Каминов[88], но он болен). Эрнст[89] страшно мне обрадовался, начал расспрашивать о новостях.

— Расскажи о трепе. Я сейчас всех выгоню.

Страшно интересовался, где можно смотреть заграничные картины. Жаловался, что его младшая дочь выросла и встала проблема ее времяпрепровождения, совсем нет знакомых молодых людей, не с кем даже в кино сходить.

Потом начал душевно жаловаться на свое немецкое происхождение и фамилию.

— Ну чем я виноват, что дед из Тюрингии? Будь на моем месте какой-нибудь Иванов — живи и радуйся. Кремлевку дают, паек дают, машина есть и работы большой не требуют. Я терпел-терпел и написал Хозяину письмо: очень короткое — четыре строчки моим размашистым почерком. Что писал? «Очень прошу удовлетворить мою большую человеческую просьбу и послать меня на фронт». Потом позвонил т. Поскребышеву[90]. Он адресовал меня к т. Маленкову, и тот сказал: ждите и не рыпайтесь. Потом звонил другим, они мне сказали, что мое дело на полочке. Вот и сижу жду. Очень хочется опять на струю!

Зашел разговор о Хавинсоне[91]. Эрнст задумался и сказал:

— Как ты думаешь, стоит мне засесть за английский? Немецкий я хорошо знаю, а английский сейчас ведь всеобщий.

Я одобрил.

Все ждут второго фронта. У всех (особенно после сообщения Совинформбюро об итогах двух лет войны) впечатление такое, что союзники волынят. Недавно слушали об этом доклад Гере.

Сегодня были в Эрмитаже на «Марице». Очень эффектная постановка. Вернулись, поужинали. В 23.45 вдруг раздались позывные. «Значит, будет последний час, видимо, где-то началось наше наступление» — вот первая мысль у всех. Но радио передало вечернее сообщение Совинформбюро о начавшемся наступлении немцев на орловско-курском направлении и на белгородском. Участки почти прошлогодние, но началось оно позже на месяц, и масштабы неслыханные: за день подбито 586 танков и 203 самолета!

До глубокой ночи звонил телефон. Звонили мне, звонил я. От Москвы до района боев 280 км. Женька считает, что им удалось серьезно вклиниться и бои идут на всем протяжении от Орла до Белгорода. Я думаю, что влезли неглубоко, в отдельных местах, и шли двумя узкими сравнительно колоннами. План, видимо, старый: рассечь фронт и обойти Москву с востока.

Ночью я позвонил Ильичеву и предложил перебросить туда срочно Полевого и Макаренко. Так как трудно будет со связью, то послать «челноком» Толкунова или еще кого-нибудь, пусть мотается от Москвы до района боев и обратно, привозя материал. Ильичев считает, что людей там хватит. Видимо, не хочет решать без Поспелова и Золина.

По-моему, пора сейчас бросить игру в военно-морские ранги и подчинить работу отдела интересам газеты, а не принципам субординации[92]. Буду говорить об этом с Поспеловым.

6 июля

События на фронте стали чуть яснее. Сегодня в 11.15 вечера Совинформбюро по радио дало (впервые такая формулировка) «оперативную сводку за 6 июля». Отныне дневные сводки печатать не будем. В оперсводке сообщается, что продолжались упорные бои. На курско-орловском направлении все атаки отбиты, на белгородском противнику ценой бóльших потерь удалось незначительно продвинуться на от-

дельных участках. Укокошено за день 423 танка и 111 самолетов.

Наш активист с Центрального фронта капитан Пономарев телеграфирует, что бои 5 и 6 июля идут южнее Орла, что немцы начали интенсивной артподготовкой + авиамассаж, в отдельные моменты в воздухе одновременно висело до 250 немецких самолетов. Прижимаясь к огневому валу, шли танки группами по 20—50—100 машин. Успеха, по его словам, противник не достиг.

Вечером мы вызвали по телефону Брянский фронт. Нам сказали, что вчера там, юго-восточнее Мценска, немцы сунулись было двумя полками пехоты, им дали по зубам, они потеряли 600 человек и отошли. Сейчас там тихо.

Иностранная печать восприняла события горячо. Англичане и американцы пишут, что началось третье решающее наступление, что идут танковые бои невиданных еще масштабов. Немцы вчера молчали, а сегодня сообщили, что в ответ на местные действия германских войск большевики предприняли яростные контратаки, которые перешли в ожесточенные бои. Видимо, они заранее готовят плацдарм для оправданий в случае провала наступления.

Яков Зиновьевич[93] считает, что это еще не генеральное наступление, во-вторых, что еще не ясно направление главного удара.

Посылаем туда Полевого и Кирюшкина[94].

13 июля

В 2.30 дня я с Яшей Макаренко выехали на Центральный фронт. К вечеру доехали до Тулы, пообедали и в сумерках прибыли в Ясную Поляну. Заночевали в деревне. Встретили здесь полковника Воловца, рассказавшего о том, что 11—12 июля начались активные действия на Брянском фронте. Вот и думай — куда ехать. Одначе, решили все же продолжать держать старый путь.

Встретил тут, между прочим, 5—6 человек, которые меня знают, а я их нет. Обычная история.

В числе прочих оказался некий Володарский, начальник издательства газеты «На разгром врага». Лишь утром я вспомнил, что он был помполитом на ледоколе «Садко» в 1935 году.

14 июля

Утром встали в 6 ч. Зашли в усадьбу Толстого. Внешне там все осталось без изменения по сравнению с тем, как я видел раньше, до войны (но, м. б., уже восстановили после немцев). Лил проливной дождь. Прошли мы с Яшей к могиле Толстого. Она полностью приведена в порядок, за ней, видимо, следят: аккуратно обложена дерном, сверху уложены в рядки (линии) полевые цветы и у основания четыре гриба! Ребята!

Поехали. Пообедали в Ефремове. Город сильно побит. Оттуда — в Елец. Дорогой все время объезжали артиллерию, мотопехоту, минометы, идущие на фронт. Очень приятно. Дорога приличная.

Жительница Ельца (работница связи) рассказывает, что город сильно бомбят, но последнюю неделю тихо (после того, как начались операции на орловско-курском направлении). Жалуется на дороговизну: картошка — 120 р. котелок, ягоды — 20 р. стакан, яйца — 14 р. штука.

Сейчас сидим за Ельцом, машина разладилась — вот и записываю.

Вечером проехали Ливны, — город весь состоит из коробок — все дома разрушены бомбежкой. Ни одного целого дома мы не видели. На выезде мы спросили регулировщика:

— Где можно переночевать?

— До ближайшего селения 4 км, но оно все разрушено.

И впрямь доехали до села Борково — одни руины. Но люди живут в подполах, в блиндажах, в землянках. Поехали дальше — ст. Каратыш — то же самое.

Решили свернуть с шоссе, поискать что-нибудь целенькое.

На шоссе встретился паренек лет девяти-десяти:

— Командиры, дайте денег выкупить рожь из колхоза.

— Зачем?

— Кушать.

Дали рублей 20. Глаза горят.

Отъехали километров 5 и приехали в село Барановка. Когда-то было 500 дворов. Семь месяцев в прошлом году были под немцем. Всех жителей они выгнали в Щигровский район. Когда наши в ноябре выгнали немцев — все вернулись, хотя и знали, что тут одни пепелища.

Зашли мы на одно такое — там живет в скотном сарайчике семья завхоза колхоза: жена, три девочки, младшей года два. У всех раздуты животы.

— Отчего? Три месяца не видели хлеба, траву едим. Вот и раздуло. Неужели опять немец придет?

— А как вы зимой будете?

— Построимся.

Дали мы им кило хлеба. Смотрели как на лакомство. И это Орловская область!

Заночевали в одной уцелевшей хате. Живет тут три семьи. Одни женщины и дети. И все-таки чисто. Вечером — светло, лампы сделаны из снарядных гильз. Поставили для нас самовар. Сами пить чай отказались — отвыкли, мол. Сколько ни упрашивали, не помогло. Погода улучшилась, светло, луна.

Выехал я довольно внезапно, хотя разговоры велись несколько дней. Редакция все боялась меня отпустить, чтобы не сесть впросак в остром случае.

Так как с материалом было туго, то мне перед отъездом пришлось сделать две вещи: одну о действиях авиации на основании беседы с начальником оперотдела ВВС генерал-майором Журавлевым, вторую о танках — по беседе с генерал-лейтенантом Вольским[95]. Оба считают, что силы у немцев большие. Обе беседы дал в номер за подписью Огнева. Уезжая из редакции, встретил Кушнера: он сказал, что у них на правом фланге началось оживление.

Вспоминается доклад Гере. Всего за неделю до 5 июля он говорил, что немцы вряд ли начнут наступление, и высказывал радужные надежды на второй фронт. Но разве десанты в Сицилии — это второй фронт? Недаром наши газеты дают сообщения об этом петитом, верстая на одну колонку.

15 июля

Дорогой хватили зверской грязи. С утра пошел дождь. Затем рванул ливень. Шоссе закрыто — ремонтируется. Ехали по объездным дорогам. Почти на каждом шагу они были перегорожены застрявшими машинами, преимущественно цистернами. Нас никто не обогнал — в такую погоду торопятся только газетчики. Ломили через грязь и лужи, как ледокол, машину накрывало грязью с верхом. Навстречу машины из-

редка попадались — большинство везло остатки наших сбитых самолетов.

У деревни Николаевки, застряв в грязи, мы явно услышали канонаду тяжелых орудий. Как узнали позже, это палили наши, перейдя в атаку на некоторых участках фронта.

Днем прибыли на место, в политуправление, вблизи с городком Свобода, село Опалиха. Встретили тепло. Огромное количество знакомых. Только парикмахера старого нет, а я-то дорогой рассказывал Макаренко, что, как только парикмахер Каминский начинал меня брить, немедля играли зенитки. Сейчас вместо него девушка — Раиса. Сел я бриться — и, как по щучьему велению, пальба.

Встречавший меня первым кинооператор Казаков, увидев знакомое лицо с «лейкой», решил сделать мне приятный сюрприз. Он отвел меня в сторону (для секретности) и доверительно сообщил:

— В село Н-ское привезли «Тигра». Можно снимать как угодно и делать с ним что хотите. Не прозевайте!

Это особенно забавно, если учесть, что за все дни боев не удалось снять ни одного «Тигра», хотя подбиты были многие десятки. А редакции требовали. Но все танки находились либо на территории противника, либо на ничьей земле. И вот дня три назад одна команда эвакуировала «Тигр». На него немедленно набросились тигры-репортеры. Они его щелкали со всех сторон, задымили все вокруг шашками и взрывателями. Но всех перещеголял Кнорин из «Красной звезды». Он снимал, как и все, и улетел в Москву. На следующий день (13 июля) в газете «Красная звезда» на первой полосе появилась панорама из четырех «Тигров», на второй — боевой эпизод с «Тигром». А это был все тот же несчастный замученный один-единственный танк-эталон.

Газетный народ встретил нас с подъемом и весьма дружески. Живут газетчики и киношники в деревушке со странным южным названием Кубань, и Макаренко я сказал, что, выходит, он никуда и не уезжал со своего фронта. Впрочем, газетчики называют это логово «Голливудом». За год, что мы не виделись, многие получили ордена: Рузов награжден Отечественной войны 2-й степени, Олендер[96] — 1-й степени и т. д.

Начальник отдела агитации и пропаганды политуправления подполковник Алипов расплылся в улыбке при виде меня:

— Вы всегда приезжаете в острые переломные моменты.

Над нами тихонько носятся штурмовики, изредка проходят немцы. Глухо доносится канонада. На участке одной армии наши части перешли в наступление. Об этом смутно говорили все. Меня спрашивали, что делается на Брянском и Западном.

Вечером легли спать на сеновале: Женя Кригер[97], Оскар Курганов, Трояновский[98] и я. Вдруг Павел Трошкин[99] вспомнил, что Льющенко из «Комсомолки» сказал, что в сводке есть сообщение о том, что наши части севернее и восточнее Орла прорвали фронт и углубились на орловско-курском направлении и, после ряда контратак, перешли мы в атаку.

Ага!!

16 июля

В 4 часа утра Оскар вместе с известинцами уехал на передний край глядеть наступление. Макаренко с Коршуновым поехал к танкистам. Я решил заняться авиаторами. Чудный погожий день, солнце. Село красивое, все в зелени. Бабы вокруг роют окопы.

Сижу пишу письма. Рузов читает вслух Киплинга — стихи.

17 июля

Вчера днем наши части попридержали ход, а во второй половине дня опять пошли в атаку. Продвижение идет медленно. Немцы зло огрызаются, часто переходят в контратаки. Силы у них здесь большие. На Брянский они сняли отсюда только 2 танковые дивизии и авиацию. Поэтому очень остро стоит вопрос о закреплении.

Ребята вчера выехали в части. Курганов поехал с фотографом «Известий» Павлом Трошкиным и Женей Кригером. Они заблудились и попали на самый горячий участок. Как Оскар говорит, они увидели то, о чем раньше писали. Они были на НП полка в 500 метрах от поля боя. Танки, артогонь, авиация! Поджилки трясутся.

Отличился Трошкин. Несколько дней редакция долбала его за то, что он ничего не посылал. И вот, будучи на НП, он увидел несколько самоходных пушек «Фердинанд», подо-

рвавшихся на нашем минном поле. Метров 300—400. Он взял командира минеров и пополз туда. До этого там убило троих и ранило одного. Дополз, снял вплотную. Молодец!

Вечером Рузов читал мне стихи Киплинга. Великолепно! Очень идет к войне. Особенно хороша «Дорога в Мандалей». Томик Рузов возит с собой.

Весь вчерашний день наша авиация косяками гудела на север. Самолетов — несколько сот.

Сегодня встал рано. Спор с Кригером: что раньше делать — чистить сапоги или умываться? Умыться — запачкаешь руки, чистить — при умывании забрызгаешь сапоги. Я стоял за чистить, Женя — за мытье. Кончили тем, что пошли завтракать.

Сегодня снова наша авиация продолжала утюжить передний край. Снова и днем и ночью слышна канонада. Ребята были в отбитых деревнях: как обычно, вонь, трупы, минометный и пулеметный обстрел, разрывы снарядов. Несем значительные потери. Один танковый батальон на небольшом участке был израсходован за два часа.

18 июля

С напряжением слушаем сводку. О нашем направлении говорят глухо и между прочим. Это всех огорчает. Так мы скоро превратимся в вымирающих животных, т. к. нас никто не будет печатать с неинтересных направлений.

— Исчезнем, как мамонты, — говорит Макаренко.

В столовой встретился с полковником Мартыновым — замкомандира 87-й стрелковой дивизии. Его дивизия дерется сейчас около Поныреи. Полковник лежал месяц или полтора в госпитале. Вчера выписался, поехал к высокому начальству. Одначе, столь сильна привязанность к части, что «по дороге» (сделав крюк в 100 км с лишком) заехал на передний край и посмотрел, как дерутся его «ребята».

Утром обсуждали, куда и когда поехать. Решили было мотать сразу после завтрака. Липавский сказал:

— Нет смысла, поедем часиков в 12. Утром там делать нечего — даже под бомбежку не попадешь.

Все огороды и сады нашей деревни забиты семьями. Это эвакуированные с переднего края. Живут они в сараях, клетях, а то и просто под деревьями, табором.

Вокруг много роют. Отрывают, опоясывая все селение, окопы полного профиля. И это несмотря на то, что мы наступаем. Правильно!

Днем был у командующего воздушной армией генерал-лейтенанта Руденко[100] и его начштаба генерал-майора Брайко[101]. Живут они в лесу, в целом земляном городе. Блиндажи трех-четырехкомнатные, чистота, порядок, окна со стеклами и занавесками, телефон с Москвой.

Принял меня отлично. Вышли, сели на травку и беседовали около трех часов. Рассказал о тактике массированных налетов, говорил, что такое прикрытие наземных войск и господство в воздухе, что в воздухе дорогу наглухо не закроешь и проч. Постреливали зенитки, покусывали комары. Генерал высок, статен, живое лицо, блондин, чуть седой, очень культурный и обходительный. В свою авиацию влюблен и чуть-чуть к ней неравнодушен.

19 июля

Вчера ночью по поручению нач. ПУ генерал-майора Галаджева всем корреспондентам было приказано поехать на левый фланг и быть там сегодня на рассвете. Никто не поехал, ибо каждый уже не раз бывал при начале наступления, писал об артподготовке и знал, что ничего нового не будет. Сообщение Информбюро, в случае удачи, последует через несколько дней, а интересный материал и нужные люди определятся тоже не раньше.

Наступление развернулось довольно успешно, хотя немцы отчаянно сопротивляются. В первый день мы там продвинулись на 5—8 км, заняли Тросну, Озерки и пару других пунктов.

20 июля

Сегодня на основании беседы с Руденко и ряда материалов написал большой подвал (больше подвала) «Нашла коса на камень» — о крахе немецких воздушных планов и о характере авиационной войны на нашем фронте. Послал. Неужели зарежут? Дал там несколько публицистических абзацев, назвал цифры самолетов, участвующих в массированных на-

летах. А то по нашим материалам раньше получалось, что у немцев — сила, а у нас — только отвага и мастерство. У них по 200—300 самолетов на участок, а у нас «группа».

Получил телеграмму из редакции о том, что я назначен начальником корреспондентских групп на Центральном фронте и Воронежском. Лазарев приводит в действие свой план, редакция постепенно освобождается от газетчиков в аппарате. Ол-райт!

Весь день над головой эскадрильи наших бомбовозов и штурмовиков, идущих на север. Дают жизни!

Жара.

Получил «Правду» за 18 июля. Напечатана моя корреспонденция «Вчера и сегодня», посланная 16 июля (дали под заголовком «Ломая сопротивление врага» и подписью Л. Огнев).

22 июля

У нас события без перемен. Вчера немцы западнее Тросны попытались нанести удар с фланга по нашим наступающим войскам. Нашим пришлось отступить немного и оставить Тросну. Но в это время наши войска, стоящие еще западнее, в свою очередь, ударили немцам во фланг, и они поспешно отступили. Наши опять заняли Тросну.

Вообще же продвижение пока идет медленно. Это объясняется тем, что немцы тут наступали и сейчас еще нам противостоят большие силы. Против нашей 70-й армии, например, стоит 9 дивизий пехотных и одна танковая.

Брянский же и Западный фронты наступают быстрее. По данным сводки Совинформбюро за 21 июля, они стоят уже в 15 и 18 км севернее и восточнее Орла.

Вчера здесь стало известно (об этом сообщил Леня Кудреватых[102], вернувшийся к вечеру с переднего края), что немцы жгут Орел, взрывают склады боеприпасов. Железная дорога Орел—Харьков контролируется нашими частями. Видимо, немцы уводят свои войска из мешка. В этом разе мы завтра-послезавтра начнем быстро двигаться вперед.

Наша авиация все время ходит к фронту целыми косяками. Чуть оживилась и немецкая. Вчера и сегодня над нами снова ходили разведчики, палили зенитки. Сегодня ночью появился один. Его поймали прожектористы: два луча. Он пытался вырваться, поймали еще два луча. Он спикировал,

тогда поднялся в лоб еще один луч. Немец потерял всякую ориентировку, был ослеплен вконец и вмазал в землю. Тут увидели сноп пламени, слышали взрыв (видно, взорвался на своих бомбах) и затем ровное горение.

Сегодня прошла гроза исключительной силы.

Что-то долго нет Макаренко и Коршунова. Уехали еще позавчера в 70-ю армию, хотели вернуться вчера, а нету.

Читаю Гамсуна. Как все-таки своеобразно тяжело и утомительно он пишет. Прочел два романа, «Живые силы» и «Редактор Люнгс». Устал!

25 июля

Поехали с Липавским к бомбардировщикам. По дороге заехали к истребителям ПВО. Тут были гостями у сталинградца Героя Советского Союза Башкирова[103]. Звание ему дали за 12 лично сбитых. После этого свалил еще 4. Позавтракали у него, отдохнули, выпили, я побрился.

Были в Курске. Сам город живой, много народу, машин. Все крупные здания разрушены, снял развалины. Особенно пострадал от бомбардировок 2—4 июня район вокзала: там камня на камне не осталось. Всюду — развалины, воронки, следы осколков в каменных стенах, как оспа.

Провели тут митинг, посвященный вчерашнему выступлению т. Сталина об успешном завершении отражения немецкого наступления.

Оскар Курганов рассказывал вчера, как они приехали на КП полка в 13-й армии. Предъявили документы. Командир полка отстранил их в сторону, засмеялся и сказал:

— Зачем? Какой же дурак еще, кроме журналистов, приедет в этот ад?

Вчера получили сообщение, что на Сев. Кавказе убит при бомбежке фотокорреспондент «Комсомольской правды» Б. Иваницкий[104]. На западе тяжело ранены миной несколько кинооператоров. Сколько уж их легло?

28 июля

26 июля утром снова выехал к летчикам. Снова проезжал через Курск. Впечатление то же, тягостное. Все более или менее крупные здания истреблены. Видно, что немцы готови-

лись очень серьезно защищать город. Повсюду окна заложены кирпичами, проделаны бойницы. Всюду окопы: в сквере, на площадях, на улицах. Даже в стене кладбища проделаны бойницы. Говорят, в могилах — дзоты.

Был у командира бомбардировочной дивизии полковника Куриленко[105]. Долго толковали. Он — ярый поборник фотосъемки результатов (и проводит ее неукоснительно) и железного строя. Жалуется, что маловато прикрытия. Медленно, по его мнению, перестраивается подготовка кадров. До войны он был начальником авиаучилища, затем воевал на Карельском и это дело знает и чувствует хорошо.

— А тут я их могу учить не больше 2—3 недель!

От него поехал в один из бомб. полков, которым командует подполковник Соколов — высокий, статный, несколько самодовольный шатен. Летчики у него хорошие. Много времени я толковал с капитаном Лабиным — командиром эскадрильи. Со своим штурманом Давиденко и стрелком Артамоновым он сидит на одном самолете с августа 1941 г. Случай редчайший! Ни разу не сбили, ни разу не горел. И не собирается.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — шутит он.

Его все аттестуют как зрелого мастера. Авторитет у него огромный. Любопытно, что и он, и Давиденко до авиации были помощниками машинистов (он — железнодорожного, паровоза, Давиденко — врубовки в Донбассе). Вылетов у Лабина не так много: 82.

— Но это все групповые: по 6, 9, 18 самолетов. Это — куда труднее!

И ни разу не возвращался с бомбами или не найдя цели. Я о нем много записал (см. публикации).

Оттуда опять заехал к истребителям Башкирова. Он замполит командира полка. Встретил меня радостно. Выспрашивал, как ему уйти с этой работы.

— Я же боевой летчик! Да вот беда — Герой, а их на политработе почти нет, вот и не отпускают. Да боюсь, и после войны не пустят. А я — авиаинженер. Мечтаю, как кончим войну, если буду живой, займусь снова расчетами. Куплю бумазеи, занавески сделаю. Что плохого?

Начал он писать записки летчика о защите Сталинграда. Стиль гладкий. Я горячо уговаривал его закончить и обещал устроить в «Знамя».

— Если поможешь — буду. Когда приедешь?

Я обещал быть либо 31 июля, либо в начале августа.

У него в полку познакомились с Героем Советского Союза старшим лейтенантом Гультяевым[106]. Чудный паренек. Ему — 21-й год, воюет уже два года, смелый, бесстрашный, точный, хитрый. Сбил лично 19 самолетов. Маленький, прямо ребенок. Калинин, вручая грамоту и «Золотую Звезду», назвал его сынком, а в полку зовут «шплинтом».

— Сейчас я вырос. Могу с большими обедать.

— Женат?

— Нет, не успел. Так. Иногда.

Мы очень подружились. Поснимались. Страшно хочет в Москву. Я о нем записал изрядно.

Начальник оперативного отдела бомб. дивизии подполковник Огнев рассказал случай, который золото для сценаристов. Летчик из 48-го гвардейского полка, стоявшего в Кубинке, весной 42 г. летел на разведку. Подбили, зажгли. Его ранили в ногу. Все трое спрыгнули с парашютом. При приземлении сломал ногу. Радист и штурман дотащили его до избы лесника и оставили: там обещали его выходить или похоронить. Радист и штурман пошли дальше, пробираться к своим. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Немцы со старостой видели, как опускались парашюты, начали преследовать и по следам дошли до лесника. Забрали его, увезли в город (кажется, Калугу) и там, как тяжелораненого, положили в госпиталь. Кажется, били. Но в то время — весьма короткое, — которое он пролежал у лесника, в него успела влюбиться дочь лесника. Как говорится, с первого взгляда. Она решила спасти его. Поехала в город. В госпитале работали ее подружки. Уговорила. Его выкрали, отвезли в какую-то лесную сторожку. Там выхаживали, через пару месяцев поставили на ноги. Затем не то пришли части Кр. Армии, не то переправили к нашим.

— Он женился на ней? — спросил я.

— Нет. Он женатый.

Подробности и фамилию этого летчика можно узнать во втором отделе ВВС у майора Рогова (добавочный телефон 5-16).

Повсюду началась уборка. Косят вручную, косами. Серпов нет. Немного недовольства: сеяли тут при немцах индивидуально, а убирают коллективно — кое-кто бузит.

Несколько дней назад тут готовились к севу озимых. Землю поднимают лопатами. Лошадей и тракторов нет. Сеять будут под тяпку, боронить граблями.

Тут много эвакуированных из прифронтовых деревень. Живут в амбарах, сараях, садах. Уйма ребятишек — они очень выносливы и легко переносят эти условия жизни. Местное население не любит «выковырянных», а где может — то и пользуется их положением. Вчера мы подвезли от Курска до села, расположенного в 7 км от города, двух женщин. Они работают в Курске, живут в селе на квартире и каждый день ходят туда и обратно. Их дом в Курске разбомбили немцы при налете 2 июня этого года. За «квартиру» (кухню в хате, в этой кухне живет 6 таких постояльцев) они платят 900 р. в месяц.

— Сколько же вы зарабатываете?

— Я — 450, она — 250.

— Как же выходите из положения?

— У нас осталась корова. Ее не разбомбили. Вот даем хозяевам литр молока в день или 30 руб. Тяжело!

На нашем фронте все армии быстро идут вперед. Немцы уходят, оставляя огневые заслоны. Видимо, они всерьез освобождают орловский пузырь. Тем не менее по всем селам у нас усиленно роют окопы — хорошие, полного профиля, ладят блиндажи и т. д. Отлично!

На остальных участках фронта — поиски разведчиков, наступление там попридержалось.

Общее оживление и тьму разговоров вызвала отставка Муссолини[107].

29 июля

Встали в девятом [часу]. Организм, как всегда, приспосабливается быстро. С первого же дня пребывания на фронте стал ложиться в 11—12 ночи и засыпаю как ни в чем не бывало.

Встали — дождь. Обложной, нудный. Крестьяне ругаются: только начали уборку, хлеб скошен, намокнет. Чего уж хлеб, когда мы сами продрогли, одежда отсырела. Эх, вот бы когда 100 грамм!

Надо писать очерк о массированном ударе и до смерти не хочется. Уж вчера протянул весь день. Все-таки после завтра-

ка сяду. Потом следует заняться истребителями прикрытия. Задача у них невеселая, недаром ее они не любят. Его задача — не драться, а защищать. Клюнул, огрызнулся — и снова к своему подзащитному.

Сейчас по улице нашего села прошел поп. Я шучу: поп пошел к генералу Галаджеву, начальнику ПУ!

31 июля

На фронте особых новостей нет. Продвигаемся на 6—8 км в сутки. Немцы начали сопротивляться более энергично. На других участках фронта — некоторые изменения: сегодня сводка сообщила, что юго-западнее Ворошиловграда наши части отбивали атаки пехоты и танков противника. Видимо, либо пробует, либо хочет оттянуть наши силы с орловского участка.

Вчера опять знакомился с показаниями пленных. Почти все они говорят о химической настороженности Германии. Всюду выданы новые противогазы, старые заменены фильтрами 1943 года, личный состав проходит краткосрочные курсы «химической защиты». Что это за «защита», показал военнопленный — перебежчик дивизионного обоза 383-й пехотной дивизии, ефрейтор Вильгельм Нольтэ: по его словам, дивизия получила приказ отходить по маршруту Орел—Карачев—Гомель. Командир дивизионного обоза лейтенант Бемель сказал при этом:

— Немецкие войска вступят под Гомелем в решительный бой с русскими. Если немцы не окажутся победителями в этом бою, то они вынуждены будут применить газы.

Погода отвратительная. Каждый день облачно, грозы, дождь. Гром гремит почти не переставая. А ночью — звездно. Что творится в природе!

Немецкая разведавиация усилила работу. Сегодня днем несколько раз стреляли зенитки, вечером вчера строчил пулемет. Мы сидели за преферансом (начальник киногруппы Киселев, корр. «Известий» Кудреватых, корр. «Последних известий по радио» Стор и я) и не обращали внимания. Сыграли две пульки, легли в 4 ч. утра — как в редакции.

Вчера произошел забавный разговор. Поэт Евгений Долматовский пригласил меня поехать поохотиться на зайцев из

автоматов. Стали вспоминать, с какого срока разрешена на них охота. Кто-то сказал, что с 1 сентября.

— Странно, — произнес Долматовский, — а людей можно убивать круглый год...

Позавчера отправил в редакцию большой подвальный очерк «Массированный удар». Вчера написал небольшой (на 200 строк) очерк «Рядовое задание» (о пикировщиках). Странно, тяжело пишется очерк — он больше смахивает на живую корреспонденцию. Видимо, отвык.

Вчера полковник Мельников показал мне перехваченный приказ командующего 2-й немецкой армией генерал-полковника Моделя[108], в котором он призывает свои войска к стойкости и бодрости «в эти решающие бои». Послал приказ Поспелову — пусть Заславский отоспится на нем. Одновременно написал Поспелову об Огневе.

Пришли бабы, плачутся. Несколько дней назад группа эвакуированных, проживающих в нашем селе, отправилась в свое село за Фатеж косить хлеб. Налетели немцы и с самолетов бомбами и из пулеметов побили многих женщин. Вот яркая иллюстрация к разговору о зайцах!

Макаренко рассказывает, что в одном селе при отступлении немцев захвачен нашими войсками немецкий склад ОВ[109]. То, что он был расположен так близко к линии фронта, — весьма симптоматично.

3 августа

Вчера был у члена Военного совета фронта Телегина[110]. Лиственный лес. Небольшой дощатый, закамуфлированный домик, рядом — глубокий блиндаж. Домик различим лишь с расстояния в несколько десятков метров. Уборная — и та закамуфлирована. Генерал-майор — тучный, лысый, с внимательными твердыми глазами, неторопливой четкой речью. Старается развить свою мысль до конца. На стене — карта Европы, на столе — немного бумаг, на окнах — белые занавески, букет цветов.

Встретил меня любезно. Говорили часа полтора. Обо всем: положение на фронте, темы передовых, как доставлять

«Правду» в тот же день, об активе. Отличительной чертой 1943 г. генерал считает героизм не одиночек, а масс — батальонов, полков, дивизий. Я предложил ему написать статью на эту тему — он охотно согласился. Второй характерной чертой 1943 г. он считает огромную спокойную веру в свои силы, уверенность в своей силе. (В качестве примера он привел штаб фронта — о бомбежках.)

Говорили о передовых. Он очень просил дать передовую об инициативе каждого командира. В обороне она не так важна, а в наступлении — она все. Не лезть на рожон, искать слабые места противника, обходить, бить с фланга, с тыла.

Рассказал он об оперативной обстановке и попросил отметить танковый корпус Богданова, совершивший отличный рейд, проломивший оборону немцев и вышедший под Кромы. Немцы бросили на него 600 самолето-вылетов за день, но не остановили.

Два дня мы слышали тут гул канонады — оказывается, немцы снова перебросили сюда авиацию. Кроме того, сюда с белгородского направления перекинуты эсэсовские танковые дивизии, в т. ч. «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

Позавчера в Курске нас застал шумный концерт. В 22.30 над городом появилось несколько самолетов. Десятки прожекторов, сумасшедшая пальба.

6 августа

Снова был в Курске. На этот раз четче, чем раньше, заметили весьма своеобразное (хотя до известной степени и законное) отношение к курянам, которые оставались в городе во время немецкой оккупации. В большинстве областных и городских учреждений (обком, исполком и др.) работают либо люди, эвакуировавшиеся в свое время с ними, либо импортированные из тыловых районов страны. Мы познакомились случайно и разговорились с тремя сотрудницами из отдела кадров обкома: одна из них — москвичка, вторая — из Ельца приехала, третья — из Воронежа. Очень много привозных на железной дороге.

Особенно подозрительно, вернее, пренебрежительно относится пришлый народ и военные к молодым женщинам, которые жили при немцах. Их называют трофейными девуш-

ками, а еще чаще просто бл...и. Часть из них, надо сказать, этого заслужила. Секретарь редакции «Курской правды» Николаев рассказывал мне, например, что, по данным неофициальной переписи, в городе насчитывалось...[111] ребят, родившихся от немцев (это только те, которые были зарегистрированы в немецких ЗАГСах, а сколько не записывали и сколько родилось позже!). Будучи временно военным корреспондентом, Николаев присутствовал при допросе пленных, бывавших в Курске. На вопрос, как их там встретили, они отвечали: не только хлебом-солью, но лаской и любовью. Николаеву пришлось видеть письма, найденные у убитых и пленных немцев. В некоторых говорилось: «Дорогой мой, кончай скорее войну и приезжай ко мне, я не могу больше без тебя». Николаев сказал, что некоторых из адресаток он знал до войны, кое-кто были комсомолками.

Да и на наши вопросы жители рассказывали, что вот такая-то уехала со своим новым мужем в Германию, а такая-то заявила: пусть поставят рядом Ганса и моего мужа, и я прямо скажу, что люблю Ганса.

Мы ночевали в одной квартире. У хозяйки две дочери: Аня и Нина. Фамилия их Кацельман (отец — выкрест), они дальние родственники артиста Хмелева). 24-летняя работала у немцев переводчицей и, по единодушному заявлению соседок, была чрезвычайно доброй к офицерам. Младшая же Нина — небольшого роста, с изумительной фигуркой и пышными волосами, — несмотря на свои 17 лет, успела выйти замуж за немца официально, не считая прочего.

Жители рассказывают много нелестного о русских подлецах, находившихся на службе у немцев. Особенно ругают украинцев, из которых были созданы особые батальоны.

Рассказывают также, что за последнее время в немецкой армии усилилось дезертирство. Поэтому очень часто в Курске производились повальные облавы. Дезертиров вылавливали, заковывали в цепи и отправляли в Германию.

Наша машина сломалась, и мы провели сутки в 3-м ремонтном участке, которым командует майор Пугачев. Вчера ночью он разбудил нас, сообщил, что в 11.45 вечера передавали приветствие т. Сталина по поводу взятия Орла и Белгорода.

— Утром я отправляю машину в Орел, — сказал он.

— Зачем?

— За запасными частями!

Вот деловой человек.

Кстати, о наступлении наших войск на белгородском направлении мы узнали позавчера тоже у них. Останавливались для технической помощи шоферы с этого направления и рассказывали.

В Курске, как всегда, ночью была отчаянная канонада. Палили так, аж всюду дребезжали стекла. К слову: обратно из Курска я ехал с капитаном-зенитчиком, которого посылают учиться в артиллеристскую академию. Он был начштаба зенитного полка. Он сообщил свои любопытные подсчеты: на каждый сбитый самолет автоматической артиллерией приходится 500—600 снарядов, сбитый средними калибрами — 346.

— А ночью огонь эффективен?

— Только с прожекторами. А так — одна мораль.

Изнуряющая жара! Накануне отъезда в Курск ночевал со мной на одной койке Евг. Долматовский. По обыкновению, он немилосердно хохмил, а затем рассказал, что написал большую поэму о плене на основании личных наблюдений.

— Память у меня плохая, а на стихи хорошая. Поэтому то, что надо было запомнить, я излагал белыми стихами и запоминал. И такие черные вещи излагал этими пушистыми строфами, что сейчас самому странно, как умещалось...

В числе прочего он сообщил, что недавно был пойман один контрразведчик, который присутствовал при аресте генерала Понеделина[112]. Он нарисовал совершенно иную картину его поведения. Вместе с членом Военного совета он находился в танке. Танк подожгли. Они вышли и отстреливались до последнего патрона. Его товарища убили, его — ранили и захватили в плен. Он сказал, что никаких показаний давать не будет. Его увезли в тыл, поместили в хорошие условия, вернули документы (в том числе партийный билет) и предложили подписать обращение. Он наотрез отказался. Его били — не помогло. И наконец, расстреляли. Если это так, то это по-новому освещает его фигуру.

Оскар Эстеркин рассказывает любопытную, прямо дворцовую историю. В Великих Луках долго сопротивлялся гарнизон крепости. Тогда один пленный немецкий лейтенант

предложил свой план. 40 наших автоматчиков переоделись в немецкую форму и во главе с ним и нашим командиром ночью проникли в крепость. Пришли они под видом пополнения. Предчувствуя вопросы своей команде, лейтенант сразу во всеуслышание скомандовал (как было условлено заранее): «Кто скажет хоть одно слово — будет убит» (что соответствовало бы действительности). Он потребовал, чтобы его провели к генералу — вручить пакет.

— Отдайте адъютанту!

— Нет, у меня личное поручение к нему.

Его повели, но за ним пошло десять немецких автоматчиков. Заметив это, наш командир отправил за ними своих. К генералу его не пропустили — возникло подозрение. Приближалось утро — обман бы раскрыли. Он хотел пистолетом проложить дорогу. Подняли пальбу немецкие автоматчики, по ним — наши.

Основной гарнизон не знал, в чем дело. Началась паника. Воспользовавшись этим, отряд прорвался к своим, потеряв всего несколько человек. Немецкого лейтенанта наградили орденом Ленина.

7 августа

Наш газетный лагерь все время кочует. Все время кто-то уезжает, приезжает, вечно мы кого-то ждем и кто-то нам что-то рассказывает. Особенно это заметно в дни больших событий.

Вот и вчера. Первым днем приехал из района танкистов корр. «Красной звезды» майор Конст. Буковский[113]. Он сообщил, что видел Кригера и Трошкина, — узнав про уличные бои в Орле, они-де срочно повернули и поехали туда кружными дорогами в обход. Сам Костя рассказал о своих впечатлениях от пребывания на Воронежском фронте. Видел он там нашего Яхлакова, тот пробыл дней пять и уехал на Юго-Западный.

Часиков в 7 вечера приехали Макаренко с Коршуновым, уехавшие еще 4 августа. Они были у танкистов. Матерно их ругают за неорганизованность. В политотделе армии им сказали, что продвинулись туда-то и взяли то-то.

— А где КП корпуса?

— Там-то.

Поехали туда и попали... в штаб полка. Командир полка сообщил, что КП еще не переехал, а что касается продвижения, то оно не состоялось.

Были ребята в Кромах. Город производит сдержанное впечатление. Но уцелел. Взорваны несколько домов в центре, а окраины уцелели. Взят город вчера. Немцы держатся на огневом сопротивлении.

Попали ребята в бомбежку. Только сели обедать. Над головой — девятка. Яша говорит:

— Я привык, раз над головой, значит, бомбы полетят вперед по инерции. Вдруг как завизжит все кругом, — оказывается, он, сволочь, сбросил в контейнерах мелочь, лягушки. Они, б...и, падают, подпрыгивают, а потом рвутся. Мы — плюх, куда попало. Я в какой-то кювет, на меня навалились саперы. Сергей в другом месте на саперах сам. Взрывы все ближе, ближе. Ну, сейчас нас! Вдавились. Нет, какой-то интервал площади, и рвутся дальше. Я приподнял голову, в это время визжит еще одна. Ну — это моя! Нет, благополучно. Кончилось. Но обед прошел вяло, и водка была какая-то кислая. Убило одну лошадь и одну ранило. Пристрелили. На обратном пути снова отлеживались в канаве, да в 7 метрах от нас, обгоняя, взорвалась на мине машина. Людей раскидало на несколько метров. Однако все остались живы, лишь поранило всех.

Проговорив все это, Яша сел писать, написал, отправил и пошел после этого ужинать: «Не ел весь день».

Около 8 ч. вечера в столовой встретили кинооператора Казакова. Он только что вернулся из Орла, ночевал там. Снимал приход наших войск, встречи. По его словам, город не очень разрушен. Хотел снять технику, трупы — не удалось. На улицах немного «трофейных девушек» — открыто зовущих отдохнуть после трудов праведных. Вообще же часть населения разговаривает пока еще неохотно, говорит вместо «наши» — «красные» или «русские». Два года!

Часиков в 11 вечера вернулся из Кром Кудреватых. Он рассказывает, что Кромы были оставлены немцами, причем еще накануне, когда немцы были в городе, германские летчики бомбили Кромы, чтобы разрушить. По словам Лени, в частях все больше и больше идут разговоры о крахе танков. Говорят,

что ни немецкие, ни наши танки не могут пройти там, где артиллерия. Танки, мол, пережили себя. Ну-ну!

Второй особенностью здешнего этапа Кудреватых считает войну ночью. Все действия, все продвижения наши (и отступление противника) происходит ночью.

20 августа

Утром 8 августа я и Макаренко выехали на Воронежский фронт — посмотреть, что там делается. Решили поехать сами, в связи с оживлением тамошних событий: курс — на Харьков. Ехали целый день.

Приехали в одно место — ПУ, оказывается, продвинулось вперед. Но тут осталась газета «За честь Родины». Зашли к редактору Троскунову[114]. Потолковали. Я его знаю по прошлогоднему ЮЗФ. Он жаловался на кадры, на условия. Во время разговора ввалился Шера Шаров (Нюренберг)[115]. Он только что прибыл из-под Богодухова, от танкистов. Грязный, как шахтер, и еще длиннее, чем всегда. А ехал он в опельке, складываясь втрое. По дороге их не раз бомбили («мессера» прямо ползают»), обстреливали автоматчики, оставшиеся в тылу. Он рассказывал, что танки идут вперед не задерживаясь, рассекая немецкие силы. Многие немцы бродят по лесам. Ребята наблюдали, как один наш автоматчик подошел к полю пшеницы, крикнул: «Руки вверх!» — и оттуда вышло около 10 немцев.

За эти дни, которые пробыли на Воронежском фронте, побывал у многих интересных людей.

Условились с нач. оперотдела фронта генерал-лейтенантом Тетешкиным[116] о встрече. Пришли в 3 ч. ночи. Он лежал в постели, его трепала малярия. Огромная пустая комната, кровать и стол. Но генерале — одеяло, две шинели. Красные, воспаленные глаза. Говорит с очень большим трудом, еле-еле выталкивая слова. Он дал общую оценку положения на фронте на этот день (10 августа). Я был с Островским из «Известий», с которым случайно встретился после многолетнего перерыва у одной хаты. Запись беседы см. в блокнотах.

Был у командующего бронетанковыми силами генерал-лейтенанта Штевнева[117]. Он только встал и принял нас в сво-

ей комнате, одетый в пижаму в голубую полоску. Запись его беседы — часа два — там же, в блокноте.

Пару раз говорил с начальником ПУ генерал-майором Шатиловым[118]. Он рассказывал, главным образом, о том, как был организован прорыв.

Потом я поехал в воздушную армию. Коротко поговорил с командующим генерал-лейтенантом Красовским[119]. Он порекомендовал подробнее потолковать с его начштаба, т. к. торопился на заседание Военного совета. Хорошо отозвался о работе Байдукова, но присовокупил, что есть лучше, и назвал Витрука[120]. Не откладывая в долгий ящик, отправился к начштаба генерал-майору Качеву[121]. Невысокого роста, грузный, толстый, со стеклянным выражением глаз. Сидит все время на узле связи. Вышел со мной на улицу и, глядя на небо и самолеты, рассказывал о делах. Особого впечатления на меня не произвел.

Оттуда я решил поехать в штурмовой корпус Каманина[122]. Дал ему телеграмму с просьбой прислать машину и отправился подождать к замначштаба полковнику Кацу. Его не было в хате, и встретила там его адъютант — очаровательная девушка Эмма. Когда мы с фотографом Гурарием[123] зашли в хату, она спала за занавеской.

— Вот бы мне такого адъютанта, — сказал Полторацкий, корр. «Известий», подъехавший позже.

— Страшно оставлять одну, уезжая в части! — ответил я.

— Нет. Это выгодно, — возразил Виктор. — Можно быть уверенным, что в это время коллеги ничего не будут передавать в свои газеты.

Через час позвонили с узла и сообщили, что мне телеграмма: «Машина за вами послана». Вскоре она пришла, но оказалось, что у шофера мало бензина. Я решил зайти повидать флаг-штурмана армии полковника Гордиенко[124], бывшего штурмана Коккинаки, и взять у него ведро бензина. Обрадовался он мне страшно. Приказал немедленно слить из его машины ведро (кстати, его машина — «Бьюик», полученный в подарок от правительства за полет в Америку), расспрашивал о новостях и знакомых, щедро аттестовал меня своим работникам, а затем подставил тут же на карты кружку спирта, кружку воды и вынул из кармана два огурца. Охмелел он очень быстро, взял с меня слово не забывать его, и я уехал.

До Каманина ехать было недалеко — километров 20—25. Но шофер ночью заплутался, и пришлось заночевать в деревушке. В 8 утра подъехали. Живописное местечко, пруд, лесок. Каманин не спал, сидел за картой в кабинете. Пополнел, в генеральской форме, держится солидно — командир корпуса.

— Я тебя ждал, ждал. Обычно ложусь в 9, а тут ждал до 11. Потом приказал приготовить тебе постель, ужин и лег спать.

Потолковали обо всем. Позавтракали, выпили. Он приказал приготовить самолет У-2 и полетел по полкам. Я поехал к Байдукову в дивизию. Нашел его в школе. Там его штаб. Сидит в маленькой комнатке. Мебель — крошечный стол и стул. Для меня принесли парту. На столе два телефона — полевой и радио, оба для связи с полками. Связь с корпусом — телеграф (свой). Выглядит Егор хорошо, моложаво, одежда не генеральская, а обычная, за исключением погон. Держится просто, но резко. Очень обрадовался, много расспрашивал про Москву, про друзей, про дела и новости. Хотя воюет уже два года, но чувствует себя по-прежнему летчиком-испытателем.

— Мы по нужде на войну пошли, нас совесть погнала. Кончится — опять на завод уйду.

Много и интересно рассказывал. Его люди бомбили под Харьковом, под Полтавой, Богодуховом, Грайвороном, Ахтыркой, Ковягами и др. Очень хвалил ст. лейтенанта Молодчика. Над целью прямым попаданием пробили плоскость, вышел мотор. Решил все равно вломиться в колонну. У самой земли мотор заработал. Он полетел вдоль колонны, но так низко, что обломал костыль о машины. Прочесал, улетел, сел на чужом аэродроме, затем вернулся к своим.

Сам Егор много времени, особенно в период прорыва, пробыл на переднем крае, руководя на месте, по радио. Был свидетелем гибели Апанасенко[125], замкомандира фронта. Все вместе поехали выбирать место дня нового НП танковой армии Ротмистрова. Впереди ехал на «Виллисе» начштаба армии, за ним, метрах в 300—400, остальные. Когда машина начштаба поднялась на высотку, из кустарника неожиданно в 5—10 шагах выскочили немецкие автоматчики: «Рус, сдавайся». Шофер резко повернул. Стрельба. Убили сидевшего сзади нашего автоматчика и еще одного бойца. Неожиданно близко раздался выстрел «Тигра». Решили поехать в другое

место. Байдук и нач. артиллерии вышли из машины и лежали в траве, что-то высчитывали. Показалась большая стая немецких самолетов. Апанасенко предложили лечь, но он поехал дальше. Бомба. Убит. Ротмистров легко ранен. От Байдука ближайшая бомба разорвалась метрах в 15.

Много говорил об организации: горючее, боеприпасы, определение цели, приказ-задача, прикрытие и позывные прикрытия, обозначение переднего края. Рассказал хороший сюжет для фильма о деревне Ванино-Маторино.

— Пишешь что-нибудь?

— Какое там! Вот читаю с первого дня войны «Сыновья» Фейхтвангера и то никак дочитать не могу. Поохотиться и то некогда.

Перед отъездом с фронта к себе я заехал к нему еще раз. Пообедали и пошли дальше. На этот раз он курил уже не табак, а папиросы («Авиа») и страшно был доволен.

Числа 10-го я пробовал позвонить из квартиры Хрущева в редакцию. Просидел с Первомайским с 8 часов вечера до полуночи, и все безрезультатно: Москва была занята. За это время 6 раз звонил колокольчик: так на КП объявляют воздушную тревогу. Была и стрельба, но бомб не было.

Перед нашим отъездом перебрались на новое место — южнее. Ночевали в селе, около леса. За последние дни в этом лесу и на окраине села (оно освобождено 5 дней назад) выловили около 40—50 немцев. Майор нас специально предупреждал: с оружием не расставаться ни на минуту, поодиночке не ходить, спать с дежурствами.

Отлично выспались, поехали к себе на Центральный. Подъезжая к Курску, встретили Бориса Полевого и Росткова — они ехали под Харьков из Москвы. Совсем как в «Лесе»: «Я из Керчи в Вологду, а я из Вологды в Керчь». Зашли в какую-то хату на окраине, поговорили, рассказали об обстановке, я взял у них табачку, и поехали дальше.

Вообще, народу повидали много. На Воронежский прилетели сначала из «Кр. звезды» Денисов и Галин, затем из «Известий» Антонов и Гурарий. У Каманина встретил знакомого метеоролога из ГАМСа[126], в штабе воздушной — профессора из ВВА[127].

На обратном пути заночевали в селе Жданово. Вошли в одну палатку. Сидевший там человек долго смотрел на меня:

«Я вас знаю». Разговорились. Оказалось — некий Михаил Чех. Он учился в КИЖе[128] и в 1936—1937 гг. некоторое время работал у нас в отделе писем. Потом был в Бурят-Монголии, работал там в газетах. На войне — автоматчик, командир отделения. Во время немецкого наступления под Орлом 6 июля был тяжело контужен при взрыве снаряда. Сначала оглох, паралич, сейчас отошел. Находится в госпитале, выздоравливает. В этом госпитале мы и ночевали. Постелили нам две койки с чистым бельем, и мы просто блаженствовали: две простыни, чистота.

Въехав в село, где была наша база, мы увидели на пригорочке могилу. Подошли. Свежая насыпь, свежие цветы, надпись «Боевому журналисту тов. Бельхину[129] от друзей». Это было 17 августа. Оказывается, накануне он вместе с Пашей Трояновским и Кудрявцевым (все трое из «Кр. звезды») поехали в Дмитриев-Льговский. На обратном пути наткнулись на пробку. Отъехали метров на 300 к речке и начали умываться. Налетела шестерка «Юнкерсов» — бомбежка. Залегли. Улетели. Трояновский слышит голос Кудрявцева: «Я ранен». Паша кинулся к нему — осколок в ноге, ушел сантиметров на 5, и поцарапана голова. Перевязал. Бельхин лежит неподвижно — осколок пробил голову, мгновенная смерть. Он лежал около реки, и вся вода стала красной. А шофер, который лежал у него в ногах, остался невредим. Самого Пашу три раза перевернуло взрывной волной, но он остался целехонек. Ну, остановил он машину с боеприпасами, погрузил наверх тело капитана Константина Бельхина, посадил в кабину Кудрявцева, отвез обоих в госпиталь в Дмитриев-Льговский. Кудрявцев и сейчас там — ранение серьезное. Таковы грустные дела.

21 августа

Послал в редакцию подвал «В небе Украины» — о воздушной войне на харьковском направлении.

22 августа

На нашем фронте — тишина. На харьковском и брянском направлениях наступление застопорилось. Идем там вперед по 6—8 км в день. Харьков все еще у немцев. А числа 12-го

нач. ПУ Воронежского фронта генерал-майор Шатилов, узнав, что я на следующий день собираюсь ехать под Харьков, сказал мне: смотрите, не опоздайте!

Газетчиков на нашем фронте осталось совсем мало. Известинцы Кригер и Трошкин уехали в Москву, краснозвездинцы Олендер и Буковский перебрались на Воронежский, а Андрей Платонов[130] — в Москву, тассовец Липавский уехал на Степной, корреспондент Информбюро Пономарев[131] — в Москве. Весь «Голливуд» распался...

Живем мы на окраине деревни Большая Михайловка. Я, Макаренко и Коршунов занимаем хатку у бездетной старушки Тимофеевны. Она бедна, как церковная крыса, не имеет даже огорода, из живности — коза. В нашем распоряжении комнатка шириной в 4 шага, длиной в 6 шагов. Спим на полу, на соломе, вдвоем с Яшей (вот уж полтора месяца мы спим с ним вместе, либо на одной койке, либо рядом на полу). Стоит холодная пронзительная погода, резкий ветер. Несколько дней было сплошь облачно, сегодня раздуло, но по-осеннему холодно.

Любопытен разговор газетчиков, когда они возвращаются из частей. Речь идет не о боях, не о бомбежках, а либо о выпивках (так же как и все воспоминания), либо о деталях машин: конических, планетарных, сцеплении, трамблерах — где их достать и какие они подлые. Ну прямо шофера!

Полковник Кац во 2-й воздушной армии рассказал мне драматическую историю. У него там в авиачасти был брат, отлично дрался, награжден. Не видел его с начала войны. Приехал — оказывается, за неделю до этого убит. Выясняется: получил он письмо, что его жена (внучка Мичурина) изменяет ему в Мичуринске. Командир дал самолет. Туда. Дома нет. К соседям. Обрадовались, выпили. Часиков в 12 идет. Отворяет, растеряна. Он в другую комнату. На кровати человек — военный, раздетый. Он выстрелил в воздух, тот выхватил из-под подушки пистолет. В живот. Через несколько часов похоронили.

Как много людей, судьба которых неизвестна. В очень многих семьях, где мы останавливались, хозяйки говорили, что от мужей либо сыновей уже год, а то и два нет ни слуха ни духа. Но все надеются.

Очень хорошо сказала хозяйка нашей хаты в с. Боброво на Воронежском фронте (Курская обл.) Ракитянского района, звали ее Ефимья:

— Все не придут, но все ждут.

23 августа

Вчера я и Макаренко получили вызов из редакции.

Перед отъездом зашел к Галаджеву, простился. Разговор зашел о действенной агитации печати. Он считает (и резонно), что газета фронтовая, а тем паче армейская, не может утешать себя тем, что она уже писала о том или другом вопросе. В частности, нужно писать, как бороться с «Тиграми», «Фердинандами», хотя об этом уже не раз давали два месяца назад. Нужно снова и снова писать, как уберечься от мин и т. д. Ибо в армию пришел новый народ, который ничего этого не знает и газету, допустим «Красную Армию», никогда раньше не читал.

— М. б., это не по-журналистски, — сказал он. — Но, во всяком случае, это очень нужно.

Спросил он меня, надолго ли я уезжаю, и пожелал скорейшего возвращения. Ругал он (к слову говоря о повторениях) своих разведчиков:

— Пишут листовки для немцев и заканчивают их так: «...Переходите на нашу сторону. Вам будут обеспечены условия согласно приказа 095». Что же, у немцев подшивки приказов ведутся, что ли?!

Хорошо и подробно говорил с подполковником Прокофьевым — новым начотдела агитации и пропаганды ПУ. Он затеял хорошее дело: аннотации-тезисы к кинокартинам («Сталинград», «Котовский» и пр.).

Задача — дать материал для агитатора. Такие рецензии он просил подготовить журналистов. Охотно!

Вечером собрались у известинцев. Отмечали три события: 37 лет Михаила Рузова, награждение Лени Кудреватых орденом Красной Звезды и наш отъезд. Присутствовали на званом торжестве: Рузов, Кудреватых, Павел Трояновский, Николай Стор (корр-т «Последних известий по радио»), ка-

питан Навозов (корр-т Совинформбюро), Яша Макаренко, Сергей Коршунов и я. Именинник и Трояновский только сегодня днем вернулись из одной армии и отчаянно зевали: две ночи они не спали, на обратном пути раз десять выскакивали — их непрерывно бомбили.

Стол был невиданный: банка рыбных консервов, соленые огурцы, масло, сосиски, мясо с картофелем, рисовые пирожки, блины с сахаром, яблоки. Напитки: водка, спирт, самогон из сахарной свеклы, портвейн. Сидели до 2 часов утра, пили, пели. Пару раз стукали зенитки — не слыхали даже.

24 августа

В 7 ч. утра выехали на машине в Москву. Маршрут: через Кромы—Орел—Мценск—Тулу. Миновали наш передний край (бывший, орловско-курского направления). Рядом немецкий. Бесконечные ряды окопов, ходы сообщений, очень много дзотов[132] — часть их разрушена прямыми попаданиями. Кое-где встречаются большие участки с надписями «мины» — еще не разминированные. В большинстве же мест уже убран хлеб и между траншеями стоят скирды и связки снопов.

Кромы довольно серьезно разрушены. По пути к ним много трофеев, но мелких — снаряды, гильзы, кое-где лежат подбитые танки, пушки, зенитки, машины. Деревеньки в большинстве целы. Есть наши танки, у многих сбиты башни, видимо слабое крепление.

На шоссе Кромы—Орел—Мценск (Харьков—Белгород—Курск—Орел—Тула—Москва) немцы повзрывали все мосты. Сейчас всюду кипит работа по их восстановлению. Часть уже построена. Вообще шоссе в удовлетворительном состоянии. Всюду надписи: «Дорога разминирована».

Орел разрушен очень. Все дома масштаба от двухэтажного каменного и выше разрушены, церкви обезглавлены, вокзал и прилегающее ж. д. хозяйство обращены в труху (но там сейчас энергично работают). Я пробовал было найти хоть один целый большой дом — на всем пути через город не удалось. Центр города огражден: еще не разминирован. Жителей на улицах мало. Идут войска — пополнение. Где-то в одном дворе стрекотал автомат (война!). Сделал в рай-

оне вокзала два снимка разрушенного дома, какого — не знаю.

Деревни за Орлом (к северу) сожжены. Торчат трубы. Обычная картина. Километров через 10—15 начинают попадаться целые селения.

Но самым сильным разрушениям, по-моему, подвергся (из этой группы городов) Мценск. Ему досталось зверски. Город расположен на холмах, очень своеобразен, красивая река, зелень, очень много церквей оригинальной формы. Но нет, по-моему, ни одной целой церкви: от одной уцелела только колокольня, от другой только своды, у третьей снесены начисто купола. Очень много разрушено и домов — даже не могу вспомнить, видел ли целые.

Кстати, о церквях. В селе, где находится ПУ ЦФ, тоже из трех церквей две разрушены, одна до основания, вторая — изнутри. Во вторую мы зашли. Там все взорвано. На колонне — рисунок Христа, ему приделаны борода, усы, рога, penis. Над сиянием надпись: «Курить строго воспрещается». Говорят, там была конюшня.

Да, в Кромах видели огромный лагерь для военнопленных. Гигантская территория обнесена колючкой. Сараи для наших пленных хлипкие, без стен, высота — в полчеловека. Хлевушники!

В Москву приехали к 11 ч. вечера. На Серпуховке нас задержали милиционеры: сделайте маскировку фар, иначе не пустим.

— Да у нас на фронте ездят с полным светом!

— Не мое дело, там фронт, а тут — Москва.

Что делать? Нет ни картона, ни темной бумаги. Но наш водитель — старший сержант Михаил Чернышев — нашелся: взял штаны и гимнастерку, обвязал ими фары, оставил в прорехах щелки для света, и так ехали.

— Потеряешь штаны, Миша! — говорил я ему.

— Это невозможно. Как только они спадут — милиционер засвистит: будет полный свет.

В 11.45 вечера был дома. Страшно поразила чистота в комнате. Вот чего давно не видел!

Помылся, выпил, лег спать.

Хотел позвонить в редакцию, но, оказывается, по случаю взятия Харькова газета вышла с понедельника на вторник, а сегодня (во вторник) в редакции свободный день.

25 августа

Да. На вечере у Рузова мы разучивали новую песню Симонова, которую он написал будучи у нас на фронте. Песня стоящая, хотя и недоработанная. Вот она:

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Без глотка, товарищ,
Песни не заваришь, —
Так давай по маленькой хлебнем.
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
От Москвы до Бреста
Нет на фронте места,
Где бы не лежали мы в пыли.
С «лейкой» и блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь жару и стужу мы прошли.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Выпить есть нам повод,
За военный провод,
За У-2, за эмку, за успех,
Как плечом толкали,
Как пешком шагали,
Как мы поспевали раньше всех.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Там, где мы бывали,
Нам танков не давали:
Репортер погибнет — не беда.
Но на эмке драной
Мы с одним наганом
Первыми въезжали в города.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.

И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Помянуть нам впору
Мертвых репортеров, —
Стал могилой Киев им и Крым.
Хоть они порою
Были и герои —
Не поставят памятника им.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
От сырца и водки
Охрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
— С наше покочуйте!
— С наше поночуйте!
— С наше повоюйте третий год!
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!
Так выпьем за победу,
За свою газету...
А не доживем, мой дорогой, —
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.
Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное — наплевать!

Навозов сообщил мне также начало симоновской же «Веселой журналистской», которая записана у меня в дневнике (№ ...) за прошлый год[133]. Я этого начала не знал. Вот оно:

ВЕСЕЛАЯ ЖУРНАЛИСТСКАЯ

И пьющий и курящий,
Отважен и хитер,
Был парень настоящий
Веселый репортер.
На танке, в самолете,
В землянке, в блиндаже,
Куда вы ни придете —
До вас он был уже.

Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия», и «Правда»,
И «Красная звезда».
Оружием обвешан... (и т. д. — уже записано).

На всех фронтах весьма популярны «Ловушки» Алеши Суркова. Их множество. Вот некоторые из них, сообщенные мне Стором:

ЛОВУШКИ

В купальне старый филантроп
Увидел пару дамских... туфель.
Он сморщился, как трюфель,
Свалился в воду и утоп.

Три футболиста, скинув бутсы,
С тремя девицами... гуляют.
Они подруг обожествляют
И в чувстве сем не ошибутся.

Свое имущество страхуя
В бюро пришло четыре... деда.
Они пришли после обеда,
О бренной старости толкуя.

Стиль баттерфляй на водной глади
Нам демонстрируют две... девы, —
Плывя направо и налево
В большом бассейне в Ленинграде.

Разбив кардиналистов рать,
Три мушкетера сели... кушать
И приготовилися слушать
Что д'Артаньян им будет врать.

Один подвыпивший вассал
Весь замок ночью... обошел,
Потом, поднявшися на мол,
Стихи о деве написал.

Какой-то пьяненький капрал
В присутствии дам на стол... уселся,
Потом он наголо разделся
И вежливо «пардон» сказал.

Тореадор попал в беду —
Схватив синьору за... мантилью.
Она вскричала: «Эскамильо!
Ты груб, с тобой я не пойду!!»

На виноградниках Шабли
Пажи маркизу... угощали,
Потом стихи ей посвящали
И спать в беседку увели...
(И в заключенье — у...бли.)

29 августа

Вот уж несколько дней в Москве. Болтаюсь все время в редакции. Докладывался по всем инстанциям, написал две докладные записки в ЦК (об уборке урожая в освобожденных районах и по военным вопросам — маскировка, охрана и т. д.). Вчера написал в номер передовую «Офицеры и генералы Отечественной войны». В связи с этой передовой имел много разговоров с генералами.

Я задал им вопрос: что нового в той или иной отрасли войны показал тот или иной род войск в 1943 г.?

Замнач. ВВС генерал-полковник Фалалеев сказал:

— Воюют, как обычно. Новое — массирование авиации. Количественное преобладание на отдельных участках.

Нач. оперативного отдела ВВС генерал-лейтенант Журавлев ответил:

— Массированные удары. Защита своих войск. Мобильность. Умение управлять большими массами. Умение наращивать силы. Когда зайдете рассказать о поездке на фронт?

Генерал-лейтенант танковых войск Вольский:

— Танки выдержали основной удар в обороне, этого не бывало. Танки парализовали огневую мощь пушек «Тигров», «Фердинандов» и другой самоходной артиллерии. Танки научились наступать в условиях не только оперативного простора (как было под Сталинградом), но и в условиях глубокоэшелонированной вражеской обороны, притом маневренной и насыщенной огнем.

Зам. нач. арт. управления генерал-полковник Яковлев[134] сказал:

— Артиллерия всегда хорошо действовала (вы простите меня — я же артиллерист). Недаром ее называли еще до вой-

ны «бог войны». Это действительно бог. Из нового? Массирование при прорыве. Маневренность в наступлении — сопровождение траекторией стрельбы и колесами.

— Можно ли сказать, что мы имеем огневое превосходство?

— Безусловно.

Позвонил начальнику штаба АДД генерал-майору Шевелеву. Он очень обрадовался. Расспрашивал, как я ездил, кого видел, что говорит Байдук, пьет ли Лакеев[135]. Я похвалил их работу по Орлу, где район вокзала снесен начисто.

— Да, там у нас как-то работало 500 самолетов. А вот 5 дней [назад] была интересная операция. Немцы установили дальнобойные пушки и начали плеваться в Ленинград. Позвали нас. Одна ночь — 200 самолетов, другая — 200. Вот уже пять дней не стреляют. Только так, по мелочам.

Зашла речь о Курске. Он сказал, что там специально в свое время убили какого-то генерала. Чтобы точно выполнить задание (домик с зелеными ставнями), бомбили с высоты 80 метров, «зато с гарантией». Я спросил: это не в домике ли на Восточном аэродроме? Оказывается, он этот домик знает.

— Нет, там генерала не было, там были только офицеры.

Рассказал, что немцы специально для борьбы с АДД создали на одном направлении отряд ночных истребителей. Самолеты — модернизированные Ме-100, летчики — отборные ночные ассы, наведение и обнаружение — посредством особой радиоаппаратуры.

— Но ничего, мы им готовим контрфигу.

Приглашал обязательно заходить и обещал даже напоить пивом.

О наступлении на брянском направлении уже не пишут, понемногу заглохло. После взятия Харькова тише пошли дела и на харьковском направлении. Зато активизировались дела в Донбассе. Снова началось наступление и на Центральном фронте: взяли, наконец, Севск. Судя по сводкам, дело идет с очень жаркими боями.

Вчера вызвал меня Лазарев и предложил быть готовым к отъезду снова на Центральный, вместе с Макаренко. Я сказал, что готов. Поеду, видимо, через пару дней.

В Москве паника среди женщин. Идет мобилизация домашних хозяек. Сейчас очередная разверстка — 10 000, главным образом на ЗИС, «шарик»[136] и другие предприятия Ленинского района. Раньше не трогали тех, кто имеет детей до 8 лет, сейчас ценз снижен до 4 лет. Жену Лидова уже мобилизовали.

Все жены бешеным темпом устраиваются на работу, куда угодно, лишь бы не в промышленность. Часть зачислилась фиктивными секретарями, часть пошла в секретари к писателям, часть знатных дам (говорит Н. Кружков) поступила в «копыта» (топать ногами за сценой, когда нужно в спектакле изображать кавалерию). В общем — кто куда.

3 сентября

Наступление развивается. Чуть не каждый день радио сообщает: «Внимание. Во столько-то часов будет передаваться важное сообщение». Затем следует приказ главкома. Потом гремит салют. В понедельник мы должны были быть выходными. Но взяли Таганрог. Газета работала. Во вторник взяли Ельню и Глухов. Последовало два приказа. Работали. Отдыхали только в среду. Вчера, в четверг, новый приказ: Сумы.

Москвичи уже снова привыкли. И так же как во время нашего отступления молва сдавала без устали города, так и сейчас их бездумно и торопливо забирают. Позавчера распространился слух, что взят Брянск. Нашлись даже очевидцы, которые «слышали» это по радио.

В связи с тем что материалы от корреспондентов запаздывают, приходится кое-что делать в отделе. Так, в день взятия Таганрога я поехал в ВВС, там связались по проводу с Южным фронтом, и я сделал «В небе над Таганрогом». Макаренко, бывавший у казаков Кириченко[137], сделал материал «Казачья доблесть».

Был у генерал-лейтенанта Журавлева (в понедельник). Беседовали часа три. Я рассказывал ему свои впечатления с Центрального и Воронежского. Он внимательно слушал, соглашался, возражал. Я ему сказал, между прочим, что у Руденко[138] больше порядка. Он вполне согласился. Зашел разговор об асах.

— Я хочу, чтобы Покрышкин скорее дошел до сотни сбитых, — сказал он. — Сейчас у него 38.

— У Дмитрия Глинки[139] — 39, — сказал я. — Может, он дойдет быстрее? На кого ставим, т. генерал?

— На обоих, — рассмеялся он.

Позавчера я попросил его затребовать материал о действиях громовской авиации[140] на Западном. Вчера позвонил ему: «Ну как?»

— Прервалась связь. Я приказал послать самолетом. Жду. Сижу как на иголках.

15 сентября

Вот и снова на этом фронте. В Москве я пробыл около трех недель. Затем стали усиленно собирать. 12-го выехал.

Перед отъездом было несколько интересных бесед и встреч.

10-го, после долгих сборов, поехал, наконец, с Зиной к Кокки. Договорились заранее, и он по этому поводу приехал домой рано. Посидели очень хорошо, по-домашнему, выпили, заели разговоры различными травами домашнего изготовления (бобы, свекла, огурчики), которые Володя яро любит.

Он лишь несколько дней назад прилетел из Иркутска, где испытывал новую машину. Пробыл там почти месяц. За это время тут разбился Сергей Корзинщиков[141]. Летел на истребителе Як, зацепил колесами за провода. И все. Жаль! Чудный был парень, один из последних могикан.

Володя стонет: много работы, особенно «канцелярии».

— Сам посуди. Я — летчик, нач. летной станции, шеф-пилот конструктора, председатель летной комиссии наркомата (то, что был Громов) и начальник летной инспекции — генерал-инспектор наркомата. Везде по кусочку, а набирается день. С утра летаю, а после обеда заседаловка.

— Летаешь много?

— Много. Ведь это моя работа.

— На «Кобре» летал? Хороша?

— Хорошая машина, — но без энтузиазма.

Зато с полным энтузиазмом показывал свою четырехмесячную дочь Ирину и хвастал, что она похожа на него.

Перед отъездом был у нач. дорожного управления РККА генерал-лейтенанта Кондратьева[142]. Толковали час. Он рассказывал мне об организации и значении дорожной службы, с каким трудом приходилось ее налаживать.

— Знаете, когда мы отступали в 41-м от Смоленска, бардак был такой, что мне пришлось пустить 8 (или 12 — не помню. — *Л. Б.*) броневиков с регулировщиками налаживать движение. А сейчас они стали живой частью фронта. Каждый командующий о них заботится.

— Надо бы вам наградить их.

— Орденами? Очень многие награждены. Но через фронты, на месте.

— А строители дорог — ваши?

— Еще бы! Мосты, дороги — это наше кровное дело. Вот на Орловском шоссе почти все мосты уже готовы. Вообще, идем следом за войсками и ладим дорогу. Сейчас, например, уже готовимся наводить через Днепр у Киева. И по строительству дорог много делаем. В этом году, например, построили несколько десятков тысяч километров дорог. Часть из них — шоссейных.

В заключение беседы дал он мне пропуск на проезд без предъявления документов.

Говорил с генерал-лейтенантом Журавлевым. Он интересовался моими планами, рекомендовал скорее забрать Киев, сказал, что очень доволен, что еду я, ибо будет точное описание действий авиации.

— Ну, это на чей взгляд, — возразил я. — Знаете, приехал я в один бомбардировочный полк, о котором писал. Говорят, недовольны моим очерком. Заходили, мол, не оттуда, а отсюда, не в таком строю, а в таком и прочее. Я спрашиваю: ну и сколько же там верного?

— Да процентов 80.

— Вот если с такой точностью бомбили, — ответил я, — так давно бы войну выиграли.

Журавлев долго хохотал.

— Ловко вы их купили, — говорил он смеясь. — Ну, за 80 процентов!

Позвонил члену Военного совета ВВС генерал-лейтенанту Шиманову.

— У меня к вам две просьбы, — сказал он. — У нас сейчас огромная задача: передача боевых традиций и опыта. Плохо с этим. Приходит новый народ, а самое драгоценное оружие — опыт — остается неиспользованным. Помогите нам в этом.

Я тоже скоро туда приеду, разыщу вас и поездим вместе. И второе: покажите дважды Героев. Их у нас всего 8 человек, а страна их не знает.

В ночь перед отъездом был у Поспелова. Простились очень тепло. Я рассказал ему о своих планах, он их очень одобрил.

— Не забывайте своей авиации. Прошлый раз вы нас просто выручили. Сколько вы рассчитываете там пробыть?

— Пока горячо будет.

— Очень хорошо.

Информбюро (полковник Соловьев) сообщило мне, что меня зачислили военным корр-м американской газеты «Чикаго дейли ньюс». Я сказал об этом Поспелову. Присутствовавший при беседе зав. иностранным отделом Хавинсон заметил, что это самая черносотенная газета. («Лет через 5—10 вам придется объясняться на партийном собрании, почему вы в ней сотрудничали».)

— Да, это неудобно, — подтвердил Поспелов. — Очень хорошо, что вы пишете в Америку, но я поговорю со Щербаковым, чтобы вам дали более приличную газету.

Ехали хорошо. Водитель моей машины — харьковчанин Александр Ленивенко. Высокий, статный, красивый парень. За рулем 13 лет, на войне с первого дня. Драпал, наступал — все было. Семья его (жена, двое ребят, мать) осталась в Харькове, и он о них ничего не знает. Гнал отлично.

Ночевали вблизи Фарежа, в деревне Овсянниково, где был госпиталь № 3246. Сейчас он выехал, и там осталось только второе отделение. Ночевал у начальника этого отделения капитана медицинской службы Самуила Моисеевича Островского. Очень любопытный человек. Ростом мне по плечо, золотые зубы, живот, беспомощный в житейской обстановке, но, видимо, хороший врач и хирург. Кончил 6 лет назад институт, кажется, в Донбассе. На войне с первого дня. С этим госпиталем был под Сталинградом, лечил немцев. Рассказывал очень любопытные вещи о том, как немецкие врачи лечили немцев.

Показывал мне коллекцию денег — немецких, французских, бельгийских, украинских, румынских.

Да, забыл записать. Ехали по шоссе Москва—Тула—Кромы—Фареж, тем же путем, которым ехали три недели назад. Мосты почти все построены. На вокзале Орла — снесенном, чистом месте — поезда. Уже ходят.

Но в самом Орле восстановление пока чувствуется мало. Любопытно, между прочим, как воспринимает эти разрушения свежий человек. Яша Макаренко рассказал мне вчера, что он привез в Орел из Москвы нашего очеркиста Ваню Рябова[143]. Он впервые видит такую картину, до этого только читал. Ваня аж прыгал в машине от негодования:

— Звери! Сволочи! Что они сделали с городом Тургенева, с родиной русского языка — звери! Гады!

Очень хорошо сказала девушка-акушерка в том доме в Овсянниково, где мы ночевали (кажется, Катя Копычева):

— Я бы посадила Гитлера в клетку и возила по всей России. И пусть каждый человек издевается над ним, как хочет.

От Дмитрова-Льговского мы ехали по территории, освобожденной две-три недели назад. Деревни, лежащие сразу за линией фронта, почти все разрушены, сожжены. Жители — в подвалах, землянках, на земле у сгоревших хат, в уцелевших амбарчиках. Ребятишки в пыли. Там, где случайно хаты уцелели, идет побелка, чистка. На полях убирают пожелтевший, перестоявшийся хлеб. Кое-где работают в поле, среди хлебов, саперы — выискивают мины. Вдоль дорог таблички: «Мины!» По обочинам много подорвавшихся машин.

Немецкая оборона здесь была, видимо, очень солидной — бесконечные ходы сообщений. И характерно: на брустверах мятые следы наших танков, давивших оборону, воронки бомб, разнесших блиндажи, обломки орудий.

Были в Глухове. Город сильно разбит. Вначале, говорят, его захватили почти целым. Но вот уже какой день немцы его долбят: доламывают авиацией. Разрушений много. Но жители живут. Живучи!

Вчера в 10 ч. вечера добрался, наконец, до своих. Яша Макаренко и Павел Трояновский только что приехали из-под Нежина. Устали, измучились, не раз выскакивали из машин. «Бомбят, б...и!» Особенно им досталось в Конотопе, еле отсиделись в немецких окопах.

Сегодня днем сообщили о том, что взят Нежин, — сейчас все гадают: какое будет дальше направление — киевское, черниговское или промежуточное к Киеву?

Вообще, видимо, фронт перспективный...

17 сентября

Вчера навалился дождь. Еще ночью замочило, и весь день льет. Холодно. Ходим в шинелях, зябнем. У всех один разговор: остановит ли это наши войска и надолго ли непогода? Не началась ли уже распутица?

У газетчиков гонка. Каждый день надо передавать об успехах, о том, как взяли тот или иной город. По образному шутливому выражению Павла Трояновского для нас наступление — «верные дни: каждый день берут города».

Вчера приехал из района Шостки и Бахмача руководитель кинобригады Киселев[144]. Он рассказывает, что они организовали там, в Шостке, раскопку трупов, убитых немцами в районе химико-технологического института. Там разом расстреляли 700 человек. Киселев договорился с райкомом, и создали комиссию, в которую вошел и местный священник. Сначала он страшно перепугался, а затем — узнав, в чем дело, — охотно согласился. По словам Киселева, вырыли восемь трупов. Четверо имели огнестрельные раны в висок, четверо — никаких следов, то ли были избиты до потери жизни, то ли просто засыпаны живыми. Священник рассказывает, что многих закапывали живыми и земля после долго шевелилась. Характерно, что все трупы в земле стояли, а не лежали.

Был митинг. Священник Михаил Волчек сказал потрясающую речь:

— Господь покарает извергов, но до Страшного суда перепоручил это святое дело Красной Армии.

Народ плакал хором. Отлично выступил и один рабочий.

В Шостке разбили эфирный завод. Все перепились. Всюду пахнет эфиром.

Любопытную вещь отмечают ребята, побывавшие в Шостке, Конотопе, Бахмаче. Впрочем, это и я сам наблюдал раньше. Местные жители подавлены. У них какой-то надлом. Они не говорят «наши», а «русские», «красные» или «ваши». У всех чувствуется боязнь возвращения немцев.

Вчера взяты Новгород-Северский, Ичня и ряд других пунктов. По Новгороду — приказ. Одновременно узнали о взятии Новороссийска. Ну наконец-то!!! Тоже приказ.

Вчера, вернувшись с ужина, я застал полную хату шоферов. У водителя нашей (макаренковской) машины Михаила Чернышева вчера в грязи полетел блок коробки скоростей. Дело безнадежное. Достать тут — бесполезная затея. Но Михаил узнал, что запасной блок есть у шофера машины корреспондента Информбюро. Смышленые наши ребята спешно инсценировали именины, достали самогона (очень недурного!) и пригласили владельца. За чаркой он обещал блок, и сейчас Михаил уже вынул мотор и устанавливал поживу.

На этом банкете, меж прочих, присутствовал и комендант политуправления Баталин, по специальности шофер. Он много и остроумно рассказывал о неистовой страсти, прямо пунктике генерала Галаджева к маскировке:

— Мы машины маскируем не от немцев, а от генерала. Вот выйдет он со мной на бугор и смотрит, нагибается — не блеснет ли где стекло. Я ему говорю, что самолеты пешком не ходят и не нагибаются. Он как зыкнет! Как-то вечером, возвращаясь из штаба, он заметил, что где-то светится окно. А в нашей деревне все окна выходили на другую сторону. Так на следующий день он со мной два часа ходил по задам хат, отыскивая, где есть окно на эту сторону, чтобы узнать виновника. А у меня хлопот — уйма. Обо всем заботиться. Я сначала все делал, и не успевал, конечно. Наконец, сообразил: стал уходить, прятаться.

— Где комендант?

— Ушел по хозяйству. — И дел сразу меньше стало.

Еще перед выездом из Москвы я предложил Поспелову, что сделаю большой материал о наступлении Центрального фронта, объяв все операции последнего времени под общей тематической шапчонкой «Удар за ударом», «Удар на юго-запад» или «На Днепр». Он согласился.

Для того чтобы материал был более военно-публицистическим и умным, что ли, я решил поговорить с командующим фронтом генералом армии Рокоссовским или членом Военного совета генерал-лейтенантом Телегиным. Вчера и сегодня я безуспешно атаковал командующего, но его не было.

Тогда сегодня позвонил и объяснил, в чем дело, нач[альнику] оперативного отдела штаба фронта генерал-майору Бойкову[145]. Кстати, это мне советовал и большая умница, отлично разбирающийся в газетных ослах[146], секретарь Военного совета майор Алешин:

— Ты пойди к Бойкову. Он толковый, тактически грамотный человек и все тебе обстоятельно расскажет. А командующий говорить не мастер: скажет, ну, взяли то, потом то, потом то. Вот и все.

Бойков пригласил приехать к 6 часам вечера. Я прибыл вместе с Макаренко, но его вызвали на партсобрание. Встретились мы только в 9. Беседа продолжалась два с половиной часа (см. запись в большом блокноте). Он охарактеризовал по моей просьбе основные цели нашего наступления, силы противника, меры нашего противодействия, характерные черты наступления, его военно-стратегические результаты.

Беседа была очень интересной и весьма содержательной. Генерал Бойков — невысокого роста, приветливый, с умными живыми глазами, несколько полный, с широким лицом, гладко брит, тяжелый подбородок. В хате очень чисто. На столе — газеты, фуражка, папиросы, два телефона, скромный письменный прибор. На окне — цветы. На стене — большая карта европейской части СССР и карта Европы. В углу — откидной стол, над ним — лампа, на нем — двухверстка с оперативным положением войск.

При трудных вопросах, требующих точной формулировки, генерал задумывался, опустив голову книзу, и затем давал четко сформулированный ответ. Особенно он подчеркивал рост и значение чисто человеческих черт характера воина, что обычно наши военные спецы совсем выпускают из виду. В заключение он пригласил заходить почаще, не стесняясь.

Я перед расставанием сказал:

— Разрешите задать обывательский вопрос: кто будет брать Киев — мы или Воронежский?

— Дело покажет, — ответил он уклончиво.

— А трудно?

— Да. Дело не только в том, что он на правом берегу, но и берег-то этот высокий, гористый. Но история знает пример, когда Красная Армия именно в этом месте форсировала Днепр. Это было в 1920 году. Надеемся, что так будет и ныне.

Л.К. Бронтман (*слева*) с легендарными полярными летчиками Виктором Чечиным (*в центре*) и Иваном Черевичным. Москва, декабрь 1943 г.

Л.К. Бронтман и академик О.Ю. Шмидт

Владимир Константинович Коккинаки, друг Л.К. Бронтмана. 1930-е гг.

Л.К. Бронтман и В.К. Коккинаки

С участниками беспосадочного перелета в Америку в 1939 г. Владимиром Коккинаки и Михаилом Гордиенко (*в центре*)

На военно-воздушном параде в Тушине. Слева направо: В.К. Коккинаки, Л.К. Бронтман, С.А. Лавочкин. 15 августа 1945 г.

Со знаменитыми летчицами, участницами перелета Москва — Дальний Восток (1938 г.). Вверху: Валентина Гризодубова и Марина Раскова (*справа*). Внизу: Полина Осипенко

Летчик-испытатель Валерий Чкалов

Отдых между полетами на аэродроме. В.П. Чкалов и Л.К. Бронтман. Щелково, лето 1936 г. Фото М. Калашникова

Экипаж самолета, совершившего беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — Ванкувер: Валерий Чкалов, Александр Беляков, Георгий Байдуков. 1937 г.

Семья Лазаря Бронтмана: мать Чарна Алтеровна (*сидит в центре*), братья (*сидят слева направо*) Александр, Абрам, Давид (*стоит*). Стоят слева направо: Екатерина (жена Александра), Зинаида (жена Лазаря), Елизавета (жена Абрама). На коленях дети (*слева направо*): Константин (сын Александра), Ростислав (сын Лазаря), Инесса (дочь Абрама)

С земляками из г. Кургана. Слева направо: Константин Тараданкин, Маргарита Тараданкина, Александр Шумаков, Зинаида Бронтман, Лазарь Бронтман. 1935 г.

Лазарь и Зинаида Бронтман. 1936 г.

Владимир Коккинаки (*в центре*) и Ростислав Бронтман на озере Рица. Грузия, 1946 г.

Семья Бронтман. Сыновья: Валерий (*слева*) и Ростислав. 1950 г.

Рядом с К.Е. Ворошиловым

Вручение М.И. Калининым государственной награды Л.К. Бронтману. 1944 г.

И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов на военно-воздушном параде среди представителей прессы. На верхней фотографии на переднем плане — Л.К. Бронтман

На похоронах А.А. Жданова. В первом ряду: Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов. Л.К. Бронтман стоит за Н.А. Вознесенским. 2 сентября 1948 г.

Уважаемый

Михаил Иванович!

Нужно ли визировать Вашу речь для "Правды"?

Троц.

Вы сами отвечаете текст речи

МКал

15·V·1927. Тех А.

Автограф М.И. Калинина

L. BRONTMAN:

ON THE TOP OF THE WORLD

THE SOVIET EXPEDITION TO THE NORTH POLE 1937

Edited and with a Foreword by

Academician O. J. SCHMIDT

Hero of the Soviet Union

Титульные листы английского и голландского изданий книги Л.К. Бронтмана «На вершине мира»

OP DE TOP VAN DE WERELD

De Russische Noordpoolexpeditie en de Overwintering van Papanin en zijn mannen op de drijvende ijsschots 1937—1938

DOOR

L. BRONTMAN

Met medewerking en een voorwoord van

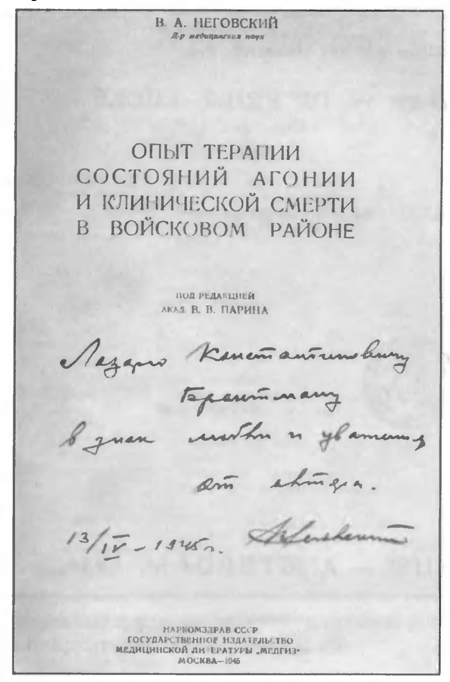
Prof. O. J. SCHMIDT

Geautoriseerde vertaling uit het Russisch van

Drs. IS. VAN CREFELD EN W. DE VRIES—LUCKS

UITGEVERIJ „PEGASUS" — AMSTERDAM, 1938

И.Д. Папанин и Л.К. Бронтман при передаче боевой техники Красной Армии



В. А. НЕГОВСКИЙ
Д-р медицинских наук

ОПЫТ ТЕРАПИИ
СОСТОЯНИЙ АГОНИИ
И КЛИНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ
В ВОЙСКОВОМ РАЙОНЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАД. В. В. ПАРИНА

Лазарю Константиновичу
Бронтману
в знак любви и уважения
от автора.

13/IV-1946 г.

НАРКОМЗДРАВ СССР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ „МЕДГИЗ“
МОСКВА—1945

Одна из первых работ В.А. Неговского, в будущем академика, с подарочной надписью Л.К. Бронтману

Оттуда я зашел к лейтенанту Жакрееву, адъютанту Рокоссовского. Он извинился, сказал, что докладывал, но просит позвонить завтра или послезавтра.

— Генерал страшно занят. Часто даже позавтракать или поужинать не успевает. Сами понимаете. Позвоните около 12 ч. — он в это время встает.

Я заметил на стене здания школы, где шел разговор, двустволку и патронташ.

— Чья?

— Командующего. Раньше ездил. Но сейчас, с весны, даже не притрагивается.

19 сентября

Наш корпус пополняется. Вчера утром приехали известинцы Женя Кригер и Павел Трошкин. Они выехали из Москвы на машине на день позже меня, проехали прямо через Глухов в Нежин и сейчас, усталые, вернулись сюда голодные как черти. Мы их покормили. Только ушли, вваливается в хату спецкор «Комсомолки» Карл Непомнящий[147]. Он прилетел из Москвы на самолете, летел 2 дня. К тассовцам приехал какой-то Глебов[148] — в штатском и в шляпе.

Среди ребят много разговоров об иностранной прессе. Все мы через Информбюро при ЦК «завербованы» в инокорреспонденты. Трояновский — уругвайская газета, Костя Буковский — какая-то английская, Макаренко — английская «Йоркшир дейли пост», я — «Чикаго дейли ньюс», корреспонденты Информбюро дают тоже (Пономарев и Навозов) через свое ведомство куда-то. С легкой руки Трояновского все говорят сейчас об этом «писать на Гонолулу». Писать надо раз (или два) в неделю, размер 3 странички. Некоторым фикс — 500 р. + гонорар.

Вчера с Яшей закончили, наконец, сбор материалов к своей статье и в 11 ч. вечера сели писать. Я диктовал, Яша записывал. Очень трудно было давать формулировки. Кончили в 8 ч. утра совсем оп...ие. Заголовок: «На Днепр!», размер — 600 строк. Я лег спать, Яша отвез ее на узел. Интересно, что в ней выкинут в СИБ и у нас??

Наступление развивается. Сегодня взяты Ярцево, Духовщина, Чернигов, Прилуки, Лубны и многое другое. Под Черниговом разведка вчера обнаружила, что с юго-востока до города на расстоянии почти 40 км нет противника, и рванулись вперед, сегодня город взят.

Очень много артиллерии идет вперед. Появилось много «Дугласов».

Живем в чудном хуторке, носящем приветливое название Веселые Терны. Освобожден от немцев две недели назад. Население еще не избаловано и не привыкло к постояльцам и относится к нам очень предупредительно и гостеприимно. Жарят гусей, уток, кур, поят молоком, потчуют картошкой, стирают. Немцы здесь были только налетом (хутор в стороне от шоссе и грейдеров), и у крестьян сохранились коровы, гуси, индюки, утки, куры. Посевы повсюду единоличные, убирали тоже единолично. Колхозов не хотят — немцы близко.

Хутор расположен на двух буграх, разделен оврагом и имеет форму буквы «Т». Ребята шутят: Т = «тут посадка самолета». Много зелени, часть хутора в лесочке и высажена чистая аллея тополей. У каждой хаты фруктовый сад, но фруктов нет.

Мы живем на самом краю, в большой просторной хате. Как всюду — тут грязно. Но приветливы. Состав семьи: старуха — Елизавета Николаевна, сноха — красивая молодайка Аксинья, ее сын 5 лет — Шурик. Муж ее неизвестно где с начала войны (в армии где-то).

20 сентября

Сегодня поехал с утра в штаб, а Яша Макаренко, Сергей Коршунов, корр. ТАСС капитан Денисов и корр. Информбюро капитан Навозов отправились на Яшиной машине под Чернигов — ходили еще вчера слухи, что он должен сегодня обязательно пасть.

Зашел к члену Военного совета Телегину. Когда я был у него прошлый раз (месяца полтора назад), он был генерал-майором, сейчас — генерал-лейтенант. Принял меня очень приветливо, выразил удовольствие, что я вернулся сюда. Поговорили о московских новостях, о моих планах. Затем

он рассказал о положении на фронте, напирая особенно на значение боев за Чернигов.

— Ставка придает ему очень большое значение. Нарком сказал, что, когда бы ни был взят, салютовать (днем ли, ночью, утром). Сейчас все время из Москвы звонят, узнают, как идут дела.

— И когда, вы думаете, он падет?

— Обязательно сегодня. Затем еще одно очень серьезное дело: наши передовые войска находятся сейчас (разговор был в 13 ч.) в 6—7 км от Днепра. Мы все время ждем сообщений, что вот-вот подойдут. Дадим специальное сообщение в Москву. Так что видите, сколько вам писать!

— Да, ваш фронт становится Центральным не только по названию, но и по существу.

— Да! — засмеялся.

— А как будете брать Киев?

— Я не знаю, мы будем его брать или воронежцы. Да и не в этом дело — кто. В лоб его ломать очень трудно. Надо будет действовать в обход. Выход к Днепру и форсирование — затем река создает такую предпосылку. Правда, форсировать Днепр очень трудно, но надо и можно. А там, потом, пусть берут воронежцы. Мы вообще очень помогаем другим. Когда наши войска нависли над Сумами — пали неприступные ранее Сумы. Бои за Кромы помогли падению Орла. Взятие Новгород-Северского определило падение Брянска. Нежин предрешил падение Прилук. Сейчас захват Чернигова создает угрозу окружения брянской группировки противника.

— Хочу широко показать битву за Киев.

— Отлично. Благодарная задача.

Помещался генерал в здании школы. От него пошел к генералу Бойкову. Он рассказал о ходе боев за Чернигов и сказал, что ждут его сегодня. Сообщил, что на этом плацдарме дерутся 4 немецкие дивизии + подвели учебно-полевую дивизию. Я рассказал ему о разговоре с Телегиным и ожидании выхода к Днепру.

— Уже, — сказал присутствующий при беседе работник оперативного отдела подполковник Шиманский. — Утром вышли передовые отряды, а сейчас основные силы трех дивизий: 70, 322 и 6-й. С сопротивлением? Нет. Мы рассекли

там немцев и отбросили часть к Чернигову, часть к Остеру. Там серьезные бои, а тут почти гладко.

Затем, зайдя к себе, он подробно рассказал о ходе боев за Чернигов и дал некоторые сведения о движении наших войск к Днепру.

По дороге в столовую я и корр. Информбюро капитан Пономарев встретили нач. информации разведотдела подполковника Смыслова. Он великолепно знает противника. На наш вопрос о силах немцев под Черниговом он на ходу по памяти назвал не только номера дивизий, но и отдельные полки и даже сообщил, откуда они прибыли и что собой являют.

Часиков в 7 вечера я сел писать. Дал около 120 строк о выходе к Днепру и 200 строк о боях за Чернигов. В 10 часов позвонил Шиманскому:

— Ну, взяли Чернигов?

— К сожалению, нет.

В полночь голодный я вернулся домой, в село. Завтра переезжаем на новое место.

22 сентября

Вчера вечером позвонил Бойкову:

— Как тот пункт, о котором вчера мы вам голову крутили? (дипломатично).

— А, Чернигов? Взят! Утром, в 8.00. Ждите приказа.

Вечером слушали приказ.

Сегодня днем идучи с Рузовым по селу вдруг слышу:

— Лазарь!!

Смотрю — капитан, с шинелью, с огромным толстым портфелем, небритый, пыльный. Всмотрелся — Михаил Тихомиров, бывший редактор (по «Детиздату») моей книги «На вершине мира», потом работник нашего иностранного отдела, потом замзав. отделом печати НКИД, потом военный корр. «Красной звезды» на Брянском фронте. Там недавно проштрафился. Описывая по данным оперотдела взятие Мценска, написал, что действовали и танки. А они не участвовали. История обычная — каждая наша строка заминирована. Дальше последовал приказ нач. ГлавПУРККА об освобождении от

работы в «Красной звезде» и переводе в армейскую печать. Вот и прибыл в распоряжение Галаджева.

Затем встретил фотографа Капустянского. Он поведал, что Кригер и Трошкин побывали уже в Чернигове и Кригер уже улетел в Москву. А наших ребят все нет и нет.

Вечером сидели у ворот. Темно, как в трубе. Вдруг подлетает «Виллис». Вылазит длинный, нескладный, очень похожий на иностранного корреспондента корр. ТАСС капитан Баранников. В машине еще писатель Алексей Глебов в штатском и выписавшийся только что из госпиталя после ранения корр. «Красной звезды» ст. лейтенант Кудрявцев (ходит еще с тросточкой).

— Поехали. Дорогой скажу, в чем дело. Забирай шинель.

Что, думаю, такое. Сел. Сел и Тихомиров, обогревшийся пока возле машины. Дорогой оказалось, что ребята были в Глухове, заправлялись бензином и достали там на заводе 20 литров пива — бензиновый бачок. Сейчас едут распивать его в соседний пункт за 12 км, где их ждут с утра Пономарев и Трояновский.

Ну что скажешь? Впрочем, затея мне понравилась, хотя я и небольшой любитель пива. Нас сейчас можно прошибить только колоритом. А тут — на, получай: ночная поездка по степи за 12 км для того, чтобы выпить по стакану пива и вернуться обратно.

26 сентября

21 сентября наши передовые части форсировали Днепр. Против ожидания, это шло без особого сопротивления. Затем переправились еще и еще. 22 сентября переправа была наведена на 40 км севернее. А переправившиеся ранее уже достигли Припяти и начали ее одолевать. Вот тут уже оказались прочные немцы.

Сейчас река Днепр форсирована и южнее (в 20 км от Киева) и севернее первых дней — другими словами, почти на всем протяжении нашего фронта. Немцы яро контратакуют в лоб и во фланги, пытаясь а)задержать; б) сбросить в воду; в) окружить наших. Кое-где делается по 12 контратак в день. Сегодня на переправе было 600 самолето-вылетов. Но ущерб небольшой.

Произошел, между прочим, забавный случай. Наши бойцы заметили, что немцы направили к одному из островов на Днепре свой бронекатер и баржу с войском, дабы мешать потом нам. Мы быстро подкрались с другой стороны острова, высадились, встретили, перебили солдат, захватили катер и баржу. Они начали исправно возить наших на тот берег (команда катера осталась немецкой). Сейчас им удалось, наконец, утопить эти «средства».

Хорошо и быстро развивается наступление и на Гомель. Вчера взяли Новозыбков. Позавчера пал, наконец, Смоленск. Вот обрадуются москвичи!

Сегодня был у командующего инженерными войсками фронта генерал-майора Прошлякова[149] и начальника его штаба полковника Алексеева. Они рассказывали о работе саперов при форсировании Десны и Днепра. Я заказал им статью об этом.

— А мин сейчас немец не ставит, — сказал Алексеев. — Не успевает, да и нет у него тут запасов: не думал он, что придется тут воевать. Иной раз не хватает даже взрывчатки, чтобы подрывать здания. Бомбят сверху.

Зашел разговор о телетанке.

— Встречали их еще где-нибудь с того времени (орловско-курского)? — спросил я.

— Нет. Вообще, это чистое арапство. Нельзя такой смешной штукой попасть в движущийся танк. Арапство.

Вечером был у Бойкова.

— Киев будет наш или соседей?

Он засмеялся:

— Вам легче: если соседей — то вы туда. А нам каково?

— Почему немцы оказали такое слабое сопротивление при форсировании Днепра? Есть ли восточный вал?

— Они хотели, но не успели. Дело не только в укреплениях, но и в силе. А сил для противодействия у него там оказалось мало, и быстро подбросить он не мог: его мы везде сковываем и не даем возможности широкого маневра. А это в нынешней войне, пожалуй, главное. Характерной особенностью является и то, что мы переплыли с ходу. А все наставления и труды трактуют о длительной подготовке. Вот вам еще

одно проявление нового воинского духа. Обязательно напишите подробнее о форсировании Днепра. Это очень большая победа!

— А силы он подбрасывает?

— Да, и большие.

— Ну а как Гомель?

— Я думаю, что он будет взят раньше Киева.

Посмотрим.

Были в пятницу в Шостке. Отлично вымылись в бане, в номерах с ваннами и душем. Красивый, большой город. Довольно много больших зданий (4—5 этажей), но все они взорваны.

29 сентября

Днем заканчивал сбор материалов по переправе через Днепр. Вечером сел писать. Кончил в 12. Позвонил на узел. «Приезжайте, Москва свободна». Ночь — чернила. Ехать 15 верст, днем шел дождь. Доехали. Сразу пошло на провод. Написал строк 600. Заголовок: «Через Днепр». А первую вещь, «На Днепр», бюрократы до сих пор не печатают, говорят — рано еще. Мелочь же идет.

Сейчас наши войска вышли к Днепру на всем протяжении от реки Сож до Киева. Но на том берегу сопротивление все крепнет. Наших оттеснили с правого берега Припяти, не дают переправляться Белову (у него зацепилось 3—4 батальона, и пока все)[150]. Туго и у Черняховского[151]. На других участках идем хорошо. Вечером объявили Кременчуг, через пару дней решится судьба Гомеля.

С хозяевами хаты зашла речь о сдаче молока. Немцы требовали 600 литров с коровы в год, наши до войны — 75, сейчас — 50 (до конца года).

3 октября

Позавчера переехали на новое место. Заняли чудную хату — впору генералу. Впервые за всю войну живем в таком доме. Огромная комната, пружинные кровати, деревянный пол (!!), зеркальный шкаф, буфет, цветы. При хате большой

фруктовый сад, пчельник, цветы во дворе. Хозяин — Михаил Игнатьевич — был ярым опытником, но рядовым членом колхоза. Свою хату пригнал водой за 600 км по Десне. При немцах был старостой, но очень хорошим, и его сейчас не тронули. Зато немцы отобрали у него корову, свинью, разорили пчел. Очень гостеприимны и неизменно приглашают нас к обеду и ужину, хотя питаются очень скудно. Неизменный «борщ» три раза в день: картошка — вот и все, иногда на второе бульон.

Дела на фронте становятся более сложными. Немцы за Днепром сопротивляются железно. Видимо, приказ Гитлера («не отступать от Днепра, за отход — расстрел»), оглашенный 17.09.43, действует. Кроме того, как показывают пленные, за стрелковыми дивизиями стоят эсэсовские офицеры с задачей стрелять всех, кто отойдет.

Сегодня был у генерала Бойкова. Он считает, что воронежцы потеряли темп и дали немцам время собраться с силами.

— А время на войне — самое ценное. Это было всегда, но в войне с немцами это особенно важно, т. к. они маневрируют быстро.

Он считает, что поэтому судьба Киева будет решена сейчас уже в длительной и сложной борьбе. Затянулось дело и с Гомелем. Там уже несколько дней затишье.

Сегодня я с Яшей написали о ходе борьбы за Гомель — заготовку! Мой материал «Через Днепр» так и не ушел. Узел забит, связи нет. Сегодня при мне отправили 350 телеграмм в мешок на самолет. Поэтому я вчера взял очерк и послал самолетом. Все равно он будет лежать, т. к. о форсировании Днепра до сих пор официально не объявлено.

Приехали сюда под Гомель Эренбург[152] и Симонов. Эренбург остался в армии, а Симонова я сегодня вечером встретил в столовой.

— Хотел ехать под Киев, но дело длинное, полечу завтра в Москву.

Был у меня Евгений Долматовский.

— Написал поэму о Сталине. Хочу ехать в Москву, показать. Писал честно, писал, что в трудные минуты он надеялся на нас, а многие из нас ничего не делали, а надеялись, что он выручит и сам все сделает.

Получил телеграмму от Лазарева с предложением поехать на Воронежский и готовить материалы по Киеву. Там думают, что если с этой стороны подошли к Днепру, то участь города уже решена. Завтра поеду. Думаю сделать большой материал «Битва за Киев» с показом усилий нескольких фронтов, о роли авиации, выступления украинцев. Если дело затянется — хочу вернуться.

Вечером прошел слух, что взята Тамань. Таким образом, вся Кубань очищена от немцев. Это дело!

До сих пор не получил ни одного письма из Москвы. Ничего не понимаю. Сегодня уже попросил Лазарева сообщать мне — все ли там в порядке. Сегодня летало до фига наших самолетов.

5 октября

Вчера выехал на Воронежский, под Киев. Вместе со мной поехал корр. «Комсомолки» капитан Непомнящий Карл — юноша 24 лет, в очках, очень способный, с орденом Красного Знамения[153] за двойное хождение в тыл противника.

По дороге заехал к командующему воздушной армией генерал-лейтенанту Руденко. Встретил очень приветливо. Со времени последней встречи у него прибавился орден Суворова 2-й степени. Он рассказал о действиях воздушной армии над Днепром, об особенностях этой операции, о тактике немцев. После этого говорил с начальником его оперативного отдела полковником Островским. Я сказал генералу, что уезжаю под Киев, и спросил: не опоздаю ли? Он засмеялся:

— Если вы доедете до того, как Днепр замерзнет, то не опоздаете. Думаю, что раньше не будет. Время ушло.

Он сообщил также, что Чернобыль, за два дня до этого занятый нашими войсками, пришлось вернуть немцам. Зато мы расширили свои позиции в междуречье Днепр—Припять.

— Ну а над Киевом ваши самолеты бывали?

— Да. Между прочим, первым там побывал самолет У-2. Это уж совсем обидно для немцев. Летал он с агитатором. Пока говорил по-русски — не стреляли, начал на немецком — прожектора, обстрел. Ушел благополучно. Я докладывал Телегину — хохот. Ну а бомбить — не бомбили. И не будем.

Переночевали мы у него рядом с бомбоубежищем и поехали. Вместе со мной и Непомнящий. Дорога была примечательной.

Проезжали Мену — небольшой городок Черниговской области. Как и всюду, крупные здания разрушены, электростанция взорвана. Зашли к секретарю райкома. Сидит молодой парень с погонами старшего лейтенанта, со сталинградской медалью, Плотников. Судя по всему, очень опасается, чтобы не забыли, что он участник войны, офицер. Все время называет себя старшим лейтенантом. Рассказал, что в Мене немцы расстреляли 900 человек. Закопаны в общих могилах. Жители требуют раскопать, но «без центральной чрезвычайной комиссии не хочу». Истребили всех евреев.

— Остались в живых только две девочки. Сейчас их помещаю в свой детский дом.

Усиленно приглашал остаться. Хвастал своим театром (журналисты приехали!), в котором и москвичи, и ленинградцы, и киевляне. Это сборная труппа, составленная из эвакуированных и застрявших артистов и участников художественной самодеятельности.

При въезде в Мену встретили большой красный обоз, впереди на головной подводе укреплены в рамке с цветами портреты Ленина и Сталина. Остановились, расспросили. Оказывается, обоз в фонд Красной Армии (в счет хлебосдачи? Нет! В помощь Красной Армии). Комсомольцы колхоза «Коммунист» из села Даниловка Менского района: 29 подвод, 100 центнеров ржи, 35 центнеров мяса и птицы. Село освобождено от немцев 19 сентября.

— Как же вы сохранили все это?

Молодая украинка, краснощекая, белозубая, на головной подводе, хохочет:

— Уберегли. В ямах было. Закопали.

Секретарь райкома спешно ищет духовой оркестр, чтобы встретить обозников.

Я снял этот обоз.

Переезжали Десну. Село Бондаревка (Черниговская обл.) за рекой полностью сожжено. Посреди села увидел вдруг: от хаты наполовину сохранилась печь, старуха садит что-то в печку. Среди кирпичей к печке тропка протоптана. Рядом старик лет 50 и его 15-летний сын ладят из обломков сарай. Это семья капитана Степана Корнеевича Супруна. Старуха,

Ганна Зотовна, плача, рассказала, что вместе с другими ховалась в лесу, а ироды все спалили.

Сфотографировал.

Большинство сел, однако, уцелело. У населения сохранился скот, птица, хлеб, огороды. Живут крепко. Под селом Адамовка Борзинского района Черниговской области встретили колхозников «Червоный клич». Они сеяли рожь («100 га уже, надо еще 20»). Пять пар здоровенных откормленных быков. Как сохранили? Прятали в лесу.

Подъезжая к этому селу, встретили крестьянку. Везла на лошади картошку. Мы остановились узнать дорогу. Рассказала, что мужа недавно взяли в солдаты, а дома — четверо детей. Мой шофер, чтобы успокоить, сказал, что сейчас многих мобилизованных возвращают обратно.

— Ох, если бы вернули мужика — я бы корову отдала бы, не пожалела.

Вот психология! За мужа, пожалуй, можно отдать и корову.

Въехали в Ичню — небольшой городок Черниговской области. Почти не разрушен, взорван только спиртовой завод и два-три дома. По улицам маршируют партизаны, с винтовками и без, в красноармейской форме и в немецкой, в фуражках и зимних ушанках. На лбу красная ленточка, у некоторых в петлицах красные астры. Оказывается, ходят строем в столовую, в баню, несут охрану общественных зданий. Они из отряда, которым командовал нынешний секретарь РК Попко, комиссаром был Сычев. Остановил я одну группу, снял. Здоровые, ражие ребята.

— Давно партизанили?

— Нет, два месяца. Но держали в страхе всех немцев в Ичне.

— Вот бы таким ребятам полицаев, — засмеялся Непомнящий.

— Сейчас беда, — угрюмо сказал здоровенный детина с распахнутой грудью и в немецкой куртке. — Не дают нам с ними расправляться. То ли дело — раньше...

У хаты РИКа[154] сидят на бревнах несколько изможденных женщин с ребятами. Одна из них — Наталия Коротченкова — рассказывает: они из села Денисовка Суземского района Орловской области. Отступая, немцы погрузили их всех в эшелоны с детьми («всех-всех») и начали возить. За-

везли потом в Оршу, заставили там работать на торфяных болотах. Давали 100 г хлеба в день на работающего. Потом перегнали сюда. Жили они на хуторе под Ичней. Сейчас пришли проситься обратно на родину. Председатель обещает отправить, как только дадут вагон.

Проезжали Прилуки. Весь центр уничтожен. Не бомбежка, а гранаты и поджог.

Ночевали в селе Пречистка, в 50 км от Прилук (видимо, Яготинского района). Живут крепко, но грязно. Здесь, как и в других местах Полтавщины, осталось очень много мужчин. Их мобилизовали сейчас от 1926 года до 50-летних. Но затем всех 49- и 50-летних, а также родившихся в 1926 и 1927 гг. отпустили по домам, официально — на с/х работы. Кроме того, после комиссий отпустили слесарей, трактористов и еще уйму народу.

За завтраком мы пили самогон с 30-летним бригадиром Василием Митрофановичем Куприенко.

— Больше половины отпустили.

Жаловался, что очень неохотно народ ходит на колхозные работы. Все норовят на свой огород. Впрочем, так бывало и по другим местам, где мы бывали, — нередко.

Сильно развит тут национализм — немцы постарались вовсю!

6 октября

Утром выехали дальше, по направлению к Киеву. Стоит отличная, летняя погода. Тепло.

Проехали Борисполь — в 35 км от Киева. Весь город сожжен и разрушен. Выезжая из города, встретили седого, оборванного старика. Дал закурить, разговорились. Оказывается, житель соседней деревни Нестеровки (в 2 км от Борисполя) Иван Кузьминский. 59 лет. По профессии плотник. Сейчас собирает прутья.

— А при немцах, — плачет, — чистил сортиры, просил милостыню. Весь город сожгли, взорвали, какой город был! Рельсы взрывали так, что куски улетали за 300 м. А с жителями что делали! Люди рассказывают, что согнали 300 человек в подвал и сожгли живьем. А то взяли трех девок, связали косами и бросили в колодец.

И снова плачет.

8 октября

Деревня Красиловка (под Киевом).

Находимся вместе с другими корреспондентами. Их тут — уйма. Кто-то насчитал 39 душ.

Он нас — майор Петр Лидов — майор Леонид Первомайский, фотограф Яков Рюмкин.

От «Известий» — один майор Виктор Полторацкий, чудный парень, немного мечтательный, очень скромный, великолепный товарищ, высокий, худой, глаза навыкате.

От «Красной звезды» — майор Петр Олендер, майор Константин Буковский, подполковник Жуков, майор Василий Гроссман[155], полковник Хитров, фотограф Кнорринг[156], на подъезде — Илья Эренбург и К. Симонов. Последнего я видел на Центральном фронте, он собирался подлететь сюда поближе к делу.

От ТАСС — майор Крылов и капитан Николай Марковский, фотограф Копыт.

От «Комсомолки» — Непомнящий, капитан Тарас Карельштейн, майор Гуторович (которого все зовут «Швейком»), фотограф Борис Фишман.

От «Иллюстрированной газеты» — капитан Фридлянд[157].

От Информбюро, «Советской Украины» и проч., проч., проч.

У большинства свои машины. Всех сортов — эмки, «Виллисы», полуторки, трофейные, а у кого-то даже 5-тонный «Форд».

Страшно разнохарактерный и разнокалиберный народ. Лидов зовет их «шакалами», и во многом прав.

У всех на устах: когда будет Киев?

Большинство считает, что нескоро, через месяц-полтора. Среди населения всевозможные версии (уличные бои уже «идут», подошли к Лавре и т. п.). Но точно никто ничего не знает.

Что-то за последнее время стали страдать газетчики изрядно. В Смоленске контужен Миша Калашников (при разрыве мины), в Харькове был ранен фотограф ТАСС Капустянский, в Полтаве ранили фотографа ТАССа Озерского.

Здесь, при вступлении в Миргород, налетел на мину (противотанковую) наш бывший работник, сейчас сотрудник

фронтовой газеты «За честь Родины» старш. лейтенант Шера Нюренберг (Шаров).

— Я почувствовал страшный толчок и потерял сознание. Очнулся метрах в 80, на коленках. То ли меня туда бросило, то ли сам отполз. Лицо залито кровью, чувствую — изранены веки. Страшная мысль: ослеп! Жутко кричит шофер, он вскоре умер. Остальные двое отделались легко. Меня подобрали шоферы и отвезли в госпиталь. Первый день я находился в ужасном состоянии: не мог открыть глаз и все время думал, что ослеп. День был бесконечным. Да и потом, когда разлепили глаза и удалили из век осколки, врач-перестраховщик говорил, что ни за что не ручается. Пробыл в госпитале две недели. Весьма неприятно также, когда иглой лезут в глаз.

Из сводки СИБ исчезли все направления. «Никаких существенных изменений». В местной газете вчера напечатана передовая «Изматывать силы врага».

Все время неумолчно гремит канонада с берега Днепра. Часто слышны разрывы бомб. Ночью иногда видны «фонари» немцев.

Вместе с Лидовым сделал несколько визитов. Позвонил секретарю Н.С. Хрущева подполковнику Гапочке.

— Заходите. Жду.

Зашел. Часовой направил в сад. Большой фруктовый сад. На траве лежат четыре человека: невысокого роста Гапочка, огромный толстый мужчина в штатском (как оказалось — зампред. СНК Украины Василий Федорович Старченко)[158], стройный средних лет человек в полувоенной форме и с «лейкой» (секретарь ЦК КП(б) Украины по пропаганде Литвин) и майор (забыл фамилию). Поздоровались и легли. Разговор шел о том, как нужно палить и свежевать свинью. С шутками, прибаутками, подначкой. Потом вспомнили об обеде и украинских колбасах и как ими хорошо закусывать.

Нахохотавшись, Старченко и Литвин тут же на траве сели писать постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У о помощи крестьянам сел, спаленных немцами. Гапочка сказал мне, что Военный совет фронта на днях вынес уже два постановления о помощи Красной Армии населению освобожденных райо-

нов. К редактированию нового постановления привлекли и нас. Мы, в свою очередь, договорились о статьях по Киеву.

— В вашем распоряжении 5—6 дней, не больше 10, — сказал мне Гапочка.

Вечером мы зашли к генерал-майору Строкачу — нач. партизанского штаба Украины. Он сказал, что, по донесениям партизан, немцы усиленно эвакуируют ценности и грузы из Киева, вывозят даже войска (это сомнительно. — *Л. Б.*). Часть населения уезжает на Запад, часть в Германию. Вокруг Киева усиленно роют окопы и строят укрепления.

Строкач — высокий, статный, представительный, с ленточкой на три ордена.

Говорит, что партизаны оказали большую помощь при переправах.

Днем был у генерал-майора, нач. оперативного отдела Тетешкина. «А, опять на наш фронт? Раз горячо — так сюда?» По-прежнему красные малярийные веки, веселый. Мы ему рассказали, что сегодня СИБ объявил о том, что после некоторой передышки для подтягивания сил Кр. Армии вновь началось наступление на всем фронте от Витебска до Тамани, форсирован Днепр севернее и южнее Киева и в районе Кременчуга, занят Невель, Кириши, Тамань.

Генерал сказал, что южнее Киева наши передовые части закреплялись на захваченных правобережных плацдармах. Севернее Киева немцы наступали, а сейчас мы на отдельных участках ведем наступление, а на остальных закреплялись и отбивали контратаки. Контратаки солидные, до двух полков пехоты при 60—70 танках. За вчерашний день — 1300 самолето-вылетов немцев.

— У меня вопрос. Если невпопад, можете не отвечать, — сказал я. — Задача наших войск сейчас сломить сопротивление противника или непосредственная борьба за захват Киева?

— Наша задача — взять Берлин!

— Где наибольшее давление противника?

— У Черняховского.

— А у Пухова?[159]

— Гораздо меньше.

— Что говорят пленные?

— Немцы подтягивают силы: технику и людей.

— Нет ли живых приказов Гитлера?

— Нам известен только старый его приказ: держать плацдармы на левом берегу для обеспечения наступления 1944 года. Вот как далеко загадано!

Сажусь писать «Самолеты над Днепром». Завтра в 11 утра назначена встреча с Н.С. Хрущевым.

9 октября

Газетный корпус все растет. Сегодня на самолете прилетели из Москвы четыре известинца: Женя Кригер, фотограф Гурарий, Булгаков и Федюшев. Днем приехал наш фотограф Яша Рюмкин. Где-то бродит фотограф «Иллюстрированной газеты» Шахей[160].

Гурарий рассказал новые печальные вести. В Новороссийске погиб наш корр. по Черноморскому флоту капитан Ерохин[161]. «С боевого задания не вернулся» неистовый авиафотограф Кафафьян (прямое попадание над целью). Это был его полет уже на третьем десятке по счету.

Сегодня был с Лидовым у Хрущева. Он принял нас хорошо, говорили часа полтора. Внешне он изменился: потолстел, лицо очень усталое, сердитое, обрюзгшее немного. Видно, что он работает днем и ночью. Глаза красные от бессонницы. Очень простая хата, небольшая комната с большим столом, на стенах карты, простой стул, в алькове — кровать с двумя подушками.

Говорили об авторах по киевскому номеру. Он назвал ряд фамилий, дал общие установки. Просил отметить: освобождение Киева — это освобождение всей Украины, нет сомнения, что, потеряв Киев, немцы откатятся до старой границы. Победа — результат тесного союза украинского и русского народов, без этого она была бы невозможной. Отметить упорство и сопротивление украинцев оккупантам. Добавил, что было бы хорошо, если бы вспомнили Богдана Хмельницкого, который еще тогда заключил в Переяславе договор с русским царем, заложив основы русско-украинского союза[162]. По предложению т. Сталина этот город скоро будет называться Переяслав-Хмельницкий. Вводится орден Богдана Хмель-

ницкого трех степеней — т. Сталин дал принципиальное согласие.

— Это будет союзный орден?

— Да.

— А герои других республик?

— Наверное, тоже будут. Не знаю точно. Вот орден Багратиона будет. Солдатский орден.

— А вы сами не напишете статьи?

— Нет, некогда. Это нереально, надо посидеть над ней, не смогу.

— Когда взяли Харьков, вы в разговоре с Поспеловым просили отложить заказ до Киева.

— А сейчас до Львова, — смеется Н.С.

Я сказал, что должен готовить статью о битве за Киев. Добавил, что был на Центральном, который, видимо, содействует Киевской операции. Н.С. сразу оживился:

— Вы, журналисты, часто подходите фотографически. Что значит содействует? Я не хочу ничего плохого сказать про Рокоссовского. Он талантливый полководец. Но положение определяется силами противника. Сколько против него танков?

— Три дивизии.

— Какие?

— Вторая, пятая, восьмая.

— Так они сейчас уже наши, как вы знаете. А против Воронежского фронта все время действовало 8—10 танковых дивизий. Вам известно, наверное, что главный удар он наносил на белгородском направлении, а на курском (кромском) был вспомогательный. Здесь его танков было вдвое больше. Мы ведь тоже собирались наступать, но 20-го, а он начал 5 июля. И вот потом все время имели дело с его танками.

— Какие были основные этапы борьбы?

— Прохоровка. Борьба за Ворсклу. Тут был сильный удар противника. Форсирование Днепра. Судя по всему, он решил очень цепко держаться за Днепр и не отдавать его. Но мы очень крепко зацепились. Для того чтобы выбить нас с (такого-то) участка, нужно не меньше тысячи танков. Это не удастся.

— Верно ли, что он эвакуирует Киев?

— Это кто вам сказал — партизаны? К этим рассказам нужно относиться с большой осторожностью. На войне очень много врут, но больше всех — партизаны.

— Нам нужен самолет для отправления материалов в Москву.

— Это правильно. Самолет будет.

От него пошли к генералу армии Ватутину[163]. Очень маленького роста, полный, с очень маленькими, но очень живыми и умными глазами. Шея завязана. На кителе ленточки пяти орденов и медалей (у Н.С. — четырех). Просторная комната, большой стол накрыт картой насплошь (километровкой). В соседней комнате — постель. Простые деревянные стулья. Предварительно я позвонил ему по телефону, представился.

— Хорошо, заходите через... полчаса.

Принял нас очень приветливо. Сели. Говорили тоже часа полтора. Я сказал, что прислан сюда, на этот фронт, поскольку он сейчас стал центральным. Командующий рассмеялся:

— Он уже давно центральный.

Я попросил рассказать об основных этапах борьбы за Киев. Ватутин очень подробно рассказал о немецком наступлении 5 июля, как и почему оно провалилось, что за тем последовало. Говорит он очень просто, без военных терминов, вставляет публицистические замечания, звучащие как афоризмы («неудавшееся наступление — крупнейшее поражение для наступающего» и пр.).

Дальше он охарактеризовал этапы нашего наступления. Касаясь непосредственной борьбы за Киев, он сказал, что тут надо сначала бесспорно прорвать фронт противника, разбить его силы и только после этого овладеть Киевом. В свете его слов эта операция выглядит совершенно самостоятельной, независимой от предыдущего наступления.

— Ожидал ли противник, что мы так быстро выйдем на Днепр?

— Безусловно, не ожидал. Но все же он успел стянуть большие силы. Он пытался удержать за собой и предмостные укрепления на левом берегу. Немцы очень крепко держались в районе Дарницы и ушли, оттуда тогда, когда мы вышли к Днепру южнее и севернее. Я был там, смотрел: серьезные укрепления. А в других местах — не очень. Но сам Киев укреплен.

Рассказал он о силах противника, охарактеризовал основные черты наступления, отметил отличную работу авиации.

В конце беседы пришел Н.С. Хрущев и прочел по служебному выпуску ТАСС румынские статьи, свидетельствующие о полной панике в Румынии.

— Вот дураки, — сказал Хрущев. — Сами себя секут сейчас.

11 октября

Сегодня вечером был у командующего бронетанковыми силами фронта генерал-лейтенанта Андрея Штевнева. Чудная ночь, лунная, светлая. Ехали до него с час с провожатым. Недалеко, в стороне, над переправой висят немецкие люстры.

Генерал встретил нас (меня и Непомнящего) в той же пижаме, в которой я видел его в прошлый раз в августе. Он только что приехал из корпуса Кравченко[164], был зверски усталый.

— Сколько вы не спали? — спросил я.

— Вчера заснул часика на два.

Начиная беседу, я достал карту. Он резко схватил ее, склонился над ней и замер. Молча он смотрел на участок севернее Киева и думал. Пять минут, десять, пятнадцать. Изредка он бросал отдельные слова:

— Сегодня Кравченко пошел. С ходу. Там на этом пятачке не удержишься для сосредоточения. Так что переправлялись через Днепр — и прямо в дело. Бомбит, б..., но ничего. Артиллерия? У нас своя артиллерия. Должен был сегодня он выйти к Ирпеню и к вечеру форсировать его. Вот жду донесения. Укрепления по Ирпеню? Солидные, еще наши. Я их хорошо помню. Серьезные. А оттуда ударить на Ворзель и западнее Святошино — на Житомирское шоссе.

— Тогда немцам надо тикать из Киева, — взволнованно сказал Непомнящий.

— А вы им подскажите, — усмехнулся генерал. — А с юга пойдет Рыбалко[165]. Бо-о-льшая сила у него. Но ему труднее — дальше сил у противника больше. Контратаки? На Кравченко вначале кинулось 30 танков. Зажгли восемь, остальные ушли. Местность? Тяжелая: леса. Это только в кино танки ломают деревья. Силы противника? Восемь танковых дивизий: 2, 5, 7, 8, 11, 19-я и т. п., часть танков тяжелые, остальные средние, много самоходных пушек, в том числе «Фердинанды».

Он снова кинулся к телефону:

— Чайка! Чайка! Почему не даете Чайку?

Адъютант принес ужин, вина. Он угощал, сам не ел («не хочется»), усиленно потчевал.

— Давайте выпьем первый тост за Киев, — предложил он.

Потом лег на койку, попросил веселой радиомузыки и долго рассказывал про детство (он был грузчиком с 12 лет, потом машинистом на юге, в Мелитополе), вспоминая десятки имен и историй.

— Завтра поеду к Рыбалко, — сказал он.

Сидели у него часа три. Итак, битва за Киев началась.

12 октября

Вечером был у и. о. начштаба 2-й воздушной армии полковника Катца.

— В 7.40 утра Рыбалко пошел. Была большая помощь с воздуха. Пошел в изгибе Днепра у Зарубен. Мы бросили туда всю авиацию. Непрерывные удары с утра и до вечера по узкому участку, чтобы дыхнуть было нельзя. За день 1200 самолето-вылетов.

Судьба решится завтра — будет ясно: подтянет сюда кременчугскую группировку или нет. Подтянуть — оголит юг, не подтягивать — туго тут. При благоприятном развитии судьба решится в 4—5 дней, при затяжке — две-три недели. Сейчас противник сильно готовится к контратакам. Видимо, завтра хочет вернуть положение. До этого помогали Черняховскому отбивать контратаки.

14 октября

Темна вода во облацах. За вчерашний день было продвижение, но небольшое. Позавчера наши войска прорвали первую линию обороны в излучине и продвинулись на 6 км. Сегодня — ничего. Немцы контратакуют силами до двух полков и даже двух дивизий при 100 танках. По официальным данным, как сообщил сегодня генерал Тетешкин, за вчера убито 6000 немцев. Можно судить о силе драки.

Вчера вечером собрались у комсомольцев, и майор Саша Гуторович пел под гитару песенки своего сочинения. Это солдатская батальная лирика. Поет слащаво, но искренне и

доходит хорошо. Песенок своих он не публикует и считает их пустяком.

В связи с затяжкой народ разъезжается. Позавчера улетели известинцы, сегодня — комсомольцы.

Вот одна из песенок Гуторовича:

ПИСЬМА

Война! Война! Но как на грех,
Терзая и дразня влюбленных,
За тыщи верст и сотни рек
На фронт приходят почтальоны.
Что письма? Так, любовный бред,
Страстей бесплодные желанья,
И через скуку длинных лет
В воображении — свиданья.
Нет, им любви не заменить.
Они способны лишь тревожить
Те чувства первые любви,
Что нас значительно моложе.
Гонцы веселья и смертей
В конвертах с голубой одеждой —
Их ждут с тревогой у дверей
Не потерявшие надежды.
Им надоело долго ждать.
Утешьте их. В краю родимом
Пусть не хоронит сына мать,
Жена не плачет о любимом.
Когда мы залпом их прочтем,
Они напомнят нам, что где-то
Все существует отчий дом,
Жена и мирная планета.
Кто был разлукой искушен,
Тот знает: трудно жить влюбленным.
Мужья сильней ревнуют жен,
Чем жены их — к неверным женам.
А встреч все нет. Война! Война!
Поля, забрызганные кровью,
Судьбой распятая жена
Клянется честью и любовью.
Поди проверь за тыщи верст,
Какие в доме перемены,
Кого сам Бог к жене занес,
Благословляя на измены.
А все ж сильнее счастья нет,
Чем почтальона стук в оконце.
С волненьем надорвешь конверт,
И на душе — весна и солнце.

Будь я доктором в местечке
И умея тела вскрывать,
Я б хотел в руках сердечко,
Как галчонка, подержать.

Чтоб почувствовать, как бьется,
Крылышками трепеща,
То, что нежностью зовется,
Иль — любовью, сгоряча.
Всех хирургов став смелее,
Я б сердца переменил —
Чтоб тебя никто сильнее,
Чем я сам, не полюбил.

16 октября

Перемен нет. Газетный корпус то убавляется, то расширяется. Короли отдали концы. Улетел Эренбург, Гроссман, полковник Хитров, Женя Кригер и мелкие подразделения; сегодня уехал и наш Первомайский. Зато сегодня неожиданно зашел ко мне единственный на всем фронте человек в морской форме — корр. «Красного флота» капитан Вл. Рудный[166], а следом прилетел из Москвы фотограф ТАСС Дм. Чернов.

Рудный рассказал подробности гибели Ерохина. Он подорвался с катером на мине в Новороссийской бухте. Там же погиб и корр. «Красного флота» ст. лейтенант Мирошниченко и еще кто-то (на берегу с десантом). Что-то опять пошел мор на газетчиков! Вчера стало известно, что под Брянском убит, подорвавшись на мине, редактор газеты «На разгром врага» полковник Воловец[167] и тяжело ранен его ответственный секретарь, жена секретаря убита. На Центральном фронте немцы разбомбили поезд фронтовой газеты «Красная Армия», погибли при том Марьясов и еще кто-то. Вспоминаю, как в прошлом году, вернувшись из армии в Валуйки, мы застали дымящийся вагон этого поезда, как раз перед нами его разбомбили.

Вообще возможностей много. Позавчера Первомайский сказал мне, показывая на спецкора «Кр. звезды» майора Константина Ивановича Буковского:

— Посмотрите на этого чудака, он сегодня был на Трухановом острове.

— Хорошо, что сегодня, а не вчера, — рассмеялся Костя. — Вчера немцы устроили вылазку из Киева на остров двухсот автоматчиков. Высадились ночью, пробыли до полудня, побили много народу, перестреляли жителей, забрали пленных и угнали скот. Сейчас ничего. Жарко, конечно. Все под огнем: артиллерия, минометы, пулеметы, да и

винтовки достают. Местные жители? Конечно есть — прячутся в ямах в лозняке. Зато вид на Киев каков!

Молодец Костя! Помню, с Центрального фронта он полетел в Чернигов. Это было примерно 20 сентября. 21 сентября наши передовые части вышли там к Днепру. 22 сентября мы получили от него телеграмму: «Передал о Чернигове, был на Днепре, передал очерк».

Вчера немцы предприняли диверсию севернее Киева: ударили 5 дивизиями во фланг корпусу Кравченко. В дивизии, принявшей на себя удар, были корреспонденты «Кр. звезды». Молодцы, просидели до конца, не драпанули.

Грызем день и ночь семечки. Пасмурно. Обстрел. Где-то рядом бомбежка.

17 октября

Глубокая ночь. Только что закончил подвал об артиллерийском наступлении «Со всего плеча». В хате все спят, душно, угар от керосиново-бензинового фонаря.

Нежданно-негаданно я остался один на этом фронте. Так сказать, из тяжелой артиллерии РГК превратился в полевую пушку. Я приехал сюда на помощь Первомайскому и Лидову. Но Первомайский ныл и напирал на редакцию, и ему разрешили выезд в Москву. Вчера он уехал. Я позавчера дал телеграмму о том, что дело тут затягивается и прошу разрешить выехать с материалами в Москву. Сегодня утром получил нежданно-негаданно предложение немедленно командировать в Москву Лидова (там получены немецкие снимки о Тане Космодемьянской[168], о которой он писал первым, еще в 1941 г.), а мне предложено пока задержаться. Днем Лидов выехал на машине в Москву, взяв с собой и моего сожителя Непомнящего. В итоге — я один. В гневе написал с Лидовым резкое письмо Ильичеву и одновременно дал телеграмму Лазареву, в которой указал, что мне необходимо по неотложным делам выехать на Центральный фронт и я прошу перебросить сюда Коробова (с Центрального) или Росткова (со Степного).

Погода испортилась в дым. Вообще осень стояла на редкость сухая и ясная. В последние дни начало сильно подмо-

раживать, но светило солнце. Вчера все затянуло облаками, а сегодня весь день и сейчас всю ночь льет и льет. Это очень ни к чему. Так тут можно застрять до морозов. Вот уж не к месту!

От скуки можно описать деревушку и хату. Деревушка грязная и, по сравнению с другими селами Украины, бедная. От немцев она почти не пострадала, так, пощипали жителей немного, но не палили, скот сохранился, птица тоже, посевы. Настроения, однако, явно наши. Это проявляется во всем, вплоть до того, что говорят «наши», а не «красные» или «русские».

Живу я в маленькой чистой хате старика Федота Гавриловича Зозули. Ему 69 лет, бодрый, много работает, интересуется политикой и ходом войны, разбирается в событиях. Жена его, Софья Симоновна, маленькая старушка, хлопотливая и заботливая. Три сына на войне. Но больше всех работает и печется о нас их сноха — жена младшего сына Саши, мобилизованного уже нашими войсками после освобождения села («трофейного солдата»). Он сейчас уже дерется где-то под Киевом. Зовут ее Маруся, ей 24 года, она беременна, но очень бодра. Недавно она ходила проведывать мужа и сделала пешком за сутки 80 верст.

Мы получаем продукты на руки, отдаем им, и они кормят нас. Продуктов, конечно, не хватает, и они много докладывают своего. Каждый день варят нам борщ — неизменное здешнее кушанье, на второе — кашу или картошку. Утром, в обед и вечером к нашим услугам молоко, а для меня — кислое молоко.

Мне уступили кровать с продырявленным пружинным матрацем, Непомнящий спал в каморке (сейчас его место занял мой шофер Саша), а хозяева размещаются на лежанке за печкой и на печке.

Хозяйство состоит из коровы, нескольких кур и кошки. Одну курицу нам гостеприимно сварили, сейчас их осталось штук пять, не больше. Большой огород дал уйму картошки и овощей. Кроме того, много картошки собрано с огорода в поле.

Не в пример некоторым другим местам, где мы бывали раньше, здесь охотно и аккуратно выходят на колхозные работы. В частности, Маруся почти через день ходит то на уборку артельной картошки, то на другие работы.

Общей страстью всех тут являются семечки. Грызем их — и [все] грызут их с утра до ночи. Удивительно прилипчивая штука: никак от них не отделаешься. И куда ни придешь — всюду они.

21 октября

Раз за разом получил несколько взаимопротиворечащих телеграмм из редакции. Все как полагается. В первой телеграмме Лазарев пишет, что выезд в Москву разрешен при условии быстрого прилета и отлета. Во второй телеграмме разрешается выезд на Центральный фронт, как только приедет Брагин. Третья телеграмма предлагает (все получены в один день) в трехдневный срок сделать разворот о героях форсирования Днепра. Это было 19 октября.

В этот же день, едучи в штаб, встретил по дороге Брагина. Вчера он заехал ко мне, и мы вместе колесили по начальствам. Были у Тетешкина, который сказал, что все без изменений. Вышгород, объявленный сегодня, 20.10.43, в сводке, за сутки 9 раз переходил из рук в руки, а вчера утром, немцы снова ворвались в него. Чем дело кончилось — неизвестно, нет связи.

Брагин ночевал у меня. Мы долго толковали о литературных делах, о военных. Он, с моих слов, уже увлечен Киевской операцией, которая представляется ему чрезвычайно сложной и исключительно интересной.

— В каждой операции важнее всего определить, что думает противник, какой у него план, и тогда строить свой. Какой у немцев план? Защищать Киев? Отдать его? Когда? Из этого и будет видно, что нужно нам делать. А очень может быть, что у него нет никакого плана: часто он бывает просто дурак и уши холодные. Вот в Брянске у него не было никакого плана.

Я решил сделать так: собрать материал на Воронежском, взять часть по здешней газете, часть по Центральному фронту и ехать в Москву. Непосредственно по Киевской операции передал достаточно: два подвала — об артнаступлении и «У стен Киева» (позавчера). Брагин пишет «Битву за Киев».

Последние ночи немецкая авиация буйствует. Над нами летают почти непрерывно. Где-то рядом совсем бомбит. Стек-

ла в хате дребезжат, как игрушечные. Для приманки, видимо, вокруг нас поставлены зенитные пулеметы, и они мелко тявкают. Но мы уже привыкли и спим по первое число.

Сегодня утром выехал на Центральный фронт. Два дня ясно, и дорога просохла. До Чернигова ехали по великолепному Киевскому шоссе — одно удовольствие. Дальше — грейдер. Сейчас остановились ночевать по тракту в селе Жавчичи Черниговской области. Саша пошел промышлять самогон, а хозяйки разжигают печь для ужина.

Большинство сел по шоссе сожжены. Чернигов — одни развалины, улицы пустынны, редко-редко попадаются жители. И тем не менее немцы ночами его бомбят. В стороне от шоссе села целы, скот и куры тоже.

С позавчерашнего дня Воронежского фронта нет, есть Первый Украинский фронт. Пора!

23 октября

Вчера прибыл на место. Всех застал налицо. Дела с Гомелем затягиваются, наши войска предпринимают обходной маневр (по западному берегу Днепра). Результаты зависят от быстроты продвижения. Пока идет средним темпом.

Ночевали плохо. Где-то рядом всю ночь клали бомбы. Стекла дребезжали, хата чувствовала. Слышали и свист бомб. Ночь ясная, звездная.

Сегодня весь день занимался бензином, да еще завтра придется потратить полдня.

Вечер начался опять с бомбежки. Вчера дал телеграмму о том, что материал весь собран (о героях), и предлагаю выехать с ним в Москву. Сегодня или завтра утром должен быть ответ.

24 октября

Вчера получил ответ от Лазарева. Все как полагается: Макаренко — в Москву, материалы — с ним или самолетом, мне — обратно под Киев. Вчера же дал телеграмму о том, что обработка материалов — долгая песня, и вторично прошу разрешения на приезд в Москву, хотя, мол, повторно просить и неприятно. Сегодня получили телеграмму: мне и Макаренко

немедленно выехать под Киев, материал о Днепре слать самолетом или проводом. Для вящей убедительности телеграмма подписана не только Лазаревым, но и Поспеловым!

Цыганская жизнь!

Хотели ехать сегодня, но у моего шофера острое воспаление глаза, врач запретил ему трогаться с места. Поедем завтра утром.

Вчера затратили весь день, но зато зарядили машины под завязку. Ура!

Здесь произошел трагический инцидент. Пьяный шофер одного из отделов ПУ застрелил подполковника Кузнецова из отдела пропаганды и немедля смотался на машине. Удалось узнать, что километрах в 15 на запад он спрашивал у лесника дорогу на Гомель, бросил машину (не нашел переправы через речку) и исчез. Все решили, что он подался к немцам и продает им местожительство. Тревога длилась несколько дней. Все было поставлено на ноги, но шофера найти не могли. Каждую ночь ждали концентрированной бомбежки. Наконец, вчера получили телеграмму, что шофер нашелся. Он пришел к командиру одной части под Гомелем, сказал, что совершил большое преступление, и просит послать его для искупления греха на передовую. У всех отлегло от сердца.

А завтра я именинник... опять в дороге!

За ужином руководитель кинобригады капитан Николай Киселев, только что вернувшийся из Добрыша (под Гомелем), рассказал любопытное. В Добрыше существовала подпольная организация, 57 человек. Руководитель — 23-летняя Катя, засланная туда. Взорвали гомельскую электростанцию, убили 20 руководящих деятелей при немцах, пустили под откос 127 эшелонов, взорвали 12 мостов. Половина участников служила полицейскими. Сейчас это дело поднимает наш корр. Леша Коробов, и сегодня выехал туда Карл Непомнящий. Он прибежал восторженный, я вылил на него ушат холодной воды, и он уехал мокрый.

После ужина в хате Стора сыграли в преферанс: Стор, библиотекарша Лидия Павловна и я. Я выиграл рублей 75, остальные проиграли. Кончили в час ночи.

Так начались мои именины.

26 октября

Именины продолжались.

Встали, позавтракали и поехали на двух машинах. Со мной примостился подполковник Малофеев из ГлавПУРККА, молчаливый и малоразговорчивый, с Яшей — корр. «Кр. звезды» майор Костя Буковский.

Чтобы не трястись по страшным песчаным ухабам, я избрал другую дорогу — по проселку, через лес. Лес чудесный — местами хвойный, местами смешанный. Березы в осеннем наряде, золотая осина, высоченные, почти строевые сосны. Так километров 20. И все это было местом ожесточенного боя. Весь лес побит осколками снарядов, бомбами, всюду полуснесенные деревья, щепки, раненые стволы («брызнет кровь зеленая из глубоких ран» — как говорится в одной песне Гуторовича). Окопы, окопчики, воронки, окопы для пулеметов, взорванные мосты. Немые свидетели жарчайшего боя, видимо с партизанами.

А дальше, километров через 20, мы были свидетелями еще одной партизанской эпопеи. В селе Чуровичи Городнянского района Черниговской области мы увидели настоящую крепость. В школе там, большой десятиклasске, помещалась немецкая комендатура и полиция. Так вот, вся школа была обнесена настоящей кирпичной стеной. От партизан! Совсем как раньше мы видели на картинках в учебниках истории деревянные крепости. Правильный четырехугольник, длиной шагов в 150—200 и почти такой же ширины. Высота — метра 2,5—3. Толщина бревенчатых стен — около метра. Пространство между бревенчатой обшивкой забито песком. В стене — бойницы (через каждые 5—7 шагов), чтобы в бойницы не простреливалась школа, они сзади, за стрелком, забраны бревнами. Получается индивидуальная ячейка. Бойницы широкие, чтобы можно было поставить пулемет. По углам — башни, на 5 амбразур, закрываются они жалюзями из трех листов стали.

Строить все это хозяйство немцы согнали деревенских жителей. Несколько сот человек трудились полтора месяца и поставили крепость. Но воспользоваться ей не пришлось: партизаны не напали, а немцы осенью сами удрали. Спустя примерно час мы проехали мимо другого села — Клюсы, Городнянского же района, расположенного по правому берегу реки Снов. Его судьба поистине трагична. Немцы объявили

его в 1942 году партизанским и насплошь спалили. Жители сначала ушли в леса, а затем вернулись и стали жить в погребах. С приходом наших войск они начали строиться. Сейчас воздвигнуто уже три-четыре десятка хат. Все как одна — крошечные коробочки из тонких бревен, узенькие окошечки, крыты соломой. Часть еще строится, часть уже заселена, часть жителей продолжают жить в погребах. И крепость и Клюсы я снял.

Ночевали в дер. Дубровное, за Городней, в гостеприимной, но очень грязной хате. У хозяйки (Соньки, как она отрекомендовалась, рождения 1903 г.) муж с первых дней на войне, вестей нет, 5 дочерей — старшей 19 лет, младшей — 5 лет. Две младших — Маша и Нина — больны, лежат на печи, тихие, присмиревшие.

— Вы бы позвали врача, — сказал я.

— Зачем? Может, помрут — все легче будет, — просто ответила она.

Страшно!

Костя Буковский вез с собой литр самогона. Мой шофер Саша достал еще пол-литра первачу, который был изготовлен «для себя» (на поминание). Хозяйка сварила картошки, затем выменяли на бензин миску кислого молока и сели за именинный стол. Первый тост подняли за мои 38, затем я предложил два тоста: за тех, кто в пути, и за тех, кто ждет.

На том и самогон и именины кончились.

27 октября

Снова проехали через Чернигов. На этот раз он показался еще более разрушенным и мрачным. В центре — одни руины. Жителей, как и тогда, мало.

Вечером прибыли на место. Остановились в той же хате — у Софьи Симоновны.

28 октября

Сегодня рано утром Саша уехал на машине в Харьков. Я отпустил его повидаться с семьей, заодно он там отремонтирует машину.

Газетчиков здесь стало много меньше. Говорят, где-то едет Кригер и Гурарий. «Последние известия по радио» прислали Льва Кассиля и Васю Ардаматского[169] — они томятся и рвутся в Москву.

Здесь узнали, что приехали напрасно. Тут отдан приказ: перейти к обороне. Вот до чего наши не информированы!

Стоит ясная, но очень холодная погода. Ночами — около нуля и щиплет за уши.

Кругом бомбят, видны зарева.

29 октября

С утра очень сильно стреляли из пушек. Днем отчетливо донеслись крупнокалиберные пулеметы. Жизнь идет, самолеты летают.

На нашем фронте тиховато. Утром на южном участке немцы предприняли контратаки, силами до полка. Хорошо идут дела у наших южных соседей. Они уже практически решили судьбу Крыма и Кривого Рога. Вновь началось наступление на Витебском направлении. За день боев «местного значения» (по сообщениям СИБ) занято 80 населенных пунктов.

Любопытна газетная братия. Сидим у Полторацкого. Яша просит у него почитать дома «Комсомолку».

— Дай газету!

— На, — и протягивает «Известия».

— Да нет, «Комсомолку».

— Ну так бы и сказал сразу. А то просит газету.

Шли мы по улице с нашим Шаровым, поэтом Ильей Френкелем и корр. «Посл. известий по радио» майором Зиновием Островским (его все здесь зовут «седым майором»). Шаров вспомнил:

— В Ростове Зиновий нашел женщину, у которой немцы изнасиловали трех дочерей, а ее избили до потери сознания. Зиновий решил записать ее рассказ на пленку. Она начала и заплакала и так, плача, продолжала рассказ. Зиновий был в восторге. Он бегал вокруг нее и кричал:

— Очень хорошо! Плачьте, плачьте! У вас еще три минуты. Да куда вы плачете? Не туда, сюда плачьте!

Обильна и своеобразна газетная кухня. Порой дело доходит до желтых анекдотов. Коршунов рассказывает, что фотограф Трахман[170] возил с собой в полуторке трупы двух замороженных фрицев и, когда надо, «оживлял» ими пейзаж. Другие возят немецкие каски, шинели, мелкие трофеи. Так в мирное время эти дельцы возили с собой вышитые скатерти и чайные сервизы и устраивали «культурную» жизнь колхозников.

Рюмкин рассказывает, что Фридлянд и еще кто-то уехали на озеро под Прилуки и «организовали» там переправу через Днепр на подручных средствах: на бревнах, плащ-палатках, лодчонках и проч.

Вот мерзость!

31 октября

Як. Рюмкин отколол блестящий номер. Он получил несколько телеграмм из редакции, требующих больше снимков. И загрустил: все снято, а требуют еще. Недели полторы назад, перед моим отъездом на Центральный, он пришел ко мне:

— Лазарь Константинович, я хочу пролететь над Киевом на штурмовике.

— Нет. Риск не оправдывает цели.

— Да это совсем безопасно.

— Нет.

Он долго уговаривал меня, и под конец я согласился при обязательном условии надежного прикрытия истребителями.

По возвращении сюда ищу Рюмкина — нету. Где? Улетел снимать Киев. Уехал в часть Витрука. Обещал на пути к Киеву низко пройти над нашей деревней. Этот самолет видели (видел и я, не подозревая, в чем дело), а обратно пролета не было. Волновались два дня. Вчера заявился. Довольный, рожа сияет.

— Пролетел. Сначала говорил с летчиками — категорический отказ, говорят — безумие. Тогда я пошел к командующему, снял его, сказал. Он приказал. И сразу все сделали. Пошли со мной два ястребка. И очень хорошо. Сразу же у Киева приняли бой. Шли мы низко, вдоль берега. Немцы лупили по нам из минометов, так в Днепр и сыпались. Снял несколько

кадров. Вот только жаль, что кое-что смазалось — скорость большая.

Такова цена кадра. Сегодня вечером он сидел и рассказывал о работе под Сталинградом. Как-то поехал снимать волжскую флотилию. Подъехал к берегу. Немцы увидели и накрыли. Рюмкин и шофер Кахеладзе успели выскочить и плюхнулись в ямочку. И лежали в ней, не поднимая головы, с 12 часов дня до 8 ч. вечера (до темна)!

Вчера вечером сидели у Полторацкого. Он рассказывал историю своего выхода из киевского окружения. Шел как раз этими местами. Трагическая жизненная правда.

Особенно потрясающ один эпизод. Шел он вместе с отрядом пограничников под командой ст. лейтенанта Соколова. Ночевали как-то в хате вдвоем (под Яготином). Хозяин роскошно угостил их, в том числе сахаром, чаем, печеньем, и на вопрос: «Откуда все это?» — ответил, что он драпанул с повозкой из-под Киева — надоело ему воевать и надоело отступать, вот он и дезертировал с армейской едой.

— Чуть брезжит, будит меня Соколов, пойдем. Я оделся, около сапог лужица. Вот, думаю, натекло с обуви. Обуваясь, намочил руки, вытер о штаны. Пошли. Рассвело. Смотрю — на штанах кровь. Где это, говорю, вымазался? А Соколов спокойно отвечает: это я хозяина-суку зарезал ножом, вот ты и вымазался.

Спокойным, меланхоличным голосом Виктор рассказывал, как ходил в разведку, как зарос и все его [называли] «папашей», как был комиссаром в атаке, как убивали на его глазах друзей, как голыми руками задавил немца, как остался в трагический момент дожидаться грузовика с водкой и ветчиной, как принял команду над 2-м взводом и тот разбежался. Вот повесть!

А вот еще сюжет для повести. Были сегодня с Яшей в одной деревне. Встретили там Костенко — корр. газеты «Советская Украина». Раньше он был военным корр. РАТАУ[171] на Южном фронте вместе с Макаренко. Молодой парень лет 28—30.

— Где твоя семья? — спросил Яша.

— На Урале. Но у меня трагедия.

— Какая?

— Жена вышла замуж. От меня долго не было писем. Она на заводе, там ее друг. Приезжаю недавно в отпуск, а она замужем. Вот как бывает иногда.

На нашем участке пока все тихо. Погода стоит пасмурная, но дождя нет. Холодно. Были сегодня на базаре: масло — 400—500 р./кг, яйца — 60 р. десяток, самогон — 300 р. литр.

1 ноября

Вот и ноябрь. Двухнедельная (по словам Поспелова) командировка дотягивает уже четвертый месяц.

Сегодня утром чуть свет отправились с Яшей в баню, в госпиталь. Баня паршивая, грязная, тесная, но с каким удовольствием мы мылись!

Вечером я писал корреспонденцию в «Правдист» («То, о чем не пишут») и там указал, что народ стремится в Москву не только потому, что там семья и друзья, но там ванна, чистая постель, свежее белье, табак и хорошая бумага, книги, журналы, театр, настоящий чай, электрический свет.

Как надоела коптилка! Она портит все настроение. Днем ходишь, а вечером надо писать, но прямо руки опускаются, как вспомню про нее.

Вернувшись из бани, нашел записку корр. ТАСС майора Крылова с просьбой срочно зайти к нему. Зашел. Оказывается, утром нач. ПУ генерал Шатилов срочно собрал всех корреспондентов центральных газет и предложил им немедленно ехать на южный участок к Жмаченко[172] («через два часа там начнется представление»).

Мы посовещались, поудивлялись и решили, что туда поедет Яша Макаренко и Яша Рюмкин. Они и отбыли. Остальные газеты также послали вторых работников. Первые корры остались здесь ожидать развития событий.

Днем у Олендера начали вспоминать различные розыгрыши. Я рассказал, как после освобождения Конотопа туда послали с Центрального фронта фотографа Копыт (корр. ТАСС) снимать разрушенный немцами памятник Хулио Хуренито[173]. Полторацкий вспомнил, как в ивановском «Рабочем крае» посылали фотографа Дм. Чернова (нынче военфотокор ТАСС) снимать приезд Шота Руставели[174].

Только что вернулся из общей части — отправлял пакеты в редакцию. Ночь облачная, непроглядная. Идти километра два. И вот поймал себя на том, что с напряжением всматриваешься во всякий отблеск света на горизонте, пытаешься догадаться — свет ли это фар, пожар ли, отсвет ли бомбежки. И столь же чутко прислушиваешься ко всем звукам ночи: не летят ли?

Между прочим, хоть и чернильная мгла, а У-2 летают всю ночь. Вот летучие мыши! Недаром немцы их так боятся.

3 ноября

Макаренко вчера вернулся с южного участка. Ничего серьезного там не было. Состоялась артподготовка, на которую немцы ответили сильнейшим огнем, к концу дня наша пехота продвинулась на 100 метров.

Вчера виделись с некоторыми командирами. У них твердая уверенность, что 5-го будем в хуторе, а «к празднику наверняка».

Погода вчера разгулялась и стала великолепной. Сразу начала летать авиация. Над селом, где мы находились, разыгрался воздушный бой.

Сегодня весь день гремит артиллерия. Видимо, началось. Особенно интенсивно стреляли часов с 14. Весь день воздух гудит от моторов — буквально ни секунды перерыва.

Дал телеграмму в редакцию с предложением быть наготове Заславскому.

К вечеру Олендер и Полторацкий поехали к танкистам и артиллеристам. Там подтвердили, что артиллерийский концерт состоялся, а после была очень сильная наша бомбежка. Танки до 4 часов дня не вступали еще в игру.

В 3 часа дня газетчиков принял Тетешкин и сказал, что в 8 ч. утра началась артподготовка и наступление развивается успешно.

Все ребята сидят и строчат. Пришлось сесть и мне. Сидел с 8 вечера до 4 ч. утра. Написал 4 колонки «Путь к Киеву» (обзорная статья).

Вечером летала «рама». Сбросила шесть бомб, три сравнительно далеко, а три совсем рядом, аж стекла ходуном пошли. Ночью над нами опять ходили немцы.

Сейчас с удовлетворением отметил, что небо затянулось облаками.

Хочется есть — пожевал галет.

4 ноября

Погода — мразь и смердь. Днем было просто пасмурно, низкая облачность и плохая видимость. К вечеру — мелкий, страшно противный дождь. Дороги раскисли. Меж прочим, узнали, что в Москве — снег, нелетная погода. Все наши пакеты о героях Днепра, посланные еще 30-го, до сих пор лежат в Прилуках на аэродроме. Впредь редакции наука — соглашаться на вызов с такими материалами (разворот целый!!) в Москву. Давно бы отписались и были здесь. Жаль только затраченного труда.

Сегодня весь день артиллерийской канонады не было слышно. Мы терялись в догадках. Не было и самолетов, но это объяснялось плохой погодой. Днем поехали на рандеву в оперативный отдел. Нас принял полковник Гречкосия[175] — заместитель Тетешкина, типичный русак, статный, дородный. Он сообщил, что наступление развивается успешно. Севернее Киева его ведут два хозяйства — Москаленко[176] и Черняховского, входит и пуховское. Вчера они продвинулись на 7—12 км. Сегодня (к 13 часам) — на 3—5 км. В итоге заняли:

Черняховский — Мануильск, Дымер, колхоз им. Шол. Алейхема;

Москаленко — окончательно Вышгород (который СИБ взяло еще 20 сентября), Горянку, дачи Пуща Водица и дом отдыха.

Бои придвинулись к северным предместьям Киева.

Меня удивляет только слабая активность немецкого сопротивления — в контратаках, и то редких, участвуют до батальона пехоты, и весьма скромные потери — за весь вчерашний день по двум хозяйствам всего 1800 немцев, 36 танков, 13 орудий и т. п. Это — не цифры разгрома.

Южнее Киева, на излучине у Переяслава, в 11.00 сегодня перешли в наступление два хозяйства, но к часу дня успеха еще не добились.

В непосредственной близости от Киева — на острове Казачьем — два наших полка форсировали Днепр.

— Каковы силы противника? — спросил я.

Полковник ответил путано, он точно не знал.

— Каково намерение противника? — спросил я.

Полковник сделал загадочное лицо и уклонился от ответа, он этого тоже не знал.

Видимо, завтрашний день определит все. Главные наши танковые силы пока еще (к 13.00) в бой не были введены, за исключением одного корпуса и двух бригад, кавалеристы — тоже.

Во время беседы позвонил из Москвы генерал Антонов[177] — замнач. Генштаба. По ответам Гречкосии можно было заключить, что Москва следит по детальной карте и отлично ориентируется в силах и обстановке.

— Рыбалко? — переспрашивал полковник. — Еще не вступил. Кавкорпус? Нет еще. Такая-то дивизия? Находится там-то.

Из начальства здесь никого нет — все на местах.

Написал вместе с Яшей корреспонденцию (около 300 строк) об этих делах «Вновь в наступлении».

6 ноября

Сейчас 12 ч. дня. Я еще не ложился со вчерашнего дня. Только что побрился и почувствовал себя легче, хотя и вчера спал часа 4—5.

День был пасмурный, но облачность высокая (вчера) и авиация летала. В 12 ч. поехал в штаб 2-й воздушной армии. Зашел к и. о. начштаба полковнику Кацу. Он был очень занят, его поминутно обрывали, но встретил меня очень радушно. Рассказывал об авиационных делах, прерывая рассказ звонками Красовскому на ВПУ[178], распоряжениями и пр.

Рассказал о данных разведки: сплошной поток в три ряда машин из Киева на Васильков, горят ангары на аэродроме у Беличей, танки отступают на юго-запад, из Киева вышли 5 эшелонов на Фастов, наблюдается три огромных очага пожара на юго-западной окраине города.

— Жгут, сволочи! — сказал он.

Тут же принимались решения, как долбать отступающих. Сказал мне, что в 9 утра танки Рыбалко заняли Святошино и

продолжают идти на юг. В это время (часов в 14) принесли срочную телеграмму. Он огласил:

— Наши войска ворвались на западную окраину города. Ведут бои.

Я распрощался — он пообещал в случае чего непременно доставить меня в Москву — и спешно уехал.

Сел дописывать и переделывать битву за Киев («Путь к Киеву»). Вечером сдал ее на телеграф. Вечером в моей хате собрались все корреспонденты. Обсуждали, как ехать в Киев, когда, как достать самолет для отправки материалов в Москву. Позвонили помощнику Хрущева — подполковнику Гапочке, — он обещал достать и переговорить об этом с начштаба фронта генерал-майором Ивановым[179]. Около 12 ч. ночи разошлись. Я сел названивать Гапочке, Иванову и другим, Яша — писать.

Гапочка позвонил мне около часа и сказал, что передал нашу просьбу, ответ будет позже, и сказал, что бой идет у Ботанического сада.

— Это же рядом с моим домом! — вскричал Яша Рюмкин. — Центр города.

В 4 ч. утра Гапочка позвонил и сказал, что будет истребитель 6-го в 2 ч. дня. В 5 часов позвонил по поручению Хрущева подполковник какой-то и сказал, что всем корреспондентам надо утром быть на левом берегу у Москаленко.

В 5.00 я позвонил Иванову.

— Что вы еще мудохаетесь?! — сказал он. — Киев уже взят. Вам нужно быть там. От меня едет порученец на амфибии — езжайте с ним напрямую.

Яша категорически поставил вопрос, что ехать должен он: иначе зачем сюда приезжал, ничего не писал и т. д. А я, мол, дал об артнаступлении, битву за Киев и пишу еще «Накануне», да буду еще писать об авиации. После долгих споров я сдался.

В 5.30 Яша с Рюмкиным и фотографом Архиповым уехали кружным путем на Киев с тем, чтобы к 2 ч. быть на аэродроме.

В 6 ч. позвонил Гапочка, поздравил меня с Киевом и сказал, что Хрущев дает свой «Дуглас» для полета.

В 8 ч. утра я закончил очерк «Накануне» и начал его переписывать от руки, чтобы дать на узел и дублировать само-

летом. Удивительно отвратительная работа! Корпел два часа, потом послал на узел.

Хотел лечь соснуть хоть час, но так и не получилось. Сейчас, через 15 минут, надо ехать на аэродром. На тот случай, если ребята переправятся из Киева прямо сюда, подослал в Предмостную Слободку Чернышева. Мой шофер, отпущенный 28-го в Харьков до 4-го, еще, каналья, не приехал.

Ночь была очень беспокойной. Где-то рядом очень долго и часто бросали бомбы, бахали зенитки, строчили пулеметы. Над Киевом полыхало всю ночь огромное зарево, на облаках — кровь отсвета, раздавались взрывы, слышные и здесь.

А сейчас очень холодный, но совершенно ясный день.

До того дописался, что пальцы сводит судорога... Сиволобов, выехавший из Москвы 1 ноября, до сих пор не приехал. Бардак!

9 ноября

События шли так бурно, что некогда было записывать. 6 ноября в час я с Олендером поехали на аэродром. Самолет уже вертел винтами. Мы начали махать — остановили. На наше недоумение летчик сказал, что Буковский заявил, что якобы никого не будет больше и никто ничего не привезет. Вот свинья! Буковский и фотограф «Комсомолки» прилетели из-под Киева на двух У-2 и хотели опередить и объегорить остальных.

В 1.45 опустился на аэродроме У-2 и сразу подрулил к нам. Это был корр. «Красной звезды» Хамзор. Он вылетел из Москвы на У-2 5 ноября. Утром 6-го дотопал до этого аэродрома, узнал, что взяли Киев, полетел туда, снял его с воздуха и вернулся. Молодец! Тут же он снял с себя комбинезон, пересел в «Дуглас».

Яши все нет. Я задержал «Дуглас» на 10 минут, дальше летчик не захотел — не успеем долететь — и улетел.

Мы вернулись домой. В 3 ч. приехали Макаренко и Рюмкин. Оба были в отчаянии. Сваливают друг на друга: один, мол, слишком много снимал, другой — слишком много записывал. Да дорогой еще спустила камера, да разводили мост.

Утром 7 ноября поехали в Киев целой свадьбой. На нашей машине — я, Яша Макаренко и корр. ТАСС майор Герман

Крылов, на «Кр. звезде» — Олендер, корр. «Комсомолки» кап. Тарас Карельштейн (Карташев) и два шофера — один из них Николай, который специально ехал искать семью, на третьей — Мих. Брагин. Доехали до Броваров. Оттуда напрямую через Предмостную Слободку до Киева 10 км. Но моста еще нет. Пришлось ехать кружным путем: 20 км по шоссе, 15 км песками до Десны, там переправиться (у с. Новоселки), 10—15 км по лесу и грязи, затем по мостку через Днестр (у с. Стродомье), километров 10 грязью и 30 км по шоссе. Итого — около сотни. Туда ехали благополучно, если не считать, что два раза столкнулись со встречными машинам (итог — помято крыло и разбиты вдрызг стекла левой стороны). На переправе столпилось несколько тысяч машин. Колоссальное стадо. Счастье, что не было немецкой авиации из-за низкой облачности. Иначе — труба. Обманом выскочили вперед и переехали. Иначе — ждали бы до вечера. Села на правом берегу, бывшие ареной боев, сильно избиты. Лютеж снесен с лица земли, Старо-Петровцы и Ново-Петровцы избиты снарядами и бомбами, перекопаны блиндажами и траншеями, леса изрыты. На дорогах стоят наши и немецкие подбитые танки. У самых Приорок проходит мощная линия обороны немцев, не только полевые укрепления, но и два широких противотанковых рва. Поля минированы. На дороге щиты: «Езда только по центру шоссе, обочины минированы». В знак предупреждения лежат трупы подорвавшихся лошадей. Были и машины, но их убрали.

Перед самыми Приорками, уткнувшись в землю носом и подняв вертикально вверх хвост, лежит У-2 — видимо подбитый и беспорядочно падавший.

Вот и Киев. Первое, что бросается в глаза, — люди, возвращающиеся в город. Немцы объявили центр, а затем и трехкилометровую полосу по берегу Днепра запретной зоной и выселили всех в пригороды, на окраины, а то и в села. Сейчас они возвращаются домой. На подводах, на тачках, на себе. Тачки, тачки без конца. И тут, и в центре, всюду. Везут всякий домашний скарб, ребятишек.

Город еще совершенно неорганизован и выглядит очень пустынно. Едут бойцы, тянут пушки. Пожары уже потушены. Довольно много разрушенных зданий, но в общем он сохранился очень хорошо. Некоторые улицы совершенно нетрону-

ты, дома красавцы, но пустые, мрачные от этого, зловещие какие-то.

Крещатик производит гнетущее впечатление. Одни развалины. Много вывесок на немецком языке. Висят плакаты «Гитлер — освободитель» с его садистической мордой.

Стоит машине остановиться, как киевляне немедленно останавливаются и умильно смотрят. Многие подходят, расспрашивают, интересуются — не могут ли помочь. Когда мы стояли у здания коменданта города, подошел старичок (Горбач) и предложил отведать его табачку.

— Своей выработки, своей резки, и бумажка своя. Понравилось? Очень рад. Заходите, вот адрес: Татарская, д. 3, кв. 9, пометьте, что табачок, а то спутаете.

Группа встретившихся музыкантов, разговорившись, стала наперебой звать к ним ночевать. Обещали натопить, обогреть.

Подошла какая-то старушка и стала нас уговаривать не иметь дела с киевскими «девушками».

— Бойтесь их! Они за кусок колбасы к немцам ложились. А сейчас держат револьверы под тюфяками.

Зашли к секретарю обкома Сердюку. Он рассказал нам, что делается в городе, кто у него был, первые шаги. Сказал, между прочим, что 6 ноября ему исполнилось 40 лет. За весь именинный день он съел, находясь в городе, два ломтика хлеба.

— А аппарат ваш здесь? — спросил я.

— Нет. Этот дом еще не проверен. Вот сижу и не знаю — не взорвусь ли вместе с вами. Зачем же аппарат подвергать риску.

При нас принесли телефонный аппарат и обещали к вечеру включить. Первый аппарат в городе!

— Ничего. Через две недели у вас будет пять телефонов и тогда до вас не дозвонишься! — пошутил Крылов.

Зашли к коменданту (при нас привели пленных фрицев, найденных в подвалах) и поехали разыскивать родных шофера Николая. Знакомые по дому сказали, что жена и ребята выселены за город, сестра была увезена в Германию, проработала там год и 8 месяцев, вернулась, вышла замуж за какого-то русского и куда-то уехала.

Вечером подъехали к Днепру посмотреть — нет ли переправы напрямую. Нас обогнал «Виллис» с генералом. На бе-

регу остановился и начал смотреть на воду в бинокль. Мы подошли.

— Не знаете ли, когда будет мост?

— Должен быть ночью. Вы думаете — так легко?

Оказалось, что это начальник инженерных войск фронта генерал-майор Брусиловский. Забегая вперед, можно сказать, что переправа и сегодня (9 ноября) не готова, хотя артогня нет, авиация не бомбит и проч. и проч. Засрались инженеры!

Ночевали у соседки Коли по квартире — Анны Демьяновны Молодченко (ул. Тургеневская, 26). У нее сын 19 лет Алексей, дочь Лида 16 лет, сама не работала, муж — в Красной Армии, техник, о судьбе его, конечно, ничего не знает. Рассказывала, как тяжело жила. Леша работал чернорабочим в какой-то немецкой фирме, Лида — на железной дороге. Зарабатывали 30—40 рублей в неделю. Продали все, что могли. Леша, рассказывая, все вставал.

— Ты сиди, — говорил Крылов.

— Это я по привычке, — конфузился паренек.

Он больной, но лечиться не мог. Больницы были платные, кроме того, больных должны были кормить родные.

Тургеневская тоже вся выселялась, Молодченко только переехали в свою квартиру. Они предоставили нам все, что могли, — две кровати. Мы на них улеглись по двое. Холодно, мерзли. Еды у нас было только на скромный ужин с кипятком без чая и сахара. Ночью где-то взрывалось.

Легли спать. Утром съели по тоненькому ломтику оставшегося хлеба и поехали по городу. Те же картины, что и вчера. Только тачек на улице еще больше. Заехали к коменданту Гречкосии, поговорили. Он при нас посадил на губу какого-то младшего лейтенанта за расхлестанный вид.

— Завоеватели, едри вашу мать! Где же порядок. Киев, понимать надо!

Вошли представители «Кр. звезды», жаловались, что в этом помещении оставалось у них 6 пишущих машинок. Оказалось, что две забрал прокурор-майор.

— Не отдам! — сказал сей представитель власти. Его кабинет уже украшен коврами и всякими безделушками.

Случайно попал в дом, где собирались на регистрацию артисты. Рассказывали очень много о немецких порядках и совершенно меня заговорили. И снова без конца звали

встретиться, поговорить. У многих чувствуется желание разоблачениями прикрыть свои собственные грешки. Но кое-что рассказывали и интересное, особенно о политике немцев в театре.

Подошла женщина:

— Посоветуйте, что делать. Муж у меня был еврей, у нас была общая фамилия. Его немцы расстреляли. У меня оставался трехлетний ребенок. Я дала объявление, что потеряла паспорт, и выписала новый на свою девичью фамилию. Теперь у меня два паспорта.

В 13.30 выехали в обратный путь. Движение к Киеву значительно усилилось. Обозы, обозы, машины. Снова круг на переправу. Дожди совсем размочили дорогу. И все время накрапывает. У переправы пробка. Идут машины с того берега, и нет им конца. К счастью, подъехал генерал-пограничник Панкин[180], с которым мы днем виделись у коменданта. Он послал на тот берег подполковника с приказом сделать передышку, а сам начал наводить порядок на этом берегу. Когда очень замерзал — приходил в нашу машину, скручивал мой табак и матерно ругал понтонеров.

Ждали 2 часа. Наконец, перескочили на ту сторону. Но, бог мой, какая там оказалась жуткая дорога! Все размыло, сплошная грязь. Сотни машин буксуют по всем направлениям. Начало темнеть. И вот километрах в пяти от Днепра мы влезли в болото. Остановили «Виллис» — он нас вытащил, мы помогали.

Дальше было еще хуже. В поисках дороги получше машины разбрелись по всей округе. Темно. Отовсюду светят фары, всюду сидят десятки машин в грязи. Раза два и мы садились. Вылезали, толкали, нам помогали. Так ехали.

И вдруг кончился бензин. С трудом выпросили литров 5, проехали немного и на этой адской грязи сожгли весь. Оставалось с литр. А до переправы через Десну с полкилометра — не больше. Тогда Крылов подал блестящую мысль:

— Давайте остановимся посередине моста и скажем, что кончилось горючее. Волей-неволей должны будут дать.

Так и сделали. Стали ждать. На наше несчастье, первым подошел какой-то «Виллис» с почти пустыми баками. Некий полковник торопился в часть. Ему смертельно было жаль бензина, и он предложил:

— Давайте попробуем на руках выкатить с моста, а потом у проходящих возьмете бензин.

Предложение нам не понравилось, но деваться некуда. Потолкали без энтузиазма, не выходит. Скрепя сердце, полковник отлил литра два, и мы поехали. Отъехали с километр — увидели три брошенные машины. Обшарили баки — пусто.

Немного дальше был мостик через ручей. Стали поперек. Взяли со встречной машины 5 литров, немного дальше повернулись в грязи боком, перегородили дорогу — еще 5. С этим запасом мы были уже короли и в 10.30 вечера доехали домой.

С каким наслаждением вошли в теплую хату, зажгли лампу. От голода кружилась голова. Достали банку консервов (крабы) и тут же уничтожили. И крынку кислого молока. И легли спать совершенно разбитые.

Сегодня утром я сел писать очерк «Новый день» — о Киеве, написал подвал за обоюдной подписью. Яша поехал по отделам и дал (за двойной подписью) оперативную корреспонденцию.

Приехал, наконец, Кригер и привез письма из Москвы. А Миши Сиволобова до сих пор нет, как нет и моего шофера Саши. Если не приедет и завтра — передам дело прокурору.

Снова дождь.

14 ноября

10 ноября снова поехали в Киев. На этот раз ехали напрямую, через Предмостную Слободку. Мост тут только строили. Мы первыми перешли на ту сторону, часть пути шли по взорванным фермам ж. д. моста, часть шагали по понтонам, а остаток проплыли на лодке. Шел дождь, шли и мы, было очень холодно.

Вместе с Александром Гуторовичем остался в Киеве ночевать и заночевал до вчерашнего дня. Вечером 10-го стало скучно, и мы решили походить «по огонькам», наблюдая, как живет народ. Почти всюду мы видели только что возвратившихся в свои жилища людей: холод, узлы с вещами, голодных ребятишек.

Чтобы оправдать визит, мы придумали, что ищем семью командира Джапаридзе. Постепенно наш рассказ облекался плотью: Джапаридзе, выдуманный нами, вначале был в киев-

ском окружении, потом партизанил, затем командовал полком и получил два ордена. Семья его, состоявшая вначале из одной жены, получила от нас еще двух сестер, одна из которых была артисткой («кажется, пианисткой, т. к. он рассказывал, что мешали спать»), деда и посаженного немцами дядю.

Любопытно, что многие говорили, что слыхали эту фамилию, провожали нас к дворнику, и тот смущенно разводил руками: может быть, они жили под чужой фамилией? Да, возможно.

Но самое трагическое происшествие с Джапаридзе произошло на следующий день. Корр. «Последних известий по радио» Вася Ардаматский затащил нас вечером 12 ноября на квартиру к артистке театра оперы и балета Шуре Шереметьевой, которую немцы арестовали и около года продержали в концлагере (я об этом написал сегодня в очерке «Встречи и рассказы» — см. «Правду»). Около двух часов она рассказывала нам о пережитом. В основном это была правда, ибо это чувствовалось в ее словах, поведении, репликах матери и дяди. Затем она стала рассказывать о своих знакомых, погибших в лагере, называла фамилии.

— А Джапаридзе? — спросил Гуторович.

— Погиб, — категорически ответила Шура. — Расстрелян.

— Как?? — растерянно переспросил Сашка.

— Да, — подтвердила она. — И вместе с женой. Очень милая была женщина.

Так погиб не только наш Джапаридзе, но и его семья. Аминь!

За эти дни Киев заметно оживился. Появились не только ростки нового, но и ростки бюрократизма. У секретарей обкома и горкома появились секретарши, докладывающие о посетителях. Появились талоны в столовую, списки «А», «Б» и проч.

Но город оживает по-настоящему. Во всех домах появились люди. В жилищных отделах — свалка. На предприятиях выдали первый хлеб и т. д. и т. п. Все это я описал в посланном вчера очерке «Становление» (см. «Правду»).

Вместе с Гуторовичем я остановился на квартире по ул. Горовица у бывш. командира одного из кораблей Днепровской флотилии Ары Георгиевича Гулько. Он прорывался

к своим, но не прорвался и замаскировался в Киеве под какого-то агента. Таких моряков было много, и большинство уцелело. И он, и его жена Анастасия Федоровна трогательно ухаживали за нами, отдавали нам последний кусок (мы пришли пешком, без машины и, естественно, без харча). Она купила и сварила нам конины, истратила на нас последний фунт муки, последнюю заварку чая: мы не знали, куда деться, но не могли и обидеть их. Вчера, когда приехал Макаренко, я взял у него буханку хлеба, табаку, 10 кг картошки и оставил им.

Разъезжая по городу, мы вспомнили о приглашении старичка Горбача (Корнея Степановича) отведать его табачку и завернули к нему. Встретили нас по-царски, точнее, очень приветливо. Он сразу достал самогона и объяснил начистоту, что многие думали, ну что же — немцы такие же люди, да еще культурные. «А как пожили с ними, так другое запели. Слова «немецкая культура» стали ругательными. 23 года советской власти не научили нас так ценить эту власть, как два года прожитые под немцем».

Вчера днем мы уехали из Киева на базу. Доехали (по дальней переправе) к 7 часам вечера. Тут узнали, что, наконец, приехал Сиволобов, у него дорогой сломалась машина. А Сашки все нет!!!

Пообедали. В это время приходит майор Крылов и сообщает, что взят Житомир. Надо в номер! Поехал с ним на узел, там написали. И вернулся я только в полночь.

Сегодня с утра ясный день. Сначала пошли в баню в госпиталь, помылись и прожарились. Стало легче на душе.

Потом сели писать. Написал очерк «Встречи и рассказы» — о немецких зверствах в Киеве.

Ночь ясная, лунная. Всю ночь неподалеку немец бомбит. Дрожат стекла. Бомбит очень интенсивно, крупными порциями. Стреляют зенитки, шарят прожектора. Все мы скорбим о пасмурных нелетных днях.

В числе прочего, по нашим предположениям, бомбят и Киев. К слову говоря, вчера, когда мы уезжали из города, было слышно несколько крупных взрывов. Возможно, взлетали заминированные впрок здания.

— Вот так залезешь на бабу, а до...ть будешь уже в царствии небесном, — мрачно пошутил какой-то боец.

16 ноября

Вчера устроил себе полувыходной день. С огромным удовольствием читал — просто с жадностью накинулся на чтиво. Читал рассказы Хемингуэя. Очень сильно сделаны «Снега Килиманджаро» — умная вещь. Вечером читал рассказы О. Генри: какие у него гиперболические образы.

Сегодня с утра чувствую себя неважно. Видимо, сильно простудился. Заложило уши. Трудно собраться с мыслями. Начал писать, но не выходит. Лягу-ка!

К вечеру отошел. Написал очерк о Киевском театре оперы «Расстрел культуры», а потом даже сыграли в преферанс.

Немцы вчера начали активные действия под Житомиром (юго-восточнее) во фланг нашим. Вчера — 120 танков и 4 полка пехоты. Сегодня — новые силы. Положение тяжелое. В районе Фастова они забрали обратно Кнорин. Бои идут тяжкие.

Макаренко сегодня уехал под Гомель.

25 ноября

Немецкое наступление продолжается. Цель ясная — Киев. Мы отдали Житомир, Коростышев, Брусилов. Бои идут в 60 км от Киева. Жестокие. Позавчера немцы бросили в бой одновременно 800 танков. Все хозяйство Черняховского из-за этого вынуждено было прекратить наступление на Полесье, повернуться фронтом параллельно шоссе Киев—Житомир и драться. Кроме того, туда бессчетно идет техника с востока и люди.

Киевляне уже начали тревожиться. Вчера мы приехали в город. Все спрашивают:

— Ну как? Не придется? — и не договаривают. — Неужели опять?

22 ноября выдался отличный день, а то все — непогода. Авиация наша неистовствовала. А ночью немцы налетели на переправы и долбали их. А затем опять мерзейшая погода.

Сейчас проснулся — все бело, зима. Надолго ли?

Вчера наш старик (в деревне) Федот Гаврилович простудился, кашляет. Любопытно отношение остальных. Жена его, Софья Самойловна, меланхолически говорит (спокойно так):

— Наверное, помрет старый.
Я говорю:
— Да что вы! Это же просто простуда.
— Нет, помрет. Ну, может, до весны дотянет.

Днем соседям принесли письмо с фронта. Путаное, малограмотное. Там они вычитали, что их сын Павел убит (написано же было — ранен). Старуха два или три раза сказала обыкновенным голосом: «О, Господи!» — и ни на минуту не прекратила возни с горшками.

22 ноября был у Героя Советского Союза генерал-майора Лакеева. Он командует истребительной дивизией (Ла-5). Когда-то был ведущим знаменитой пятерки на всех тушинских «днях авиации». Был участником испанской, финской, халхин-голской войн. Вся грудь в отметках. Маленький, живой.
— Сколько дивизия сбила?
— Было 613. Да в эти дни штуки четыре.
— Сколько у лучшего летуна?
— 22.
— А у тебя?
— За эту войну 1, да 2 в группе.
— А за все войны?
— 16. Да разве дело в сбитых? Наше дело — не пущать к своим, защищать их. А сбивать — это раз плюнуть.
Жаловался, что забыли его.

Киевская хозяйка рассказывает: был знаменитый гинеколог Кособуцкий. При нас имел все, вплоть до машины. Но ждал немцев. Они дали кафедру. Уехал с ними, с барахлом. Сейчас знакомая получила его записку: сидит в концлагере, где жена и вещи — не знает. В Киеве все рады этому.

27 ноября

Уж несколько дней стоит отвратная погода. Но сегодня, сейчас ночью, такая мерзкая, что хуже и придумать нельзя. Отчаянный, как на Рудольфе, западный ветер, дождь со снегом. Бр-р-р! Чернильная ночь. В хате холодно, сижу в ватнике.

Из Киева уехали днем позавчера. Плыли по грязи. Перед отъездом зашел на квартиру к Шуре Шереметьевой — той самой, что была в концлагере. Ее не было дома, но мамаша узнала сразу. Всхлипнула, начала расспрашивать: не уйдем ли? Я сказал — нет. Да и в этот день в сводке, впервые за все время, вместо «отбивали атаки» было вставлено: «успешно отбивали» (в дальнейшем это слово опять исчезло). Когда я уходил, старушка бросилась мне на шею, поцеловала и несколько раз проговорила: «Спаси вас Господь». Даже растрогала.

К какой только гадости человек не привыкает. В Киеве Сиволобов завел нас в один дом, где он раз ночевал.

— Хотите немецкого коньячку? — спросил он.

Хозяйка поставила на стол пол-литра. Михаил налил по стакану. Какая немыслимая гадость! Но крепкая. Мы выпили. Долго терзали вопросами — оказалось, смесь спирта с валерьянкой. Вечером заехали к старику Горбачу, который угощал табачком. Он встретил не так радушно. Я дал 250 рублей, он приволок пол-литра самогона. После «коньяка» он показался слабым, как вода.

Приехали сюда. Вечером сели играть в преферанс. В последние дни мы частенько играли, главным образом для того, чтобы в светлые ночи не сидеть одному в хате, прислушиваясь к бомбежке. Неприятное ожидание! А за картами («на миру и смерть красна» — как это верно) не обращаем внимания. За эти дни я выиграл около 300 рублей, но позавчера продул 80 р.

Вообще, ожидание бомбежки неприятно. И все мы понемногу становимся суеверными. Уходя, считаем законом пожелать остающимся спокойной ночи. Прямо формула какая-то, без которой не так легко на душе.

Вокруг все дороги — месиво. До штаба 3 км, но добраться туда немыслимо: сплошные озера грязи, глубиной по колено. Сапоги наши не просыхают, все машины не могут туда двинуться.

Произошла газетная катавасия. 11 ноября в «Красной звезде» была опубликована статья майора Пети Олендера о том, как был взят Киев. Редакция дала это за подписью «полковник П. Донской» (она и раньше так подписывала Петра). Ватутин прочел эту статью, признал, что она выдает военные

тайны, и приказал найти автора. Искали, искали, и, наконец, опознали.

Вернувшись из Киева, мы узнали, что Олендера ищет адъютант Ватутина подполковник Семиков. Петр позвонил ему, тот сказал: «Пишете глупости, придется отвечать. Ждите — вызовем».

А тем временем стряслась другая история. «Красная звезда» состряпала в Москве корреспонденцию о том, как был «взят» Овруч, и напечатала ее 20 ноября. В тот же день статью взяли у нее и напечатали (также 20-го) «Правда», «Комсомолка» и передал ТАСС. Подпись: «*П. Донской*», но на этот раз подполковник. Олендера же 21 ноября вызвали к прямому проводу из Москвы и ругали — почему он не дал о боях за Овруч, в силу чего материал пришлось делать в Москве.

В статье об Овруче было без конца выдумки, чепуха. Упоминалось о бешеном сопротивлении немцев, о несуществующих трех линиях обороны и т. п. Случайно эта статья попала на глаза находящемуся здесь маршалу Г. Жукову. Он прочел, возмутился и приказал: автора найти и арестовать.

Шатилов вызвал Олендера. Тот пошел с лентой и доказал, что он ни при чем. Шатилов приказал ему никуда не отлучаться, обещал доложить маршалу и известить о результатах.

В журналистских кругах эта история наделала большого шума. Тем паче, что с месяц назад Политуправление решило представить газетчиков к награде. В частности, Шатилов телеграфировал Поспелову, что хотят представить к правительственной награде меня. Поспелов дал согласие, но попросил включить в список и Лидова. Ребята опасаются, что список сейчас пойдет под откос. А там много народа: Полтарацкий и Антонов («Известия»), Крылов и Марковский (ТАСС), Островский (радио), Шабанов (СИБ), Гуторович и Карельштейн («КП»), Олендер и Буковский («Кр. звезда»).

По моему совету Сашка Гуторович написал вчера об этом происшествии песенку:

БИТВА ПОД ОВРУЧЕМ

(поется на мотив «Три танкиста»)

Лет семьсот назад на поле брани,
В страшной битве за Дону-рекой
Орды швейков при Мамае-хане
Под орех разделал князь Донской.

Шли века, как грозная стихия,
И вот, как-то, осенью глухой,
Занял Овруч, Коростень и Киев
Самозванец, некто П. Донской.
Его маршал Жуков заприметил,
Покачал в раздумье головой:
— Не припомню я, чтобы в газете
Службу нес великий князь Донской.
Приказал тут маршал часовому:
Ранним утром, прямо на снежку,
Открутить полковнику Донскому
Репортера хрупкую башку.
Но молва скандал разносит быстро.
Чтобы честь газетную спасти,
Порешили с горя журналисты
К нач. ПУ фронта голову снести.
На комод башку установили.
Слышат — губы тихо говорят:
— Вы за что, за что меня казнили?
Я, Олендер, тут не виноват!
Каюсь я, что с фланга и с плацдарма
Все заочно занял города.
Нагоняй имел от командарма,
От газеты — право — никогда!
Эти фразы сильно всех смутили:
Не один Донской умел так врать.
И башку обратно прикрутили,
Чтобы вновь публично оторвать.

Вообще, Гуторович за последнее время написал несколько хороших песенок. Очень хороша у него «Гибель неизвестного солдата», неплоха «За Днепром убит наш запевала» и «Пошли в контратаку ребята вчера». А вот его:

МАШЕНЬКА

Разодетая в кофточку яркую,
Из далекой Сибири глухой,
В полк прибыла санитаркою
Синеглазая, с черной косой.
Ей во флигеле, в старенькой башенке,
Отвели теремок и кровать.
Звали девушку Настей, но Машенькой
Стали все невзначай называть.
На девчонку, совсем безоружную,
Обещая до смерти любить,
Наступали все виды оружия,
Но никто не сумел победить.
А однажды, осеннею ночкою
Командир приласкал ее сам,
До зори называл своей дочкою...
И с тех пор вдруг пошла по рукам.

От усатого повара Сашеньки
Через лысых штабных писарей
Пролегала дороженька Машеньки
К командирам морских батарей.

3 декабря

Провел два дня у Героя Советского Союза генерал-майора Лакеева, командира истребительной дивизии. Говорил с летчиками, командирами.

Инженер-майор докладывал при мне генералу о ремонте самолетов. Дело шло медленно. Лакеев поморщился:

— До Берлина еще долго идти. Давай быстрее!

Вечером он насел на меня:

— Огнев! Достань мне учебник немецкого языка. Самый простой, школьный. И словарь. Сяду учить, понадобится. Не могу же я, генерал, идти по Германии, не зная языка.

27 ноября в Киеве состоялся митинг, посвященный освобождению города. Была отвратнейшая погода, но собрались все же до 30—40 тысяч. Выступали Жуков, Ватутин, Хрущев и другие. Жуков сказал:

— Удар под Киевом был полной неожиданностью для немцев и был непоправим. Немцы решили взять реванш, отбить Киев. Собрали 16 отборных дивизий, из них 10 танковых, их план горит — подбито уже 800 танков. Мы били немцев весной, летом, осенью и будем беспощадно бить зимой.

Ватутин заявил, что т. Сталин приказал взять Киев 6 ноября, и этот приказ точно выполнен.

За последние дни немцы никаких успехов особых не достигли, если не считать того, что отбили Коростень. Сейчас, на 1 декабря, они с запада подошли к Киеву на 65—70 км и там застряли. В последние два дня никаких почти действий не производится: вчера весь день шел снег, сегодня тоже падал снег, сейчас морозит.

Вчера, наконец, мы выехали из проклятой Красиловки, где провели почти два месяца.

Крылов нашелся. А вчера приехал и мой шофер.

Позавчера вечером в Красиловке долго, до глубокой ночи, разговаривали с Сиволобовым. Он содержательный

человек. Учился в Ленинграде, работал в городской печати, затем в ГлавПУРККА, потом окончил (как раз перед самой войной, вернее — в июле 1941 г.) Высшую партийную школу. Это было очень интересное и своеобразное учебное заведение.

— Это был своего рода партийный лицей, — рассказывает он. — Были созданы блестящие условия для учебы: великолепные кабинеты, лучшие профессора, к чтению лекций привлекались крупнейшие деятели партии. Жили в превосходном общежитии, у каждого — по комнате, отличная столовая. Стипендия — 900 руб. в месяц. Лектора получали от 400 до 600 р. за двухчасовую лекцию. Читали они по вопросам. Академик Тарле читал, скажем, только о французской революции, но зато Ярославский — всю историю партии. Правила приема были жесткими. Курс — два года. Принимаются только мужчины, не старше 28 лет. Т. Сталин сказал: настоящий партийный работник и сейчас (и до революции) тот, кто хорошо связан с ЦК, кончит школу, поработает несколько лет в аппарате ЦК и потом 10—15 лет будет полноценным партийным работником. Время есть, чтобы его таким сделать.

У нас часто выступали крупные партийные литераторы, авторы трудов. Ярославский рассказывал, как создавался «Краткий курс истории партии»[181]. Писали его, по поручению ЦК, Ярославский и Поспелов. Принесли. Собрались Сталин, Молотов, Жданов, Ворошилов[182]. Сталин взял в руки толстую рукопись и сказал:

— Какой же это «краткий» курс?! Я предлагаю поручить авторам сократить ровно вдвое, и тогда уж рассматривать.

Так и решили. А потом началась кропотливейшая работа над книгой. Так, четвертую главу, всю — от начала до конца — написал сам т. Сталин. А сколько он делал поправок! (Я сам помню его поправки в листы, которые шли в печать в «Правду». Где-то они у меня в архиве хранятся. — *Л. Б.*)

Минц рассказывал, как т. Сталин редактировал первый том «Истории Гражданской войны» (частично он писал об этом в «Большевике»). Он внес туда около 700 поправок, некоторые из которых были больше страницы[183]. Был там, к примеру, заголовок «Весна в деревне». [Сталин:]

— Это неправильно. Впечатление — солнце, тает снег и проч. Надо написать просто: «Буржуазно-демократическая революция в деревне». Или пишете: «Столыпин»[184]. Кто та-

кой Столыпин? Это мы знаем, а остальные не обязаны помнить, кто он: ваш двоюродный брат или министр внутренних дел. Исправьте, напишите — кто он такой. Согласны с этим замечанием?

Леонтьев (нынешний член редколлегии «Правды») рассказывал, как года полтора назад ему и группе экономистов было поручено составить «Краткий курс экономических наук» (по типу «Краткого курса»). Готовилось и постановление ЦК об изучении его коммунистами. Когда принесли «курс», т. Сталин жестоко и крепко высек экономистов: они мыслили формулами, а не жизненно. Они утверждали, например, что при социализме нет стоимости, ибо нет прибавочной ценности.

— Как же так, — сказал т. Сталин. — Вот рабочий откладывал год 400 рублей и купил шкаф. Идет он с покупкой и встречает экономиста. Тот говорит: этот шкаф — не стоимость. А что же это?

Незадолго до войны т. Сталин предложил ввести в ВПШ изучение логики и психологии.

— Сейчас введем здесь, а через год-два еще в 10—15 заведениях.

Он вызвал к себе ученых наших философов, весь стол его был завален изданиями по логике.

— Вот до войны издавали уйму, а сейчас совсем не выпускают. Это неправильно. Мы, а особенно партийные работники, обязательно должны изучать логику и знать психологию.

Но война помешала изданию и изучению этих книг.

Кстати, об изданиях. Директор ОГИЗа[185] Павел Федорович Юдин[186] рассказывал, как однажды т. Сталин вызвал его и предложил составить план издания книг — библиотечки по экономике (массовым тиражом). Этот засадил своих ученых гавриков, и составили список в 200 названий. Пришел Сталин, повычеркивал почти все («Кто же все это будет читать?!») и оставил 10—12 названий.

Интересный человек Сиболобов. Работает он у нас с начала (примерно) войны. Послали его на Брянский фронт. И вот раз, сидя в дивизии, он узнал, что пришли партизаны из Брянских лесов, привели пленных.

— А можно с вами пойти?

— Пожалуйста.

— А когда вы уходите обратно?

— Да сейчас.

Через полчаса он ушел с ними и пробыл там около двух месяцев. Потом вернулся, отписался, докладывал Щербакову и Жукову о делах. Получил от них два «Дугласа» всяких вещей, поручение созвать и проинструктировать командиров отрядов и отбыл снова. Был там около трех месяцев, скитался с ними, участвовал в операциях («когда настало трудное время — отступал с ними, но не уезжал, не мог же я, правдист, смотаться в такой момент»), дрался, расстреливал. Вернулся и написал все.

Вчера мы приехали в Киев с Сиволобовым.

А. Гуторович
Март 1943 г. Тухунские леса (под Питером)

РАННЯЯ ВЕСНА

Я б снова взять тебя хотел
Не лаской, к сердцу проторенной, —
А грубой, злой, непокоренной
Весенней силой мужика,
Чтоб сладострастия река
На землях, гожих для ночлега,
Нас уносила в мир весны —
У теплых корневищ сосны,
Едва оттаявших от снега.
Я знаю: нет такой постели —
От страсти камни онемели.
Молчи, молчи. Терпи пока.
Знакомый след найдет рука.
Я временно тебе несносен,
Уже не слышно шума сосен.
Губа, закушенная в кровь,
Мольба, и шепот, и любовь —
Все слилось в жадном поцелуе,
Не в силах муки побороть
По корневищам хлещет плоть
И, теплая, уходит в землю.
...Все кончено. Шумит сосна.
Какая ранняя весна.

А вот эпиграмма на Кирсанова:

Его друзья все ищут бури,
Все ищут славы боевой...
А он, мятежный, служит в ПУРе,
Как будто в ПУРе есть покой.

Вспомнил эпиграмму на Симонова:

Живет — Арбат.
Нос — горбат.
Много зарабат.

12 декабря

4 декабря получил из редакции вызов в Москву. Вообще, начался массовый разъезд. Уезжают и уехали: Полторацкий («Известия»), Олендер, Галин и Слесарев («Кр. зв.»), Карельштейн-Карташев («КП»), Островский (радио), Крылов (ТАСС), Архипов («Фронт. илл.»), наш Рюмкин.

Сиволобов и Крылов уговорили подождать их и выехать вместе 10 декабря. Так и выехали — тремя машинами. По дороге заехал на Белорусский фронт, ночевали у Макаренко. Были в Гомеле — город в дым разрушен, многие кварталы и улицы до сих пор заминированы. Из Гомеля выехали в 12 дня 11 декабря и ехали безостановочно до самой Москвы. Приехали сюда сегодня в 14.30. Привезли с собой бензин и поставили его дома — готовность № 1.

1944 год

1 февраля

С[ело] Мильча (под Гомелем).

Вот и снова на войне. Выехал из Москвы вместе с Хватом 26 января. Сколько раз мы в мирное время мечтали поехать вместе на какое-нибудь длительное дело, и вот сейчас, наконец, осуществилось. Ныне Хват после долгих мытарств (работник ГУСМП, репортер ТАСС, военкор на Юж. фронте, «эмигрант» в Ташкенте, работник оперотдела в воздушной армии Громова) — военный корр. «Труда».

По дороге решили заехать в гостиницу к Рачику Григоряну — редактору армянского «Коммуниста», вызванного в Москву для переговоров в связи с наметкой преобразовать его в нашего корреспондента. Григоряна я знаю еще по моей поездке в Армению в 1940 г. и очень люблю его. Честный, добрый, прямой товарищ. Заехали. Нашли его у народного артиста СССР Вагарша Богдановича Вагаршяна, которого я тоже знал по Армении. Обрадовались. Выпили. Поговорили. Уехали. На дорогу Рачик дал нам литр виноградной водки, о которой мы с признательностью вспоминаем до сих пор. Выехали в 16.10.

Дорога была скользкая, как стекло. Тепло. Шпарили при свете фар. За Медынью неожиданно развернулись на 180° и вмазали в канаву. Попробовали вытащить — силенок мало. Ночь, машин почти нет, становится прохладно. Все-таки январь! Ждем встречных и поперечных машин. Одна прошла — нет троса. Другая не остановилась. Третья — мимо. Когда решили, что придется ночевать, подошла машина с красноармейцами. Подняли на руках. Поехали.

Ночевали в Юхнове, в санчасти ДКУ, т. к. комната для офицеров была занята. Утром поели в питательном пункте. Очень удобные эти учреждения появились сейчас на дорогах, раньше их не было.

По этой дороге я ехал, возвращаясь из Киева в Москву, 10—12 декабря прошлого года. Дорога известна под старым именем Варшавского шоссе. Разительная разница! От Рославля и, особенно, от Пропойска до Довска дорога была в ужасном состоянии: полотно еще приличное, но все мосты взорваны и объезд на объезде. Сейчас и полотно отремонтировано, и мосты построены заново. На всей дороге только один объезд, да и то мост уже готов. А ведь Пропойск был взят 25 ноября, а Довск лишь в начале декабря.

Сначала я хотел ночевать в Довске, но мне отсоветовали, т. к. он находится под артиллерийским обстрелом, и ночевали в Рославле. 28 января, часиков в 16 прибыли на место. Встречали нас радушно, а меня, так просто, как уезжавшего в командировку. Газетного народа здесь порядочно: от нас Леша Коробов, от «Известий» майор Паша Трояновский, майор Шванков. И сегодня приехал фотограф Кнорринг, от ТАСС — кап. Денисов, кап. Баранников, Шилкин, майор Евг. Ратнер и фотограф Копыт, от «КП» — капитан Карл Непомнящий (который был со мной под Киевом) и фотограф Капустянский, от Информбюро — кап. Пономарев и еще кто-то (кажется, Попейко), от радио — кап. Николай Стор, от «Иллюстрированной газеты» — ст. лейт. Виктор Кинеловский.

Ух! Кажется, все. Есть еще люди, приватно упражняющиеся в газете, скажем, кинооператор Ромка Кармен («Известия»), поэт майор Женя Долматовский («КП»).

В первый же вечер Долматовский затащил к себе, заставил рассказывать московские новости. Я ему сказал о том, что 3 февраля будет пленум Союза писателей, что ответ. секретарь будет Поликарпов[1] из Радиокомитета (а на его месте — Пузин, зав. отделом печати ЦК), а президентом Ник. Тихонов[2] вместо Алексея Толстого[3]. О том, что повесть Зощенко «Перед заходом солнца»[4] признана антихудожественной и пошлой, а невышедший в свет сборник стихов Асеева[5] — клеветническим. Он был весьма оживлен этими известиями, ругал писателей и в заключение сообщил две эпиграммы-экспромта. Первый экспромт откликается на мрачную трагедию,

происшедшую в Мо́зыре. Три командира заняли одну комнатку. Ночевали. Двое ночью оказали честь благоскло́нности двух девиц, а третий писал срочную статью в газету. Экспромт:

Только честный скрип пера
Спас его от триппера.

Второе произведение посвящено Непомнящему, который без устали рассказывает всем о своей московской невесте. Женя написал:

Как о далеком, погибающем
Торпедированном корабле,
Вспомните о Непомнящем,
Тонущем на земле.

И тут же продал это четверостишие за 10 литров бензина Непомнящему. Совсем как «наемник капитала» в «Золотом теленке» продал рассказ Остапа Бендера о смерти вечного жида представителю европейской свободомыслящей газеты. Как известно, тот передал рассказ в свою редакцию. Так поступил и Непомнящий. Он послал свою покупку своей девушке с тем же Долматовским, уехавшим в эту ночь в Москву.

По дороге из Москвы я, шутя, говорил Левке[6], что где-нибудь около искомого села мы обязательно встретим на дороге машину секретаря Военного совета фронта майора Владимира Алешина. Сейчас он уже не секретарь, а нач. отдела информации ПУ. Произошло это формально потому, что он женился на подавальщице столовой Военного совета. И впрямь — уезжая и приезжая сюда, я всегда встречал его машину. В день приезда я не встретил его, но на следующий день действительно встретил на дороге в машине, и он, как обычно, за рулем.

Сегодня, к слову говоря, у нас с ним (Хватом) был длинный разговор (в который уже раз!!) о литературе. Как и многие, он крайне неудовлетворен оной и ругает наших писателей на все корки. Ругает зло, справедливо и остроумно.

— Многие из них, — говорит он, — написав первую сносную вещь, заболевают неизлечимой болезнью — гонорареей — и всю последующую жизнь лечат ее переизданиями.

Забавно видеть и наблюдать человека, долго оторванного от войны, хотя и обладающего очень высокой, профессионально-мгновенной хваткой. Левка задает самые наивные вопросы, особенно касающиеся общевойсковых, а не воздушных тем. На здешних корр-ов он произвел впечатление матерого тыловика, т. к. не знал, что такое коничка, планетарка, первичный валик и т. д.

Гигантское впечатление на всех произвел прорыв наших войск под Ленинградом. Об этом говорят все — и военные, и крестьяне. Здесь пока тихо. Но сегодня приехал из Речицы Виктор Кинеловский[7] и сказал, что сегодня с 10 до 2 там была слышна яростная артподготовка, примерно на северо-западе, — западнее Жлобина к Бобруйску.

Чья — наша или немца — там не знают.

Хочу записать. Перед отъездом из Москвы у меня была жена командира стратостата «Осоавиахим» Лидия Борисовна Федосеенко[8]. Он погиб 30 января 1934 года, поднявшись на 22 000 м. Я ожидал, что с поминальной статьей придет пожилая мадам, а пришла очаровательная молодая женщина, в каракулевом манто, раньше она была авиатехником, а сейчас работает бухгалтером в ВВС.

Официальная версия причин гибели гласила: стратостат был рассчитан на 19 000 м, они поднялись выше, перерасходовали балласт и грохнулись при спуске. Федосеенко утверждает категорически, что экипаж имел две серии чертежей: на 19 000 и на 22 000. Строили на 22 000, а приемочной комиссии (под председательством Прокофьева[9]) показывали на 19 000, дабы не запретили.

Очень любопытно!

2 февраля

Сегодня вечером пронесся слух, что у нас где-то началось. Где и что — неизвестно. Завтра будем знать. Вечером смотались в штаб, но и там ничего не узнали.

Погода окончательно испортилась. Когда мы приехали сюда, везде были ледяные лужи. По выходе на улицу сразу сапоги размокали. Потом немного подморозило, а сегодня с утра опять дождь, снеговая слякоть и ледяная каша.

У всех разговоры о сессии Верховного Совета. Еще в Москве шла тьма разговоров о повестке, все гадали. Тут все обсуждают и гадают — что могло быть в докладе Молотова[10].

В офицерских кругах ходят два международных анекдота, вызванных, видимо, «слухами из Каира» (Черчилли, Рузвельты, вилками на воде и «что, тебе одного мало»). К слову, два неплохих анекдота рассказал Денисов:

1. Девушка просит негра подвести ее на велосипеде в соседний пункт. Садится на перекладину, едет. На полдороге: «Мисс, не могу вести дальше, велосипед дамский».

2. Два приятеля умирают. Один попадает в рай, другой в ад. Первый просыпается, хочет выпить-опохмелиться: одни кисельные берега и реки молочные. Идет к аду. Видит, сидит на троне приятель, на коленях — восхитительная обнаженная дева, в руках кружка и черт льет водку. Зависть! [Второй:]

— Милый, она без дырки, а кружка с дыркой.

3 февраля

Бомба: окружено 10 немецких дивизий в районе Канева и смыкание войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. Почему я не там!!

Хвату в городе в семье одного сапожника рассказали, как у жены одного командира умерла одна дочь и родилась вторая — от немца. Он приехал в освобожденный Гомель и застрелил жену.

— Будут его судить? — спросили Хвата.

— Немецких детей всех будут убивать, это ясно. А вот тех женщин, которые жили с немцами, наверное, посадят.

Мокрота, дождь продолжаются. Сыграли в пульку: Хват, Киселев, Стор и я.

4 февраля

Новостей нет. Мокрота. Летал вечером немец, стреляли, прожектора, шел низко, ушел.

Два анекдота — отзвук военного положения в Москве.

1. — Почему все женщины в Москве носят черное трико?

— Есть приказ затемнять все места общественного пользования.

2. По карнизу Моссовета ходит человек.

— Петров, что вы там ходите?

— Я лунатик!

— Сумасшедший, почему же вы ходите днем??

— У меня нет ночного пропуска...

И загадка: что такое верх шума? Совокупляться со скелетом на железной крыше.

Экая чушь!! А все смеются и довольны...

6 февраля

Вчера и сегодня — дни больших визитов.

Вчера:

Будучи в штабе, я позвонил адъютанту члена Военного совета генерал-майора Телегина (подполковник Майстренко) и спросил, как бы повидаться с Телегиным.

— Приезжайте сейчас. К нему приедет Кнорринг, фотокорр. «Красной звезды». Будете вместе. Он вам не помешает?

Приехал. Следом подъехал Кнорринг и фотограф «Фронтовой иллюстрации» Виктор Кинеловский. Вошли. Телегин принял очень радушно. Ребята сказали, что хотели бы снять его вместе с Рокоссовским[11]. Он созвонился с ним, уговорил его и тут же предложил следовать за ним.

Перешли дорогу. Небольшой домик. Крошечная передняя с закутком для адъютанта, и сразу кабинет командующего. Светлая комната — два окна на улицу, два во двор. Маленький письменный стол, к нему примыкает длинный стол заседаний. Между уличных окон — откидная доска, на ней оперативные карты. Около — столик с телефонами. На стене — обзорная карта Европы. У печки — большой серый дог Джульбарс. У стены — жесткий маленький диван. Вот и вся обстановка. Очень просто.

Командующий сидел на диване, ожидая нас. Встал, любезно поздоровался. Высокий, очень стройный, в превосходно сшитом, но простом кителе, с погонами генерала армии. Девять орденов. Ровный пробор недлинных темноватых волос. Идеально брит. Моложавое, очень спокойное, чуть скучающее лицо. Держится, как человек, которому абсолютно нечего делать.

За столом сидел начальник штаба — генерал-полковник Малинин[12], среднего роста, коренастый, седеющий, с круп-

ными чертами крупного лица. У карты стоял мой старый знакомый нач. оперативного отдела генерал-майор Бойков — невысокий, полный, с очень живыми глазами, но небритый.

Телегин представил нам всех. Бойков улыбнулся:

— Мы знакомы. Вы давно с Украины?

— Вы с Украины? — оживился Рокоссовский. — Какая сейчас там погода?

— Я оттуда уже полтора месяца.

— Наверное, такая же, как здесь, — сказал командующий. — Эх и погода. Смотрите, — указал он на прикрепленный к окну термометр, — 17 градусов тепла на солнце.

Видно было, что погода сидит в печенках у генерала. Позже, в разговоре со мной, он несколько раз возвращался к этой теме.

— Знаете, когда мы подошли сюда, противника перед нами не было почти до Минска. Мы могли бы идти и идти, но болота не пускали. Решили подождать, пока они замерзнут. А они не замерзают до сих пор! Разве это зима! И сейчас все на руках — и пушки, и танки, и автомашины, и снаряды.

— Вы сейчас вернулись из поездки, — сказал я. — Дороги развезло?

— Страшно раскисло. Но до штабов доберетесь. У вас какая машина?

— Эмка.

— Доедете, пожалуй. Поезжайте к Батову[13] и Романенко[14] и покажите, что такое болота, война в болотах.

— Она, очевидно, родила новую тактику?

— Конечно. Раньше, скажем, мы перед наступлением вели очень интенсивную артиллерийскую подготовку. Сейчас здесь трудно сосредоточить на узком участке такое количество орудий. И решает живая сила — с пулеметами, автоматами, винтовками.

В разговор вступил Телегин:

— Вот наш народ привык сейчас мерить успех наступления километрами. А вы поезжайте и покажите, что значит идти вперед по болотам!

— Цену метра? — спросил я.

— Да, да. Именно цену метра.

— Это довольно трудно. У нас принято писать только с тех участков, которые именуются в сводке.

Рокоссовский нахмурился. Видимо, его очень задевало то обстоятельство, что в сводке давно не было его фронта. В это время зазвонил телефон. Кто-то докладывал, судя по всему, о том, что его бомбят.

— Маловато истребителей? — переспросил он и очень спокойно добавил: — А вы их зенитками. У вас их достаточно. Вот и бейте!

Пока мы сидели, адъютанты непрерывно докладывали по телефону из ВНОС, что к нашему пункту приближается два, три, четыре немецких самолета. День был ясный, солнечный, удобный. Низко над нами прошел немецкий разведчик.

— Переправы высматривает, — сказал Рокоссовский. — Ночью бомбить будет. О, они отлично знают, что для них переправы.

Фотографы снимали без устали: у карты, у телефона, за столом, в группе, портрет. Я говорил с ним в паузах, и разговор был очень непринужденным.

— Стоит показать саперов? — спросил я.

— Вполне, они хорошо работают. Да сами понимаете — болота! Это не тот театр, где мы двигались раньше. Там — раздолье. Там можно было развернуться.

— Много немцев против вас?

— Очень. 37 дивизий, различных. Мы на втором месте по всему фронту. Против 1-го Украинского, кажется, 40, затем мы. Иногда, когда им очень туго, они снимают пару дивизий, но затем быстро затыкают новыми.

— Есть ли среди них венгерские?

— Нет, чистые немцы.

— Говоря военным языком — «первый сорт».

Телегин засмеялся:

— Да. Они же знают, против кого стоят.

— А каков характер немецкой обороны?

— Очень своеобразный, — ответил Рокоссовский. — В болотах есть островки. Немцы укрепляют их дзотами, траншеями, иногда минируют подступы. Сидят там с пулеметами, минометами, артиллерией. Получается форт. Вот и возьми его!

— И эшелонировано?

— И эшелонировано, и насыщено — все рода войск. Им же легче — они в обороне, а не в наступлении.

Пробыли мы у него около часа. В заключение я попросил Телегина дать мне машину.

— Подсчитаем, посмотрим, напомним.

Сегодня я поехал по управлениям. Заехал сначала к командующему бронетанковыми силами генерал-лейтенанту Орлу[15]. Высокий, красивый, молодой, лет 35—40. Ленточки пяти или шести орденов. Очень простая и грязноватая комната в хате, маленькая.

— Да, болота. Массированный удар здесь исключен. Мы вынуждены действовать мелкими группами. Придаем танки пехоте. Идут они вперед, потом — болото; пехота занимает его, затем строит гати до сухого места, танки идут, снова возглавляют пехоту и так до нового болота. Скачками!

— Хотел бы найти экипажи, воюющие с первого дня.

— Есть такие.

— А танки?

— Вряд ли. У нас же сейчас и материальная часть совершенно иная. Я начинал войну в 16-й армии. У нас тогда были БТ (Т-26). Их сейчас и в помине нет. Но вот сталинградские танки можете найти. Есть, скажем, танк «Папанин». Напишите о нем (5-й гвардейский полк у Батова).

От него пошли к командующему артиллерией генерал-полковнику Казакову[16]. Как я и ожидал, и обстановка, и генерал были совершенно иными. Маленькая комната. На полу мягкий ковер. Изящный письменный стол, настольная лампа, картины. Великолепный чернильный прибор — пушка со снарядами. Пушка сделана по всем правилам — не только рожки, но и прицельное приспособление, и откатывается даже.

— На этой пушке можно обучать журналистов артиллерийской грамотности, — пошутил я.

Невысокого роста. Шесть или семь орденов. Лет 40—45. Седеющие светлые волосы. Очень интеллигентное, живое лицо, умные глаза, гладкая, культурная речь, очень простое, но с достоинством обращение. Артиллерист!

Я сказал, что хотел бы написать о действиях артиллерии в болотах.

— Очень хорошо, — ответил Казаков. — Они этого стоят. А условия совершенно необычные, все на руках, молод-

цы! Тут же никто никогда не воевал. В мировую войну здесь просто стояли (в Пинских болотах) наши и немецкие заставы. В Гражданскую и польскую боев тут не было. В 1941 г., когда немцы наступали, они обошли эти болота с севера и от Могилева спустились вниз.

(В разговоре с Орлом я спросил, является ли новинкой действия танков в болотах?

— Нет, — ответил он. — Мы изучали это в академии. Но там это преподавалось как исключительный случай, а тут это правило.

— Но мы сейчас рассматриваем танки как проломное орудие, действующее на противника именно своей массой, — сказал я. — Следовательно, здесь, в болотах, танки больше напоминают танки Первой мировой войны, когда они являлись в основном передвижными бронированными огневыми точками.

— Да, до известной степени это верно, — неохотно согласился Орел. Ему было обидно, что его танки так «пали», хотя и по объективным причинам.)

Казаков много и хорошо говорил об артиллеристах. По всему чувствовалось, что он ярый патриот своих войск. Он вспоминал бои у Понырей (под Орлом во время июльского наступления немцев в 1943 г.).

— Тогда на некоторых участках выручали только артиллеристы. В третьей гвардейской истребительной бригаде был полк, где за три дня сменилось три командира, а командиры батарей выбыли абсолютно все. Но не пропустили! А ведь пехоты за ними почти не было. Вообще потери артиллерии большие и, что характерно, количество убитых равно числу раненых, а иногда и превышает его. Дело в том, что [расчет] поражается либо снарядом, либо — если снаряд попадает в пушку — ее кусками. Но народ не колеблется, стоит. Это результат и более высокого культурного уровня по сравнению с пехотой. В мирное время мы принимали в артиллерийские училища только окончивших среднюю школу. Даже сейчас, во время войны, мы принимаем туда с образованием не ниже семилетки и учим еще год. Да что там: на курсах, где готовим из командиров взводов командиров батарей, учим полгода. Вообще, должен сказать, культура большое дело. Возьмите нашу интеллигенцию. Очень хорошо воюет. Мне никогда не приходилось слы-

шать, чтобы бывший, скажем, служащий дрался плохо. Прямой результат культурности общей, общего развития.

Я спросил о меткости артиллерийской стрельбы, в частности — можно ли из ПТО попасть в люк танка.

— Это разговоры, — засмеялся он. — На войне никто не стреляет в цель. Представьте себе: вот стоят пять орудий и идет 25—30 танков. Наводчик — человек, ему к тому же и жить хочется. Он не выцеливает определенную точку (это некогда, да и не реально), а старается вообще попасть в танк, остановить его: хорошо бы попасть в гусеницу, подбить другой, третий, а затем лупить в уже подбитые, пока они не загорятся. Ведь подбить — это полдела, ибо восстановить легко и нам и немцам, а вот сожженный танк надо уже бросать.

Он продолжал:

— Вот под Сталинградом мы поработали. 10 000 орудий лупили! А пехоты было совсем мало. Мы считали, что возьмем в городе 15 000 пленных. А взяли — 60 000. Идет колонна тысяч в пять — впереди 5—10 красноармейцев, и сзади человек десять. Вот и ведут. А в каких условиях сами красноармейцы жили. Помню, в одном месте захватили 400 самолетов, бойцы в них расквартировались, печки поставили, вывески повесили: «Такой-то взвод».

Вспомнил он газетчиков. Очень хорошо отозвался. И погоревал об Евгении Петрове[17], о Ставском («Жаль, какой смелый человек погиб, он часто бывал у нас, в 16-й армии»), о Брагине («Миша Брагин — заядлый танкист»), резко отозвался о Кармене («Приезжает сливки снимать, а черновой работы не любит»).

В заключение я спросил его:

— Что за канонада вчера была слышна?

— Это немцы бомбили рядом.

И пригласил меня завтра заехать к нему: будут командиры из частей, дадут все материалы.

Я остался очень доволен этим визитом. Бывший со мной Кнорринг заявил о своем желании поснимать артиллеристов. Казаков обещал дать ему машину и провожатого командира («только дайте план тем съемки»).

Погода начала как будто устанавливаться. Всю ночь со вчера на сегодня валил снег, подморозило. Метет и сейчас (вечером).

Получил письмо от Абрама, от 30 января. Пишет, что прислали двух профессоров. Сделали первое впрыскивание — достали из позвоночника 8 кубиков спинномозговой жидкости и ввели вместо нее его кровь. Письмо довольно бодрое, но, видимо, мучения очень сильные. Бедный Абрам!

Был у Наташи Боде. Бедняжка, лежит больная, никто не заходит. Вспоминали, как ездили вместе в 1942 г. под Харьковом на ЮЗФ. Рассказала, как первой снимала «Тигры» у Поныpeй. Их было несколько подбито, но нельзя было подобраться. И она поползла снимать под огнем на нейтральную землю.

— Очень противно — во ржи, среди трупов, а жара — разлагаются. Бр-р-р! Сняла, на обратном пути обстреляли, мины шлепались рядом. Потом долго болели колени и ноги — все ползла.

Хочется записать одну историю, пока не забыл окончательно. Дело было летом 1941 г. Звонит мне Папанин:

— Приезжай. Очень важное дело.

— Что?

— Не могу сказать по телефону.

Приехал.

— Вот что. Хочу организовать партизанскую армию в тылу у немцев. Я ведь старый партизан, партизанил в Крыму, у Мокроусова[18]. Опыт есть. Надо будет сплотить отдельные отряды, объединить их, возглавить, поднять дух у советских людей в занятых районах. Говорил с Микояном, он одобрил. Буду говорить с Вячеславом Михайловичем. Пойдешь ко мне комиссаром?

Неожиданность предложения несколько меня ошеломила. Но дело интересное, с размахом, понравилось.

— Да я же, Дмитрич, только еще кандидат партии. Какой же из меня комиссар! Бери просто к себе в штаб.

— Это ничего, что кандидат. Я тебя давно знаю, один кусок хлеба ели, видел в деле. Я тебе, Лазурка, верю — и это самое главное. Ну?

Я дал согласие. Через несколько дней заехал. Папанин мрачный.

— Ну что?

— Вячеслав Михайлович сказал: вы нам нужны, мы не можем вами рисковать.

7 февраля

Тихий день. Снегу намело столько, что сразу образовалась зима. Подморозило. Ездил в штаб, говорил с танкистами и артиллеристами об особенностях войны в болотах. Танкист, майор Кременский (из оперативного отдела) рассказал о том, что немцы начали применять новые, так называемые магнитные кумулятивные мины для танков. Они небольшие, весом в 2—3 кг, с 1 кг взрывчатки, но полые внутри, а снизу — три магнита, которые присасываются к броне. Кидается она либо вручную, либо из специально сконструированных гранатометов, один из которых называется «куколкой» («пульхен»). Взрываются через 5—7,5 секунды. Разрывная сила чудовищна: танк разлетается в куски, башня отлетает на десятки метров.

Так тут было поражено до 60—70 танков. Долго не могли понять, в чем дело. Сначала думали — новые земные мины, потом — артиллерия, потом — бомбежка. Наконец, нашли эти мины, испытали их на своих сгоревших и немецких танках — они! Сами немцы, опасаясь применения нами таких мин, уже начали покрывать свои танки особым глиняным раствором (толщиной до 5—7 мм), нейтрализующим притяжение магнитов. До той поры, пока наша промышленность освоит этот глянец, танкисты рекомендовали своим частям обмазывать танки обыкновенной глиной и замораживать ее.

Вечером с Левкой за работу. Я написал для Информбюро «В гостях у генерала Рокоссовского» и предложил им серию подобных материалов. Левка пишет очерк «Свет и вода» (о восстановлении Гомеля).

— Правда, воды больше, чем света, — шутит он.

Зашел Непомнящий и рассказал, что по случаю приезда Рокоссовского в 65-ю армию там состоялся банкет. На банкете выдвинулся вперед Леша Коробов и поднял тост:

— За Багратиона наших дней — генерала Рокоссовского.

Рокоссовский ответил:

— Легко быть Багратионом в наши дни, когда т. Сталин дает тысячи танков и десятки дивизий. Но трудно было бы быть даже Рокоссовским, если бы не было танков и дивизий.

Вчера Информбюро сообщило, что 3-й Украинский фронт прорвал оборону, занял Апостолово, Марганец и др. пункты и окружил в районе Никополя 5 немецких дивизий. А ведь я собирался ехать на 3-й! Вот обидно!

Левка психует вообще. Еле-еле, грубо, тяну его.

Долматовский уверяет, что Хозяин предложил издать «Антологию советской поэзии»! Сейчас!

21 февраля

18-го выехали с Левкой на 1-й Украинский фронт. Погода отвратная, мороз, сильнейший ветер. На дороге вьет, заносит. Одели всю теплынь, что была. Дорога хорошая.

В Чернигове пообедали. Город понемногу оживает. Правда, разрушен, как и раньше. Но уже разбирают развалины, строят чуть-чуть. Сидели в обкоме у завфинхозсектором Белоуса. Бывший партизан. Рассказал, что только за день до нас сняли с центральной площади 4 повешенных предателей, в т. ч. одну женщину. Зашел какой-то работник обкома, поздоровался. Разговорились. Оказывается, на восстановлении работает много пленных.

— Достается им?

— Ну да. Не смеешь пальцем тронуть. Иначе до партийного билета дойдет.

— А как кормите их?

— 600 граммов хлеба в день, да три раза в день горячая пища. А мы, работники обкома, получаем 500 г хлеба, а население в городе — 300. Но работают добросовестно.

В темноте подъехали к Киеву. Идет бешеная стройка большого моста через Днепр, разъемного, для пропуска судов. Работы идут день и ночь. Очень красиво: весь город в темноте, а на стройке на высоченных фермах — огни. Собираются построить за полтора-два месяца. Ветрище, а работают! Недавно был несчастный случай: подняли металлическую ферму, ветром сорвало, убило и ранило несколько десятков человек. Одновременно идет и стройка железнодорожного моста через Днепр.

В Киеве провели часок у артистки оперы Шуры Шереметьевой, о которой я раньше писал: она провела 9 месяцев в

концлагере. У нее сидела подруга Кира Карлова — инженер «Киевтраспроекта», тоже бывшая с ней в концлагере (11 месяцев) и тоже лежавшая. Они рассказывали, что начальник лагеря Радомский сконструировал специальные сита. Перед приходом наших войск начали вырывать расстрелянных, сжигали их, а пепел просеивали сквозь эти сита, чтобы уловить золотые зубы, коронки и т. д.

И Шура, и мать ее, и дядя встретили нас как родных, оставляли ночевать (но холодище! — они живут на кухне), угощали «супчиком», чаем с печеньем (сушеным хлебом). Шура сказал, что приехали корифеи оперы: Литвиненко-Вольгемут[19], Патаржинский и другие. Готовится опера «Русалка» (завтра премьера).

Ночевали у родителей Наташи Боде. Встретили очень тепло, но ночевать было холодно. Ужинали. Маленький Шурик (четыре года) совершенно серьезно сказал:

— Я очень люблю наш советский хлеб.

Очень показательно, чем жила семья при немцах. Обычно тут говорят: «ваши», «советские», «красные», а тут пацан: «наш советский».

Когда прощались, он прильнул ко мне:

— Дядя, не уезжайте на фронт, я вас очень люблю.

Город уже две недели не бомбят. Хлеб дают всем, в т. ч. и иждивенцам — 300 гр. Но очереди!! Ходит трамвай, работают столовые, магазины, кино. Пустили стекольный завод. Есть вода, но в колонках, в части домов — свет. Цены на базаре понизились. Но улицы не убираются.

Утром 19-го поехали дальше. Великолепное шоссе Киев—Житомир. На 50-м километре остановились заправиться. Помощник нач. участка ДКУ — капитан Коган, бывш. инженер-строитель, предложил пообедать. Разговорились: дочь убита во время эвакуации бомбежкой, жену обокрали начисто. «Будем живы — наживем и детей, и робу».

Обед чудесный: прекрасный борщ, бефстроганов, чай. Очень чисто, отдельные комнаты для офицерского харча, чистые скатерти, трюмо, диван, даже картины. Есть парикмахерская, баня, гостиница. Очень звал встречать у него день Красной Армии.

— Много не обещаю, но довольны будете по горло.

Рекомендовал ночевать в Житомире, дальше ночью не ехать: пошаливают, обстреливают, подрывают. Было уже несколько десятков случаев.

В Житомир ехали мимо знаменитых Кочерово, Коростышева, где немцы наступали в начале зимы 1943/44 г. Какие тут были бои! По обочинам, на дороге, на полянах — сгоревшие и подбитые танки, самоходки, бронетранспортеры, машины. На некоторых полях и полянах — до 10—15 штук. Кучно! И наши и ихние — а сколько увезли подбитых. Хват только ахал.

В Житомир приехали в темноте. Город как будто сохранился. У въезда — аэродром, ангары целы. Много жителей. Только самый центр — небольшой — разрушен.

Я решил ехать до места не задерживаясь. Дороги занесены, все время объезды. Тянулись, тянулись.

Деревушка, где живут наши, вся занесена снегом, вся в сугробах. Оставив машину на дороге, побрел искать своих. Ввалился в хату, которую указали (уже полночь!). Зрелище! Размер 2 × 5 метров. На койке Полторацкий в кальсонах и рубашка повязана вокруг горла, за столом Первомайский — в нижнем белье, пишет очерк, на лавке — Кригер в таком же наряде, читает какую-то церковную книгу. На полу, на соломе, спят Трошкин и два шофера. Жара!

Разговорились, накричались. Виктор Полторацкий, оказывается, писал смехотворную стихотворную пьесу о житье в этой хате. Туда немедля вошел мой приезд, рассказ в встрече Нового года в Москве и проч.

Ребята только вернулись из-под Дубно, за которое идут бои. Рассказывают, что там весьма пошаливают отряды так называемой Украинской народной армии. Некоторые из них насчитывают по 700—1000 человек, получают оружие от немцев, от нейтралов и еще кое у кого. Но артиллерии нет. Районы и села законспирированы, имеют тайные склады, огромные землянки. Бьют беспощадно поляков. Встреч с регулярными частями КА избегают и действуют уже в тылу, когда фронт уходит вперед (такова директива). Носят названия: бендеровцы, бульбовцы, григорьевцы и др. — по атаманам.

В 2 ч. ночи пошли в свою хату, где живет Макаренко (его не застали, уехал ремонтировать машину). Предупреди-

ли нас, что там холодно, клопы и вши. Идем по сугробам, вдруг:

— Хват!

Оглядываемся, подходим: корр. ТАСС майор Григорий Ошаровский, с которым Левка был в 1941 г. на Южфронте. Узнал по голосу. Ночевали на досках в его хате. Немцы построили рекламно и торжественно крестьянину Андрею Антоновичу Семенюку, погорельцу, новую отличную хату (паблисити!).

Ну и холодно в ней! Навьючили на себя все и все же мерзли.

Вчера днем пошли в 7-й отдел. У меня было письмо от лектора ПУ Белфронта Людмилы Зак[20] к инструктору Ватеру[21]. Спрашиваю. Убит 4 дня назад. Это была его первая поездка здесь на фронт. Забрасывал людей в район окружения, попал под огонь автомата.

Газетчики тут все те же: ТАСС — Крылов, Марковский и добавили Ошаровского, «Кр. звезда» — Олендер, Капустянский, «Известия» — Полтарацкий, Кригер, Трошкин, «КП» — Тарас Карельштейн, радио — Островский, Информбюро — Навозов, Шабанов (Макаренко острит: «Навозну кучу разрывая, петух нашел шабанова зерно»).

От нас тут Макаренко, Первомайский, Брагин, Устинов, Ростков.

Деревня — полная чаша, у всех коровы, поросята, свиньи, куры. Много сахару. Всюду гонят самогон — хороший, горит.

Вечером долго говорили с Марковским. Старый газетчик, был редактором районных газет, «За индустриализацию» и др. Рассказал мне, что его отца-коммуниста немцы расстреляли, как мать пишет, «по заявке нижних жильцов».

И он, и Ошаровский резонно ставят вопрос о нашей пропаганде. Она, как и раньше, ориентирована на тыл и дается методами 1941 года, а сейчас — 1944, половина тиража идет в освобожденные районы, они перемешиваются с тыловыми людьми. Это обязательно надо учесть!

Много говорили о том, как сами пишем. Ошаровский привел слова знаменитого на юге командира дивизии генерал-майора Аршинцева[22]:

— Как бы мне попасть на участок, где корреспонденты бывают. Вот где хорошо воевать!

Ночью где-то рядом бомбили.

25 февраля

Утром 23 февраля выехали домой. Ночевали в 143-м ДКУ 96 ВАД[23]. Встретили нас отлично. Был праздничный вечер, зело выпили. С ходу проехали Киев. Зашли на базар — полный торг. Левка совсем ошалел от удивления.

Часиков в 10 вечера вчера въехали в свой пункт. Сразу заехали в АХО[24] за аттестатами. Там узнали, что начато наступление и взят Рогачев. Сразу заехали к корр. Информбюро кап. Попейко, информировались и написали корреспонденции. Пока писали — немыслимо палили зенитки, рыскали прожектора. Немцы!

В 12.30 отправили в Москву, поехали домой, поели, а то весь день голодали, и уснули.

Я сильно простужен. Как бы не слег! Вот уж не время для болезни.

Был у Зак.

— Ну, привезли мне ответ?

Я сказал, что Ватер убит. Молчит и плачет. Показала карточку — хороший парень, латыш. Судя по надписи на обороте, любил ее («Вернись! Юрий»).

— Я была так несправедлива к нему...

Вот уж по-женски!

В хате холодно, знобит.

Получил пачку писем. Абрам пишет, что сделали третью прививку. Результатов пока нет.

Коробов уезжает в Москву. Остаюсь один.

26 февраля

Вчера до глубокой ночи сидели у нас Николай Стор и Непомнящий. Рассказывали всякие истории, но такие, какие могли поразить даже газетчиков. Лев рассказал о чуме в Москве. В том, что у меня записано еще в довоенном дневнике, надо исправить две вещи: саратовский профессор остановился не в «Москве», а в «Национале», и привезли его не в Боткинскую больницу, а в Клиническую — на углу Петровки и бульвара.

Стор рассказал о первом дне войны. В этот день, в воскресенье, он как раз дежурил в «Последних известиях по радио». Пришел в 6.30 утра, начал спешно готовить 7-часовой выпуск. Работы невпроворот, каждая минута в обрез. Еще на лестнице уборщица сказала, что все телефоны звонят, но он махнул рукой — некогда.

Примерно в 6.45 она опять приходит.

— Там опять звонят, ругаются, что не идете.

— Скажите, никого нет.

Ушла, вернулась.

— Ругаются. Велят обязательно позвать.

— Тьфу! А какой телефон звонит?

— Горбатый, который на замочке.

Вертушка! Подошел.

— Кто?

Доложился.

— Где пропадаете?? Сейчас с вами будут говорить.

— Кто?

— Услышите.

Через полминуты новый голос.

— Кто?

Доложился.

— С вами говорит Щербаков. Вот что нужно сделать. В 12 часов будет выступать по радио т. Молотов. Надо все подготовить к его выступлению и записать всеми способами его речь. Вызовите всех, кого найдете нужным. Передайте Стукову[25] (председатель Радиокомитета), чтобы он позвонил мне. Остальных работников найдете? Они, вероятно, на дачах, воскресенье? Сумеете все сделать?

— Да. А в связи с чем будет выступление?

— Началась война с Германией. Только вы об этом широко не распространяйте.

Стор вызвал и растолкал спящего шофера и послал его за Стуковым («да что я сейчас поеду, вот в 10 часов поеду за ТАССом, тогда уж по пути»), а сам сел лихорадочно заканчивать выпуск. Минуты остались!

Бенц! Вылетает из будки стенографистка:

— Вас требует немедленно Синявский.

Вадим Синявский был послан в Киев для передачи хода какого-то крупного футбольного матча, назначенного на воскресенье. До него ли было Стору!

— Скажите, не могу.

Ушла, вернулась.

— Он ругается матом, требует — во что б это ни стало.

Подошел, обложил:

— Вадим, ты не знаешь, что творится!

— Да нет, не то, не футбол! Ты не знаешь сам, что творится! Я не могу сказать прямо, даю по буквам: Борис, Ольга, Матвей, Борис, Иван, Лидия, Иван. И тех же я увижу при командировке в Луцк, Одессу...

Ух! Времени нет, выпуск полетел. Стор приказал повторить 6-часовой, только сообразил выкинуть из него сводку германского информбюро, передал стенографистке приказ всем корреспондентам сидеть, не отлучаясь, у репродукторов хотя бы сутки, вызвал по телефону нескольких человек, послал за остальными. В чем дело, не сказал никому, предложил все готовить. Машина завертелась. Шофер Стукова поднять не мог. Стор поехал сам, еле достучался. Тот как услышал, в чем дело, так ошалел (позже он был комиссаром полка и был убит).

Вскоре приехали чекисты и заняли все выходы и коридоры. За три минуты до назначенного срока приехал т. Молотов. Он сел за стол, раскрыл папку и начал читать приготовленную речь.

За полминуты до срока он встал и прошел в студию к микрофону. Стор подошел и налил нарзана в стакан.

— Уберите все лишнее! — резко сказал Молотов.

Левитан объявил его выступление. Молотов говорил очень волнуясь, нервно. Но записали все хорошо.

Это было последнее выступление руководителей партии из студии. Т. Сталин 3 июля выступал из Кремля. «Объявлять» его туда поехал Левитан[26]. Он рассказывал потом, что т. Сталин так волновался, что Левитан ушел в соседнюю комнату.

Весь день лежал дома, гриппoвал. К вечеру заехал майор Николай Васильевич Меркушев, бывший работник «Правды», ныне — замполит 54-го гвардейского Бахмачского ордена Суворова минометного полка. И потащил к себе. Они все время дрались в болотах у Мозыря, а сейчас выведены на отдых. Познакомились там с командиром полка — подполковником Аркадием Тимофеевичем Шаповаловым. Очень плотно пообедали, с тортом даже, с огромным удовольствием

послушал радио. Разговор был интересным. Шаповалов рассказывал о первых днях применения «катюш». Это было в августе 1941 г., под Смоленском, в 19-й армии Конева. Всего две батареи. Личный состав строжайше отбирался комиссией ЦК. Район действия был оцеплен чекистами, не подпускали даже генералов. А теперь таких полков сотни. Оба большие патриоты своего оружия.

— Ну как его не хвалить, — говорит Шаповалов. — Это же мощь! Я могу дать за 7 секунд от 500 до 1000 снарядов. Чтобы дать такое количество, надо чуть не всю артиллерию армии собрать на узкий участок.

Боевой человек: десятки раз был под огнем. Однажды через его блиндаж переехал немецкий танк. И ни разу не был ранен!

Меркушев жаловался на тяжелые условия политработы. Полк получает 13 экз. «Правды» (одних только офицеров больше 70), 7 экз. «Кр. звезды», около 10 экз. «Кр. Армии» и 25 экз. армейской газеты. Изредка — 1 номер журнала «Красноармеец», один номер «Парт. строительство». «Огонька» и других журналов не видят. Книг совсем нет. Радио — только у командира полка. Кино последний раз видели полгода назад.

Это очень серьезные вопросы, и надо будет обо всем этом серьезно поговорить в Москве.

Выпил стакан водки с гаком и трезв, как младенец. Вот растет квалификация!

29 февраля

Наш фронт опять исчез из сводки. Сегодня стало известно, что немцы в районе 48-й армии начали отступление. Она еще 19-го повела наступление, шла с очень тяжелыми боями и продвинулась на 9—10 км, форсировала Березину. Но далеко ли отойдут — пока неясно. Севернее Рогачева наши 25-го перешли Друть. Немцы подтянули из района Бобруйска три танковые дивизии (4, 5 и 20-ю) и оттеснили наших на восточный берег реки. Только в районе Мал. Коноплицы у нас остался небольшой качающийся плацдарм.

Как было обнародовано в приказе Сталина, создали 2-й Белорусский фронт (южнее нас). Ему сейчас достанутся болота.

Очень хорошо идут наши на псковском направлении. Вчера жахнули больше 400 нас. пунктов.

Погода до вчерашнего дня стояла морозная. В ночь на сегодня опять развезло.

Вчера утром зашли кинооператоры майор Николай Вихирев[27] и капитан Ибрагимов. Предложили поехать в 96-й гвардейский пикирующий полк полковника Якобсона. А нас туда уже приглашали. Смотались сразу.

В землянке у командира полка — рослого эстонца, — разговорившись, выяснил, что это тот самый 99-й ближнебомбардировочный полк, в котором я был в конце мая 1942 г. в Волоконовке, вместе с Наташей Боде и Сашкой Устиновым. Сам Якобсон тогда был командиром полка и привозил нам яичницу и водку. В этом же полку до сих пор живы летчики: ныне Герой С[оветского] С[оюза] Смирнов[28], штурман капитан Герой С[оветского] С[оюза] Туриков[29], летчик — кавалер 5 ленточек капитан Мельник, штурман Герой С[оветского] С[оюза] капитан Крупин[30]. Со всеми из них я беседовал сейчас об их последних делах — буду писать.

В этом полку мы пробыли в 1942 г. два дня[31]. Я писал тогда об их налете на харьковский аэродром, во время которого подожгли самолет Карабанова; все считали его погибшим, но он со штурманом пришли дней через десять пешком, а радист Сокольский не пришел. Писал я тогда и о летчике ГВФ Богданове. Через несколько дней в Валуйках, где мы тогда жили, я встретился с Костей Тараданкиным, он передал мне привет от командира полка полковника Егорова. Я спросил о Богданове.

— Богданов не вернулся с задания, погиб.

Прошло еще несколько дней, я уехал с Устиновым в Воронеж. Однажды (20—25 июня) в столовой ДКА ко мне подошел от соседнего стола летчик.

— Тов. батальонный комиссар. Вы, кажется, были у нас в полку в Волоконовке?

Это оказался летчик Быстрых[32], впоследствии Г[ерой] С[оветского] С[оюза]. Он сидел со своим штурманом.

— Где полк?

— Да вот почти все, что осталось — я да он.

— А Егоров?

— Назначен командиром дивизии.

— А кто в полку?

— Якобсон.

И вот, сейчас снова встретились! Тесен мир, земля круглая! Пошли оживленные расспросы.

— Где Быстрых?

— Погиб.

— Егоров?

— Командует в тылу дивизией, учебной.

— Кошевой (командир прикрывающего истребительного полка)?

— Погиб.

— Комаров (командир соседствующего полка Ил-2)?

— Командует штурмовой дивизией. На нашем фронте.

— Крупин, Смирнов, Мельник, Туриков?

— У нас. Почти все Герои. Смирнова представляем на дважды Героя, а Мельника — к Герою.

— А помните, я писал о Карабанове?

— Как же, отличный летчик. Погиб под Орлом вместе со своим штурманом. Жаль. Но знаете: год назад пришел его радист Сокольский. Год был в плену, в лагере, бежал.

Вот так история! Весь вчерашний вечер и утро сегодня говорил с народом. Восстановил историю Карабанова, вспомнили о Богданове, Быстрых, записал также различные эпизоды: пикирование, разгром 11 эшелонов, жизнь стрелка-радиста Стратиевского и проч.

Ночевали в хате, в селе у аэродрома. Из 200 домов осталось только 39. В хате — 12 душ, три семьи, теснота страшная. И я и Левка записали их мытарства при немцах — угон в тыл и т. п. Когда уже легли спать — в 12 ч. ночи, — пришел пьяный стрелок-радист Игнатенков, лег к девкам на пол и начал любезничать. Одна из них встала (Маша) и пошла с ним гулять. А метель! Потом пришел и начал нам рассказывать о своем ранении. Уснули из-за шума, духоты и грязи только в 6 ч. утра, встали в 8.

Зак рассказала трагическую историю. Под Гомелем есть село. Отступая в 41-м году, один артиллерист полюбил девушку. Ушел. Родилась дочь. Жизнь сложилась так, что остался живой и наступал тут, через это село. Узнал. Радость. Пять дней отпуска. Снова в наступление и в первый же день убит осколком.

5 марта

Днем заехали Михаил Рузов и Пономарев. Михаил молча протянул телеграмму. Там было: «С глубокой скорбью сообщаем о гибели на боевом посту майора Олендера. Похороны 6 марта».

Подписи Крылова, Макаренко, Кригера, Первомайского, Полторацкого, Навозова, Ошаровского, Островского, Шабанова — в общем, всех ребят.

Адресовано Рузову, как старшине нашего корпуса.

Известие буквально ошеломило меня. Как, почему, когда? Мина, бомба? А м. б., бендеровцы? Все лишь две недели назад я видел его на том фронте, как обычно — спокойного, с неизменной трубкой в зубах, высоколобого, с умными глазами и большой лысиной. Мы сидели, говорили о фронтовых делах, щелкали семечки.

Петя рассказывал обстановку, которую всегда отлично знал, ругал редакцию, которая требовала статьи «об артиллерийском окаймлении окружения».

— Они думают, что там неподвижное кольцо, как в цирке!

Это был один из наиболее грамотных — военно-грамотных — журналистов, человек исключительной работоспособности и добросовестности. Не было, кажется, ни одного задания его сумасшедшей редакции, которое бы он не выполнил. А их бывало по несколько в день. Он писал без устали статьи полковников, генералов, и они подписывали. Всю военную часть этих статей он давал сам.

По положению старшего корреспондента он не имел право без ведома редакции выезжать на фронт, а должен был сидеть в штабе. И он выезжал: тайком, на воскресенье. Так было, когда он был на Центральном, он выезжал в Поныри, Мало-Архангельск, к Севску, так было и на Воронежском фронте. Видно, и сейчас куда-нибудь поехал...

Рузов и Пономарев предложили поехать на похороны. Пошли к Галаджеву, пока ходили — 4 часа. А похороны завтра, дотуда пути — 500 км, не успеть.

Я написал некролог во фронтовую газету, потом телеграмму ребятам на 1-й Украинский с соболезнованием от нашего корпуса. Запросил Яшу Макаренко об обстоятельствах гибели.

Обидно, очень обидно! Я знал его еще по 42-му году, по ЮЗФ. Вместе там были, вместе бежали до Сталинграда. Он с первых дней на фронте. Потом вместе здесь, на Централь-

ном, в моей машине он уехал со мной на Воронежский, там были вместе, ездили в Киев в первые дни освобождения, спали там на одной кровати. А как он знал поэзию, сам писал стихи, есть где-то его книжка.

Спрашивал меня: возьмут ли его в «Правду»? Да...

Приехала Наташа Боде. Больна, простужена. Так, больной, вместе с Женей Долматовским ездила в Рогачев. Проехали на машине на набережную Друти, глядят — машут им руками. Оказывается, въехали на огневые позиции орудий прямой наводки, которые лупят по той стороне. К этим пушкам ползком лежа пробираются, а они — на машине... Пули свищут.

Отправили машину обратно, в город, а сами залегли. Поснимала. Ночевали в городе. Была яростная бомбежка. Кидали из контейнеров хлопушки.

— Жутко красиво, — говорит Наташа. — Я сидела в хате у окна, поджав колени, готовая выбить стекло и выпрыгнуть в любую минуту. Зато сделала хорошие снимки.

Людмила Зак рассказала интересную безымянную историю, рассказанную ей из многих источников. Возможно — вычитанная история.

Молодой он и она любили друг друга. Но его родители были против брака, ему прочили блестящую карьеру. Им пришлось расстаться. Она взяла с него слово, что никогда не будет ее разыскивать, но обещала ежегодно писать ему одно письмо. Через год он получил первое: страдает без него, любит до самозабвения, почти сходит с ума. Еще через год — второе: печали меньше, но любит. Еще через год: она за границей, путешествует, к ней сватается очень хороший человек, как «его» мнение? Затем: вышла замуж, ждет ребенка. И так — каждый год. В конце концов, он знал, что она счастлива, четверо ребят, спокойная жизнь с простым хорошим человеком.

А у него — все кувырком, карьера не получилась, личная жизнь шла нескладно, и он все время грыз себя за отказ от нее. И вот, через десять лет он получил от нее письмо, датированное днем их расставания. В нем сообщалось, что назавтра ее уже не будет в живых, она не может жить без него. И говорилось, что она написала ему письма, разослала их знакомым и просила посылать ему каждый год по одному.

У нас тихо. Неимоверная опять слякоть. Наступление заглохло. В ночь на 3 февраля немцы силами четырех дивизий атаковали наш плацдарм на Друти (у Большой Коноплицы), но отброшены. Дал об этом сегодня заметку.

Последние дни много работал. 3-го дал оперативный подвал. Вчера отослал с Вихиревым подвал «Одиннадцать эшелонов» и к нему великолепные снимки бомбежки. Вчера и сегодня писал весь день «Возвращение». Думаю послать в «Огонек». Написал не меньше $^1/_2$ печатного листа.

Устал, 4 часа утра. Спать!

Коробов 4-го уехал в Москву. Я остался один. Гм...

10 марта

Дни идут быстро, а события не очень, их хватает только для дневника. Судя по вчерашним и сегодняшним сводкам, резко шагнули вперед войска 1-го и 3-го Украинских фронтов. Перерезана железка на Николаев, бои идут на улицах Тернополя. А у нас — без перемен. Общее внимание до сих пор сосредоточено на Финляндии. Условия перемирия были опубликованы еще 2-го. Финны кочевряжатся. Пару дней назад у нас была напечатана передовая о Финляндии — необычайно мягкая, уговаривающая, разъясняющая. Странно! Впрочем, разве отсюда увидишь все вольты политики.

На дворе два дня весна. Снег почти стаял. В поле скоро будет сухо. На улицах грязь. Разлетались немцы. Сегодня были в Гомеле — зенитки стучат все время. Впрочем, и тут их слышно нередко.

Утром 8 марта к нам заехал майор Меркушев и утащил к себе в полк минометчиков. Опять хорошо посидели, выпили на четверых 1,25 л. С грустью вижу, что стакан водки для меня почти безделица и что самое скучное — полная ясность сознания и очень быстро (через час) совершенно трезвею. Все все еще хмельные: и им противно видеть трезвого.

Помянули там неласковым словом Военторг. Вот что у военных вызывает всегда ругань дикую. Я не видел ни одного человека, кто бы хорошо отзывался об этой организации. Недаром о ней ходит столько анекдотов в армии.

Вот несколько:

1. Одна армия выходила из окружения. Осталось там хозяйство Военторга. Надо выручать, никто не идет: «До-

вольно мы с ними настрадались, пусть теперь немцы помучаются».

2. В Сталинграде обсуждаются условия сдачи немцев. Паулюс спрашивает: «А где нас будут кормить?» — «В столовой Военторга». — «Тогда мы будем драться до последнего!»

3. В часть прибыл самолет, построенный на средства работников Военторга. По фюзеляжу надпись: «Военторг». Ни один летчик не соглашается лететь... «Свои собьют!»

Вчера с Левкой были у секретаря ЦК Белоруссии Горбунова[33] — между прочим, бывшего нашего корреспондента по Белоруссии. Бывший в ту пору зав. местной сетью Степа Зенушкин съел его. Горбунов сейчас не в обиде.

Скромный кабинет. На столе стенографические записи лекций ВПШ[34] (ух, если буду там — столько учить!).

— Прислал Александров[35]. Я ведь доцент по истории при Белорусском университете.

Высокий, толстый, пухлое лицо, светлые волосы, лысина. В приемной два секретаря, скучают до обалдения, одна читает «Хождение по мукам», вторая — отрывной календарь на 1944 г. Аккуратно записали нас в тетрадочку посещений: кто, куда, должность.

Беседовали два часа. Интересно, вкусно. Сначала он рассказал нам историю со сценарием Довженко «Украина в огне»[36]. Это фильм должен был сниматься, а сценарий представили к печати. Украинские товарищи читали его, одобрили, назвали смелым, правильным и прочее. Долматовский, вернувшись с пленума Союза писателей, рассказывал мне, что на заседании пленума выступил Александров, подверг жестокой критике сценарий и читал отрывки из него. Как остроумно заметил Долматовский — в 37-м году за эти отрывки посадили бы не только Довженко, но и Александрова — за их чтение.

Горбунов рассказал — со слов Пономаренко[37] — о беседе, состоявшейся у т. Сталина по поводу этого сценария. Присутствовали: Хрущев, Бажан[38], Корнейчук, еще кто-то [из] их украинцев (Богомолец[39] и не помню кто), Пономаренко, Довженко.

— Вы интеллигент, — говорил т. Сталин, — и притом не умеющий подняться до правильных обобщений. Вы видели только одну сторону и на этом основании считали возмож-

ным думать о целом. И не заметили основного — роли партии и государства. Известно, что Япония только и ждала момента, чтобы напасть на нас. Но этого не случилось, и до сих пор она придерживается политики строгого нейтралитета. Разве в этом нет заслуги партии и правительства? Известно, что ни Англия, ни США не были восторженными поклонниками Советского Союза. Но они стали нашими союзниками. Разве в этом нет заслуги партии и правительства? А перелом, который произошел в войне, — разве он случаен? Почему Франция, сильное государство, с сильной армией, свободолюбивым народом, развалилась под ударами в несколько дней? Там не было крепкого, уверенного в своей силе правительства, которое сумело бы поднять весь народ, все силы против врага. В своем сценарии вы пытались ревизовать учение Ленина. Этого мы никому никогда не позволим. При одном упоминании имени Ленина вы должны шапку снять и в ножки поклониться. Когда наступили крутые времена, вам, интеллигенту, пытающемуся вобрать в себя ощущения других таких интеллигентов, показалось, что все рушится. Мелочи заели, из-за мелочей вы не видели основного.

Разговор зашел о первых днях войны. Горбунов вспомнил свои впечатления. Он был тогда в Белостоке. В час ночи вернулся из театра, шла пьеса «Интервенция». Жил в общежитии обкома, в одной комнате с товарищем, инструктором ЦК. В 4 часа утра проснулся от колоссального взрыва. «Вот, дураки, переложили аммонала», — и повернулся на другой бок. Второй взрыв, вылетели стекла, и осколком стекла обожгло нос.

— Война! — сказал он инструктору и начал поспешно надевать штаны.

Позвонили секретарю обкома, тот был у себя. Приехали. Связь с Минском порвана, в Брест — порвана. Это старались поляки. Немедленно связались с пограничниками. Они спрашивают: как быть, немцы наступают. Инструкций никаких нет. Везде полный бардак. Отбомбившись по городу, немцы повернули на аэродром и начали садить. Там было 200 самолетов. Пламя, горят. Те, которые успели подняться, — сбиты. Зарево освещает весь город. Горбунов, все-таки секретарь ЦК, командует: драться, не пускать через границу. Сколько тогда погибло славных пограничников! Они стояли действительно насмерть. Между прочим, я только сейчас узнал, что

гарнизон Бреста дрался отчаянно, весь город был уже занят, немцы вошли в Минск, а он еще продолжал сражаться в крепости до 6 июля! Вот эпопея, о которой еще ни слова не сказано!

Ранним утром Горбунов сам выехал на восстановление связи с Минском. Проложили километров 14 (??)[40] провода, соединились. Пономаренко сказал: «Вы человек ответственный, принимайте решения на месте. Вам поручается порядок в двух областях».

Горбунов выехал в Волковыск. Там — полная растерянность. Дал приказ секретарю райкома: немедля эвакуировать партийные документы, банк, семьи коммунистов. Выехал в дивизию Зыбина[41]. Тот обрадовался: «У меня орлы, а приказов — никаких. Я думаю, что немцы берут в клещи Белосток. Пойду рубить одну клешню». Ладно. Зыбин ушел с дивизией. Вскоре звонит: «В тылу дивизии высадился немецкий десант, 200 человек. Все изрублены. Документы соберите сами, мне некогда». Горбунов выехал. 14 км от Волковыска. Все поле в трупах. Собрал несколько документов, обыскал несколько трупов и назад (их рубили конники приданного дивизии эскадрона еще на весу, при посадке).

Вскоре в кабинет секретаря райкома, где сидел Горбунов, привели двух пленных парашютистов. Пойманы работниками на станции. Один — высокий, дылда, второй — поменьше.

— Когда сброшены, откуда, кто такие?

Молчат. Горбунов в штатском костюме, с галстуком.

— Я интеллигент, — говорит Горбунов. — Воспитан мягкотело. Дрался только в детстве. Но тут подошел, все кипело во мне, и изо всей силы дал дылде по морде. Он свалился на диван, кровь.

— Буду говорить, — отвечает по-русски.

(Любопытно, инструктор 7-го отдела ПУ майор Шемякин, в прошлом профессор психологии МГУ, тоже говорил, что первый его немец молчал, пока он, профессор, не дал ему в ухо. «Немец тогда становится человеком, — говорил Шемякин, — когда почувствует себя рабом». Он проводил любопытную дифференциацию: а) немец 1941—1942 годов — полное молчание в плену, горделивый, высокомерный, говорит только после оплеухи; б) немец 1943 года, периода Сталинграда: «Ефрейтор, построить мне пленных! Как вы построили, е... вашу мать, подравнять!» И тот не только выравнивает,

но у левофлангового становится на корточки, высматривает линию и рукой подравнивает выпятившихся; в) немец 1943—1944 годов — полное безразличие, апатия.)

Немного погодя на некоторые вопросы опять ответил молчанием. Снова в морду (с участием уполномоченного по безопасности). Заговорил. Закончив допрос, Горбунов вызвал караул из истребительного батальона и приказал отвести пленных в сарай и закончить дело. Караул в полном составе собирался минут десять. Увели. Вскоре Горбунов услышал десятка полтора выстрелов. Что они там возятся? Пошел. Оказывается, пленные легли с испугу на пол, а истребители палят в окошки. Горбунов приказал немцам встать, пойти вперед и двумя выстрелами из маузера закончил дело. Истребители остолбенели. Пришлось выступить тут же с речью, сказать, что это не митинг, а война, что на дорогах лежат убитые бомбежкой женщины и дети и т. п. Впрочем, волковычане вскоре и сами убедились, что такое война. Последовала бомбежка, одна бомба попала в дом районного отдела НКВД, где собрали совещание [на тему:] «Что делать?» — и убили сразу 40 человек.

Вечером 23 июня Горбунов приехал в Слоним. Там находились армейские склады, они тянулись на 5 км. Сколько было хлеба, Горбунов не помнит, но горючего — 150 тыс. тонн. Он приехал в райком — света нет, народу полно. Почему темно? Нечем замаскировать, сидят и заседают в темноте. Одеяла есть? Есть. Немедля дать свет, завесить окна! Сделали.

Горбунов выяснил возможность эвакуации запасов. Нет никакой возможности. Тогда он предложил поджечь склады и спросил, кто будет за это ответственным. Все молчали, пораженные. Тогда Горбунов возложил ответственность на секретаря райкома и дал час сроку. Тут встал уполномоченный Наркомата заготовок: «Я не позволю, это антигосударственное дело!» Горбунов пригрозил арестом и расстрелом. «Дайте мне письменное распоряжение», — кричал тот. «Я никакого распоряжения писать не буду, — ответил Горбунов, — а вы мое запишите». И продиктовал ему приказ сжечь в течение часа склады, причем ответственность возложил на него (его фамилию — первой) и секретаря райкома. Тот понял, что шутки плохи. Уходит, документ на столе, и хочется и колется взять. «Возьмите распоряжение, — приказал Горбунов. —

Я вам его продиктовал не для отчетности, а для того, чтобы вы выполнили и доложили об исполнении».

Через час-два, когда Горбунов уезжал из города, он весь был закрыт облаком от горевших складов.

Страшные вещи он рассказывает о зверствах. До войны в Белоруссии было 11 млн населения. Немцы убили (по данным на июль—сентябрь 1943 года) 1 200 000 человек. Было 800 000 евреев, около 200 000 эвакуировалось. Все остальные физически уничтожены. В Минске убито 90 тыс. человек, в том числе 70 тыс. евреев. В Борисове немцы сначала устроили погром, во время которого было убито 300 евреев, а потом сказали, что хотят спасти евреев от погромщиков, приказали всем собраться в одно место, повезли на грузовиках и расстреляли из пулеметов на соседней станции всех 16 000 человек. Спаслись либо те, кто ушел к партизанам, либо малые ребята, которых русские и белорусы брали к себе, крестили и называли своими детьми.

Много он рассказывал о партизанах. В Белоруссии их сотни тысяч. Сейчас немцы ведут отчаянную кампанию против них — брошены многие дивизии, прочесывают леса. Положение партизан осложняется тем, что они отягощены целыми селами, следующими за ними — с детьми, стариками, бабами, коровами. Когда наши войска подходили к Рогачеву, навстречу им вышла партизанская бригада Падаляна (комиссар у него Рутман). 4000 партизан образовали коридор, через который вышли 11 000 жителей, шедших с ними.

Каждый отряд имеет рацию, связанную с партизанским штабом БССР. На местах действуют обкомы, райкомы, диверсионные группы. Одна из таких групп убила наместника Гитлера по БССР. Он был разорван минами на своей постели в Минске[42]. Две девушки, которые сделали это, — здесь. Вот бы дать их рассказ! Но еще время не пришло. Партизаны издают газеты, листовки и даже журналы. Несколько районов в тылу советские.

— Вы поймите наше положение, — смеется Горбунов. — Из 200 районов БССР сейчас освобождены 40. По площади это около одной четверти, на занятой территории мы ведем пропаганду — все разрушать, здесь — все строить, восстанавливать.

(Пришлось прервать запись — где-то рядом бомбили, над нами немцы. Вышел, пролетели, пишу дальше.)

Тепло он говорил о Заслонове[43] (о нем писал Виленский[44]) — беспартийном инженере, талантливом организаторе партизанской и диверсионной борьбы. Он погиб в стычке, посмертно ему присвоили звание Героя С[оветского] С[оюза]. Начальником штаба у него был Родионов[45]. И вот, ЦК узнает, что Родионов был принят Гитлером, получил от него орден с мечами, возглавил русскую дивизию. Изменник! Так и считали. Как-то командир одной бригады сообщает, что Родионов прислал к нему посредников и собирается всей дивизией перейти к партизанам. Как быть? Собрали бюро ЦК. Уже было известно, что Родионов выдавал себя за немца Поволжья и что, мол, его настоящая фамилия Гиль. Немцы так и писали Гиль-Родионов. Решили принять. Родионов перешел к партизанам, отправил на Большую землю в самолете связным своего начальника штаба — власовского генерала (между прочим, по всем данным, власовцы сейчас уведены с советского фронта и брошены в Албанию и Югославию. Там за них спокойнее!). Переход был полнейшей неожиданностью для немцев. Они бросили туда четыре дивизии, но успеха не достигли. Как после выяснилось, Заслонов поручил Родионову эту роль. Сейчас Родионов отмечен орденами и верный кандидат в Герои.

Немало говорили о работе в освобожденных областях. Население не уверено, что ему будет за работу при немцах. Линия: если работал просто, чтобы не умереть с голоду, — ничего. Конечно, никаких кар и женщинам, жившим с немцами. Очень возрастает роль судебных органов, но они спят. Очень нужны справочники о законах — тут их все позабыли.

Сейчас немцы спешно создали белорусское правительство — Белорусскую Раду[46]. Во главе — Островский, привезенный белоэмигрант из Берлина. Пробовали создать национальные части — перешли к нам с оружием. Но с поляками отношения весьма жесткие. Об этом мы решили еще поговорить.

Два штриха, рассказанные Горбуновым. В одном селе учительница ничем себя не скомпрометировала, но, когда немцы приезжали в село, переводила их речи и требования. Сейчас село освобождено, идут занятия. На уроке иностранного языка она спрашивает ученика: «Зачем надо знать язык?» —

«Для того, чтобы переводить немцам!» — ответил тот. Полные слезы.

Весной прошлого года Горбунов ездил на Калининский фронт. Остановились в одном селе ночевать. Хозяева — старуха и дочь. Самовар. Горбунов приглашает к столу, первой идет дочь. «Прочь, б...! — кричит старуха. — С немцами е..., а за один стол с командирами сесть хочешь!»

Вчера вечером сели играть предотъездную пульку: я, Хват, Киселев, Стор. Кончили в 4 утра. Я продул 150 руб. Сел на мизере, и вообще дико не шла карта. Последняя игра была замечательно интересной. У меня 4 бубны, 4 пики и король черв с маленькой. Объявляю 6 бубен, ход мой. По первому ходу Стор бьет короля пик. Оказалось, у него 4 бубны, 4 трефы и 2 червы, у Хвата — 4 пики, 2 трефы, 4 черви. Мельница! Сел без двух. Великолепный расклад!

Левка сегодня уехал в Москву поездом. Остался я один в комнате. Непривычно, одиноко. Вечером был в бане, сейчас ложусь спать.

13 марта

Погода шалит. Несколько дней было тепло и говорила весна. Вчера весь день и сегодня ночь шел снег. Сегодня солнце. К вечеру тучи, ветер. Тьфу!

Вчера вечером инструктор 7-го отдела майор Владимир Борисович Розенфельд — очень интеллигентный и вдумчивый человек — делал международный обзор. Собрались работники 7-го отдела и два работника комсомольского, остальные, видимо, не интересуются или считают: свой докладывает, что ж тут может быть интересного?

А обзор был интересным. Розенфельд считает, что мы реально накануне открытия второго фронта. Все материально-технические предпосылки уже созданы, об этом же говорят и высказывания политических руководителей США и Англии. Подробно он анализировал внутриполитическое положение союзников, отметил усиление реакции в США, крупные атаки на Рузвельта, рост реакции в Южной Америке. По его словам, немцы сейчас делают основную ставку на разлад между союзниками и рост реакции в странах коалиции.

Отметил он и начало дипломатического наступления на нейтралов (Испанию, Португалию, Турцию).

Написал вчера два очерка в СИБ (о экипаже Смирнова, воюющего с начала войны, и о Наташе Боде — «Цена кадра»). Сегодня написал еще очерк.

ЦЕНА КАДРА

— Бомба! — крикнула Наташа и повалилась на землю.

Зловещий свист нарастал. Тут уж некогда было искать ямку или канавку, и мы грохнулись там, где стояли, на дороге, втискиваясь телом в густую пыль. Раздался взрыв, и над нами с визгом пронеслись осколки. Снова нарастающий вой. Новый взрыв. Еще, еще... Мы все плотнее и плотнее прижимались к земле, и только одна скучная мысль сверлила голову: куда зацепит, легко или смертельно? Кругом все грохотало, рвалось, неистовствовало.

И вдруг стало тихо. Оглушенные, засыпанные землей, мы встали, отряхнулись. Небо было по-прежнему чистым, бездонным. Ласково грело веселое солнце, и, если бы не горящие справа дома, могло бы показаться, что все это нам причудилось.

— Дайте папиросу, — сказала Наташа. — Вы не ранены? Как жаль, что я перетрусила и не сняла разрывов. Эффектный был бы снимок.

Так началось два года назад мое знакомство со старшим лейтенантом Наташей Боде, фотокорреспондентом фронтовой газеты «Красная Армия». Эта маленькая, очень миловидная и очень хрупкая женщина с первых дней войны связала свою жизнь с солдатской судьбой. Муж ее, артиллерист, был убит еще в 1941 году, родители и единственный ребенок остались в занятом немцами Киеве, и она не имела от них никаких вестей. Сердце молодой женщины исходило тревогой за судьбу двухлетнего Шурика, но она великолепно держалась и по-мужски делала свое трудное дело.

Вместе с войсками она совершала крестный путь отступления, была под Харьковом, на Дону, участвовала в обороне Сталинграда и не раз снимала под огнем на улицах легендарного города. Ее стройную фигурку знали во всех дивизиях фронта, всюду она была желанным приятным гостем, веселым, жизнерадостным, обаятельным.

Военная дорога кидала меня по различным участкам фронта. В июле 1943 года, в разгар пресловутого летнего не-

мецкого наступления мне довелось побывать под Курском. Шел жаркий бой севернее станции Поныри. Немцы бросили в атаку сто двадцать танков, в том числе около десятка «Тигров». Наши артиллеристы отбили натиск, подбили до сорока бронированных машин и отбросили неприятеля на исходный рубеж.

Я стоял с командиром дивизии на наблюдательном пункте. Впереди нас, в километре, на бугре, в нейтральной зоне, горели немецкие танки. Там и сям виднелись частые разрывы мин: гитлеровцы густо поливали из минометов всю площадь нейтральной зоны, чтобы помешать советским бойцам подорвать подбитые машины. И вдруг мы увидели, как из наших передовых окопов метнулись две фигурки и скрылись во ржи. Прошло полчаса, час. И вот перед нами появилась Наташа в сопровождении автоматчика. Ее синий комбинезон был изодран в клочья, локти и колени в крови — все расстояние до танков она преодолевала ползком.

— Есть первый снимок «Тигра»! — торжествовала она. Потом лицо ее приняло брезгливое выражение, и она тихо добавила: — Как противно переползать через мертвых немцев...

Прошло полгода. Вместе с наступающими войсками я вошел в освобожденный Киев. Вспомнив тревогу Наташи, я решил отыскать ее семью. Но дом, где она когда-то жила, был сожжен. Соседи рассказали мне, что родители Боде еще полтора года назад куда-то уехали и о судьбе их ничего не известно. Что делать — много таких трагедий узнал я в те дни в Киеве. Наташа находилась тогда на другом участке фронта, под Гомелем, и я решил не огорчать ее.

На третий или четвертый день пребывания в Киеве я зашел к председателю горсовета — узнать о ходе восстановления взорванного немцами водопровода. В приемной мне на шею бросилась какая-то незнакомая женщина. Это была Наташа, но в каком виде! Элегантное шелковое платье, модные туфли, кокетливая шляпка — все это делало старшего лейтенанта совершенно неузнаваемой. Лишь орден Красной Звезды да две медали напоминали о военном человеке.

— Нашла! Нашла! — кричала она мне, обращая на себя общее внимание посетителей. — Все живы, и Шурик прелестен. Пойдем к нам!

Шурик и впрямь был прекрасен. Живой, развитой, очень ласковый ребенок. Тяжело достались родителям Наташи эти

два с лишним года. Мать продала все ценные вещи, всю обстановку, все, что было накоплено и приобретено за десятки лет, но выходила внучка. Да еще сохранила чемодан с любимыми нарядами дочери и даже флакон ее любимых духов.

Горсовет дал Наташе удобную квартиру из трех комнат, она наскоро привела ее в порядок, перевезла туда своих стариков и снова умчалась в своем комбинезоне на фронт.

Наши войска вплотную подошли к Гомелю. И снова потянулась страдная, но благодарная работа военного фотокорреспондента. Наташа снимала на улицах освобожденного Гомеля, лазила по болотистым берегам Березины, блуждала по непроходимым чащам полесских лесов.

Только что она вернулась из очередной поездки по дивизиям. На своей машине она влетела на огневые позиции наших орудий прямой наводки, а немцы обстреляли ее из пулеметов. Потом два раза она лежала под бомбежкой, потом сломалась машина, и она тридцать километров брела пешком по грязи и ночевала в лесу, одна, в наспех сделанном шалаше. Но довольна без меры.

— Какие снимки я сделала в этот раз, — восторженно говорит она. — Чудо! — И ее огромные голубые глаза загораются искрами победившего творчества.

(Для СИБ — полк. Ризину по телеграфу.)

ВОЗДУШНЫЕ ВЕТЕРАНЫ

— Давно вы летаете вместе?

— С первого дня войны.

Они пришли в этот полк молодыми, неопытными авиаторами, впервые познакомились в полете над Минском и с той поры не расставались ни в воздухе, ни на земле. Даже спят они вместе — будь это в хате, в землянке или под плащ-палатками на зеленом поле аэродрома.

Внешне между ними мало общего. Летчик Алексей Смирнов — невысокий, плотный человек, с очень красивым лицом и мягкими серыми глазами, он спокоен, молчалив, несколько медлителен. Штурман Алексей Туриков, наоборот, разговорчив, человек насмешливого и даже иронического склада, вспыльчив, лицо у него некрасивое, широкое, но очень энергичное. Стрелок-радист Натан Стратиевский[47] — типичный южанин: высокий, статный, иссиня-черный, горя-

чий и живой, как огонь его пулемета. Но всех их сплачивает настоящая боевая дружба, каждодневный риск и прожитые опасности, кровь погибших друзей и общее дело.

Сейчас их считают старейшими летчиками полка, хотя вместе им набирается только 74 года. Они принадлежат к той молодежи, которая в страдную пору войны вынесла на своих молодых плечах всю тяжесть отступления и нашла силы для новых победных боев. Где только не побывал этот экипаж. Он летал под Минском, у Конотопа, над Полтавой, Таганрогом, Харьковом, дрался у стен Сталинграда, бил немцев под Орлом, в Брянских лесах, на Десне, за Днепром, сражался за Чернигов, отвоевывал Гомель, и сейчас снова летает над просторами центральных областей Белоруссии. Пикирующий бомбардировщик друзей возвращается к месту своего первого вылета.

Они честно воевали со своим полком и росли вместе с ним. Так стройный дубок превращается в могучее дерево и веточки его — в мощные ветви. Полк стал гвардейским, получил почетное имя Сталинградского, был награжден орденом Красного Знамени. Росли и трое наших друзей. Алексей Смирнов стал майором, командиром эскадрильи, получил звание Героя Советского Союза, четыре боевых ордена и медаль. Почетным званием Героя Советского Союза и тремя орденами был отмечен и капитан Алексей Туриков. Ратные подвиги лейтенанта Натана Стратиевского отличались тремя орденами и медалью.

Бомбардировки железнодорожных узлов, пикирующие удары по танковым дивизиям, налеты на аэродромы, разгром артиллерийских позиций, глубокая разведка, полеты к партизанам — вот краткий тематический обзор 259 вылетов бомбардировщика майора Смирнова. Не раз ему приходилось бывать в отчаянных переплетах.

Как-то экипажу поручили прорваться к аэродрому, блокированному противником, и вывезти оттуда раненых летчиков. Это было еще в 1941 году, под Киевом. Связь была порвана, и никто точно не знал, в чьих руках находится аэродром. Смирнов поднялся, прошел за облаками над линией фронта, в районе цели нырнул в окно, снизился и на бреющем полете пронесся над территорией аэродрома. Он шел так низко, что видел, как дула немецких зениток поворачивались за самолетом. Его жестоко обстреляли, снаряд угодил в машину, но

летчик продолжал хладнокровно изучать летное поле, пытаясь с воздуха определить, кто там: враги или свои. Убедившись, что около ангаров находятся советские бойцы, Смирнов пошел на посадку. Он пробыл на аэродроме всю ночь и вместе с остальными отстреливался от наседавших автоматчиков. Механики тем временем отремонтировали машину. Ранним утром Смирнов взмыл в воздух, унося с собой шесть незнакомых друзей.

— Трудно отрываться было, бежал через немецкие траншеи на их пулеметы, — вот все, что вспоминает сейчас летчик об этом рейде.

Большинство полетов Смирнова групповые, т. е. такие воздушные экспедиции, когда командиру приходится отвечать на только за один свой самолет, но за успех и благополучие всего отряда. Однажды он во главе девятки бомбардировщиков отправился в рядовой полет: сорвать готовящуюся контратаку немцев. Густые, тяжелые облака нависли над землей, самолеты шли на небольшой высоте и были видны, как на блюдечке. Их зверски обстреливали из зенитных орудий, потом налетели одиннадцать немецких истребителей и начали клевать и в хвост и в гриву.

И все же бомбардировщики дошли до цели и отбомбились, успешно выполнив задание, и вернулись домой.

ПОЕДИНОК У СТОЯЧЕГО БОЛОТА

— Бросьте шутить! — недовольно сказал я своему спутнику полковнику Курбатову. — Тут на детском велосипеде не проедешь, а с пушкой — и подавно.

За последний час на своем «Виллисе» мы продвинулись по этой узкой заброшенной дороге не больше двухсот метров, и сейчас наш вездеход беспомощно стоял, увязнув в грязи по крылья мотора. А полковник уверял, что через два дня здесь пройдут тяжелые орудия и, мало того, развернутся в болоте, по сторонам от дороги, станут на огневые позиции и будут вести стрельбу. Десятки 152-мм гаубиц, каждая из которых весит около семи тонн. Да их по хорошей-то степной дороге, пыхтя и отдуваясь, обычно тащат два мощных тягача. А тут — по болоту...

Богом проклятая местность! На сотни километров тянутся заболоченные леса и болота. Каких только болот здесь

нет — мелкие и глубокие, большие и малые, торфяные, илистые, трясины, изредка встречаются островки и перемычки сухой земли, а дальше опять идут гнилые леса и топи. Каждый шаг нужно отвоевывать не только у противника, но и у природы. Она бесстрастно ставит свои западни на пути человека. И как во льдах Арктики гибли порой корабли, рвавшиеся на север, так и тут иногда тонут в болотах без выстрела пушки и танки.

И все же полковник был прав. Возвращаясь из своего путешествия, мы встретили целую колонну гаубиц, подходивших к болоту, а ровно через два дня из чащи поднявшегося над торфяниками соснового леса вырвался ураган огня и стали. И я решил описать этот боевой эпизод, чтобы показать на его примере исключительное своеобразие болотной войны, о которой так мало знают.

Этот крупный заболоченный лесной массив, вклинивающийся углом в позиции противника, еще несколько дней назад был ареной ожесточенного боя. Наши батальоны точным маневром поставили немцев перед угрозой окружения и вынудили их очистить лес. Важный плацдарм, необходимый в дальнейшем для развития наступления, был занят. Правда, внешне этот лес производил весьма невзрачное впечатление. Недаром жители прозвали его Стоячим болотом. Деревья росли среди кочек и обомшелых коряг, в воздухе стоял тошнотворный запах гнили и тлена. Кое-где поблескивали лужи воды, выступившей из незамерзающих окон болота.

Выдвинувшийся клин очень серьезно беспокоил противника. Не имея, очевидно, на этом участке достаточно пехоты, немцы решили выбить советских бойцов из леса огнем. День и ночь тяжелые орудия обстреливали наши позиции, методически обрабатывая один сектор за другим. 150-мм немецкие гаубицы стояли в нескольких километрах от переднего края, и наши легкие пушки, имевшиеся в стрелковых батальонах, достать их не могли.

Тогда-то командование и решило выставить в районе Стоячего болота артиллерию большой мощности и подавить батареи неприятеля. Успех операции зависел от скрытности подготовки и внезапности удара. Первыми пришли на болото саперы. Они прорубали в лесу просеки, гатили топи, прокладывали по зыбкой почве километры деревянных мосто-

вых. На месте будущих огневых позиций они устроили прочные фундаменты для орудий, соорудив их из толстых бревен и заранее припасенной земли. Все это строилось под огнем противника. Рвались снаряды, падали раненые и убитые, но остальные продолжали работу.

— Быстрей, быстрей! — торопил бойцов полковник Царевский.

Все было готово за один день. Ближайшей же ночью десятки пушек на буксире могучих тракторов проползли по проложенным путям. Но в иных местах и тягачи застревали. Тогда в лямки впрягались артиллеристы и, как бурлаки, вытаскивали орудия на себе. Когда пушки, наконец, были установлены на подготовленные площадки, люди взялись за переноску снарядов. Они перетащили на руках восемь тысяч снарядов, каждый из которых весил 48 килограммов.

— Сизифов труд был легче, — сказал мне руководивший этой атлетической операцией майор Пожидаев.

Одновременно артиллеристы вели тщательную разведку. Звукометристы, со своей сложной и точной аппаратурой, просиживали, как птицы, целые часы на деревьях. Каждый выстрел немцев регистрировался и засекался чуткими приборами, отмечающими направление и расстояние до очага огня. Таким путем было выяснено, что немцы обстреливают лес из 24 тяжелых орудий, были установлены их огневые позиции. Затем наша артиллерия начала пристрелку целей — осторожную и редкую, чтобы не вспугнуть противника. Пасмурная погода и снегопад затрудняли наблюдение, но и здесь выручали умные звукометрические приборы, добросовестно отмечающие точку каждого разрыва.

Наконец, все было ясно. Начало артиллерийского удара планировалось на рассвете. В этот час противник безмятежно спал и, конечно, не ожидал огневого нападения. И вот в мутных сумерках зари враз заговорили десятки орудий. В течение трех минут они вели ураганный огонь по разведанным целям, а затем еще на протяжении получаса — в несколько сниженном темпе, но с не меньшей обстоятельностью — осыпали неприятеля ливнем разящей стали. Тысячи снарядов буквально вспахали территорию вражеских огневых позиций, разрушали укрытия, смешивали все с прахом. Удар был полной неожиданностью для противника. Он был ошеломлен, подавлен, деморализован. Ни одного орудия не ус-

пело ответить на наши выстрелы. Все шесть немецких гаубичных батарей были уничтожены.

В лесу, у Стоячего болота, воцарилась тишина.

(Послано 17.03.44 и Информбюро — пакетом.)

21 марта

Долгонько ничего не записывал. Да и нечего было. Разве что погоду: нелепую и дурацкую. Несколько дней шел снег, иногда дождь, сейчас все раскисло, хотя снег еще лежит. Как всегда, особо непроезжей оказалась наша деревня. Только что приехали с сессии Верховного Совета БССР. Доехали благополучно. Но на последних ста метрах (уже в самой деревне) 4 или 5 раз вылезали в грязь и толкали машину. Ночью!

На нашем фронте никаких движений. Точка!

Взапой читаем книги. Все, что есть, ходит по рукам, образуются очереди, совсем как было на Северном полюсе. Я привез Шекспира (однотомник), но никому не даю, прячу, это мой НЗ. Вообще же читаем все, что попадет под руку. За последнее время прочел «Разбойник Кудеяр» Костомарова (экая дрянь), рассказы и 1-й том «Анны Карениной» Толстого (какой психолог!), ч. 1 «Фауста» Гете (хорошо, но дурной перевод), «Новеллы» Бальзака, т. 1, «Огонь» и «Ясность» Барбюса («Ясность» — очень откровенная, но больно уж моралистическая), «Брусиловский прорыв» Сергеева-Ценского, ч. 1, «Багратион» Голубева (хорош!), «Мои воспоминания» Анненкова (много крайне частного и устаревшего), «Мифы Древней Греции» — для детей среднего возраста (крайне упрощенно), «Подросток» Достоевского (не вкусно, тягуче, нарочито), письма Горький—Чехов (превосходно!!), томик рассказов Дж. Лондона. Собираюсь засесть за Жюля Верна, на очереди — пьесы Мольера. Экая смесь!

Сегодня был на открытии 6-й сессии Верховного Совета БССР. Состоялось оно в 6 ч. вечера, в клубе спичечной фабрики. Перед входом песок и еловые ветви, закрыли грязь. Партер, балкон. Сцена сделана быстро, под Кремль: трибуна для председателя и двух замов, по бокам — ближе к залу — ложи членов правительства, еще ближе — трибуна для выступлений. Кино (приехали из Москвы), стенографистка, все чин чином.

Среди присутствующих — Рокоссовский, Малинин, Телегин, Казаков, много генералов, Герои — полковники. В числе Героев две девушки: Галя и другая, которые убили в Минске наместника Кубе. Внешне простые, неинтересные, 25—30 лет. Был книжный киоск, я купил там последние номера «Большевика», 4 детских книги, карты Европы и мира и — чему очень обрадовался — два десятка конвертов и три пера. Был и буфет; единственный его продукт — чай с лимоном.

Заседание открыла председатель Верховного Совета Грекова[48]. С докладом выступил Председатель СНК БССР Пономаренко. В форме генерал-лейтенанта. Приводил очень интересные документы о зверствах, о действиях партизан.

На сессию приехали три театра: Театр оперы и оперетты БССР, белорусской драмы и белорусской музкомедии. Говорили с артистками оперетты. Создались они в конце прошлого года. Все москвичи. В репертуаре только концерт, готовят «Гейшу». Это их первый выезд.

— А в Минск поедете работать?

— Что вы! Ни за что!

Встретил сегодня майора Меркушева. Завтра у них торжество — вручение полку ордена Суворова. Зовет. А послезавтра они в бой. Надо поехать.

Денисов получил письмо от корр. ТАСС по 4-му Украинскому фронту Афанасьева. Тот приводит новые стихи Кости Тараданкина. Ничего!

Я много оставил друзей и могил
В пыли прифронтовых дорог,
Я сердце от пули врага сохранил,
А вот от тебя не сберег.
Быть может, не время влюбляться — война!
А может быть, нету войны?
Как солнцем, как песней, как пеной вина
Все мысли тобою полны.
Мне поздно влюбляться: виски в серебре,
Но ты ведь сказала сама,
Что если полюбишь — весна в сентябре,
Не любишь — так в мае зима.
Как сердцу прикажешь: любить, не любить...
Тебя называя родной,
Я горькую радость готов искупить
Тяжелой солдатской судьбой.

И если в полях я пролью свою кровь,
Чтоб снова полям зацвести —
Прости мне не вовремя эту любовь,
Короткое счастье прости.

Получил письмо от Абрама. Он дома, видимо, ему хуже. Мама пишет, что он совсем плох. Прививки пока не помогли. Хоть плачь! Писем вообще мало. Из дома не получал недели две-три. Левка-гад, обещал сразу написать, а молчит. Молчит и Васька[49], и Непомнящий, все молчат, гады.

25 марта

Вместе с Киселевым были в 56-м полку[50] на вручении ордена Суворова 2-й степени. На счастье, выпала удачная погода. Лесок они посыпали песком. Приехали. Генералы, артисты, в том числе и белорусская оперетта. Снимал.

Пили очень. По выражению генерала Надысева: одни — как слоны, другие — как воробьи. Был концерт. Оперетта очень слабенькая, более или менее сносен балет, хороша Ира Андреева и певица Аня Алексеева. Вечером остались в домике ком. полка Шаповалова: он, Меркушев, три генерала, я и Киселев. Генералы плясали русского, гопак, краковяк. Просто и хорошо. Уехали, расцеловались с командованием. Я ночевал. А на следующий день полк ушел в бой.

Познакомились там с командиром 6-го минометного полка[51] подполковником Николаем Ивановичем Мурзаевым. Воюет с августа 1941 года. За это время потерял всего две боевые машины. А стоит обычно в километре-двух от переднего края. По национальности — чуваш, 1912 года рождения, окончил два вуза, очень самолюбивый, подтянутый, гордый. Вчера с Киселевым обедали у него и ужинали. Сколько я стал пить! За обедом выпил 200 г, за ужином 400—500. И ничего.

Погода — мерзость. Еле-еле пролазим на «Виллисе». Моя машина стоит в сарае. Что с ней будешь делать. Вчера вернулись самолетом из 65-й фотограф ТАСС Копыт и кинооператор. Рассказывают:

Немцы создали вблизи переднего края три лагеря на 60 000 человек, специально для гражданских лиц. Половина детей. Цель:

1. Чтобы мы побили их своей артиллерией.

2. Занести к нам тиф и инфекции, т. к. в лагерь специально отбирались из деревень больные люди. Условия там были ужасающие — народ мер, как мухи.

— Страшно, — рассказывал Ефим Копыт. — Я снимаю старуху. Первый кадр — глаза еще открыты, второй — уже закрыты, умерла.

Подступы к лагерю были заминированы. Когда немцы ушли, народ кинулся на волю и начал подрываться.

Сейчас там созданы спешно госпитали, дают им хлеб, лечат, вывозят.

Приехавшие из Москвы рассказывают, что Коробов заболел двусторонним воспалением легких. Вот так так!

Чуть переделал Костины стихи:

...Я сердце от ветра судьбы сохранил,
А вот от тебя — не сберег.
Быть может, не время влюбляться — война!
И думы иным пленены?

29 марта

Чудный день — солнце, чистое небо, чистое небо. Но — зимний: снег, морозит. На северо-запад над нами все время идут «Пешки», «Бостоны», штурмовики. Несколько дней (три дня) назад там начали, но пока что дело идет туго. Вот в последние два дня им и помогает спешно авиация. А украинцы вышли позавчера на Прут, вчера заняли Николаев, немцы спешно оккупировали Румынию, Венгрию, Болгарию.

Только что прошла группа штук в 35 Пе-2 и Илов. Буквально через минуту загрохали зенитки. Прямо над нами шел немец.

Днем с Денисовым был в поезде-бане. Начальника поезда зовут «начпоебан». Чудно вымылись и договорились о стирке обмундирования. Блаженство! Сейчас сижу в Сашкиных летних штанах, зеленой «апашке», мерзну. Гимнастерку, брюки и прочее послал в поезд. Начальник его — Кагановский, в прошлом инженер-экономист, кончил два вуза, был нач. планового отдела Наркомтекстиля, читал лекции по экономике. Бывает! Уверяет, между прочим, что вшивость в этом году гораздо меньше, чем в прошлом.

Вчера приехала из одной армии Людмила Зак. Сидели вечером, пили чай с медом. Страшно довольна поездкой. Со

своей агитмашиной была в артиллерийских частях, все время под огнем. Давала кино, читала лекции, особенно прививая вкус к тылу: работа тыла.

Под конец много говорила, с тоской и болью, об убитом друге Ватере: «Он меня очень любил, а я не знала этого. Мне это казалось невозможным по двум причинам: он знал человека, которого я люблю, во-вторых: он очень красив». Она мне показала его карточку, любительскую: очень красивое, открытое лицо, чудесная улыбка, смеющиеся глаза. На обороте надпись: «Песня звучит, пока поется, девушка любит, пока ее обнимают, вечна лишь дружба. Вернись! Юрий».

Рассказала Людмила о том, что погибла Розанова. По окончании ЦФЛИ она работала у нас, кажется, года два в отделе искусств. Я помню ее: небольшого роста, хрупкая, с очень большими глазами, почти навыкате. Потом исчезла куда-то. Началась война, она, по словам Людмилы, была на аппаратной работе. Потом телефонисткой в стрелковой дивизии. Все еще не нравилось. Выучилась радио. Пошла в танковый корпус, потом — радисткой в танковый батальон. Тут и осталась, довольная очень, собралась писать большую вещь. Наградили ее медалью. И вот сейчас пришло письмо: погибла. Последняя радиограмма от нее была такая: «На нас идет 12 танков. Будем пробиваться. Свертываем рацию».

Дело было на 1-м Украинском фронте.

Оттуда сейчас приехал работник Воениздата Пукман. Рассказывает о гибели Пети Олендера. Приехал он в какую-то деревню. Шел по улице, женский крик. Вошел в хату: какой-то в военном кителе — не то грабит, не то бьет женщину. Он вступился. Военный схватил автомат и прострочил ему ноги. Все. Поймать не удалось — националист скрылся.

Пукман рассказывает, что там же от гранаты, брошенной националистом, ранен Ватутин. Я был у него вместе с Лидовым перед Киевом, в Требухово.

Сегодня за обедом рассказали, что немцы начали минировать дороги с самолетов. Бросают «лягушки». Вчера на шоссе на Довск подорвалось 12 человек, в том числе один майор — оторвало ногу.

Давно ничего не писал. Надо бы сегодня и завтра написать хоть пару вещей на «Гонолулу».

2 апреля

Вчера разговаривал по прямому проводу с Лазаревым — он меня вызвал. Попросил обрисовать обстановку, сказал, что нужны материалы об авангардной роли коммунистов, не могу ли написать несколько передовых, сообщил, что партсобрание сняло с меня выговор (за Сталинград). Я ответил, что обстановка сложная, неопределенная, спросил, когда приедет Коробов. Он сказал, что Коробов болен, другого прислать сюда не могут, а если обстановка позволяет, то отзовут в Москву и меня. Я сказал, что это пока нецелесообразно.

На узле встретил Леву Безыменского. Он сказал: против нас сейчас 17 дивизий, было 20, но 3 немцы оттянули из-за Друти в район Ковеля, окруженного еще три дня назад войсками 2-го Белорусского фронта. Немцы там контратакуют, но пока туда удалось прорваться только трем немецким танкам. В районе Каменец-Подольска окружено 5 немецких танковых дивизий (почти все, что у них было на юге) и 4 пехотных. Пытаются пробиться на запад — идти 110 км. Прут мы форсировали на фронте в 90 км, углубились на 15 км. Дерутся там румыны. Немцы передают, что Иден уходит в отставку.

Вчера был день Похвальной Богородицы — какая погода, такая и весна. К вечеру задула пурга, мела всю ночь и бушует весь сегодняшний день. Намело огромные сугробы. Бушует, как в Маточкином Шаре[52]. Хату совсем занесло. Читаю «Петра I» Толстого. Играли пульку у Киселева.

Сломал стекло лампы, сижу с очерком. Вот пошла жизнь.

5 апреля

Буран кончился. Второй день светит солнце — чуть тает. Но холодновато. На улицах сугробища. Ребята катаются на лыжах, на салазках. Всю деревню выставили на расчистку дорог. Но машины еще не ходят.

Летают немцы. Стрельба.

Вчера приехал на машине из Москвы Непомнящий. Доехал до Гомеля, оттуда брел пешком. Привез мне письма из дома, от Мержанова, Гершберга. Привез посылку: простыню, папиросы, пачку табаку «Казбек» (а папиросы — сотню «Каз-

бека» и пачку «Фестиваля»!), пачку чая, пачку печенья и пять конфет! Лафа. Пишут, что все в порядке, вот только Абраму все хуже и хуже, почти не встает.

Вечером 2 апреля т. Молотов принял иноземных журналистов и сообщил им, что советские войска перешли границу Румынии. «Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». Первое наше членораздельное заявление о том, где кончится война. Воображаю трескотню во всем мире!

Вчера вечером начотдела агитации и пропаганды полковник Прокофьев сообщил мне, что 2-й Белорусский фронт ликвидируется, а его хозяйства отдаются нам (не сумели освоить). Мы снова просто Белорусский фронт. Будем решать судьбу Ковеля (там три недели назад окружено 8000 немцев) и лезть в южную Польшу. Ол-райт!!

Хорошо сказал Прокофьев про Непомнящего. Шел разговор о московских кулуарных новостях. «Может быть, Непомнящий их знает?» — «Нет, не вхож». — «А может быть, он по наивности туда зашел?»

Сейчас возвращался из столовой с майором Шемякиным. Очень любопытная фигура. Профессор психологии, москвич, научный работник одного из московских институтов, читал, как будто, лекции в МГУ. Работает в 7-м отделе переводчиком. Два ордена — Звезда и Отечественной войны 2-й степени. Внешне — француз после пожара Москвы: костюм на нем висит, огромная, не по росту, солдатская шинель, вечно незастегнутая целиком, без пояса.

Говорили о логике. Он рассказал мне то, что как-то (на 1-м Украинском) рассказывал Сиволобов.

— Сталин вызвал людей и дал задание подготовить учебник логики для средних школ. Философы засели, швырялись, как мячиками, тезисами: логика и конкретность, логика и строительство социалистического общества, формальная логика — достояние идеалистов. Написали, подали. Тогда Сталин созвал второй раз людей, более расширенный круг. Лежала перед ним и эта рукопись, вся исчерканная красным карандашом. Разнес! «Надо научить людей просто думать, уметь думать. А вы до сих пор спорите: что такое тарелка — тарелка или чашка».

Поскребышев раздал всем присутствующим по одному экземпляру логики старика Челпанова. Она и издается сейчас, с очень небольшими изменениями. А мы долго еще бегали за нашими философами, мы — просто грешные ученые — и спрашивали: «Я — это не вы. Я — человек. Следовательно: вы не человек?»

Правда, они в течение одного дня начисто перековались и стали славословить формальную логику.

Ночью недалеко бомбили. Долго. Ракеты.

6 апреля

Опять снег. Сыплет весь день.

С утра занимаюсь подбором материалов для корреспонденций в Совинформбюро.

Была Зак. Рассказала интересный эпизод, приводившийся в одном докладе Дм. Мануильского[53]. Он цитировал статью, кажется, турецкой газеты. Там сообщалось, что в ноябре 1941 г. союзники предложили т. Сталину встретиться, чтобы обсудить порядок совместных действий, если Москва и Ленинград будут заняты немцами. Т. Сталин ответил: «Москва и Ленинград никогда не будут заняты немцами. Стройте, господа, свои планы действий на иных предпосылках». Хорошо сказано!

7 апреля

Карусель! Моя тихая, маленькая хатка вдруг превратилась в бедлам. В 6 ч. вечера вдруг подъехали эмка и «Виллис» и ввалились Оскар Курганов, Левка Хват, корр. ТАСС капитан Николай Марковский и корр. фронтовой газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины» кап. Верхолетов[54]. Машины загнали в наш дворик, сели есть. У ребят консервы, водка, хозяйка добыла молока, сварила бульон.

Ребята едут на 1-й Украинский. Я объяснил им новую обстановку. Они призадумались. Я предложил остаться. Решили так: едут до Киева, говорят по телефону с редакциями и — в случае согласия — едут к нам.

Часиков в 9 ввалилось еще четверо: Непомнящий, подполковник Илья Пеккерман (редактор армейской газеты),

подполковник Дубов (нач. его издательства), поэт Михаил Светлов[55] в майорском чине.

Исправно дымили часа два. Потом пришел Федя Киселев. Легли в 4-м часу утра. Встали в 8. Уехали в 9.

Ребята рассказывают интересные вещи. Оскара и других (числа 2—3 апреля) ночью вызвал Поспелов. Это было в 3 ч. утра. Призвал наших из отдела, прервал работу над газетой. Сказал, что только что от Александра Сергеевича[56]. Сказано, что продолжаем неправильно освещать военные дела. Увлеклись тактическим разбором операций. Это мало дает читателю и, порой, сообщает кое-что противнику. Надо сосредоточить основное внимание на людях. Очерки, очерки, очерки! И Петр Николаевич[57] тут же спросил Оскара — не сможет ли он дать очерк в номер. Указано также, что мы слишком схематично освещали занятые города: даем с налету, в тот же день. Совсем не грех дать и через несколько дней, вернуться к теме.

30 марта было в редакции партсобрание (на котором сняли выговора с меня и других). Произошло это так. Лазарев подал заявление в партбюро о снятии с него выговора. Гершберг предложил снять также и с меня и Мержанова. Согласились. Когда на собрании Золин доложил о решении бюро, Ильичев бросил реплику:

— Бронтман и Мержанов не подавали заявления. Может быть, они еще не прочувствовали?

Ему ответил Золин, что Бронтман все время на фронте.

— Да. А Мержанов??

Одначе собрание решило, что сие не обязательно. Тогда Ильичев предложил обсудить работу отдела, т. к. речь идет о руководителях. Выступали Ильичев, Кирюшкин, Мержанов, Парфенов, Лазарев и др. Говорили, что работа улучшилась, но по-старому — не умеют маневрировать, и поэтому на нужных участках нет вовремя людей. Мержанов говорил о неправильном использовании людей: Бронтмана, Курганова, Павловского держат на тихих участках. Лазарев возражал, говорил, что должны учитывать не только сегодня, но и завтра. Решение о нас — единогласно.

Гвоздь разговоров — Александр Самойлович. Его обвинили в семи смертных грехах. Он привел в действие всю свою артиллерию, в том числе БМ РГК[58]. События разгораются, пока была артподготовка. Любопытно!

Верховцев рассказал обстоятельства гибели Пети Олендера. Он приехал из Киева на пункт, где был — в с. Лясовка (то село, куда я с Левкой ездили в феврале). Оттуда остальные уже уехали. С Петькой был Хомзор[59], фотограф «Кр. звезды». Он послал Хомзора на машине в Андрушевку — узнать, не отбыл ли и узел связи, а сам остановился в своей хате. Через несколько минут вбежала туда с плачем хозяйка той хаты, где мы жили три дня (хата, где жил Яша Макаренко), и рассказала, что в село пришли три пьяных военных с автоматами, грабят, а один из них насилует ее дочь Нину (помню ее — 18—19 лет, в теле, работала на почте, кажется). «Ратуйте!» Петя сразу пошел. Вошел в хату (через 3 дома от него) — все так. Он выхватил пистолет (маузер, обмененный в Красиловке с Мих. Сиволобовым), но перекосило патрон. Бандит схватил автомат и выпустил очередь по ногам. И скрылся. Вскоре приехали шофер (Коля Тесско) и Хомзор. У Петра нервный шок. Немедленно повезли в Житомир — 50—70 км. Все время был без сознания и там умер. Бандитов не нашли. Предполагают, что бендеровцы.

Обстоятельства ранения Николаева таковы. Ехали несколькими машинами. В одном селе попали в засаду. В домах на перекрестке стояли пулеметы. Ударили из них и затем напало человек двести. Убили нескольких спутников, но наши все же успели занять оборону, отстрелялись. Николаев был тяжело ранен. Вскоре туда подошли войска. Никого не нашли. В домах, где стояли пулеметы, — ни души. Взятые на допрос жители: мы ничего не знаем, не видели, слышали выстрелы, вот и все. Сволочи!

Пеккерман недавно летал в Ровенскую область. Рассказывает, что там шайки по 1000—1500 человек. Пришлось выделить войска на охрану коммуникаций. Борьба с ними ведется и мечом и разложением. Бл...е население кое-где поддерживает бандитов. Сейчас там проводится призыв. В одном селе надо было призвать 250 человек. 30 пришли сами, а 220 привезли с автоматчиками. Вот гады!

В Москве улицы освещены (даже Старая Башиловка). С 15 апреля открываются коммерческие магазины. Все сходят с ума от Вертинского и цветного фильма «Багдадский вор».

Работники 7-го отдела рассказывают, что немцы прорвали наше ковельское кольцо. Идут жаркие бои.

Сегодня чудный солнечный день. Все тает.

10 апреля

Слякоть, грязь по пояс.

Вчера был у меня майор Меркушев — его полк вернулся из боя, он зовет в гости. Некогда.

Завтра уезжаем на новое место — на Белорусский фронт.

Написал сегодня «Исповедь майора Ганса Бидерманна». Посылаю телеграфом в Совинформбюро полковнику Ризину.

Немцы сообщают, что мы взяли Одессу. Ура!!

Вчера бомбили соседнее село. Я и не слышал.

ИСПОВЕДЬ МАЙОРА ГАНСА БИДЕРМАННА

Много за время войны я видел дневников немецких солдат и офицеров, но такого исключительного документа, как личные записи майора Ганса Бидерманна, я еще не встречал. Автор их — начальник разведотдела 56-го танкового корпуса — был, видимо, хорошо связан с кругами высшего германского офицерства, и это придает его заметкам особый интерес. Бидерманн, конечно, никогда не рассчитывал, что его дневник попадет в посторонние руки, и изъяснялся поэтому с похвальной откровенностью.

С цинизмом садиста описывает он потрясающие картины зверской расправы гитлеровских войск над беззащитным населением оккупированных советских районов. Эти кровавые тризны начались с первых же дней похода на восток. Так, еще 3 июля 1941 года Бидерманн помечает: «С. Майков (район Ровно). Около 30 русских было уложено на землю в один ряд. Наш танк проехал по ним и раздавил их. Некоторые все же остались в живых. Их пристрелили». По пояс в крови шли немцы по советской земле. Майор считал это в порядке вещей. 27 октября 1943 года он хладнокровно поучал самого себя: «Не надо быть мягкотелым. Мы должны стать еще более жестокими и в еще большей степени действовать без оглядки».

Наиболее интересны в дневнике записи, относящиеся к прошлому году. Под ударами молота Красной Армии с Бидер-

манна слетела вся позолота, и от прежнего петушиного высокомерия не осталось и следа. Его заметки 1943 года реалистичны и, если можно так выразиться, меланхоличны. Сталинградский разгром застал его, судя по записям, в Берлине, в Военной академии Генштаба. Настроение германских верхов в эти дни было сумрачное. 21 марта 1943 года Бидерманн записывает: «Я достал приглашение на правительственные торжества в Цейгхаузе. Выступал фюрер. Вид у Гитлера был плохой и измученный».

Мы помним, как в свое время немцы храбрились и, скрывая растерянность, спешно пытались доказать, что падение Муссолини является чуть ли не положительным фактором, а капитуляция Италии есть, мол, просто радостное избавление от ненадежного союзника. А вот как это на самом деле было принято гитлеровским офицерством: «26 июля 1943 года. Все мы совершенно потрясены известием о том, что Муссолини свергнут. Трудно теперь продолжать быть оптимистом, потому что положение выглядит очень серьезным. К тому же отдан приказ об эвакуации Берлина. Два дня подряд все вокруг напоминает сумасшедший дом. Носятся самые дикие слухи, нас тоже переводят...

22 сентября. 8 сентября капитулировала Италия. В следующие дни удар следует за ударом. Итальянская армия распущена, а флот предался англичанам».

Судорожные усилия германского правительства, пытающегося чрезвычайными мерами спасти положение, не внушают большого доверия и бодрости Бидерманну. В эти же дни сентября он записывает кратко, но выразительно: «Политический горизонт омрачается все больше и больше. Гиммлер становится министром внутренних дел».

Дела на фронте становятся угрожающими. От былой иронии майора не остается и следа. В конце сентября он мрачно помечает: «Положение на Востоке весьма серьезно. 23 августа сдали Харьков, 11 сентября — Мариуполь, несколько позднее — Смоленск». 14 ноября он записывает: «В военном отношении дела выглядят отнюдь не блестяще: Житомир потерян, а Полоцк должен быть сдан. К тому же с фельдмаршалом Клюге случилось серьезное несчастье, его преемник — Бирш».

Будучи в Германии, Бидерманн решил на один день съездить в Кассиль, чтобы посмотреть результаты бомбардиров-

ки этого города английской авиацией. Вот как оценивает автор свои впечатления: «Это было потрясающе. В течение 40 минут город был почти полностью разрушен. Я мог бы составить себе прежде весьма отдаленное представление о размерах подобного разрушения. В течение целых часов улицы остаются закрытыми для движения».

По окончании курса в академии майор снова был направлен на Восточный фронт. Его путь лежал через Варшаву. С унынием констатирует автор, что в оккупированных немцами странах атмосфера стала горячей. «12 ноября 1943 г. Варшава. Положение в городе кажется тревожным и неопределенным. В порядке дел — стрельба, нападения, акты саботажа».

Много записей посвящено действиям советских партизан. Бидерманн откровенно признает, что германское командование бессильно бороться с ними: «Барановичи — Минск. Партизаны чувствуют себя здесь вполне как дома и почти ежедневно взрывают железнодорожные пути. Я слышал, что в районе войсковой группы «Середина» ежесуточно происходит более 6000 взрывов. На всем протяжении линии мы устроили опорные пункты, находящиеся на расстоянии 500 метров один от другого, и вырубили вдоль нее лес. Для охраны привлечены 18-летние солдаты. Один из них рассказал мне, что они постоянно находятся в состоянии смертельной усталости и страха».

Эта запись в дневнике датирована 17 ноября 1943 года. А через четыре дня майор Ганс Бидерманн был убит партизанами, которые затем переслали его дневник через линию фронта советскому командованию.

15 апреля

Шестой день в дороге. Или, вернее, шестой день без дороги.

В 8 часов утра 10 апреля мы снялись со старого насиженного места, где провели четыре месяца, и отправились в дальний путь. Тронулись двумя машинами: я с Сашкой[60], на другой — корр-ты ТАСС капитан Илья Денисов и кап. Виктор Шилкин с шофером Федором Масловцом.

Со мной ехал до Речицы майор Владимир Алешин. Был он раньше секретарем Военного совета. Женился на подаваль-

щице военсоветовской столовой Жене — грубой, вульгарной бабе. За унижение чувства офицерского достоинства его перевели работать нач. отдела информации к Галаджеву, а сейчас назначили замполитом в тяжелый пушечный полк. Уезжая и приезжая на этот фронт, я всегда встречал его на дороге, и сейчас дорога легла вместе с ним. Планида, прямо — талисман!

По дороге заехали в 56-й ГМП. Они только что вернулись из боя. Встретили нас радостно, оставили завтракать. Бой был жаркий.

— Я за несколько дней выпустил столько снарядов, сколько за несколько месяцев, — говорит командир полка подполковник Александр Трофимович Шаповалов. Его заместитель Ник. Меркушев потчевал нас водкой и рассказами. В бою потерь они не имели. Но вечером накануне нашего приезда, когда их колонна подъезжала уже к Гомелю, на шоссе их обстрелял немецкий самолет. Шли без огней, он повесил ракету и начал прочесывать. Народ не растерялся, сразу увеличил интервалы и продолжал путь. Но все же убило троих и ранило двух. Вот уж поистине — не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Плотно позавтракали и поехали дальше.

Перед Речицей проехали по великолепному новому шоссе через Днепр, построенному в очень короткий срок. Мост деревянный, но высоководный, длиной в несколько сот метров в виде «S». В Калинковичах пообедали. Город напоминает больше поселок. Довольно цел, очень грязен. По случаю нашего приезда били зенитки.

Затем перевалили через Припять и въехали в Мозырь. Город раскинулся на склоне холмов вдоль берега реки. Улицы грязные, кривые, дома хреновые. Центр взорван, но он небольшой. Чем-то неуловимым город напомнил мне Батраки на берегу Волги. Тут решили ночевать. Остановились в домике у некой Шибут. Муж ее был кассиром госбанка, перед приходом немцев уехал с ценностями банка в Тамбов, и они ничего больше о нем не знали. Она оставалась одна с четырьмя детьми, выходила их. А на второй день освобождения города муж вернулся. Я записал эту житейскую историю и думаю написать для «Гонолулу» «Возвращение кассира госбанка».

Утром — в путь. По карте от Мозыря до Овруча идет шоссе. На деле — жуткая дорога. Такую мне еще не приходилось встречать. 15 км ехали восемь часов. Сидели бессчетное количество раз. Откапывали, выталкивали, отрывали. Так добрались до 23-го км. Там пробка, столпилось несколько сот машин. Стояли часа три. Кое-как продвинулись, народ всюду раскинулся лагерем — варили концентраты, жарили картошку, кипятили чай.

На траверзе Ельска новая пробка. Тут два километра шоссе были положены на трясину. Столпилось несколько тысяч машин. Перетаскивали трактором по одной! Вояж челнока занимал 1 ч. 20 минут. Не доезжая 5 км, мы встали в хвост машин. Постояли часа три. Пролетел немец, пострелял из пулемета, где-то впереди бросил бомбы. Потом пошел дождь. Что делать? Решили ехать ночевать в Ельск — 4 км в сторону от шоссе. Нам не советовали: застрянете, дорога плохая, да и нет смысла — к утру дорогу сделают, там распоряжается генерал Бойко, он решил снять весь грунт на протяжении 2 км и вымостить бревнами, лес тут же пилят, рубят и укладывают.

Я решил не ждать. Дорога в Ельск была действительно жуткая: сплошная грязь. Но проехали благополучно и застряли только в самом Ельске, на окраине. Тут нет земли, одни болота (как и по всей дороге от Гомеля досюда — ленточка шоссе, а по бокам без конца и без земли болота и лес на них; лес вдоль шоссе вырублен и через 500—1000 м [стоят] деревянные немецкие крепости). Так вот и тут. Машины сели. Мы отправились пешком в город, нашли секретаря райкома (Черноглаза), и он приказал устроить нас на ночлег.

Это оказалось делом сложным. Городок небольшой, паршивый, очень грязный, точнее, это село, а не город. По словам жителей, немцы бомбят его почти еженощно, ибо тут станция. Но сложность не в этом. В городе свирепствует сыпняк, есть брюшной тиф, и задача заключалась в том, чтобы выбрать относительно безопасную квартиру. Зам. предсельсовета Копач накормил нас горячей картошкой, и мы были счастливы, ибо не ели целый день. Потом отвел нас в одну хату. Одна комната. Живут в ней мать Мария Ивановна Корнейчук, 43 года, две дочери — Ольга 20 лет и Валя 14 лет, все трое партизаны, сначала были в Смоленской области (мать — поваром, а дочери — на всяких делах), награждены партизанскими медалями, пробыли в лесу 14 месяцев, затем их вывез-

ли на самолете в тыл, пожили они там и потом приехали сюда. Муж Марии Ивановны, тоже партизан, убит (замучен) немцами. Она нас все время потчует партизанскими рассказами. Дочки не глупые, но очень грубые (привыкли давать отпор всем «мацающим» и оборонительно смотрят на каждого из нас), малокультурные. Старшая кончила среднюю школу, но кто такой Есенин, не знает. Вместе с ними в одной комнате живет работник райкома Аня: лет 25, вульгарная, быстрая и смелая на язык, с голосом, как у «Студебеккера», крупным темпераментным телом. И мы трое.

Живем мирно, хотя девушки, видимо, немного озадачены тем, что никакой агрессии мы не проявляем.

Шоферы первую ночь ночевали в хате около застрявших машин. Битком ребятишек, недавно болели тифом. Весело. Решили немедля переводить их и машины в город, поближе к нам. Подняли машины вагами, выложили дорожку в грязи досками, проехали длину машин и опять увязли. Опять тоже и опять сели. На противоположной стороне улицы сидел на плетне и покуривал, наблюдая, какой-то майор в кавалерийской кубанке. Наконец, ему это зрелище опротивело, и он крикнул:

— Дайте бак бензина, и я вас вытащу тягачом. Вытащил бы так, да нет горючего.

Мы подошли, разговорились. Он оказался зам. командира 6-го гвардейского минометного полка, Сергей Васильевич Воронин. Я спросил, не знает ли он Шаповалова, Меркушева?

— Как же, служил в этом полку, был командиром дивизиона, потом ударил младшего лейтенанта, за это был снят, лишен ордена Красного Знамени. Переведен в этот полк.

Сейчас он стоит здесь с автопарком, ждет машины. Молодое, кавалерийского образца лицо (хотя 1906 г. р.), рыжие волосы, усы и бородка — такая, как я отпускал на «Садко». Орден Невского.

Появился тягач. Вытащил сразу обе наши эмки в центр, определили ребят в новую хату.

Майор пригласил нас обедать.

— Неужели угощу вас хуже Шаповалова? — сказал он обиженно.

Встречи на дорогах! Угостил нас яичницей, картошкой, мясом, капустой, отличным самогоном крепости до 70° По

вкусу — свекольный. Жена и двое дочерей — во Владивостоке, он там служил на флоте. Прочел нам письмо от нее — живут плохо, обвиняют его в том, что он их забыл, не пишет: «видно, хочешь строить новую жизнь». Очень тяжелое, но с большим достоинством письмо. Прочел и свой ответ: помнит, любит ее и детей, но написано суховато.

— Надо бы теплее!

— Не могу. Ведь письма — это то, что думаешь. Надо писать откровенно, иначе — не писать.

— А когда написал?

— 23 февраля.

— Почему же не отправил?

— Некогда.

Потащил играть в преферанс. Сидели до 3 часов утра. Впервые сел за пульку Денисов. Майор играл по-кавалерийски, темнил, плутовал, выиграл 50 р. Я выиграл 100, Денисов проиграл около сотни. Его адъютант Григорий притащил еще самогону. Майор, без всякой аффектации, рассказал, как Григорий дважды спас ему жизнь. Как-то, когда поблизости разорвался снаряд, он силой свалил майора, прикрыл его своим телом и был сам тяжело ранен в голову. Также был ранен и второй раз.

Позавчера долго говорили с секретарем райкома Черноглазом. Он и раньше был секретарем тут. Перед приходом немцев все бюро райкома и все ответработники ушли в партизаны и положили начало Ельской партизанской бригаде. В декабре прошлого года своими силами заняли Ельск. Рассказал несколько любопытных историй. Сейчас в районе всюду — вверху, в колхозах, сельсоветах — заправляют партизаны.

— Воевали они хорошо, но трудно с ними — опыта у них никакого.

Хлопот у секретаря по горло. Начиная от стекол в здании райкома: «Только вставишь — вылетают от бомбежки. Вот позавчера застеклили, а вчера — долой...»

Приезжающие с шоссе машины рассказывают, что пробка продолжается. Что поделаешь — живем, ждем, стали уже аборигенами. Сейчас я выпросил у Черноглаза лошадь, и погнали Масловца верхом в разведку — что там делается. А то

хоть на службу тут поступай. Харч уже кончился весь, осталось немного сухарей. Н-да!

Райком работает на голом месте. В городе — одна пишущая машинка, и ее таскают из райкома в райисполком, оттуда в НКВД. Копирок нет. Позавчера достали портативную печатную машинку и начали печатать сводки СИБ. Сводки интересные. Пошло наступление на Крым, очищена уже половина его. Сегодня заняли Симферополь, на остальных фронтах — бои местного значения.

Только что Денисов вернулся из райкома и рассказал, что умер Ватутин — «после тяжелой болезни».

Сразу вспомнилась моя беседа с ним под Киевом и весь он — живой, умный, экспансивный.

Воронин рассказал вчера о своей беседе с т. Сталиным. Он окончил тогда курсы «катюш». Вызвали.

— Ну как, освоили новую технику?

— Мне кажется, да. Полтора месяца занимались (а перед ним лист с отметками: пятерки сплошные).

— Да как будто знаете. Немцам технику не оставите?

— Скорее умру, т. Сталин!

— Вы меня раньше видели?

— В 1924 г., во время похорон Ленина, на параде войск.

— Ну как — я изменился очень?

— Постарели.

— Так вот, немцам техники не отдавать ни в коем случае!

Если только Воронин не врет, разговор интересный. Он рассказывает, что часто выезжает бить по немцам прямой наводкой и при этом всегда свято помнит слова Сталина.

— Разве я могу нарушить слово, которое дал такому человеку!

И мне вспомнился рассказ летчика А[лександ]ра Молодчего (ныне дважды Героя). Был я с Гершбергом у них в полку на торжестве преобразования полка в гвардейский (кажется, в 1942 г.). Во время банкета сидели рядом, пили. Он предложил мне свозить меня на Берлин. Я согласился, он расцвел.

— А страшно? — спросил я.

— Очень страшно! Вот последний раз летали несколькими машинами. Такой огонь встретили — ужас! Ребята отвер-

нули за запасную. У меня вся душа в пятках, руки сами тянут на разворот. И тут я подумал: если я, Герой Советского Союза, обману доверие т. Сталина, кто же тогда будет выполнять? И прорвался!

17 апреля

Наш верхоконный разведчик вернулся со своего задания: на шоссе машин не больше 300, но дорога разбита в дым, грязь по колено, одначе машины таскают — прикрепляют к тракторам, «Студебеккерам». Решили на следующий день (16-го) ехать.

Вечером секретарь райкома Черноглаз прислал к нам нарочного сообщить, что некий майор Скуридин приглашает нас на обед. Скуридин работал в районе по заданию ЦК КП(б)Б, вместе с ним находилось человек 15. Сейчас они закончили работу, съехались и собираются уезжать из района. По сему поводу и обед.

Пошли. Было неплохо. Меню: борщ, жареная картошка, водка. Я сидел вместе с доктором Иосифом Ильичем Галицким. Очень любопытный человек. По национальности караим, родился в Одессе в 1897 г. Плотный, коренастый, редковатые светлые волосы; светлые, почти бесцветные глаза; крошечные, пятнышком, усики. Одет в серую немецкую куртку. В 1914 г. окончил университет, был два года в Германии и тогда еще возненавидел немцев. С 1925 г. в партии. Терапевт.

Семейная трагедия: жена оставалась в Луцке, замучена и убита немцами. Сын воюет неизвестно где, дочь — тоже. Галицкий с первых дней партизанит. В конце 1941 г. он был послан в Ельский район (как пограничный между БССР и УССР) ЦК КП(б)У для налаживания связи с украинцами. И остался в отряде. До конца. Был врачом и диверсантом. За все время у него не умер ни один раненый («ампутировал, лечил от всего, делал аборты»). В то же время он был руководителем диверсионной группы, обучал людей взрывам, подготовил около сотни подрывников, которые под его руководством пустили под откос 29 эшелонов. Участвовал в различных операциях. Некоторые из них («засада», «выборы старосты») я записал в блокнот. За обедом Галицкий рассказал мне еще об одном любопытном деле: ликвидации 48 полицейских в Сло-

веченском районе. Через год, встретившись с прибывшими оттуда людьми, он узнал, что помогавшая ему немка расстреляна немцами.

Галицкий четыре раза представлен к наградам, дважды прошел указами, имеет партизанскую медаль. Он участвовал в партизанском захвате Ельска 9 декабря прошлого года, подорвал «Тигр» (который и сейчас стоит на окраине) и остался в городе. Сейчас он руководит райздравом и борется с сыпняком.

Говорил я о нем с Мищенко, который был командиром партизанской бригады, а ныне председатель райисполкома, он дает о Галицком самый лестный отзыв.

Когда мы пошли домой, Мищенко провожал меня. Рассказывал о Беляеве, который явился как представитель ЦК партии, распустил подпольное бюро, оказался жалким трусом, призывал к тихой жизни, ныне он зампред Мозырьского облисполкома.

Вечером никуда не пошли. Всю ночь палили зенитки, летали немцы. Утром, перед отъездом, нас позвал позавтракать заврайторгом Гоникман Моисей Израилевич. До немцев он тоже работал в этом районе заврайпо. Всю войну партизанил, был комиссаром отряда «Большевик». С виду он никак не похож на партизана: маленького роста, сморщенное лицо торгового агента, редкие волосы с зализами, большой нос коршуна. Не очень живой, не очень умный. Серый костюм, медаль партизана, представлен к ордену.

У него настоящая семейная трагедия. Два брата убиты на войне, убит муж сестры жены, в эвакуации умерла жена. Сейчас к нему приехала сестра жены, и в квартире — четверо ребят: двое его, двое ее, все маленькие, все глазастые. Рассказывал о действиях отряда, об ...[61] некоторых партизан.

Показал очень любопытную справку о том, что он комиссар отряда. Она снабжена самодельной печатью: в центре — звезда, по кругу надпись: «Смерть немецким окупантам» (через одну «к»). Сделана печать из калоши начальником штаба отряда Павлом Остапко.

В 11 часов утра мы выехали. Два километра до шоссе ехали два часа. Несколько раз садились, толкали. Последний раз сели в 15 метрах от шоссе. Толкание не помогло. Шофера по-

шли за вагами. И вот мы видим, как Федор Масловец, резво шагавший с бревном на плече, вдруг остановился и на цыпочках, как балерина, осторожненько пошел по собственным следам обратно. Оказалось — едва не наступил на мину, влез в минированное поле.

Проехали по шоссе вперед 3—4 км и увидели, наконец, то самое место. Жуткая грязь, действительно — по колено, глинистая, тягучая. Кое-где выстлана бревнами, они торчат вверх, как ежи. В стороне, на пригорке, стадом сбились несколько десятков машин, ждут, когда дорога станет проезжей. А «Студебеккеры» идут, как корабли.

Что делать? При нас ЗИС-5 взял на буксир полуторку, рванул и выдрал у ней передок. Решили все же ехать. Поймали одну студебеккершу, прицепили к ней машину Денисова. Рванули, трос порвался. Достали другой — потащили, бедную.

Мой Сашка Кахеладзе смотрел-смотрел и решил ехать лучше своим ходом. И проехал!! Но как прыгала машина, как блоха, аж жалко было. На протяжении этого переката — 2200 м — по обочинам стоят зенитки, пулеметы подвезли. Встретил тут майора Василевского, руководившего работами, — он не спал 5 суток. Весело!

Поехали дальше. Перевал занял у нас четыре часа. Дальше тянулось уже настоящее шоссе. Населенных пунктов мало. Весь лес вдоль дороги вырублен. Через каждые 1—2 км немецкие деревянные крепости от партизан, кое-где — с наблюдательными вышками. Тем не менее по обочинам валяются взорванные и опрокинутые немецкие машины, а в одном месте — целое кладбище — до десятка.

Весна в разгаре. Снега почти нет. Но все залито водой. Болота и вода, и лес на них. Единственное сухое место — шоссе. Справа и слева бесконечные большие и малые моря. Вот указатель: «Село Новая Рудня». Стрелка указывает дорогу... прямо в озеро шириной в несколько километров. В версте, за затопленным лесом, видна эта затопленная деревня. Ну и места! Вот где наступать...

Поехали дальше. Уже ночью прибыли на место. И вот, в 200 м от деревни, стоп: на одном и том же месте, на абсолютно гладкой дороге, у меня полетела коничка, у Денисова — задняя полуось! Сказалась проклятая дорога. Что дальше делать — ума не приложу.

Остановился у Непомнящего. Впервые прочел газеты за неделю сразу. Узнал новости. Взята Ялта, салют. На 1-м Украинском — сплошные и сильные контратаки. У нас сильные контратаки на левом фланге, стоим под Ковелем в непосредственной близи. Очень сильные бомбежки левого фланга и всех дорог. Поезд Константинова (Рокоссовского) 300 км шел три дня. Шалят, и весьма, бендеровцы. Был у них недавно съезд, объявивший лозунг: «Украина без немцев и без коммунистов».

Стоит чудный день, снега нет, сухо, тепло.

19 апреля

Совсем весна. Тепло, солнце, ходим без шинелей. Нигде ни капли снега, зеленеют поля. Как все вдруг! Тихо. Только днем иной раз вдруг начинают бить зенитки (в прошлую ночь жители вообще не спали: с вечера до утра над нами летали немецкие «летаки», били зенитки, светили прожектора — было так светло, хоть мак в поле собирай, а мы бессовестно все проспали).

Вчера вечером соседка Ксения рассказывала, как она провела 4 месяца в прошлом году в Эссене, на заводе. 300 г хлеба в день плюс баланда. Фанерные бараки, нары. Бьют. «Не чаяла, что побачу родимы край». Город разрушен англичанами. Бомбили и при них: «Ох, все движется». Уехала по болезни.

Хозяйка Мария Медведчук рассказывает о местном старосте Ходачеке. При немцах был сукой, сейчас сидит под замком где-то. Так вот, сын его, оказывается, Герой Советского Союза[62]. Недавно он прислал письмо. Там, между прочим, пишет: «Батя, а кто у нас был старостой при немцах? Приеду — своей рукой задушу». Ну, сюжет!

Забавно: приехал к нам фотограф ТАСС Пушкин. Знакомятся: «Долматовский». — «Пушкин».

Сегодня смотрели американский фильм «Джаз-банд Александер». Ничего. Любопытна его история: он был закуплен польским правительством для польской армии Андерса в СССР[63]. Пароход с фильмом торпедировали в Северном море. Пока его спасали, переправляли и проч. — Андерса уже у нас не стало. Остался фильм с польскими надписями.

Все еще ищу коничку. Просят 700 р. плюс литр. Ищем.

Говорят, что мы опять — 1-й Белорусский.

Любопытны здесь разговоры о немцах. Ощутимого зла они не причинили, жители говорят: не успели, ибо деревню заняли партизаны. Но отзывы о них, то, что Горбатов называл «под немцем», — любопытны.

Старик. Сосед. Говорит:

— Немцы? Це же некультурная нация — в хате серут.

Сын моей хозяйки, 8-летний Петя (или, как он себя называет, Петр Наумович Медведчук) — шустрый, белесый, с живыми светлыми глазами паренек, очень любознательный, весь день торчит около меня, лопочет, про все спрашивает, всем интересуется, все щупает.

— При немцах я бы не мог так стоять около вас — сразу бы выгнал за дверь. Я немца ни одного не бачил, чтобы был добрый. Все — га-га-га!

Он, между прочим, гордится тем, что не курит.

— У нас на хуторе всего трое некурящих.

А вчера спросил Непомнящего:

— Что ты все один да один? Надо тебе молодую девку? Познакомлю, тут есть одна.

В Ельске, на улице, подошли ко мне трое оборванных детей лет 9—10. Робко остановили, я думал, будут просить денег или хлеба.

— Дяденька, нет ли у вас маленького карандаша? В школе писать нечем — очередь длинная.

Я дал им карандаш. Забыв даже поблагодарить, они торопливо пошли по улице, изо всех сил рассматривая приобретение и, видимо, споря — кому им владеть.

Вчера отмечали 42 года Галаджева. Был банкет. Мой Сашка удивлялся перед Непомнящим — почему нас не позвали.

21 апреля

И вчера и сегодня холодные дни. Какая-то дырявая весна. Вчера и сегодня — поиски конички. Сегодня в автобазе шоферы обещали достать за 1,5 литра + 100 р. Денисов уже приобрел полуось за пол-литра и ездит, как на новой.

Сегодня говорил с полковником Калашниковым из 4-7[64]. Рассказывал о Ковеле. Окружали немецкий гарнизон (6—8 тыс.). Три пехотные дивизии. Углубились на 25 км на запад.

Держали недели полторы. Потом немцы прорвали танками. Но и сейчас наши две дивизии сидят на улицах Ковеля, в т. ч. на Монопольной. Театр действий отвратный: болота, леса. Немецкие самолеты висят над передним краем, на всех коммуникациях. Летают «Фокке-Вульф-190» и бросают контейнеры с мелочью.

Сегодня днем был у полковника Смыслова. Он рассказывает, что против нас больше 30 дивизий, в подавляющем большинстве немецкие, мадьярские — во втором эшелоне. Основные силы противника на нашем левом фланге, в том числе танковые — 4-я, 5-я, на подходе 20-я и уже дерется «Викинг». Она была в корсунь-шевченковском окружении, считалась уничтоженной, но сохранила 1600—1700 человек (без техники, конечно), впитала в себя другие батальоны, пополнилась, конечно, танками и сейчас представляет серьезную силу. Из пехотных интересна 214-я, переброшенная из Норвегии, и еще одна — из-под Ленинграда.

Около 800 самолетов. Появился и генерал Миттенгоф (?)[65], командовавший корпусом в районе Корсунь-Шевченковского.

Когда мы зашли, полковник перебирал немецкие солдатские книжки. Показал одну: рождения 1902 г., по профессии художник, рост 155 см, размер ноги — 42.

Паша Трояновский рассказывает, что три дня назад немцы подвергли ярой ночной бомбежке Калинковичи. 68 самолетов!

Видел Розенфельда. Вчера в газетах было опубликовано сообщение английского министерства иностранных дел (или информации?) о цензуре дипломатической почты. Я спросил: как он расценивает это?

— Начало второго фронта, — ответил он. — Я считаю, что он откроется в ближайшие 2—3 недели. В этом меня убеждают много фактов, в том числе изменение целеустремленности бомбежки Германии. Сначала они бомбили города, потом верфи, потом авиазаводы, а сейчас все силы брошены на ж/д узлы Франции. За вчера и сегодня одни англичане сделали 1800 самолето-вылетов. Зачем? Они же знают, что ж/д разрушения восстанавливаются быстро. Кроме того, учтите высказывания, очень решительные, Эйзенхауэра, взятие де Голлем власти в свои руки, да и Рузвельту, чтобы переизбраться в ноябре, нужны обязательно военные успехи.

Получил сегодня телеграмму из редакции: «Как только приедет Курганов — езжайте в Москву. *Лазарев*».

Ответ ли это на мою — о поломке конички, или я просто зачем-то понадобился?

22 апреля

Получил телеграмму от Мержанова, что под Севастополем погиб Миша Калашников! Да что же это такое!! Эх, Миша, Миша!

23 апреля

Сводка: «Ничего существенного на всем фронте».

Сегодня долго сидели с Непомнящим у полковника Ивана Алексеевича Прокофьева — с 10 ч. вечера до 3.30 ночи. Без дел, разговаривали обо всем, легко и приятно, отдыхая, слушали радио — легкую музыку — тоже легко и приятно. Он долго работал в войсках НКВД, много рассказывал о быте чекистов, их жизни, бдительности не только вообще, но и в быту и даже в интимной жизни.

— Что такое бдительность? — говорил он. — Знаете, это какое-то особое чувство. Вот помню, оборонный завод. Часовой, обыкновенный рядовой Ванька, стоит у контрольных ворот. Проходит один инженер, которого он видит каждый день. В этот раз он останавливается, что-то роется в бумагах. Обыкновенная вещь, а когда после Ваньку этого спросили, что вызвало его подозрение, он мог сказать только об этой суетливости. Но нам ясно, что были еще какие-то неуловимые нюансы в поведении инженера, которые насторожили и обеспокоили часового. С пропуском у инженера все было в порядке. Часовой пропустил его и с нетерпением ждал его обратно. Все прошли, а его все не было — уже полчаса прошло, как ушел последний. Это тоже увеличивало подозрения Ваньки, хотя он сам не знал почему. Действительно, мало ли по какому делу мог задержаться инженер. Вот и он, торопится.

— Пропуск!

Дает знакомый, много раз виденный пропуск. Под мышкой книга.

— Дайте!

— На!

Берет, листает.

— Что ты смотришь, она же на немецком.

Молчит, листает по листику. И долистался — два склеенных листика. Отодрал — между ними чертеж, калька! Ванька вызвал карнача. Инженера ввели в караульное помещение. Карнач по инструкции имеет право произвести поверхностный обыск (нет ли оружия). Только хотел приступить — позвонил телефон.

Воспользовавшись тем, что карнач повернулся спиной, а другой боец, находившийся в комнате, смотрел в окно, инженер вынул из заднего кармана брюк какую-то бумажку, скомкал, наступил ногой и стоял индифферентно. Но оказалось, что боец, смотревший в окно, внимательно наблюдал в отражение стекла все, что было сзади, и сообщил карначу. Под ногой был второй чертеж. Так разоблачили целую диверсионную организацию на заводе.

В осенние дни 1941 г. Прокофьев был комендантом Молотовского района в Москве. Я спросил: много ли тогда вылавливали диверсантов, смутьянов, шпионов?

— О, очень много и самых разнообразных. Большинство служащие, инженеры; среди смутьянов и всяких «голосов», утверждающих, что немцы совсем не страшные люди, больше пестроты, начиная от слепых в очередях, кончая выступлениями «знакомых» на призывных пунктах. Почти все шпионы не свежие, а посеянные давно, задолго до войны, кое-то из них только в 1941 г. получил приказ действовать, а ряд — нет — просто получали деньги.

В частности, он рассказал о раскрытии крупной группы диверсантов, оперирующих в центре Москвы. После того как упала бомба в здании ЦСКА, кто-то из жителей сказал, что видел на одном большом доме на ул. Разина в момент налета что-то вроде светового сигнала. Чекисты мгновенно осмотрели дом: в самом деле, на крыше, в водосточной трубе нашли электропатрон и 500-свечовую лампу, провода шли по стене, по перилам и бесследно обрывались в 100 м. Проверили жильцов дома. Документы у всех были в порядке, все прописаны, и лишь в одной квартире нашли трех хмельных морячков, которые никак не могли объяснить, как они туда попали. Их

забрали. Но потом, когда хмель прошел, они объяснили, что приехали за получением орденов, жить негде, знакомый флотец поместил их в эту пустовавшую квартиру. На радостях они рубанули и с пьяных глаз и сами не могли понять — где они. Отпустили, конечно.

На следующий день, когда патруль Прокофьева проходил по улице Разина, к нему подошла девочка и передала записку, сказав, что мать просила вручить ее лично начальнику. Боец, сменившись с наряда, отдал записку Прокофьеву. Какая-то женщина просила прийти по важному делу. Он отправился по указанному адресу. В квартире на ул. Разина застал писавшую: это была больная женщина, прикованная к постели давним ревматизмом. Единственное ее занятие — смотреть в окно. И вот, она заметила, что в квартире напротив (или наискосок) происходят странные вещи: туда приходят все время новые и новые люди, а однажды пришли трое в штатском, а вскоре они же вышли в военном.

Дело было интересным. Прокофьев поставил в известность своего приятеля начальника райотдела УГБ Володю (забыл фамилию, что-то типа Ушкевич. — *Л. Б.*), и они занялись им. Выяснилось, что квартиру занимает бывший серпуховской голова со своей экономкой. Живет он там уже несколько лет. Месяца два назад у них поселилась молодая девушка, прописалась и работает кассиршей в хлебном магазине по этой же улице (через несколько домов). Что делать? Арестовать старика или экономку — оба они, несомненно, дошлые и при недостатке улик из них ничего не выжмешь. Арестовать кассиршу — возможно, что она ничего не знает, а арест спугнет основных. Прокофьев зашел в магазин посмотреть: довольно миловидная девушка, глуповатая, и все.

Тогда решили обработать ее и оторвать (очень естественно!) от этой семьи. Приставили одного паренька — девки так и валились с одного взгляда. Через два-три дня кассирша по уши влюбилась, он предложил жениться, и она переехала к нему. Знала она очень мало, но важно: она служила проводником и связью. К ней приходили покупатели и особенным, условным образом клали на стол пятерку. Тогда она должна была под каким-нибудь предлогом сдать кассу (пойти в туалет и т. д.) и провести покупателя в квартиру. Вот и все.

Тогда арестовали старика с экономкой, обнаружили большой гардероб. Они запирались. Устроили очную ставку с

кассиршей. Сознались. Так раскрыли целую группу из 14 человек, которые сигнализировали при налетах, вели шпионскую работу, готовили диверсии, взрывы зданий и т. п.

Еще один эпизод из того же времени — множительный аппарат. Когда Прокофьева назначили комендантом Молотовского района, он объездил все предприятия и учреждения района, выступал на собраниях, рассказал о положении в Москве (это было после постановления ГКО от 19 ноября об обороне Москвы), о безопасности. Заготовив в типографии листочки с телефонами, он просил по каждому подозрительному случаю звонить ему — [по] большому или маленькому случаю, все равно. В комендатуре на телефонах сидело 5 помощников, рота немедленно реагировала на все сигналы. Благодаря им было выловлено много всякой пакости.

Однажды помощник сказал, что какая-то женщина просит к телефону лично коменданта. Взял трубку. «Когда можно его видеть, чтобы рассказать о важном деле?» Когда угодно. Не может ли она приехать сейчас, он пошлет за ней машину? Послал. Приехала. Молодая женщина. Отрекомендовалась. Сообщила, что когда-то работала в НКВД, правда, машинисткой, но вкус к бдительности получила. И вот она заметила, что в квартире над ней раз в два-три дня по ночам работает какой-то множительный аппарат. Не то ротатор, не то стеклограф, она когда-то работала на них и их характерный звук помнит отлично.

Дело было занятным. Договорились, что как только в следующий раз аппарат заработает — она немедленно звонит Прокофьеву, будит его в любой час, и он едет. Прошло несколько дней. Как-то, только он заснул, около 3—4 часов ночи раздался звонок: «Приезжайте!» Случайно в комендатуре не было никого из помощников, был только дежурный боец. Вызывать из роты — нет времени. Взяв бойца, Прокофьев отправился на место. Приехал. Встретили муж и жена: «Послушайте!» Верно, над головой раздался шелестящий шум. Когда-то в погранотряде Прокофьев выпускал многотиражку и часто пользовался стеклографом. Знакомый шум: явно накатывают стекло, затем катают листовки.

Взяв с собой бойца, он поднялся на этаж и постучал. Никакого ответа. Громче, громче, дубасит. Никакого ответа. Сбежались жильцы из других квартир. «Занимайтесь

своим делом. Комендатура!» Сразу растворились. Тогда Прокофьев послал бойца найти управдома, достать топор и лом. Через три минуты тот вернулся с топором и каким-то штырем. Отправив бойца караулить окна, Прокофьев приступил к взлому. Дверь дубовая, два вершка. Штырь сломался. Наконец, вскрыл топором — на цепочке. Тьфу! Сбил обухом цепочку. Темная передняя. Взял в одну руку фонари, в другую маузер — вперед. Кухня — пусто. Из передней две двери. Толкнул ногой влево, и сразу свет — видимо, детская, пусто. Направо у входа сушка с постельным бельем, шкафы, стол с бутылками из-под вина и остатками ужина. Но пусто. Что такое! Тут он заметил в глубине еще одну дверь направо. Знал, что его слышат. Знал по кубатуре и плану нижней квартиры, что больше быть негде. Знал, что его ждут. И решил действовать неожиданностью. В два прыжка достиг двери, толкнул ногой и сразу выдвинул вперед пистолет и фонарь.

Свет выхватил сидящую в качалке женщину в пижаме, со скрещенными руками, белую, как стена, без кровинки в лице, с глазами почти лопнувшими от страха. Эта не опасна. Передвинул луч — на кровати, на подушке две мужские головы, одеяло до подбородка. Это тоже не опасно. Опустил револьвер.

— Встать!

Встали. Один трясется от страха, голый, в рубашке. Другой тоже полуодет, но более спокоен.

— Что здесь происходит? Почему не открывали?

— Сейчас я вам объясню, — ответила женщина.

Зажгли свет. Голые оделись. Срывающимся голосом молодая женщина объяснила, что любит этого (голого), но она сама замужем, имеет детей. Иногда она приходит к нему сюда. Отец-грузин однажды застукал их тут и пообещал, что, если это случится еще раз, убьет и ее и его. Вчера любовник и его приятель заехали за ней на машине и привезли сюда. Когда начали стучать и ломиться, они решили, что это отец, и хотели отделаться молчанием — может быть, он уйдет, подумав, что никого нет.

Проверил документы: у мужчин в порядке, один — завмаг, другой что-то вроде, даже брони есть. У нее никаких документов: «Увезли вот так, в пижаме».

— А где аппарат?

— Какой?!

Пришел боец, увидевший с улицы свет. Прокофьев принялся за обыск. Перевернул все вверх дном, искал три часа — ничего.

Уже светало. Усталый, он сел на кровать — она издала странный знакомый звук. Он привстал, сел — снова тот же звук. Сомнений не оставалось: когда на этой кровати любовники предавались друг другу, и происходил этот подозрительный шум. Кровать и была множительным аппаратом!

Прокофьев предложил женщине поехать домой, чтобы установить ее личность.

— Ни за что! Это гибель для меня.

— Но как же бы вы сами приехали?

— Ну, это дело женское: была у подруги, мало ли что...

Договорились, что она поедет в комендатуру. Пожалуйста. А он — к ней на квартиру, проверять якобы документы. Так и сделали. Оказалось — все в полном порядке.

Прокофьев — высокий, подтянутый, с отличной выправкой. Очень энергичный, умное, длинноватое лицо, большой нос крючковатый, серые умные глаза, высокий лоб, лысоват спереди. Очень любит дисциплину, любит рассуждать, говорит гладко, логично, немного поучая.

Читал подробные материалы о бульбовцах. Точнее — бульбовцы, бендеровцы, мельниковцы. Формально объединены в две армии, УПА (Украинская повстанческая армия) и УНРА (Украинская народная революционная армия). Программа: «Самостийная Украина без немцев и большевиков». Режут наших, поляков, дико терроризируют население. Объявляют: кто пойдет в Кр. Армию (в некоторых селах — просто берут расписки) — вся семья будет репрессирована, а репрессии зверские: убивают всех, закапывают живьем, четвертуют. Или: кто будет выполнять поставки — репрессируем. И крестьяне просят: пойду в армию, но пришлите за мной автоматчиков. Нате хлеб, но придите за ним отрядом. Пойдем пахать — но пусть нас вроде выгоняют. Мол, под угрозой оружия, силой.

Дисциплина строжайшая. Конспирация полнейшая. Связь — цепочкой, тройками, один знает только двух соседей,

в случае провала одного соседи уничтожаются. Все (и в связи, и в войсках) под кличками. Руководство построено пирамидой столь же конспиративно. Есть тайные склады, созданные еще в дни оккупации. Большая связь с немцами и договоренность с ними об отдельных операциях. Насильственная мобилизация.

Войсковое деление: бригада, батальон, группа. Вооружение: автоматы, пулеметы ручные и станковые, винтовки, артиллерии и минометов почти нет, за исключением снятых с танков (несколько штук). Тактика сейчас — уйти в подполье, подождать, пока части КА уйдут вперед, тогда действовать. Центр — город Камень-Каширский. Численность батальонов 500—600 чел., во главе бригад — «генералы» (полковник Берестнев) и другие.

30 апреля

27 апреля выехал в Москву, так и не дождавшись Курганова. К вечеру доехал до Гомеля. Дорога между Овручем и Мозырем стала неузнаваемой, совершенно проезжей. Никакого следа того, что было. Гладкая, хорошая.

Ночевал в 56 ГМП у Шаповалова. У них ЧП. Командир дивизиона напился, пошел к зенитчицам, их командир не пустил его, тот разозлился и выстрелил (и застрелил). Другой командир самовольно уехал на боевой машине к жене. К Катюше на «катюше»! И Шаповалов и Меркушев мрачны. Развеселил их только мой рассказ о Воронине — встреча в Ельске. Характеризуют они его как трепача и лгуна. Оказывается, он не только у Шилкина взял 300 руб., но и у Шаповалова 2000 руб. и не отдал.

Из Гомеля поехал через Довск. Дорога до Довска страшная, вся разбита в дым, деревянные настилы. 90 км ползли 5 часов. В Довск приехали перед темнотой. Советовали ночевать, т. к. ночью немец кидается на свет. Поехали дальше. Дорога и дальше в жутком виде. Кидало, мотало. Но наша сломанная коничка выдержала все испытания отлично. В 2 ч. ночи приехали в Рославль. Поспали 3 ч. в машине и дальше. Дорога опять говно. Но шли без передышки. Лишь от Юхнова дорога стала дорогой — шоссе как шоссе.

В 8 ч. вечера вчера прибыли в Москву.

4 мая

Вот уже пять дней в Москве. Пока ничего не делал, а только ходил, докладывался, рассказывал, слушал. Был у Лазарева, он говорит «довольно поездил, надо посидеть в отделе». Золин на Черноморском флоте, Иванов болен — сердце, сам Лазарев собирается на 1-й Украинский. Мартын Мержанов хочет через месяц уйти в отпуск по болезни — он нервен и говорит, что прозорлив. Тем не менее написал пьесу (по повести «Непокоренные» Горбатова), и она уже принята. Вот рубка!

Сводка уже две недели сообщает: «Ничего существенного». У всех на устах ожидание второго фронта. Вчера я сидел у Гольденберга, зашел Хавинсон.

— Ну, Яков Зиновьевич, когда высадка?

— Я думаю, не позже 1 июня.

— Нет, 15—20 мая.

Приехал позавчера Дима, племянник Богомольца. Он говорит, что многих офицеров сейчас отпускают в отпуск. Сам он прибыл на 10—15 дней.

В редакции много разговоров о смерти Калашникова. Редакция сделала для него все, что могла сделать для мертвого: тело доставили сюда самолетом, выставили почетный караул, похоронили на Девичке, постановили издать альбом снимков, дали пособие семье, приняли его жену на работу фотографом.

Приехал фотограф «Известий» Фатька Гурарий, который был с ним вместе. Он рассказывает, что группой поехали на высотку под Севастополь. Миша Калашников, Кригер, Гурарий, Кожевников, Коротеев. Неожиданно немцы накрыли огневым налетом дальнобойной артиллерии. Легли, чуть рассредоточились. Плечом к плечу лежали Кригер и Миша, метрах в 5 — Гурарий, еще дальше Кожевников. Вдруг Фатька услышал крик: «Калашников ранен!!» Все подбежали, несмотря на огонь. Миша лежал на спине. Он жаловался, что очень больно, что не чувствует ног: наверное, мол, перебит позвоночник. Ребята понесли его в соседнюю деревню. Он жаловался, что трудно дышать — наверное, пробиты легкие. Фатька говорит: «Плюнь мне в руку, — а затем показал ему: — Видишь, слюна чистая, крови нет». Всю дорогу Миша говорил о семье, о детях. Когда принесли его в хату, Фатька помчался за врачом, вернулся — Миша был

уже мертв. До последнего момента находился с ним Кригер, он записал все его слова. Мишина жена Мария Ивановна вчера видела его, но он отказался прочесть ей: «Потом, сейчас вам очень тяжело».

Был у Кригера. Он говорит, что Миша держался образцово. У него было 7 ран, одна из них длиной в 35 см, разворотила 3 позвонка, задела легкие. Женя лежал рядом с ним, плечо в плечо — и ничего. Шли они на НП дивизии, внезапно накрыли, залегли. Доставили в медсанбат, хирург очень хороший — оперировал, перевязал, но было уже ни к чему. Миша жил 1 час 45 мин. и только за 5 минут до смерти потерял сознание. Все время говорил об аппаратуре и семье. Чувствовал, что умирает, говорил об этом. Ребята удручены страшно. По словам Кригера, Гурарий обревелся — уткнется в угол и плачет.

5 мая

Несколько лет назад, когда я занимался опытами оживления организма (см. записи о Брюхоненко[66]), мне сказали, что этими же работами промышляет молодой ученый Неговский[67]. Я к нему, нашел его в нейрохирургическом институте академика Бурденко[68]. Маленькая, темная комнатушка. Отказался разговаривать для печати:

— Я еще только нащупываю. Когда будет что-нибудь реальное — другое дело. А сейчас только теоретические изыскания.

— Но обещайте тогда поставить меня в известность.

— Обещаю.

Сейчас, когда я приехал с фронта, Зина сказал, что звонил мне какой-то Неговский, а потом была «эффектная женщина», назвавшаяся его ассистентом, и оставила мне письмо. Я уж, признаться, забыл фамилию, но когда прочел письмо, сразу вспомнил, в чем дело. Неговский писал, что добился практических результатов и хочет повидаться. Подписано: «Доктор медицинских наук». Интересно!

1 мая раздается звонок. Неговский:

— Помните меня, может быть?

— Ну, как же! Помню даже, что вы обещали мне сообщить, когда будут практические результаты.

Редакция «Правды». Оскар Курганов (*слева*) читает последний материал с фронта. Справа от него: И.Г. Лазарев, С.Р. Гершберг, Д. Штейнгарц, Л. Толкунов, Л.К. Бронтман. Москва, ноябрь 1941 г. Фото А.В. Устинова

На торжественном заседании на перроне станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г. Выступает И.В. Сталин. В первом ряду в очках П.Н. Поспелов. Слева от него – Л.Ф. Ильичев. В третьем ряду сзади за Поспеловым Л.К. Бронтман записывает речь Сталина. Слева от Бронтмана Д.И. Ортенберг, справа – В.П. Ставский, Л.Я. Ровинский. Фото М. Калашникова

Первые дни войны. Редакция «Правды». П.Н. Поспелов ведет летучку. Справа от него стоит Л.К. Бронтман, второй справа – О.И. Курганов, сидит справа – Л. Толкунов. Слева от П.Н. Поспелова стоят: Л.Ф. Ильичев, А.М. Парфенов, С.Р. Гершберг, И.Г. Лазарев, крайний слева стоит П.А. Лидов

Алексей Сурков (*сидит в центре*) читает свои стихи в редакции «Правды». Сидит И.Г. Лазарев. Стоят (*слева направо*): С.Г. Гершберг, О.И. Курганов, Л.К. Бронтман. 25 апреля 1942 г. Фото С.Н. Струнникова

Редакция «Правды» на казарменном положении. Зима 1941/42 г.

Редакция «Правды». Стоят (*слева направо*): Л.К. Бронтман, А. Азизян, Я.З. Викторов, М. Домрачеев, П.А. Лидов, С.Р. Гершберг. Сидят (*слева направо*): Л.Ф. Ильичев, П.Н. Поспелов, И.Г. Лазарев. 28 марта 1942 г. Фото М. Калашникова

НКО — СССР

Политическое Управление
ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Отдел пропаганды
25 « мая 1942 г.
№ 782.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего батальонный комиссар тов. БРОНТМАН Лазарь Константинович, действительно является военным корреспондентом газеты " Правда" по Юго-Западному фронту.

За тов. БРОНТМАНОМ закреплена легковая машина М-1 № [illegible] и личное оружие пистолет "ЗАУЭР" №130336.

Действительно по 25 июня 1942 год.

НАЧ. ОТД. ПРОПАГАНДЫ, АГИТАЦИИ И ПЕЧАТИ ПУ ЮЗФ
СТАРШИЙ БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР /АЛИПОВ/

Срок удостоверения продлен до 1 августа 1942 год

Нач. отдела пропаганды, агитации и печати ПУ
Ст. батальонный комиссар /АЛИПОВ/

5374-41.

Первое командировочное удостоверение Л.К. Бронтмана на фронт. 25 мая 1942 г.

тов. Лазареву
тов. Бронтману.
Впредь надо подвергать самой тщательной предварительной проверке корреспонденции тов. Манернова.
П. Поспелов
7/XI 1941

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА".

Военный Совет просит обратить Ваше внимание на абсолютную безграмотность и неправдивость статьи т.МАНЕРНОВА:

1).35 дивизия является не мото-мех.дивизией, а пехотной дивизией.

2).Автор не понимает слова "стратегической важности", надо ему сказать тактической, а не стратегической.

3).Пр-к отошел на 2 клм. и не верно сказано вглубь своей территории, никто за противником пока этой территории не признал.

4).Фашисты на многих участках перешли к обороне потому,что потеряли 25 танков, звучит прямо безграмотно.

КОМАНДУЮЩИЙ ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ
ГЕНЕРАЛ-АРМИИ
(ЖУКОВ) Жуков

"2" Ноября 1941 г.
№ 0211....

"ПРАВДА" от 2-го ноября 1941 г.
за № 304.
Статья "Наступление немцев приостановлено".

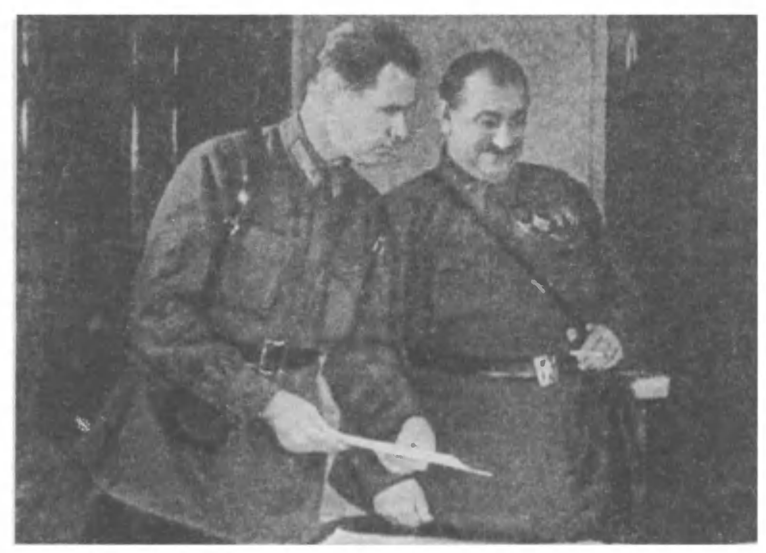
Письмо генерала армии Г.К. Жукова редактору «Правды» с резолюцией П.Н. Поспелова. 2 ноября 1941 г.

Л.К. Бронтман записывает интервью с летчиком. Брянский фронт, 1942 г.

120)

26 февраля

Запись в дневнике Л.К. Бронтмана за 26 февраля 1943 г. (тетрадь № 21) о пленении штаба фельдмаршала Паулюса в Сталинграде



Военкоры «Правды» Михаил Калашников (*слева*) и Владимир Ставский

Военкоры «Правды» Михаил Шолохов и Александр Фадеев (*сидят справа*) слушают сообщение командующего Калининским фронтом И.С. Конева

Военкоры «Правды» Вадим Кожевников (*слева*) и Борис Горбатов

Военкоры «Правды» Всеволод Вишневский и Иван Золин (*справа*) допрашивают пленного немецкого офицера. Ленинградский фронт, 1943 г.

Подготовка репортажа. Справа — Лазарь Бронтман. Киевское направление, 1943 г.

Военкор «Правды» Александр Устинов с проявленной фотопленкой

Военкор «Правды» Леонид Коробов (*второй слева*) с партизанами-ковпаковцами

Военкоры «Правды» Борис Горбатов (*слева*) и Мартын Мержанов (*в центре*)

Л.К. Бронтман и И.Д. Папанин

В штабе командующего Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского (*справа*). Слева от Рокоссовского — К.Ф. Телегин. Гомель, февраль 1944 г.

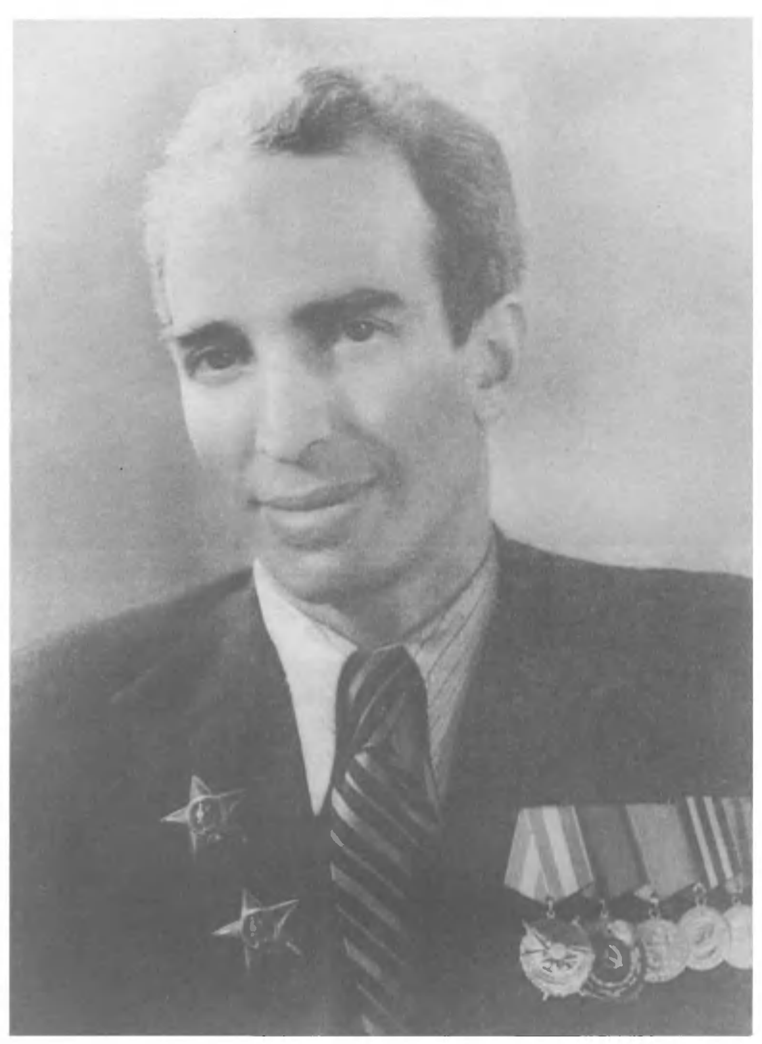
В штабе Белорусского фронта. Слева направо: Л.К. Бронтман, И.И. Бойков, К.К. Рокоссовский. Сзади — К.Ф. Телегин. Гомель, февраль 1944 г.

Л.К. Бронтман в служебной командировке в Бухаресте. 1 сентября 1944 г.

Л.К. Бронтман и Д.И. Заславский

В Берлине. Мартын Мержанов возле трупа рейхсминистра доктора Й. Геббельса

Военные корреспонденты у стен Рейхстага. Май 1945 г.



Лазарь Константинович Бронтман. 1949 г.

— Верно. Я только что вернулся с Западного фронта. И вот, когда у меня первый покойник заговорил — я вспомнил о своем обещании.

Договорились в встрече на 4 мая. Вчера я был у него дома. Живет в доме Академии наук, на Б. Калужской. Восьмой этаж. Видимо, две комнаты: мы сидели в одной, которая и кабинет, и спальня, и столовая, вторая, по-видимому, детская. Очень просто обставлена. Книжный шкаф и много книг в коридоре. Сам Влад[имир] А[лександ]рович Неговский — молодой, очень просто одет, в сером костюме, простеньком галстуке. Он 1909 г. рождения, беспартийный («Вы сообщали о своих работах в ЦК?» — «Зачем, я же беспартийный!»). Кончил 2-й Московский институт, полгода работал врачом на периферии, добился перевода на научную работу, был несколько лет в Центральном институте по переливанию крови, работал с Брюхоненко, когда ему создали институт, ушел к нему, но затем [ушел] по разногласиям в направлении работы («видите ли, он, конечно, способный человек, но страшно разбросанный, не знает науки и поэтому ничего нового создать не мог и не может, и дальше собак не пошел»). Создал свою лабораторию под крылом Бурденко, сколотил коллектив, а сейчас имеет лабораторию при ВИЭМ[69] («две комнатки, нет уборщицы, подметаем сами, нет стекол»).

Среднего роста, удлиненное, чуть загорелое лицо, высокий лоб, зачесанные назад темные волосы с зализами, на лице почти постоянная улыбка. Самое характерное в нем — глаза: серые, очень беспокойные, не то ждущие чего-то, не то ищущие.

Говорили мы часа четыре. У меня все время было ощущение, что я заглянул куда-то «туда», по ту сторону черты. А он говорил обо всем очень просто, как о рядовых будничных делах.

— Вас бы в средние века на костре давно бы сожгли, — не удержался я.

— Наверное, — рассеянно улыбнулся он.

Потом эта перспектива дошла до него полностью, и он, усмехнувшись, сказал:

— Да и вас бы, как сообщника.

Он рассказал мне о своем творческом пути.

— Я хотел не эмпирики, не эксперимента, а научной истины, познания. Поэтому несколько лет я потратил на изу-

чение механизма умирания. Как умирает организм, в какой последовательности уходят из жизни органы, функции.

— И много народа вы отправили на тот свет?

— Отправлял не я, а мои коллеги. Много. Я думаю, несколько десятков, а м. б., и больше. Но, знаете, привык. Умирает человек, а ты сидишь и смотришь (и знаешь), когда у него начнется агония, когда перестанет прощупываться пульс, исчезнут рефлексы.

Вошла в комнату жена Неговского — молодая, очень миловидная женщина, видимо, жизнерадостная и веселая. Она спокойно и даже равнодушно слушала все рассказы о смерти и оживлении, видимо давно привыкнув к этому.

— И только тогда, когда мне стало ясно до последней детали, как умирает организм, я занялся вопросом о том, как его оживлять. В своей работе я исхожу из того, что между моментом видимой смерти и действительным разрушением организма есть период, который можно и нужно лечить так же, как болезнь.

Впервые свои опыты на людях Неговский провел на Западном фронте, с декабря 1943 по апрель 1944 года. До этого он некоторое время работал в одном родильном доме № 15, проверял там свою методику: вытаскивал в жизнь мертвых детей. Вытащил 14—15, жили по несколько дней.

На фронт он попал после долгих мытарств: добивался полтора года. Вот бумажные души! Ведь все ясно, человек хочет тащить покойников с того света, нет — боятся взять ответственность.

Работал он там под огнем, в госпиталях передней линии. Тьма народа медицинского смотрела и ахала. Объекты: случаи тяжелейших ранений в грудь и живот. Брал он три категории: шок 3-й степени, агония и клиническая смерть (нет дыхания, сердце молчит, нет рефлексов). Подходил он к столу после того, как нормальные врачи складывали руки и предлагали вытаскивать людей ногами вперед (на кладбище).

— И вот вам результаты, — сказал Неговский, развертывая передо мной рукописную таблицу, разграфленную, как ведомости в ходе хлебозаготовок или смет канцелярских расходов главка. — Из 54 случаев оживления — 22 ожили, но, пожив по несколько дней, умерли на операционном столе, 15 выжили (из них 3 погибли потом от воспаления легких), а остальные живы до сих пор и, видимо, снова вернутся в строй.

Дальше он начал говорить по таблице: столько-то было агональных, столько-то — клинической смерти, столько-то — шок, из них ранения такие-то и такие-то, результаты такие-то. Привел по памяти некоторые случаи, фамилии, но за более конкретными данными документального характера просил заехать в лабораторию. Вчера же дал мне только снимок одного покойника и его письмо из госпиталя. И подарил свою книжку «Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или в периоде клинической смерти» — изд. Наркомздрава, 1943.

— Вообще, медицина знает случаи оживления. И некоторые врачи могли бы сказать, что они оживляли сами людей. Очень хорошо, но пусть они ПОВТОРЯТ это. У них были случаи этого. У них были случаи, а мы выработали СИСТЕМУ, знаем, КАК это делать, чтобы успех был почти наверняка, делаем это НАУЧНО, со зрячими глазами.

— В.А.! Если это удавалось вам с тяжелоранеными, то в случаях насильственной или внезапной смерти, когда организм не пострадал, это тоже должно дать эффект?

— Бесспорно. Утопленников, угоревших, случаи паралича сердца, некоторые отравления — оживлять будет очень легко. Большую помощь может оказать наша методика при тяжелых состояниях сердечно-сосудистой системы. Возьмите Серго[70]: он умер потому, что закупорились жизненные каналы крови. Еще бы несколько толчков сердца — и кровь пробила бы себе дорогу, был бы наш простой аппарат — он помог бы сердцу, заменил бы его и жизнь осталась бы. Или возьмите так называемые кризисы болезней: стоит помочь ослабевшему организму — и человек останется жив.

Я ушел от него шальной.

10 мая

Звонил Неговский. Говорит, что один из его пациентов находится здесь, в госпитале. Приглашает съездить к нему. Обязательно надо побывать, расспросить, что он видел на том свете.

Говорил об этом с Ильичевым. Отнесся очень настороженно: боится публиковать.

15 мая

Леша Коробов побывал за последние три дня у больших людей. Когда-то перед отправкой к партизанам он был у т. Ворошилова (он в то время возглавлял штаб партизанского движения) и инструктировался на дорогу. Потом, разоблачая «батю», он снова был у него. Потом был, уезжая в прошлом году к Ковпаку. Сейчас он решил снова пойти к нему, т. к. замыслил писать книгу о Ковпаке (он пробыл в его отряде 50 дней).

Ворошилов хорошо принял его, расспрашивал о книге, обещал помощь, потом спросил:

— Слушайте, а вы умеете писать так, как никто из вашей братии не пишет: правду, то, что видите? Кстати, почему в последнее время совсем не видно вашей подписи?

Лешка стал жаловаться на полковника[71], на загон, затирание, рассказал вообще об обстановке на третьем и четвертом этажах. Ворошилов сразу же свел его с Маленковым. Лешка повторил все Георгию Максимилиановичу, при беседе присутствовали Александров, Федосеев, а затем вызвали и Поспелова.

Т. Маленков потребовал снятия полковника, активизации людей, оживления газеты, сделать ее интересной, выходить в срок (официальные материалы можно и нужно откладывать, если они грозят выходу), выращивания имен, сделать так, чтобы члены редколлегии писали в газету, дабы партия их знала.

Позавчера Лешка был у т. Щербакова. Говорил часа два. В числе прочего рассказывал, по его словам, о Леньке, Мартыне[72], мне. Впрочем, Лешке верить надо очень осторожно: врать любит по-довоенному.

Позавчера Поспелов собрал весь актив. Сообщил о решении Политбюро по 3-му тому «Истории философии» (это решение будет изложено в редакционной статье в ближайшем № «Большевика»). Оказывается, в эти страднейшие дни ЦК нашел необходимым посвятить ТРИ ДНЯ обсуждению этого дела: таково внимание идеологическим вопросам.

Затем Поспелов призвал всех подумать над тем, как сделать газету интересной («чтобы в каждом номере был один-два гвоздевых материала»), как выходить в срок (4—4.30)

и т. д. Разошлись, и тут же, в субботу, вышли в 6.00, а вчера — тоже в 6.00.

9-го взят Севастополь. После этого на фронтах снова тихо, «без существенных изменений».

Уже три дня тепло, солнце. Разом полезла листва. Ходим, наконец, без пальто.

Звонил Кокки: уже две недели работает с 5 ч. утра до ночи, все летает.

23 мая

На фронтах — тишина. Союзники пару дней назад начали довольно энергичное наступление в Италии, наши иностранцы (Гольденберг) считают его генеральным («Рим будет взят», — говорит Яша).

В редакции тиховато. Последствий визита Коробова пока не видно. Только секретарь партбюро Ваня Золин уже третий день подряд вызывает народ и опрашивает — что надо делать для улучшения газеты, а попутно неумно и топорно прощупывает настроения о Сиротине. До сей поры он не решается собрать партактив.

В 10.30 вечера я позвонил Кокки.

— Приезжай, если свободен. Потреплемся.

Приехал. Он в трусах. Здоровый, как бык. Маленько порасспрашивал, маленько порассказал. Очень много летал, но зато в кратчайший срок облетал две новые машины Сергея (Лавочкина)[73]. Доволен — «Хороши!». Сказал, что на штурмовике недавно таскал тонну.

— Полезного груза?

— Да, коммерческого, — засмеялся он.

Сейчас он много работает в Наркомавиапроме: ведает всем летным составом Наркомата. Разработал систему награждения летчиков-испытателей: за столько-то самолетов сданных — такой-то орден, за столько-то — такой и т. д.

Без памяти влюблен в свою дочку. Много времени уделяет своему летному народу — чтобы успели засадить картошку: «лучше работать будут».

Предлагают мне поехать в Баку от эконотдела. С удовольствием поглядел бы тыл. Да боюсь, затаскают потом по тылам, обрадуются.

26 мая

Лазарев предложил написать мне несколько очерков о войне в болотах. Я узнал, что этим сейчас занимается (изучением и обобщением опыта боев в лесисто-болотистой местности) генерал-лейтенант Тарасов[74], быв. инспектор физкультурной подготовки РККА, ныне — зам. нач. управления боевой подготовки. Позвонил.

— Я сейчас уезжаю домой, а утром — в командировку. Может быть, домой ко мне?

— Отлично.

Приехал к нему в 11 ч. вечера (вчера). Небольшая квартирка. В кабинете — стол, два шкафа, диванчик, кровать. За стеклом шкафа — портрет мальчишки, веселый, чуть лукавый, лет 18.

— Сын, — сказал генерал, — второй раз в боях. Сначала восемь месяцев и сейчас — с января. На 1-м Украинском. Дважды награжден. Танкист. Третью машину меняет. Два месяца не писал, сейчас получили.

Я рассказал о теме, он горячо ухватился.

— Форсирование болот — это то же, что форсирование рек. Водная преграда. Надо брать с хода. Только методы иные. На первом плане — живая сила.

Он долго распространялся на эту тему, говорил о необходимости развивать солдатские навыки по действиям в болотах, приводил аналогию с лыжниками. «Только пишите глухо: я как-то дал статью о лыжниках, а потом ее абзацы читал в германских наставлениях о подготовке лыжников».

Затем попросил отметить необходимость выращивания пластунов. Рассказал, как еще под Белгородом, будучи уполномоченным Ставки, с согласия Ватутина провели в нескольких частях опыт использования пластунов. И это в плотной обороне! И вот одна группа из 11 человек уползла на три дня. Высокий бурьян — лафа. Вернулись все целые, убили 20 человек.

— У нас, в огне танков, БМ и Як-9, забывают порой о человеческих усилиях, — сказал я. — Хотя и БМ и Яки созданы для того же: убить врага.

— Верно, — обрадовался генерал точной формулировке.

Уходя, я помянул о футболе. Тут он оживился чрезвычайно и, стоя, держал меня еще час. Он совершенно ярый болель-

щик спорта. Говорил, что, когда последний раз ЦДКА проиграл, он неделю чувствовал себя больным.

Вспоминали отдельных спортсменов. Я спросил: помнит ли он, как «Вечерка» несколько лет назад писала о ленинградском рабочем-феномене, работавшем «мостовым краном»?

— Да, мы занимались им. Ничего не вышло. Просто исключительная становая сила. Был еще один такой, узбек Абдурахманов: рост 209 см, вес почти 150, а еле двигал двухпудовку. Бились — и зря. Вот Новак — это да! Свой вес 70, а кидает 150!! Бесспорно, самый сильный человек мира. Сейчас он в СибВО. Там жалуются — ест по три обеда. Ясно, что аппетит есть у такого.

Генерал — высокий, статный. Твердые черты длинного лица, твердые серые глаза. Каштановые волосы на небрежный пробор. Ленточки четырех наград.

30 мая

После долгих колебаний Ваня Золин и П.Н.[75] решили, наконец, созвать актив. Сначала хотели собрать просто партийное собрание, потом остановились на активе, но с вопросом: как улучшить газету.

Сегодня открылись: редколлегия с активом, тема — обсуждение июньского плана. Стенографисток нет — это первое, что заметил Магид. Вступительное слово сделал П.Н., затем Ильичев доложил о плане и, между прочим, сообщил, что намечена некоторая переброска работников, укрепление сети и т. д.

Выступили довольно зло Заславский, горячо Азизян, серо — Толкунов, Кожевников, Потапов, Лидов. Перенесли продолжение на 1 июня. Присутствует завотделом печати ЦК Федосеев[76].

Большие события в кино.

ЦК обсуждал работу кинохроники, признал «Борьбу за Крым» неудовлетворительной: не показан размах и мощь наступления, нет показа мастерства и отваги бойцов и офицеров.

Рассказывают, что т. Сталин смотрел журнал, посвященный Крыму. Сказал:

— Удивительно, операторы ничего в наступлении, кроме весенней грязи, не усмотрели.

Там не было ни действий артиллерии, авиации, танков, не было прорыва Перекопа. Фильм о борьбе за Кавказ забракован.

В связи с этим — большая реорганизация в кинохронике. Директор ее Васильченко[77] — снят, зам. Кацман[78] — тоже, нач. фронтовой хроники Марк Трояновский[79] — тоже (и назначен нач. фронтовой бригады), состав кинооператоров перешерстен. Руководителем кинохроники назначен реж. Герасимов[80], привлечен в нее Пудовкин[81] и другие режиссеры.

Вадим Кожевников сейчас работает над новым вариантом фильма «Борьба за Крым». Рассказывает, что режиссера фильма т. Сталин вызывал и полтора часа говорил, что и как надо снять и показать.

2 июня

Актив продолжается. Вчера и сегодня заседали и будем заседать еще завтра. Вчера выступили Гершберг (об организационной немощи), Шишмарев (о местной сети), Обедков (о вражде старых и новых), Пишенина (об эконотделе), Хандрос (о культуре работы).

Сегодня выступили Кононенко (хвалила Ильичева и ругала Рыклина), Рябов (исковеркал сельхозотдел), Лукин (защищал литотдел), Корнблюм (частные замечания), Волчанская (не осталось в памяти), Шур (внимание политработе в армии), Парфенов (кадры, письма). Говорил и я: покрыл Обедкова, о расширении тематики, об изношенности сил и лечении оных у людей.

Завтра будут, видимо, выступать члены.

Позавчера состоялось решение ЦК о снятии Лазарева и назначении зав. военным отделом и членом редколлегии генерал-майора Галактионова[82]. Лазарев убит. Что причиной — никто ему не говорит, что дальше делать, он сам не знает. Мне его по-человечески жаль.

Магид роет землю. Позавчера он был у Щербакова. Говорил с ним около двух часов. Сказал о недостатках. Говорил о Сеньке (Гершберге — «и. о.»), предлагал сделать его секретарем. Смешал с говном кое-кого. Говорил о Ваньке[83] («убожество»). Сегодня был у Александрова, говорил о том же.

3 июня

Актив закончился. Члены не выступили. Короткую неуверенную речь держал Золин. Затем на 1 ч. 10 мин. выступил редактор. И закрыли.

Все осталось как было.

Все время стоит холодная погода. Когда же лето?

6 июня

Сегодня на рассвете союзники начали второй фронт!

Прослышав об этом, мы немедля собрались в редакцию. Ажиотаж прямо. Все телефоны звонят, со всех заводов спрашивают — верно ли?

Подробности пока: между Шербуром и Гавром, 4000 судов, 11 000 самолетов, потери минимальные, особого сопротивления нет, «атлантического вала» нет, за линией береговых немцев высажены воздушные десанты в размере нескольких дивизий.

Дня за два до этого американцы, ссылаясь на лондонское радио, опубликовали сообщения о втором фронте. Через два часа дали английское опровержение. Мол, неопытный диктор тренировался и по ошибке передал в эфир не то. Гм...

9 июня

Дела у союзников развертываются «планомерно», но особых результатов пока не видно. За четыре дня занят лишь один населенный пункт. Всех занимает вопрос: когда начнем мы? Все высказывают различные предположения. Магид и Скопина считают, что скоро.

Галактионов провел совещания замов. Обязанности первого зама («по всем вопросам») возложены на Золина. Что будут делать остальные — неясно. Сегодня говорил с Ильичевым, сказал, что недоумеваю: кто же я — зам или разъездной военный корреспондент? Собеседник лавировал и успокаивал.

Сегодня в 2 ч. ночи (на 10 июня) я, Ильичев, Лукин и Галактионов поехали смотреть опытную демонстрацию второй программы стереокино (авторство Иванова[84]). Сложнейший

экран: чугунная станина, на ней натянуто 36 000 проволочек, за ними — экран из искусственного жемчуга. При демонстрации на экране бесчисленные световые полоски, поэтому голову надо ворочать так, чтобы их было как можно меньше. Показывали две картины: «Ленинград после немцев» и детский лагерь (елка в Колонном зале). Особого эффекта не видно. Разница с обычным кино (за исключением нескольких кадров) почти незаметна. Страшно утомляются глаза. Народу было 20—30 человек.

Сегодня говорил с генерал-лейтенантом Журавлевым, уговаривал написать статью — военный обзор о действиях авиации союзников. Не хочет:

— О чем писать? Если говорить всерьез, то первые дни вторжения, а особенно воздушная подготовка к ним, показали, что авиация решающего значения в войне не имеет. Если бы имела — союзники были бы уже у Парижа. Вы поймите только: 11 000 самолетов, 30 000 вылетов за два дня. И что же? Ничего. Не заставляйте меня комментировать уже скомпрометированную мощь авиации. Бомбардировщики могут разбомбить город, но даже не испугают войска. Вот истребители у них хорошо работают. Смотрите — немцы не бомбят море. Боятся лезть. Затем хорошо сработаны воздушные десанты, значение которых скажется позднее. Естественно также, что наличие в воздухе таких мощных стай стесняет передвижения и маневр противника. Но бомбардировщики себя не оправдали. Хотите искренно: союзникам не хватает штурмовиков. Ил-2 — прекрасная машина. Она создала целую эпоху и буквально искореняет фрицев. Будь у союзников Ил-2 — мы бы с вами через неделю дали обзор о занятии Парижа. Они бы рассеяли все танки немцев и истребили пехоту.

13 июня

Сегодня говорил с Ильюшиным. Очень обрадовался звонку. Напомнил, как года два назад в фойе цирка мы говорили с ним об одной машине — ястребке, — а сейчас она уже готова. Рассказал, что нет данных о боевом применении авиации союзников («сейчас я написал обо этом докладную»).

— А на одних технических данных далеко не уедет конструктор. Данные одно, а практика — другое. Вот у У-2 и данных нет, а работает чудно, а у «Харриера» все данные отличные — а машина же говно.

Поэтому писать статью об авиации союзников (технический обзор) он отказался и предложил другую тему — о действиях Ил-4 (дальних бомбардировщиках и торпедоносцах). Я обещал поговорить с Галактионовым и Поспеловым.

Звонил Шпитальному, предложил написать статью о прогрессе авиационного оружия. Охотно согласился.

Позавчера днем было совещание отдела. Присутствовали: Галактионов, Золин, Яхлаков, Иванов, Горбатов, Первомайский, Кожевников, Брагин, Курганов, Шур, Толкунов, Куприн, Устинов, Струнников, Коротков, Коршунов. Выступали почти все. Писатели требовали эмансипации, возможности работать для страны, а не только газеты, для себя, все требовали индивидуального подхода.

— В госпитале я лежал вместе со старшим сержантом командиром автоматчиков, — сказал Курганов. — Он мне рассказывал, что такого-то бойца нельзя послать в степь, т. к. он лесник, а такой-то — рыбак — и чудно действует на реках и озерах. И я подумал, как бы завести такого старшего сержанта у нас. Мы в нашей газете слишком по-военному подходим к людям, а вот военная газета «Красная звезда» подходит к ним по-газетному.

Все говорили о лжеоперативности, о погоне в ногу за сводкой. Все, и генерал, согласились, что это ни к чему. В заключительном слове генерал говорил о качествах военного журналиста:

— Талант или высокая квалификация + огромный запас знаний + опыт + умение предвидеть ход событий.

А вечером пришло сообщение о прорыве на Карельском перешейке, и я срочно добывал из Ленинграда материал к сводке.

Погода вроде установилась. Тепло. Даже жарко.

Написал сегодня очерк «Угол — 60°» — о пикировщиках. К нам.

21 июня

Наступление союзников развивается медленно, но успешно. Перерезали п/о[85] Контонен, подошли к Шербуру. У немцев что-то нет пехоты там — одни танковые дивизии. Странно. Генерал Галактионов ночью мне сказал, что у них нет резервов — не думаю. Он считает вообще положение союзников крайне рискованным — узкая ленточка, легко смять танками, спасает только флот: подходит к берегу и лупит из пушек. Хотя тут же добавляет, что Гитлер не будет сбрасывать англичан в море, иначе будут говорить: Красная Армия сильнее, ибо с ней он не может справиться. Забавная история.

Наше наступление на Карельском перешейке идет успешно. Вчера взяли Выборг. Объявили об этом в 12.15 ночи, в 0.30, в дождь, был салют. Большой, областной, 20 залпов.

На перешейке вчера, в Терриоках, был легко ранен в голову наш Ганичев (Гольдман). Бомбежка и обстрел из пулеметов с воздуха. Машину сожгли. Вечером говорили с ним по телефону, храбрится.

Ночью звонил Белогорский — говорит: у них контужен там Женя Кригер. Всего три дня назад звонил он мне — не иду ли на футбол на «Динамо».

Сегодня партсобрание, отчет о работе Полевого и Курганова. Любопытное сопоставление.

25 июня

Эти дни в редакции траур. Днем 22-го получили телеграмму: «В ночь с 21 на 22 июня на месте командировки бомбой убиты ваши корреспонденты Лидов и Струнников и корреспондент «Известий» Кузнецов. Похороны устраиваются на месте. Прошу сообщить Ровинскому. Полковник Денисов».

Утром 22-го они вылетели на базу «Летающих крепостей», а ночью были убиты. Денисов — корр. «Красной звезды».

Страшно. Меня эта весть поразила почему-то больше, чем известие о гибели Калашникова. Еле сдерживал слезы. Как раз накануне вечером оба были у меня. Лидов приглашал меня лететь с ним, потом стал звонить Хвату — чувствовалось, что не хотелось одному. Говорили о работе, о девушках, он любил обе эти темы. Вообще, любил поговорить с друзь-

ями. В последнее время он готовился к работе на Западе, изучал французский, давался он ему легко.

Струнников показывал снимки приема в особняке НКИД. Молотов, Микоян[86], Вышинский[87], Лозовский[88] — прямо живые, свежо и непосредственно.

И вот... Ровно трехлетие войны. Петя начал ее в первый день в Минске, и тоже бомбежкой. Помню, дня через два-три приехал с семьей в Москву, бросив в Минске все имущество (он был там нашим корреспондентом). Домрачев собрал нас — актив коммунистов, — и Петя рассказывал, что такое бомбежка («может быть, и вам придется испытать — вот, знайте, что это такое»). Он рассказывал, как отправил семью в убежище, а сам остался в комнате и почему-то лег на кровать, лицом к стене. Потом, в паузу, сошел вниз, там паника. Он начал шутить, чтобы успокоить. Затем подошла машина, и он, не теряя времени, сел с семьей и уехал, не поднявшись даже в квартиру — третий этаж, — безо всего, и даже паспорта остались в ящичке тумбочки.

Много мы провели вместе. Московские дни 1941 г. Петька держал место в своей машине для меня или Сеньки, если придется давать ходу.

В 1942 г. весной он мне сказал: «Не переживу, наверное, этого лета. Война пошла на убой». В прошлом году мы встретились с ним под Киевом. Хорошо жили, дружно.

А Сережа... Написал я вчера некролог о нем. Теплый, как мог.

Мы послали позавчера на место Яхлакова и Кирюшкина. Вчера они вернулись. Кирюшкин рассказывает, что была интенсивная бомбежка. Ребята — в укрытие. Когда первая волна прошла — встали и пошли. Бомба — и все. Похоронили вчера в Полтаве. Был весь город, десятки венков. Торжественно, но что им это! Бомба — 500-ка! Лидова убило взрывной волной, Струнникову вырвало спину, а от Кузнецова в гроб положили одну ногу. Ужасно!!

2 июля

Наступление развивается вовсю. За эти дни взят Могилев, Жлобин, Витебск, Бобруйск, Борисов, Слуцк, Полоцк, Петрозаводск. В день иной раз забирают по 1200 пунктов. Немец

драпает, но не успевает: под Витебском и Бобруйском окружили и кокнули по 5 дивизий.

Позавчера нас торжественно собрали в конференц-зале «Комсомолки» и вручили медали «За оборону Москвы». Очень приятная медаль, гордая! Получили я, Гершберг, Лазарев, Парфенов, Хавинсон, Шишмарев, Штейнгарц, Заславский, от издательства — Ревин, секр. парткома Аронова и мастер наборочного Попов. Ильичев и Поспелов идут по списку ЦК. Это пока 1-я очередь: на район дали 150 мест, на всю Москву отчеканили пока 3000 медалей. Вручал зампред. Моссовета Майоров.

Дня 3—4 назад долго говорил с Поспеловым о положении в отделе и положении со мной. Он, конечно, успокаивал, говорил, что не знал, что редакция очень ценит, что «московские дни накладывают такие узы, которые нельзя забывать», что будет во всем советоваться лично со мной, что зря я не обратился к нему сразу и т. п.

Золин сказал, что дней 10 назад послано на меня представление на 1-й Украинский фронт.

Приехал из Киева Леша Коробов. Ездил делать статью дважды Героя Ковпака. Тот месяц был в командировке. Чтобы «не скучать» — Лешка смотался на 20 дней в тыл к немцам, к партизанам. Молодец, как на дачу!

Вчера у меня сидел два часа летчик-испытатель Юганов. Хорош! Буду писать о нем. Усиленно зовет к нему домой, видимо, понравились взаимно.

Галактионов жмет на меня со статьями — заказываю их без конца.

Позавчера перевезли Абрама на дачу в Серебряный Бор. Положение его по-прежнему плохо.

4 июля

Сегодня был бурный газетный день. Вчера взяли Минск, но мы не работали (понедельник). А давать-то сегодня надо. Позавчера еще договорились о самолете начерно, вчера — набело. Решил лететь Ваня Золин, но надо же кому-то и писать? Искали вчера вечером меня — я был в театре. Вызвали Мартына Мержанова из дома отдыха — он там лечился. Сегодня в 4 утра улетели плюс фотограф Коротков. Летели на Як-6, с посадками. В Борисове сели на полуразминированный аэро-

дром — в это утро там сняли 740 мин. В Минске садились на вообще непроверенный аэродром. Город, по их словам, разбит в дым, уцелели домишки только на окраинах. Жителей очень мало.

Прилетели обратно в 10 ч. вечера, пока добрались — полночь, пока Мартын написал — 3 ч. утра.

Сегодня же взяли и Полоцк. Материал о нем передал Павел Кузнецов. За день туда был послан фотограф Яша Рюмкин. Его вообще гоняем сейчас по спецзаданиям. Послали на Карельский — через день вернулся на самолете со снимками. Послали на Витебск — есть. А тут — ни слуху ни духу.

В 12.40 звонок: «Ваш корр. Рюмкин просит сообщить, что вынужденная посадка под Москвой. Пришлите машину».

Оказалось, вылетел на У-2 в 7.30 вечера с посадками. В 12.30 мотались-мотались — Москва не принимает, бензина нет, сели в поле. «Вот попотел от страха». Добрался к трем, проявили, напечатали, и... не влезло. Вот цена кадра!

Кончили в 7.30 утра.

20 июля

В редакции ничего нового. Несколько дней назад в КПК[89] состоялось первое заседание по делу Магида. Поспелов произнес Магиду хвалу, назвал Ларионова клеветником. (Это — со слов Магида!)

На войне бурное оживление. Постепенно вошли в строй и новые фронты: 2-й Прибалтийский, 1-й Украинский, 3-й Прибалтийский. Жмем всюду. Очевидно, очень скоро вся советская земля будет чистой. Вот тогда начнется драка, ух!

Приехал Сашка Шумаков[90]. Живет у нас. Такой же, как и был.

28 июля

Сегодня у нас идет статья конструктора Лавочкина «Конструктор и завод». Он продиктовал Магиду стенограмму, затем за нее сел Гершберг и написал статью. 23 июля Лавочкин послал статью т. Сталину, а вчера она вернулась с надписью: «Т. Поспелову. Опубликовать. *А. Поскребышев*».

Но так как там упоминается и т. Маленков, то Поспелов решил ее показать и Маленкову. Послали. Маленков тоже

оставил без замечаний все (т. Сталин не изменил ни одного слова), но решил убрать в конце свою реплику: «Он (Лавочкин) не хочет портить свою машину» (поэтому-де не соглашается увеличить дальность). Маленков позвонил об этом Сталину. Сталин сказал: «Только с согласия автора».

Вот отношение к автору! Нам бы такое!

Сейчас читал стенограмму. Помимо идущего в печать там есть несколько очень интересных моментов:

«Товарищ Сталин внимательно следит за серийной техникой, за эксплуатацией и очень часто спрашивает у конструкторов: почему появились такие-то недочеты, откуда они, старается подсказать, что нужно их свести к минимуму. В начале войны выяснилось, что наши машины у земли летают плохо, «ноги» не убираются и т. д. Т. Сталин вызвал меня, я открыл дверь, вхожу:

— Слушайте, почему у вас «капоты»? Нельзя ли додумать так, чтобы это не происходило?»

«Сделал я машину, а завод не дотянул ее в производстве. Данные были ниже расчетных. Вызвал меня т. Сталин, встретил нас (меня, Маленкова, Шахурина) полушутливо:

— Ну что мне делать с вами, конструкторами? Как вас научить? Вы делаете новые вещи, изобретаете, все это нужно, хорошо. Но надо делать, чтобы это было жизненно. Почему ваш самолет не имеет расчетной скорости, почему он не дает опытных данных?»

29 июля

Наступление развивается темпами совершенно сказочными. Взяты Брест, Белосток, Львов, Перемышль, Двинск, Митава, Резекне, началось наступление на Каунас. Тут дело не только и не столько в отступлении немцев, но в том, что они ничего не могут сделать. Их генералы, видимо, растерялись, мы их переиграли. Этим, видимо, и объясняется попытка генеральского путча и покушения на Гитлера 20 июля.

Сегодня видел Илью Мазурука[91]. Он рассказывает, что два года был на перегонной линии. Проходит у черта на куличиках, через Оймякон. Вот где лежит будущая (собственно, уже настоящая) трасса воздушной связи СССР—США.

Гонят все — шестерки «Бостон», Си-47, «Кобру». Вырабатывают 35 часов, а ресурс — 400. Чудно!

— Американцы пишут о воздушной линии?

— Еще как.

— А японцы знают?

— Еще бы. Мы же в воздухе гогочем, как гуси. Слушают вовсю.

Говорил с полярниками. Навигация нынче очень тяжелая. Много льда.

Иосиф Верховцев рассказал забавную историю. Его дядя Соломон Абрамович Пекер не смог вовремя в 1941 г. удрать из Киева. Ему 55 лет. Его жена — украинка, партизанка — приютила его у какой-то знакомой на Куреневке и еще 26 евреев. Достала им паспорта. Ему был паспорт монаха. Он отрастил бороду, стоял на паперти с кружкой. В эту кружку опускали записки — партизанская почта. Готовый фильм! Все остались живы.

Сегодня у Зины была ее подруга Полина, стенографистка. Рассказала трагическую историю. Была у нее ученица 39—40 лет, Морозова, кажется. Очень способная машинистка. Где-то у Марьиной Рощи ехала в час ночи в трамвае. Стояла на передней площадке. Мальчишка хотел спрыгнуть на ходу и нечаянно столкнул ее. Упала под вагон, отрезало обе ноги.

Трамвай ушел. Лежит. Ни души. Подошла какая-то женщина. «Гражданка, вам ноги все равно отрезало, разрешите взять ваши туфли, они вам больше не нужны!» И снова никого. Появился, наконец, военный. Подошел, нагнулся, ахнул. Сорвал у нее с шеи шарф («я думала — задавит»), перетянул ноги, вызвал «скорую помощь». Доставили к Склифософскому, на стол.

Работала она, кажется, в Наркомате стройматериалов. Тот немедля вызвал из провинции ее сестру, дал ей пропуск. Сейчас Морозова печатает от Наркомата на дому, а сестра носит ей работу. Человечески.

30 июля

Позавчера взят Перемышль. Сегодня прилетел с 1-го Украинского фронта кинооператор Ник. Вихирев. Звонил мне с аэродрома:

— Привез вам снимки — снимал Перемышль с воздуха. Должно получиться хорошо. Когда перезаряжал кассету — налетел мессер. Срезал хвост у нашего У-2. Сразу встали на нос. По счастью, внизу река. Плюхнулись в нее. Пилот довольно сильно ушибся, а я отделался царапинами.

Послал машину за пленкой.

8 августа

Наступление продолжается, но значительно меньшими темпами. Сопротивление немцев очень усилилось. Достаточно сказать, что за последние дни подбиваем по 120—160 танков, до 120 самолетов.

Дней десять назад на 1-й Белорусский фронт вылетали наши ребята — Золин и фотограф Рюмкин — брать Варшаву. Два дня назад Золин вернулся. Пока Варшавы не видать. Идут тяжелейшие бои в 10—15 км от города. Таково же положение и на подступах к Восточной Пруссии — стоим в 10—12 км от границы (с Каунаса) и не двигаемся. Немцы перекинули на наш фронт уже 16 дивизий и бригад с запада. Вот так второй фронт! Правда, за последние дни американцы немного зашевелились там, как пишут сами корреспонденты, без сопротивления, «иногда идем ЧАСАМИ (!) без выстрела».

С Золиным прилетел Яша Макаренко. Рассказывает, что поляки встречают довольно радушно, или, точнее, довольно равнодушно. Села — полным-полны, людей — море, мужчины — на каждом шагу, хлеба вволю, скота много, деревни чистенькие, девушки пахучие, изумительные, но держатся строго.

Сегодня прилетел с 1-го Белорусского Яша Рюмкин. Он снимал лагерь смерти, устроенный немцами в Майданеке — предместье Люблина. Это было чудовищное место. Яша сидел у меня и взволнованно рассказывал:

— Константиныч, я много видал страстей, но такого не видел. Была устроена баня — люди раздевались, входили мыться, а в мыльню напускался по особым трубам газ, и люди дурели, становились безвольными. Их выводили и сжигали живьем в громадных каменных печах, устроенных, как пароходные топки. Пепел укупоривали в глиняные горшки и продавали на удобрения. Одежду продавали и распределяли. Свозили туда людей отовсюду — русских, поляков,

чехов, французов, норвежцев. Говорят, там погибли миллионы!

Яша показывал мне снимки. Жуть!

Топки как хлебопекарные печи, в каждой печи — несколько топок. Склады снятого с жертв имущества. Фотокарточки из ограбленных бумажников — детишки. Горы обуви — дамские туфли, детские крошечные башмачки («это страшно, Константиныч, физически ощущаешь, что все это было на детях»). Трупы, которые не успели сжечь. Инвалиды, которых не успели сжечь. Ужас!

Сейчас там работает чрезвычайная комиссия.

18 августа

Никак руки не доходят до записей.

В субботу, 12-го, я дежурил. В 4 ч. утра звонит мне Галактионов и просит зайти к нему.

— Вы могли бы полететь в 6 ч. на фронт, сделать статью маршала Новикова ко Дню авиации?

— Могу, конечно.

Кончили номер, заехал домой, переоделся, позавтракал, поехал на аэродром.

Летел вместе с членом Военного совета ВВС генерал-полковником Николаем Сергеевичем Шимановым[92]: высокий, несколько тучноватый, с темными волосами, широким лицом. Очень приятный и простой в обиходе. Кроме того, летели: жена Новикова Елизавета Федоровна, молодая, приятная, простая, дочь от первой жены Светлана 15—16 лет, сын от первой жены Лева, лет 20, студент дипломатического факультета, и сын члена Военного совета 1-го Белорусского фронта лейтенант Телегин, только что окончивший летную школу и отправляющийся на боевую стажировку. Пилотировал генерал-майор Грачев[93]: здоровенный, тучный, очень приятный летчик.

Машина отличная (И-47). Кожаные кресла, отличная изоляция, радио, патефон. Сын Телегина летел с баяном, играл. Играл и Шиманов, потом он решил играть на баяне, как на рояле, положил его плашмя, мы держали и растягивали меха, а он перебирал клавиатуру.

Затем играли в козла (карточного), и Шиманов подбивал даже на очко. Слушали патефон.

Погода была превосходной. Долетели до Сарн, взяли прикрытие и через час были на месте — под Люблином, недалеко от Вислы. Летели всего около 5,5 часа.

Встретил нас генерал какой-то, усадил в «Виллис».

— А самолет надо отогнать на другой аэродром, километров за 60—70. Там будет безопаснее, — сказал он.

Поехали. Чистенькое шоссе. По бокам — польские деревни, аккуратные домики с палисадниками, женщины, одетые так, как у нас в городе, цветники, костелы.

Приехали на место. Новиков жил в помещичьем имении, небольшой двухэтажный дом, немного похуже шмурловского, небольшой парк вокруг, сам помещик умер когда-то, а помещицу немцы увезли в Варшаву за то, что она не разрешала им ловить рыбу в своих прудах.

Еще дорогой Шиманов показал мне наброски заготовленной статьи. Я забраковал их и сказал, что все надо делать заново.

— Но успеете ли? Завтра надо обязательно вылететь обратно.

— Чай и машинистку, — ответил я. — Успею.

Сразу по прилете я встретил генерал-лейтенанта Полынина Федора Петровича[94], командующего 6-й воздушной армией. Когда-то, в 1936—1938 годах, я много сидел с ним и писал «Записки китайского летчика» — он был в Китае, летал на Формозу, потопил японский авианосец в их главной реке (забыл ее название). Мы долго тогда думали, как подписать статью, и решили поставить подпись «генерал Фынь-По». После Полынину дали звание Героя, я приехал, сообщил ему об этом, он был растроган. За время войны я его не видел, но часто получал от него приветы. Сейчас я напомнил ему о подписи.

— Да, — засмеялся он, — оказались пророками, стал генералом.

Спустя часа два Новиков позвал меня. Мы сели за маленьким столиком втроем (плюс Шиманов), он потребовал пива (мы привезли с собой ящик), и начали дело. Новиков был в генеральских брюках и в нижней белой рубашке, коротко стриженный, невысокий, плотный, с энергичным лицом, негромким спокойным голосом.

Я сказал, что ждем от статьи. Выступает впервые за войну, нужны принципиальные положения, скромные, но уве-

систые выводы, нужно показать, как руководил всем Сталин. Он согласился. Мы говорили около двух часов, я записывал все, что он говорил (см. коричневый блокнот) и первый вариант его статьи.

— Я бы просил вас не улетать завтра, — сказал он. — Еще раз утрясем, подумаем. А я вас как-нибудь доставлю.

В разговоре чувствовалось, что он хорошо знает дело, хорошо знает полки, историю русской авиации (на следующий день он рассказывал со всеми подробностями историю о том, как в Первую мировую войну один летчик бросил в беде другого. Речь шла о летчике, кажется Желубинском, кинувшем Павлова, — впоследствии начальник воздуха; он разбился, кажется, в 1926 году).

Я вызвал машинистку, продумал план и часов в 10 сел за работу. Диктовал до трех. Новиков и Шиманов несколько раз подходили, спрашивали — не устал ли я. Новиков принес нам по чашечке пива. Потом подошел опять:

— Не знаю, Огнев, имени и отчества. Кончите — в столовой для вас и партнерши готов ужин.

Вино, помидоры, огурцы, паюсная икра, сыр, колбаса, холодный жареный карп (из здешних прудов), первое, второе.

Шиманов предложил спать в отведенной для него комнате. Перед сном прочел статью, одобрил ее и приказал положить у изголовья уже уснувшего маршала. Легли мы что-то около четырех.

Утром я проснулся часиков в 10. Маршал спит, Шиманова нет. Где? Оказывается, встал часов в 6—7 и отправился бродить с двустволкой по прудам — тут тьма уток. Но зарядов всего было 8. Трех уток подранил, но не нашли.

Новиков, проснувшись, сразу прочел статью. Понравилась. Мы сели на ступеньки крыльца, и он попросил сделать только две вещи: немного убавить ссылки на Хозяина («слишком много не пропустит») и убрать речь от первого лица.

— Это нескромно. У нас не принято.

Шла суета, полковники готовили горы указов и приказов ко Дню авиации, зло поглядывали на меня, но мы продолжали беседовать, снимались. Я попросил его пожелание к передовой — он высказал.

Речь зашла о таране. Я высказался против. Новиков и Шиманов поддержали.

— Это от неумения стрелять, — сказал Шиманов.

— Да, — согласился Новиков. — Но иногда таран оправдан: если доверен важный объект.

Очень налегал на искусство маскироваться облачностью, солнцем.

— Вот иногда говорим, немец вывалился из облаков. Это значит — умел маскироваться. Так и мы должны.

— Всегда ли нужно лезть в драку? — спросил я. — Два против пятнадцати и т. п.

— Чепуха, — ответил он. — Есть храбрость разумная и безрассудная. Никакого позора нет при неравных силах уйти. Какой прок быть сбитым.

— А летать можно всегда?

— Нет. Против метеорологии не попрешь. Можно летать вслепую, но нельзя драться вслепую. И мы сейчас в наставлении прямо записываем, что существует нелетная погода.

— Я думаю, что пора драться не только умением, но и числом.

— Правильно. И если сейчас бывает так, что наших меньше, это большей частью объясняется тем, что командир не умеет наращивать силы.

— Какой лучший истребитель?

— Ла-7. Вот вы расхвалили Як-3, а это переходная машина, и огонь у нее мал.

Вечером смотрели кино: картину «Всадники». Новиков посадил меня рядом, фыркал, ругался и, наконец, после 5-й части встал.

— Что за картина, которая не захватывает, не переживаешь. Почему все орут, почему приказания отдаются ревом? Почему немцы по шоссе идут парадным шагом с барабаном? Чушь!

До этого ездили ловить рыбу неводом. Здесь в прудах разводится карп. Пять прудов дают до 80 т[он]н рыбы. Мы завели невод и поймали щук 30, по полкило каждая. Новиков очень переживал ловлю. Потом собрались крестьяне, и он с Шимановым час проговорил с ними о польском комитете. Они знают и комитет, и Моравского, и Василевскую, но высказываются осторожно.

Шиманов тоже остался ночевать. Решили лететь утром, в шесть. Сели все завтракать.

— Что будете пить? Коньяк, цинандали, водку?

— Коньяк, — ответил я.

— Правильно.

Мы с ним пили коньяк, он разливал, Шиманов — вино, закусывали помидорами, карпом.

— Хорошая рыба, только утомительно есть, — сказал Новиков. — Мяса я ем мало, а вот молоко и, особенно, простоквашу люблю. На этом деле пострадал однажды. Съел в нашей военсоветовской столовой простокваши, и свезли в Кремлевку — отравился. Несколько дней температура выше 40. Страшные боли. Два раза в день докладывали Сталину о здоровье. Когда температура спала, он позвонил: «Вы государственный преступник! Кто вам позволил есть всякую чепуху, что попало? Я, что ли, должен следить за вашим питанием??»

— Часто вам приходится бывать у него?

— Я все больше на фронте. А когда в Москве — иногда по несколько раз в день вызывает или звонит. И когда только успевает.

Проводил он нас на аэродром. Попросил снять на прощание. Тепло попрощались, улетели. Спали всю дорогу. Шиманов взял с собой собачку на дачу: всю дорогу блевала.

Да, когда я там был, Новиков вызвал к себе командира одного истребительного полка подполковника Ковалева. Он посадил его у Вислы прикрывать наши войска на Сандомирском плацдарме. Держал на приеме полтора часа. Вышел бледный.

— Что?

— Обещал голову снять. Немцы, говорит, летают, а вы хлопаете. Да в рапортах орете — не принимают боя, бегут. А они бомбят, понимаете, наших бомбят.

— Голос повышал?

— Нет. Это-то всего хуже!

Видел там командующего 16-й воздушной армией генерал-полковника Руденко. Встретились приветливо. Вспомнили встречи:

— Ну вы, Огнев, всегда у нас перед большими прыжками бываете. Были под Курском, под Днепром, сейчас у Вислы. Приезжайте в Варшаву.

— А обратно отправите?

— Двумя самолетами, если одного мало.

22 августа

Отвели, наконец, День авиации. Празднование его ЦК перенес с 18-го на 20-е, причем решилось это вечером 17-го. Яковлев рассказывал мне, что собрались у т. Маленкова, затем пошли к т. Сталину, «предложили одно мероприятие», и он сказал, что надо тогда сделать 20.08. В тот же день в газетах было опубликовано сообщение о том, что СНК СССР постановил перенести празднование на 20-е, на воскресение.

Я думаю, что это «мероприятие» — пролет самолетов, который был устроен 20-го. Летало немного — несколько девяток. (Точное число указано в копии моего отчета.) Хотели устроить настоящий парад воздушный, но, как передают, Сталин сказал, что нельзя снимать авиацию с фронта.

Мороки у нас было много. Главную ставку мы делали, естественно, на статью Новикова. 17-го я узнал, что он прилетел в Москву. Позвонил ему. Он очень дружески приветствовал меня:

— Как статья?

— Маленков смотрел, одобрил, но сказал, что надо показать самому.

Вечером 19-го выяснилось, что статья не пойдет — Сталину некогда было ее просмотреть. Я позвонил Шиманову.

— Вы нас подводите!

— Что же я могу сделать? Некогда ему читать — другие дела. Но ты не отчаивайся, через несколько дней ее дадим.

— Дорого яичко ко Христову дню.

— Такое яичко всегда дорого.

Но выручили указы. Пришло постановление СНК о присвоении звания Главного маршала авиации Голованову и маршалов авиации заместителям Новикова — Ворожейкину[95], Фалалееву, Худякову[96] и замам Голованова — Скрипко[97] и Астахову, тьма указов о награждении, о Героях, о присвоении трижды Героя Покрышкину. Я написал передовую, мы дали очерк Рыбака о Покрышкине, очерк Заславского о конструкторах, указы — вот и вся газета.

Часиков в 12 я позвонил Голованову.

— Поздравляю, Главный маршал.

— Вы шутите, Бронтман?

— Серьезно.

— Вот тут у меня маршал Астахов, маршал Скрипко, генерал-полковник Гурьянов (его член Военсовета, совсем недавно генерал-майор). Даю Астахова — скажите ему.

Подошел Астахов.

— Здравствуйте, т. Бронтман. Спасибо за поздравления. А с чем поздравить Голованова? Ах, вот как! А то он нас поздравляет, а про себя не говорит.

— С вас магарыч, т. маршал.

— Хотите авиабензином? Или, может быть, смазочными?

В воскресенье проснулся в 4. Чудный, ясный день. Выпил чаю, побрился. В 5 ч. послушал салют в честь Дня авиации — по приказу т. Сталина били 20 залпов из 224 орудий. Приехали кузины Витя и Дэлка. Только расселись, звонок. Звонит пом. редактора Петепухов.

— Лазарь? Звонил Поспелов с дачи. Едет в редакцию. Просил тебя немедленно разыскать. Оказывается, в 5 ч. были на Красной площади т. Сталин и другие. Знаешь?

Вот так так! Я позвонил Кокки.

— Ничего не знаю.

— Тебя поздравить? (Мы получили Указ о награждении летчиков-испытателей. Орденом Отечественной войны 1-й степени Владимира, Красного Знамени — Валентина[98] и Костю[99]. Всю семью!)

— Немножко.

— Что ты с ними делаешь (с орденами)?

— Вешаю в шкаф. Заходи, что давно не был?

Позвонил Ляпидевскому[100]. Ничего не знает. Приехал в редакцию. Магид звонил Новикову — тот тоже ничего не знает.

И вдруг узнаю, что секретарь нашего литотдела Польская была на площади. К ней. Действительно. Ехала она на работу. В 4.45, будучи на площади Революции, услышала по радио, что будет салют. Так как никогда не видела пальбы с Красной площади, то решила посмотреть оттуда. Прошла к углу Исторического музея и ждет. Вдруг видит, что все бегут к центру площади. Пробегает мимо мужчина и говорит: «Что вы стоите, там Сталин!» Побежала. И верно. На правой площадке Сталин, Молотов, Микоян, Маленков и другие. Сталин в шинели, с погонами, в фуражке, очень хорошо выглядит, все время улыбался, шутил. Рядом с ним стоял кто-то усатый, и он обращался к нему, смеялся, разговаривал с ним. Народ подошел

к самой решетке, кричал. Ребятишки влезли на ступени Мавзолея. Сталин махал на приветствия рукой, аплодировал, высоко, по обыкновению, подняв руки. Когда пролетели самолеты и кончился салют — сошел, и все ушли в заднюю калитку. Было просто, тепло и интимно. Никакой охраны.

Приехал Поспелов. Сразу позвонил Жданову. Тот сказал, что обедали, потом решили пройти на площадь и посмотреть салют. Были Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Жданов, Щербаков, Микоян. Надо написать.

В это время позвонил Щербаков. Спросил, знаем ли мы? Да. Сможем ли быстро написать, часам к 9? Да, некоторые наши товарищи были.

— А снимок?

— Нет, не снимали.

— Прохлопали. Эх, вы!

Поспелов извинился. Проверил у присутствующих. Обещал к 9 прислать отчет.

Начали искать снимок. Оказывается, как на грех, никто из фотографов Москвы не снимал салют на площади. Может быть, из москвичей кто-нибудь снял? В таком случае его обязательно должны замести. Я позвонил начальнику московской городской милиции. Нет, не замели, был честный народ. Тьфу-ты!

Сел писать. Написал 200 строк. Собрался с Магидом ехать на вечер ВВС в ЦДКА. И банкет после. Но Ильичев предложил писать в номер передовую: «Неудобно, раз так — давать гражданскую. Напиши о мужестве и героизме бойцов, особенно летчиков». С горя пошел обедать домой. Только сел — звонок Поспелова.

— Лазарь Константинович, немедленно приходите. Отчет нужно в корне переделать.

Проглотил харч, иду в редакцию.

Отчет вернулся из Кремля.

— Надо убрать все о пребывании т. Сталина на площади. Не делать ее центром. Убрать название самолета Ла-7. Убрать количество пролетевших самолетов.

Было уже 11.30 вечера. Сел работать. К двум часам ночи сдал и передовую и отчет. Газета вышла в 4.30, на полчаса позже срока. Да, я забыл записать, что недели полторы назад позвонил Маленков и очень строго предложил выходить вовремя и прекратить опоздания.

— Когда у вас срок?

— В 4 часа, — ответил Поспелов, впопыхах забыв, что в 4.30.

— Так вот, в 4 и выходите.

И вот уже дней десять выходим в 4—4.30.

А прокол с отчетом понятен. Несколько лет назад был такой же случай. Мы узнали, что т. Сталин вышел из Большого театра и гулял. Написали. Он запретил печатать и сказал, неужели он не имеет права сделать шаг без опубликования в печати.

Наша английская газета в Москве («Moscow news») попросила меня написать ко Дню авиации о Яковлеве — «с домом, обстановкой» и т. д.

Я позвонил ему, объяснил, в чем дело.

— Приезжай!

Был у него 11 августа. Принял очень хорошо, по-старому. Вообще, за последнее время он опять стал заигрывать с газетчиками вовсю — честолюбив до дьявола. Рассказал все, считал своей главной заслугой то, что не пошел по пути увеличения веса истребителей. Потом пошли домой, обедать. Показал пластинки.

— Я меломан. У меня их 500. Страшно люблю Большой театр, особенно «Лебединое озеро». За все время не пропустил ни одного спектакля. Хоть на один акт, а приеду. И Шахурин знает: назначается заседание коллегии с учетом — нет ли этого спектакля. Если в этот день заседание какоенибудь — поджимаемся, чтобы не опоздать. Только ты об этом не пиши.

Сталин его очень любит. Яковлев подсчитал, что был у него 62 раза.

Написал. По просьбе Яковлева послал ему посмотреть. Вечером 17-го позвонил мне.

— Превосходно. Никогда ничего лучше о себе не читал. Нельзя ли так написать обо мне для советских читателей? Когда вы будете так писать для нас? Сам знаю, что газета наша, но в «Правду» бы...

На фронте своеобразно. У нас резко возросло сопротивление немцев. В день подбивается по 180—290 танков, 60—80 самолетов. Мы вышли к границе Восточной Пруссии, за-

паднее Митавы — к Балтике, отрезав прибалтийскую группировку. Стремясь вырваться, немцы идут там в наступление. Рьяно. И немножко потеснили. Сегодня сообщено, что мы оставили город Тумукс. Тем самым немцы освободили себе одну (правда, кружную) железку в Пруссию. На юге они пытались сбросить нас с Сандомирского плацдарма через Вислу, но ничего не вышло. Под Варшавой уже 3—4 недели бои в 10—15 км от города. Пошел как будто в ход 2-й Украинский фронт — в Румынию (у Ясс).

Хорошо идут дела у союзников. С запада они быстро продвигаются к Парижу и находятся от него в 20—30 км. Высадились они и на юге Франции, хорошо идут, встречают мало сопротивления, вчера заняли Тулон.

Я думаю, что быстрые темпы продвижения союзников объясняются несколькими причинами: у немцев там мало сил, они отступают, решив защищаться крепко на своих старых границах, они решили выбрать из двух зол меньшее — пусть лучше союзники войдут в Германию, чем большевики.

Да и сами союзники, видимо, решили действовать энергичнее, боясь опоздать к дележке пирога.

Посмотрим, что будет дальше.

26 августа

Самое интересное — капитуляция Румынии. Слухи об этом разносились еще вечером 23 августа, точнее, ночью на 24-е. Я дежурил, сдавал срочный материал. В 2.30 ворвался Магид:

— Есть радиоперехват. Румыния капитулировала.

Но мы об этом ничего не дали. Дали только заметку о новом правительстве.

На следующий день — 24 августа — мне предложили писать передовую о победах на юге (третью передовую за пять дней).

— А как быть с Румынией? — спросил я Поспелова.

— Вы об этом ничего не знаете.

Днем я разговаривал с нач. оперативного управления ВВС генерал-лейтенантом Журавлевым. Он сказал, что штабы армий запрашивали его, как быть (слухи были и у них), и он ответил: бомбить по всей линии, по-старому, вплоть до Бухареста.

Ночью, в 3 ч. пришло коммюнике НКИД, но и в нем нет ничего о прекращении военных действий, видимо, румыны еще не предприняли требуемых нами решительных шагов. Пока что наши идут очень быстро. Заняты Кишинев, Бендеры, Аккерман, подходим к Галацу, Измаилу. Юго-западнее Кишинева в котле 12 немецких дивизий.

На остальных фронтах — без особых перемен.

Сегодня вечером по радио несколько раз передавали сообщение Информбюро НКИД о событиях в Румынии и Болгарии и о том, что румыны приняли наши условия капитуляции. А дали ли мы приказ войскам прекратить военные действия против румын — об этом пока нет ничего.

Сегодня взят Измаил.

Разговоры у всех — о Румынии и о... футбольном завтрашнем матче «Зенит» (Ленинград) — ЦДКА — финал Кубка СССР. Из Ленинграда на матч прилетел председатель Ленсовета. Магид рассказывает, что маршал Новиков и его замы не могли достать билетов. Магид им устроил через НКВД. Ажиотаж страшнейший. Поглядим.

27 августа

Был на игре. Полнехонький стадион. 2:1 в пользу «Зенита». Кубок уплыл в Ленинград.

5 сентября

Во время дежурства с 29 на 30 августа вызвал меня зачем-то Поспелов. Мы с ним говорили. В это время раздался звонок (около 11 ч. ночи).

— Слушаю, Александр Сергеевич!

Звонил Щербаков. Он сказал, что утром 31 августа наши войска вступят в Бухарест и нужно обеспечить, чтобы текст и снимки были в тот же день в Москве. Поспелов предложил мне срочно дать телеграммы ребятам на фронт. В это время там находилась такая сила: с войсками 3-го Украинского фронта шли Куприн и Акульшин. Числа 25—26-го из Москвы на специальном самолете Щ-2 вылетели в Румынию Герой СССР майор Борзенко[101] и Яша Рюмкин, задача — Бухарест. 28-го вылетели в Румынию Золин, Соболев, жена его и Кожевников. Сил вроде достаточно.

В 3 ч. утра вызвал меня снова Поспелов и спросил — не полечу ли я для перестраховки? Я дал полное согласие. Начали искать самолет. В это время позвонили от Шикина (зам. Щербакова) и сказали, что туда утром идет «Дуглас». Я решил лететь с ним. Со мной посылали фотографа Короткова, я предложил захватить еще Виктора Вавилова — «на подхват».

Отлет в 7.30. Денег — ни копейки. Гришилович ходил по редакции и собирал, набрал 2000 рублей. В 5 ч. утра я освободился от редакционных дел, зашел домой, побрился, переоделся, позавтракал и уехал на аэродром. Там встретил уйму народа: Тараданкина с Бродским — от «Известий», Июльского — от «Комсомолки», Капланского — от ТАСС, Кривицкого, Высокоостровского и Кнорринга — от «Кр. звезды» и других. Всего — 14 человек. От ГлавПУРККА летел полковник Левин — заместитель Баева (завотделом печати ПУРа). Он сообщил, что летим по приказу т. Сталина, должны вместе с войсками войти в Бухарест и в тот же день быть в Москве. Идет три машины «Бостон», «Дуглас» и второй «Дуглас» — для страховки.

Левин предложил мне лететь с ним на «Бостоне» — быстрее. Я согласился. Кроме нас, на «Бостон» шли Кривицкий и фотокорреспондент ТАСС Лосев.

В 8 ч. утра ушел «Дуглас», в 10.10 мы. Я лежал на полу в кабине штурмана на парашюте. Хотели не брать, но летчик, капитан Товчигречко настоял. Кривицкий сидел в головах и все время бил подошвами мне по лицу. Штурман полусидел на мне.

Летели около 4 часов. Сели в Яссах. «Дуглас» прилетел почти одновременно. Огромный аэродром на окраине города. Встретил нее зам. ком. воздушной армией генерал-майор Смирнов (или Егоров?)[102]. Начали выяснять, где можно сесть дальше. Дело в том, что между Яссами и Бузэу шли бои с немцами, прорывавшимися в Карпаты. Было их там около 10 000. Шли они большими группами, с оружием, вплоть до зениток. 29-го там подбили с земли 7 наших У-2 и один Ла-5, в том числе легко ранили командующего фронтом Малиновского, летевшего на У-2 поглядеть, что происходит.

На аэродроме в Яссах мы встретили известинцев Белявского и Антонова. Они в этот день пытались прорваться на машине на юг, к Бухаресту, наткнулись на пулеметы и верну-

лись обратно. Тут же стоял наш Щ-2 и Як-6 — «Кр. звезды». Летчики Щ-2 сказали, что Рюмкин и Борзенко утром выехали на юг.

Пока выяснялась ситуация, мы смотались в город. Грязный, побитый, напоминает наши уездные города, а еще второй город Румынии! Много фруктов, очень много собак, очень много грязных, оборванных румын. По улицам водят пленных.

В 5 ч. 30 минут поднялись в воздух. С нами шло 8 истребителей прикрытия: такой был приказ Москвы. Через час сели недалеко от Бузэу. Громадный аэродром. Мы — первые его обитатели. Валяются скелеты сожженных немецких аэропланов. Низко над нами прошел немецкий разведчик.

— Через час придут бомбить, надо смываться! — сказал генерал.

Поднялись в воздух и перелетели в сам Бузэу. Большой город, аккуратно распланированный, много зелени. Железка посередине города, эшелоны, один горит. На аэродроме — подбитые и битые самолеты, бомбы.

Тут заночевали. Сюда должны были прийти за нами «Виллисы». В 10 ч. поужинали, выпили вина, легли спать навалом в пустой комнате. В три часа подняли. «Виллисы» не пришли, поехали на «Форде». До Бухареста — 100 км ходу!

Шоссе, обсаженное акациями. Темная, безлунная ночь. Сначала пусто на дороге. Потом встретили бронетранспортер.

— На Бухарест так?

— Прямо. Я сейчас оттуда.

Эге! С полдороги стали попадаться машины, а дальше — все было забито нашими частями. Танки, пушки, грузовики, обозы — кони свежие, сытые, много запасных, кухни. Пешком — никого. Мы то и дело съезжали в канаву и обгоняли. Некогда!

Пылища!

В 8.30 утра 31 августа въехали в Бухарест. Впереди шли наши танки. Толпы на улицах, кричат, рукоплещут. Вроде как в свой город въехали. Стоит сойти с машины — обступают, расспрашивают пальцами, жестами, но много и понимающих по-русски: то ли увезенные, то ли бессарабцы старого оккупационного времени.

Доехали до памятника Братиану и уговорились встретиться тут в 12 ч. дня. Дальше все расползлись в разные стороны.

Я пошел с Костей Тараданкиным и Евг. Капланским. С нами проводник, бессарабец Фельдман, по его словам, пострадавший от немцев: имел швейный магазин, арестовали, держали два года в лагере, выпустили с «сертификатом», в котором сказано, что он сидел по подозрению в шпионаже. Затащил к себе, угостил коньяком. Крохотная квартира из двух клетушек и кухни, лестницы такие узкие, что двоим тесно, лифт на двух человек. Коммерческий дом, новой постройки.

Походили по улицам. На бульваре Елизаветы несколько разрушенных зданий (одна-две бомбы). «Это американцы». Рядом улица Академии, около десятка побитых домов.

— Это немцы, несколько дней назад.

Взяли такси. Поездили по городу. Очень много народа, хорошо одетого, много молодежи, офицеров. Женщины некрасивые, интересных мало. Разрушений не много. Все магазины бойко торгуют. Много разносчиков с фруктами, газетных киосков.

Нашу технику встречают восторженно. Странный народ — только что их били, дрались с нами, а сейчас орут, приветствуют. Поехали в какой-то переулок: дом ЦК КП Румынии. Небольшой особнячок, патрули с повязками. Приглашают, но мы торопились.

На аллее Виктории встретили роту амфибий. Командир — капитан Михаил Гильбо, ленинградец, сказал, что он был первым военным комендантом Бухареста, но сегодня сдал дела новому — генерал-майору. Вообще, наши танки вступили в Бухарест еще 29 августа — полк. Гильбо договаривался с властями о расквартировании, о фураже, о продовольствии. Король Михаил приказал все отпускать до всяких соглашений. Ни одного конфликта за эти дни, полная учтивость. Узнав, что мы улетаем в Москву, Гильбо просил позвонить (Д3-06-51) и дал письмо. (Я все сделал.)

Я привез с собой 200 экз. «Правды». Начали кидать в толпу. Меня чуть на части не разорвали. И главное — на русском просят: «Дай газету!»

Очень многие ко мне присматривались, потом спрашивали: «Аид?» — «Да». Начинался разговор по-еврейски. Наконец, мне надоело, и я стал отвечать: якут, туркмен.

В Бухаресте встретили Кригера, Гурария (с ним прямо расцеловались на бульваре, к удовольствию румын), Симонова. Наших — нет.

Встречали русских, угнанных из СССР; одна девушка (Михайлова, кажется) плакала, говорила, что три брата на фронте, сама угнана из Одессы. Вообще, одесситов видел нескольких — спрашивают, что с городом, когда можно будет обратно. Видели наших пленных — майора, подполковника и других, — направляли их к коменданту.

В 13 часов собрались снова у памятника. Поехали на том же «Форде» на аэродром. Там стояли два «Бостона» и несколько У-2 для нас. Сели в «Бостон» и полетели в Бузэу. Лететь 15 минут. Идем полчаса, час, смотрю на картушку — все время разные курсы. Блудим! Через полтора часа сели на поле, определиться. Янко — в 60 км к востоку от Бузэу. Снова поднялись.

Вот наконец и Бузэу. 4 часа дня. В «Бостоне» хоть и худо, но зато быстро. В кабину штурмана садятся еще Тараданкин и Симонов, в бомболюк Кригер, Высокоостровский[103], Капланский. Я снова на полу. Уснул. Через 4 часа — Москва.

Еще в воздухе Москва запросила: кто летит? Ответили. «Дуглас» с остальными шел за нами и сел в 10 ч. вечера во Внуково.

Приехал и сразу к Поспелову. В это время позвонил Щербаков. Узнал, что я прилетел, и попросил к телефону.

— Как летели? Как было организовано? Как встречали? Хорошо? Радуются, что война для них кончилась. Эксцессов не было?

— Нет.

— Как выглядят наши бойцы?

— Запылены, но чисто и бодро!

— Хорошо! Ну, пишите.

Написал полполосы. Отдал пленку Короткова в проявку.

Ночью в 4 ч. утра поехал к Александрову в ЦК (нач. управления агитации и пропаганды). Тихий просторный кабинет. Портрет Ленина. Невысокого роста, моложавый, сухой, приветливый. Прочел.

— Хорошо. При окончательном чтении прошу иметь в виду такую мысль: это все-таки побежденная, а не дружеская страна. Некоторые газеты сбились на восторг встречи — не надо.

Начал расспрашивать об общем впечатлении.

— Торгуют всем, от яблок и до страны.

Смеется.

— Много народа?

— Много.

— Молодежи?

— Много.

— Город не побит?

— Мало.

В это время позвонил Щербаков. Он сказал, что я тут и посоветовался, — надо ли писать, что румыны подносят зажигалки прикуривать.

— Оставить! Заискивают, — сказал Щербаков.

27 октября

Очень давно не брал пера в руки. Летний и осенний период записаны в другой книжке, дошла до корочки, вернулся к этой. Но вернулся с запозданием. Больше месяца не держал пера в руках.

За это время успел съездить в Румынию и на Карпаты, вернуться.

Последовательно — основное.

Вернувшись из Румынии, узнал, что Военный совет 1-го Украинского фронта наградил меня орденом Красного Знамени. Приказ № 0132/н от 22 сентября 1944 г. Этим же приказом Яша Макаренко награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, корр. ТАСС Крылов — Красным Знаменем, корр. ТАСС Гриша Ошаровский — Отечественной войны 1-й степени. Через день наградили там и Сашку Устинова Красной Звездой.

Приехавший с фронта корр. «Известий» Виктор Полторацкий рассказывает, что 30 сентября начальник ПУ фронта генерал-лейтенант Шатилов созвал всех работников политуправления, зачел приказ о нашем награждении, выразил удовольствие, что на фронте работают такие журналисты. Между прочим, на фронте организуется к Октябрю выставка о боевом пути фронта, там устраивается специальный раздел «Военные корреспонденты».

В редакции известие встретили по-разному. Поспелов поздравил действительно, видимо, от души, Ильичев — весьма кисло и с нескрываемой завистью. Орден, конечно, знатный.

Из редакционных — он есть еще у генерала и Первомайского. Все-таки докапало: представили ведь еще в декабре прошлого года, за Киев.

Получать хочу в Москве. Попросил Полевого прислать выписку.

Сталинские премии за 1943 год все еще не опубликованы. Несколько раз мы готовились, и зря. Рассказывают, что Сталин сказал о литературных произведениях, представленных на премию.

— Надо, чтобы народ с ними ознакомился. А то едва выйдет книга, или напечатают ее в журнале — готово. А ее еще никто, кроме критиков и Союза писателей, не читал.

Поэтому задержались и другие премии.

23 октября умер Эзра Виленский.

Опять резали. Последний раз ему сказали: «Больше резать не можем, не хватит кишок для сращивания. Тут уже мы бессильны. Тут надо выходить за пределы современной хирургии — это может только Юдин»[104].

Эзра колебался. Я видел его месяца два назад на «Динамо», он вырвался — страшно худой, сидел с грелкой. Говорил с ним недели две назад — жаловался на зверские боли, спать мог только днем. Решил резаться. 21-го лег к Юдину, сделали операцию, прошла блестяще. 22-го в 4 часа дня стало плохо — сердце и истощенный организм не выдержали. В 7 ч. утра 23-го умер.

Утром 24-го привезли его в конференц-зал «Известий». Я поехал с Яхлаковым, Кургановым, потом приехала Зина. Стоял в почетном карауле. Он почти не изменился, только отчаянно похудел. Лида убивалась страшно.

Была панихида. Выступали Ровинский, Кригер, Бачелис, я.

В 5 ч. сожгли.

Встретил там Слепнева.

— Что-то часто мы с тобой тут встречаемся.

— Да, — ответил он. — Надо бы его похоронить в стене авиаторов на Девичке. Там все наши, да и нам местечки забронировать.

Да, что-то снова пошел мор. Я подумал, как мало нас уцелело из полюсников, и грустно стало.

Продолжаем обсуждать с Кокки план полета в Будапешт. Он хочет посетить разом и Белград, и Софию, и Бухарест. Я не против. Сейчас он летит на пару дней в Куйбышев, а потом свободен.

Был вчера у Ильюшина. Говорили долго о послевоенной авиации. Он строит уже гражданскую машину на 28 человек, скорость 350 км/ч (крейсерская), высотная, герметичная. Затем садится за четырехмоторный бомбардировщик, думает выжать скорость. Жалеет, что с 1937 г. забросил истребитель, ТОГДА добился 500!

Вчера отметили мои именины. Были: Абрам (привезли его), Шурка[105], Давид, мама[106], Костя[107], ребятишки.

39 лет! На два года больше Пушкина, и что сделано?

30 октября

Три дня заседал актив, вчера закончился. С докладом выступал Поспелов. Тщательно остерегался давать оценки людям. Прения были вялыми, неострыми.

В своем докладе Поспелов между прочим сказал, что публичные платные лекции, проводимые в Колонном зале Дома союзов, и создание Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы — инициатива т. Сталина. Видимо, этим и объясняется, что во главе бюро стоит Вышинский.

Позавчера напечатали очень острую рецензию Ильичева о постановке «Ивана Грозного» в Малом театре. Постановка названа халтурной, безответственной. Говорят, что пьесу смотрел т. Сталин и члены Политбюро. Между прочим, т. Сталин и выдвинул несколько лет назад идею показа Грозного — великого государственного деятеля. Я, помнится, со слов Курганова записывал об этом в дневнике. И сейчас, как передают, т. Сталин отозвался об этой постановке как о халтуре.

В театре — бум. Художественный руководитель Судаков подал в отставку.

Звонил Ал. Лесс из «Вечерки». Рассказал любопытную историю с Мотей Козловым. Летом в Карском море немецкая субмарина потопила наш транспортный корабль. Дали SOS и

сели в лодки. Мотя долго шарил — нашел. Шторм. Садиться нельзя. Восемь часов он висел над лодкой и, как только волна чуть успокоилась, сел. Принял на борт 50 человек. Оглянулся — перископ. Он — газу. В него успели дважды выпалить. С волны, несмотря на барахливший мотор, поднялся и ушел. Допер до базы, сдал. Они не ели несколько дней.

Нач. ПУ ГУСМП Валериан Новиков улетел в Болгарию с праздничными подарками танковому полку «Советский полярник». Звал с ним, я не мог. Пилот — Ваня Черевичный.

Был на днях у Папанина. Позвонил ему в 12 ночи. Приезжай! Сидит работает. А было постановление ЦК, запрещающее ему, ввиду состояния здоровья, работать после 7 ч. вечера.

— Ты что сидишь? Нарушаешь партийную дисциплину?

— Дел много.

Сказал мне, что представил меня к «Знаку Почета», скоро подпишут, что считает меня своим ближайшим помощником. Ва!

Сегодня выпал первый снег. Дома — холодище.

11 ноября

Прошли праздники. Как обычно, 7 и 8-го работали. 9-го был устроен вечер-банкет в редакции, на всех. Ни шатко ни валко.

В Кремле не был. Доклад послушал по радио. Т. Сталин читал очень спокойно и очень уверенно.

5-го был оглашен указ о награждении за выслугу лет. Я дал передовую. Сегодня идет сообщение о вручении орденов за выслугу (Кр. Знамени) группе военных руководителей. Я как раз звонил Гл. маршалу бронетанковых войск Як. Никол. Федоренко и поздравил между прочим.

— Нашли с чем поздравлять, Огнев, — смеясь, сказал он. — Это ведь за старость! Я бы согласен был медаль «За боевые заслуги» получить — значит, мне 25—30.

И рассказал, что сегодня при вручении М.И. Калинин спрашивает Шаденко[108]:

— Ефим Афанасьевич, ты долго еще будешь ко мне за орденами ходить?

— Да до тех пор, М.И., пока давать будешь.

— Ну, значит, недолго. Я от этой тяжелой работы скоро помру.

— Э, до тех пор я успею еще два-три получить!

На фронтах всюду тихо. Еле теплится под Будапештом, продвигаемся на 5—7 км в день, и то на отдельных участках. Видимо (судя по докладу) — перед грозой.

Сегодня Леопольд Железнов сообщил мне об очередной убыли. В Темишоаре, при бомбежке, убит корр. СИБ Лалоян (он выскочил из хаты и прямое попадание), чуть позже вышли и нарвались на бомбу фотокорр. «Фронтовой иллюстрации» Анат. Григорьев (тяжело ранен), фотокорр. «Фр. иллюстрации» Егоров и корр. СИБ Львов. Что-то к концу войны опять пошел мор на газетчиков.

Был у меня сегодня Мих. Брагин. Он говорит, что случайно уцелел на 1-м Прибалтийском — попал под огонь кораблей. Страшно!

Да, о маршале Федоренко. Несколько дней назад говорил с ним, просил статью об оперативной выносливости танков.

— Не дам. Им предел — несколько сот (часов? — *Л. Б.*), а мы даем тысячу и полторы. Это ни на одном танкодроме не выходит. А напиши я об этом — сразу узаконят. Тоже и с часами работы моторов. Норма — 200, мы даем до 500. Нет, писать нельзя.

— Ну, напишите о заграничных.

— Ишь вы! Хотя мы можем смело конструировать. Правда, ходовая часть американских лучше наших, но броня, подвижность, огонь несравнимы с нашими.

— Ну о глубоких рейдах.

— Вот это дело. Сегодня же поручу начштаба генералу Маркову[109] и маршалу Ротмистрову. И сам шефство возьму.

Звонил сегодня Кокки. Божится, что полетим. Целый час рассказывал мне о дочке. Ей 1 год 7 месяцев, но уже все выговаривает, не плачет, читает книжки и прочее...

Загадка: что такое «горжетка» и «изюм»? Засушенная басня Крылова «Лисица и виноград». Это, видимо, сказано к крыловскому юбилею.

На нашем вечере Сурков читал «Они не вернутся с востока». У нас же он ее читал в ноябре 1941 г. И тогда, и — особенно — сейчас звучит исключительно!

1 декабря

За эти дни произошло несколько событий. Кризис в «Известиях», наконец, разрешился: туда назначен несколько дней назад Ильичев. Страшно доволен. В «Известиях» им тоже довольны. В остальном там перемен пока нет — работает комиссия ЦК. Понемножку улучшает газету, завел крупный отдел на 2-й полосе «Советское строительство», дает всякие мелочи, оживляет газету.

На днях подняли архив за этот год, достали 600 статей, 100 из них годны — либо авторы, либо темы, либо целиком.

У нас место Ильичева пока пустует. Поспелов все вздыхает о нем. В кабинете Ильичева сидит пока Сиротин, но всех предупреждает, что он заменяет его лишь территориально. Строятся различные догадки. Видимо, вместо одного Ильичева будут два человека — замредактора и секретарь редакции.

Ровинский послан в ОГИЗ, заместителем П.Ф. Юдина, видимо, вторым, т. к. первым там — Алеша Назаров[110].

В отделе без перемен. Заболел лишь Яхлаков — обострение порока сердца. Выбыл на 2—3 месяца.

Я почти целиком устранился (самоустранился) от оргработы. Чего я буду отвечать за эту лавку, не имея никаких прав. Пусть занимается этим Золин, там паче, что он крайне ревниво относится ко всякой попытке вмешаться в его прерогативы «первого зама».

Я договорился с редактором и генералом о том, что я — «зам по статьям».

Заказал большую статью о действиях танков. Получилось пышно, хотя статьи еще нет. Я позвонил Главному маршалу бронетанковых войск Федоренко и просил заказать как-нибудь такую статью. Хорошо. Он поручил это начштаба генерал-майору Маркову, а консультацию — маршалу Ротмистрову. Тот написал, Ротмистрову не понравилось. Переделали. Ротмистров заново написал половину. Вчера я был у него. Он очень походит на свои портреты — невысокого роста, в больших очках, лицо сельского учителя, преподавателя географии, но никак не полководца. Маленькие усики, добрые

внимательные глаза, в разговоре большая предупредительность, наклоняется к собеседнику. Он сказал, что дал статью на просмотр Федоренко, маршалу Коробкову и члену Военного совета генерал-полковнику Бирюкову.

А потом я увижу, что статья нам не годится?..

Уже несколько дней по всей Москве во всех жилых домах выключают свет с 8—9 до 5 ч. вечера. Херово, тем паче, что у многих газ не горит. Встаю, есть нечего, чаю нет. Бр-р-р!

На улице мокреть, снег выпадает, тает. Только сегодня подморозило, минус 15.

6 декабря

Погода крепчает — минус 20, сильный ветер. Облачно, солнца не видел, пожалуй, с лета. Авиация не ходит.

Кокки до сих пор не смог вылететь в Куйбышев.

Приехал Мартын Мержанов из Восточной Пруссии. Стоим на прежних местах, только Гольдан немцы забрали обратно. Самое большое удаление (вклинивание) — 20 км. Вся занятая территория простреливается немцами и держится под огнем.

Мартын рассказывает, как он туда ездил несколько раз и честно признается, что это скучное занятие.

Впрочем, Мих. Брагин, вернувшись с 1-го Прибалтийского, считает обыкновенный артобстрел сравнительно безобидным занятием. «Вот огонь корабельной артиллерии — это вещь!» — говорит он с уважением.

Брагин шел в прорыв к морю с танками Вольского и на берегу попал под огонь с кораблей. Ух! Он рассказывает, что в штабе фронта ночевал вместе с одним старым седым генералом из СибВО, приехавшим впервые за войну посмотреть на нее. Утром они выехали на передний край, и через два часа генерала убило во время артналета. Вся жизнь и два часа!

Мартын говорит, что в занятых немецких городах и селах не видел ни одного немца, все уходят — бросают все и уходят. Ходят слухи, что в каком-то селе остался один старик, да и тот швырял гранату. Танкисты Бурдейного с обхода зашли в Гольдан и поэтому застали население. Так старики, женщины, дети стреляли по та́нкам из ружей и револьверов. Вот звериная ненависть! Тяжело будет идти по этой сволочной стране.

Из Венгрии прилетел Яша Рюмкин. Летел четверо суток. Рассказывает, что венгры необычайно подобострастны из боязни. Живут гораздо беднее румын, одеты плохо. Города сильно разбиты. В деревнях — мазанки под черепицей. Из-за угла не стреляют. Наши вторые эшелоны ведут себя вольготно.

Был он в Бухаресте. Там все по-прежнему. Магазины полны. Но харч сильно подорожал. В городах Румынии демонстрации. Вообще, судя по газетам, сейчас во всей Европе правительственные кризисы: в Иране, Греции, Бельгии, Румынии, Италии, Голландии, Польше. Наши поляки требуют преобразования комитета во временное правительство.

Позавчера был у मержановых. Встретил там Леньку Кудреватых — военкора «Известий». Рассказал любопытную вещь. Его приятель был в Саратове. В столовой смотрит: сидит человек с квадратной головой. Вспомнил, что очень походит на памятник («бегемот») Александру III в Ленинграде. Оказалось — сын. Император был в Саратове. Прислуживала подавальщица. Поставил. Родился сын. Сообщили. Приказал воспитывать за счет губернаторства, дать образование. Сейчас он профессор, заслуженный деятель науки.

Там же живет сестра Николая II — Ирина Александровна[111]. В номер, если только — не треп!

7 декабря

Новостей нет. В редакции тихо, холодно. Дома голодновато, несмотря на то что я получаю усиленный харч: рабочую карточку, обед литер «А» (сухпай), ужин, абонемент и какую-то долю кремлевского пайка с базы № 208. Тем не менее утром, как правило, я ем картошку (часто на растительном масле), лишь изредка — кусочек, грамм в 20—30, колбасы или сыра; обед — щи и картошка, редко-редко мясной, ужин — в редакции (обычно — котлета, макароны, чай, иногда кусочек масла); этот ужин — наиболее значительная еда.

Домашние питаются так же, за исключением этого ужина.

Паек кремлевской базы нам дают вместе с ужином, ежедневно. Кладут обычно: ломтик колбасы, кусочек рыбы или чайную ложечку икры, кусочек сыра или масла, 2—3 куска сахара или пару конфет, 200 гр. хлеба. Приношу это домой детям. Если прихожу в 5—6 утра, Валерка[112] просыпается и спрашивает: «Папа, что ты принес?» Если он спит — кла-

ду пакетик в столовой, он утром съедает конфетку и часть икры, оставляя вторую «часть» — Славке[113], колбасу — Зине, а сыр — мне на завтрак. Трогательно, но устало.

Вот и сейчас. Позавтракал. Съел сыр, картошки. В желудке пустовато. В 8 приду обедать: щи, картошка. У-ух!

12 декабря

Сегодня в 5 ч. утра умер Володя Хандрос. У него была закупорка вен и износ аорты. Был в больнице Боткина, после полутора месяца в санатории. Три дня назад был в редакции, шутил, собирался скоро работать.

В час ночи почувствовал боли, в 3 ч. разбудил жену, вызвали неотложку, впрыснули камфару, нитроглицерин, утром врач хотел отправить в больницу. Повернулся на бок и сразу умер. До последней минуты был в сознании, говорил как обычно — почти шутил.

Завтра хороним.

Маловато нас остается могикан.

В Бухаресте, когда мы узнали о гибели Паши Трошкина, Константин Симонов прочел свои стихи «Чаша круговая». Фаталистические. И смысл: теснее становится круг и быстрее ходит чаша смерти.

15 декабря

Приближается 65-летие т. Сталина Но до сих пор неизвестно, будем ли отмечать. В порядке подготовки я предложил Поспелову сделать статью Папанина «Сталин и освоение Арктики». Он согласился.

Вчера нач. ПУ ГУСМП Новиков привез мне рукопись сборника «Встречи полярников с т. Сталиным», подготовленного ими к печати в 1940—1941 гг., но не выпущенного. Я до 6 утра читал. Исключительно интересно. Там воспоминания Молокова, Водопьянова[114], Воронина, Орлова, Головина и др. Особенно драматичен рассказ Легздина — гибель «Руслана», травля Легздина и буквально спасение его Сталиным. Очень интересны воспоминания Шевелева, Воронина, Шмидта.

Был вчера вечером у меня подполковник Гончаренко, замполит 10-й гвардейской транспортной дивизии ГВФ. Рассказал, что делает их дивизия — потрясающий материал. Полеты

в тыл, работа с итальянских баз, полеты в Америку, полеты в Югославию и т. д. За последние пять месяцев не потеряли ни одного самолета. 21-го там будут вручать гвардейское знамя, зовет меня. Обязательно поеду.

Рассказал несколько забавных штрихов. Наши летают в Стокгольм. И вот, на аэродроме, стоят рядом наши самолеты и немецкие. Нейтралы!

Летел сюда из английских владений, года полтора назад, г. Бенеш[115]. На аэродроме — два самолета: английский и наш. Он выбрал английский. Наш пришел на несколько дней раньше, англичанин возвращался из-за непогоды, блудил. Пора улетать из Москвы, г. Бенеш просит: нельзя ли с тем русским летчиком?

Во время пребывания Черчилля в Москве ежедневно ходили два «Москито» в Англию — почта, газеты. И каждый раз — разные летчики: англичане, канадцы, австралийцы. «Зачем вам, удобнее одним экипажем, знают трассу и проч.?» — «Видите ли, у нас так много летчиков хотят посмотреть СССР». Гм.

В Бари англичане нагрузили грузовик сверх нормы и сунули под крыло нашему самолету. Вышел из строя. Там же два «Мустанга» сбили Ли-2. Извинений — гора!

Мороз все время 22—26 градусов. Мерзнем! В редакции холодина, сидим в шинелях, пальто. Дома, по постановлению Моссовета, выключают свет с 9 утра до 5 ч. вечера. Газ не действует, плитки молчат. Даже чаю нет. Ух. Ладно, что я обычно просыпаюсь в 4.30 дня — к свету и плиточному чаю.

Читаю «Войну и мир». Хорошо, вкусно.

19 декабря

Морозы держатся. 20—26 °С. Ясно. Холодно. Холодно и дома. В Москве очень плохо с топливом. Кое-где уже перестали топить и выключают отопительную систему. Так сделали в доме на Арбате, где живет Гольденберг, в доме на Садово-Зубовской, где живет Хавинсон. Сейчас у них минус 2 °С. В редакции топят еле-еле, сидим одетые.

Звонила секретарь Водопьянова. Сказала, что он обижается — лежал в госпитале, не навестил. Сейчас выздоровел, пишет роман. Хотел бы видеть, посоветоваться.

Вечером был Кокки. Сидел часа два: рассказывал всякие летные истории. Долго возились с Яшей Моисеевым[116]. Решили сдать в отставку — будет первый генерал в отставке. Тоже своего рода почет!

20 декабря

Утром позвонил Байдуков — приехал с фронта. Я покатил к нему. Такой же, как был, только немного облысел спереди, да на макушке лысина стала покрупнее. И завел усики! Смешные, рыжие, небольшие. И покручивает.

— Пижон! — сказал я.

— Скажите ему, чтобы снял, — говорит Женя[117]. — Видеть не могу, хотя вообще мне с его усами спокойнее, ни одна девка не польстится.

Просидел я у него часа четыре. Сейчас он командует штурмовым корпусом на 2-м Белорусском. «Женили» его на корпус без него. В конце прошлого года он приехал из-под Фастова в Москву, дивизию свою оставил в Фастове. Жил тут двадцать дней. Тихо. А тем временем изготовили и дали на подпись Хозяину приказ о корпусе. А ему еще в 1942 г. предлагали корпус, но он наотрез отказывался. Тут тоже начал было брыкаться — некуда, приказ подписан. Ну и сел.

Работой доволен очень. Жалуется только на потери. В основном — от зениток. Авиации у немцев мало. На три Белорусских фронта — 1200 самолетов, летают редко. Белосток, например, не бомбили уже 4 месяца. Только недавно начали изредка ходить ночами. Чаще сбрасывают диверсантов. По 10—15 человек. В основном — русские, обучавшиеся в особых школах. Взрывчатка в форме кусков каменного угля. Подбрасывают в уголь, а там в топку — и взрыв. Парашюты стали черные.

Новых самолетов нет. «Фокке-Вульфы» применяют как бомбардировщики. Берет либо мелочь (по войскам), либо до 250-килограммовой. Делают один заход с ходу. Вообще же авиацию почти не выпускают.

— Почему?

— Я думаю, держат в резерве. Во-вторых — мало горючего. А бензин — в резерве, НЗ. По данным пленных, в Германии создан полуторалетний запас горючего, хотя Варга ваш давно его кончил.

Говорит, что немецкая оборона очень крепка. Траншеи, огонь, мины, минируются не только впереди, но и бруствер, и пространство между траншеями, и часть их, не занятая солдатами. Много огня. На километр — 50 пушек всех видов. Учили уроки!

— Какой век летчиков?

— В среднем — 20—30 штурмовок. Смертники!

Пленные показывают, что усиленно готовятся к химии. Подвозят химбоеприпасы, оружие, обучают химзащите всех от переднего края до глубокого тыла. В большом уважении наши противогазы — они лучше немецких.

Егор рассказывает, что на местах стоянок беспокойно. Поляки бля...т вовсю. Стреляют из-за угла. Банды. Нападают на небольшие гарнизоны. Если пьяный пойдет ночью — укокошат наверняка. Оглушают (стрелять — переполох) и утаскивают добивать. Или бьют зубьями от бороны — несколько случаев у него в корпусе.

Скучно жить секретарям райкомов. Егор был в гостях у одного, кажется Волковысского. Ночью тот ночует у всяких знакомых — ежедневно в окно его квартиры стреляют. Егор говорит:

— Посмотрел у него: шкаф, стены — все в пулях; разных — от автомата, пистолета, дробовика. Иные из наших довольно сильно гуляют. Много триппера, сифилиса.

— Что делаете с ними?

— Лечим.

В последнее время Егора прочили посадить замом в НИИ ВВС. Дали на подпись Хозяину. Он дошел до его фамилии, закрыл папку и сказал: «Не надо сейчас трогать армейских командиров. Они работают, неизвестно, кто их заменит».

Егор потолстел. Но не сознается:

— Я потолстеть не могу. Каждый день по часу гимнастикой занимаюсь.

— По какой системе?

— По своей.

Обедали. Пьет водку, в отличие от прежнего. Сообщил, что все время ездит с двустволкой. Зайцев много. Во время обеда пришел брат Чкалова — Алексей Павлович. Пьяный, испитый, а кончил два вуза. Потом он сбегал, добыл еще пол-литра. Жалкое впечатление.

Егор, между прочим, рассказывал, как летали с Черевичным на лодке в Америку по Заполярью (+Громов и другие). Егор — на втором сиденье. Подлетают к Ному, сильная волна. Черевичный говорит: «Нельзя садиться, разобьемся». Егор отвечает: «Приказано, значит, надо сесть».

— Утонем же!

— Ну так что же, приказано!

— Не буду!

Егор за пистолет. Тот матом. И курит, курит. Попробовал — ка-а-ак ударит волной. В воздух.

Второй раз. То же.

Третий. Страшный удар. Черевичный за газы, а Егор уже убрал. Накрыло волной всю машину. Егор подумал — ну, не выплывет. Нет, вылезла... Подскочил катерок — вывез.

Черевичный отдышался.

— Буду взлетать.

— С такой-то волны?!

— Оставить не могу — на якоре разобьет.

«И взлетел! Ну и мастер! Только неврастеник».

Вечером заехал ко мне Кокки.

— Как ты думаешь — выйдет ли у Сергея (Ильюшина) с транспортной?

— Строит. Сейчас конструктора научились делать, чтобы летала.

— А качество?

— Как тебе сказать. Он хочет сразу забрать в одну руку все блага: и скорость, и дальность. А надо основное решить, а потом доводить.

Очень хвалит Юганова.

Проводит второй набор на курсы испытателей. Соорудил положение о классах летчиков-испытателей. Ввел шеф-пилотов II и I класса, на I — не меньше пяти опытных машин. И вышло, что там он только один.

21 декабря

Сегодня 65 лет т. Сталину. До последнего часа ждали сигнала — не будем ли отмечать. Надеялись. Но так ничего и не дождались. Часика в 2 ночи Сеньке Гершбергу позвонил авианарком Шахурин, спрашивал: нет ли об этом деле новостей? Ответили — нет. Видимо, он сам не хотел.

Сегодня был на празднике в 10-й гвардейской авиатранспортной дивизии ГВФ по случаю вручения им гвардейского знамени. Вручал маршал авиации Астахов — толстый, почти заплывший, с маленькими усиками и маленькими стеклянными глазами. Принимал — командир дивизии генерал-майор Чанкотадзе, невысокий, полный, коренастый грузин, с широким, твердым лицом и глазами навыкате. Я знаю его давно. Когда-то, в 1942 г., когда я уезжал на ЮЗФ, В.С. Молоков рекомендовал мне связаться с ним — он командовал группой ГВФ на фронте, а до войны был начальником лучшего в системе ГВФ Закавказского управления ГВФ. Я его видел на фронте, и в селе Алексеевка, и в Валуйках. Работал он там отлично[118].

23 декабря

Второй день сводка сообщает о сотне подбитых танков. Немцы в НДП пишут, что начались бои в Курляндии (Прибалтике), в Восточной Пруссии и южнее Будапешта. Там, около Будапешта, дело действительно затянулось, немцы подбросили и тянут туда уйму войск. Наша сводка об этих направлениях пока молчит.

Сегодня после полуночи получили сообщение о создании в Дебрецене Временного национального собрания Венгрии и его обращение. Даем в номер.

Был ночью в редакции Василий Тимофеевич Вольский. Генерал-полковник, молодой, сановитый.

— Где ты так помолодел? — спросил я.

— На войне. Там есть такая живая вода. Приезжай, и я из тебя сделаю молодого, не седого, полного.

Зашел он к Поспелову, выговорил себе Брагина.

— Вообще, пишите больше о танках, — говорит он. — Т. Сталин сказал, что танкисты — хозяева полей сражений. А сейчас перед нами важнейшие задачи.

Узнав, что Вольский в «Правде», позвонила Вера Голубева:

— Возьми у него короткий ответ на анкету «Смены» — что я буду делать в 1945 году?

Сели втроем: Вольский, Леопольд Железнов и я.

Я предложил: «Буду бить немцев».

Вольский: «Буду воевать».

Леопольд: «Буду выполнять приказы Главкома». Или: «Рассчитываю мыть гусеницы танков в Шпрее».

Все не понравилось. Тогда Вольский предложил: «В 1942—1943 годах я окружал Сталинград. В 1944 г. — окружал в Прибалтике. В 1945 г. хочу осуществить третье кольцо, в котором задохнется гитлеровская Германия».

Понравилось.

— Вот давайте, ребята, так и напишем: «Три кольца», — сказал Вольский.

Я дежурил и пошел к себе. Леопольд остался с Вольским дописывать. На прощание Вольский сказал:

— Ты и сам приезжай на фронт. Возможно, это наступление будет последним. Сил — уйма!

Рассказывают наши корреспонденты, что Жуков, принимая 1-й Белорусский фронт, сказал командирам:

— Т. Сталин поручил нам подготовить и нанести такой удар, чтобы немцы поняли, что это конец, а у союзников коленки затряслись.

27 декабря

Второй день гриппую.

На фронтах, за исключением юга, затишье перед бурей. Вот-вот начнется. На юге завтра или сегодня будет Будапешт. Получено известие, что там ранен Виктор Полторацкий. Он всего неделю вылетел туда.

Виктор Вавилов был на днях у танкового конструктора Котина[119]. Тот рассказывал ему о встречах со Сталиным. Както на фронте начало лететь управление новых танков (или какая-то деталь). Сталин вызвал Котина и начал спрашивать — в чем дело. Котин ответил, что испытатели ни разу не жаловались на эту деталь.

— Испытатели, — насмешливо повторил Сталин.

Котин пояснил, что дело в низкой квалификации механиков-водителей. Заводские водители тоже никогда не жаловались на конструкцию.

— Это неправильно, — ответил Сталин. — Если бы все летчики были как Коккинаки, то ни одна машина на фронте не капризничала бы. Машины надо делать на водителя-середняка, а не на танкового Коккинаки.

Звонил Оскар Курганов. Приехал из-под Будапешта. Говорит, что воевать стало очень трудно. Как в 1941 г. Бомбят, всюду и непрерывно. Был в Бухаресте — там все совсем иначе, чем было. Цены жаркие. Советские офицеры живут в Гранд-отеле. Вход строжайший, по пропускам. В подъезде — пулемет, у входа два часовых.

31 декабря

Вчера закончилось партийное собрание. Было бурным и очень хорошим. Резко и увесисто выступал Сиволобов, крепко Корнблюм, Креславский, Гершберг. Сильно и по делу всыпали Золину.

Голосование дало любопытные результаты. Голосовало 56 человек. Получили «за»:

Поспелов — 55;
Сиволобов — 51;
Мацко — 51;
Азизян — 50;
Гершберг — 46;
Креславский — 45;
Рабинович — 43;
Сиротин — 32;
Штейнгарц — 30.

Они и избраны. За флагом остались: Кононенко — 28, Золин — 26, Рябов — 21.

Из старого состава партбюро переизбраны только Поспелов и Гершберг. Секретарем избран Сиволобов.

Много разговоров — где встречать Новый год. Сашка Погосов зовет в клуб летчиков. Володя Кокки зовет в Дом кино. Гершберг — в наш дом отдыха в Серебряный Бор. Там встречает издательство, но дают нам 12 мест. На этом и останавливаемся.

1945 год

1 января

Новый год встречали в Серебряном. Из наших были с женами Гершберг, я (с Зиной и Леркой), Մержанов, Мацко, Объедков. Время провели хорошо. Начали с коньяка «Финь-шампань», пили шампанское, «Карданали», «Дими», водку, «Кюрдамир». Была отличная закусь. Танцевали.

В 2 ч. ночи позвонил Сиротин — поздравил с Новым годом и предупредил, что сегодня буду писать в номер передовую: как страна встретила праздник.

Вечером приехал и написал. Новый год я начал с передовой.

3 января

Сегодня выходной. Галактионов собрал военных корреспондентов поговорить о задачах в связи с наступлением, которое не за горами. Были: Золин, Иванов, я, Брагин, Курганов, Сиволобов, Кузнецов, Павловский, Рюмкин, Мержанов. Присутствовал и выступал Поспелов.

Затем все поехали отдохнуть в дом отдыха Болшево с женами. Отдохнули хорошо.

13 января

Сегодня — старый Новый год. И снова я писал на завтра передовую. Началось наступление. 1-й Украинский фронт с плацдарма за Вислой, западнее Сандомира. Как часто бывает, я и дежурил к тому же. Передовая — «Победа за Вислой».

Вчера снова повезли Абрама в Боткинскую.

17 января

Сегодня снова писал передовую — о Варшаве. Она взята сегодня совершенно неожиданно для нас. Как говорит наш генерал, «Красная Армия воюет не по правилам».

А войска 1-го Украинского фронта заняли Ченстохову и находятся в 15—20 км от границы Южной Германии. Прорвал оборону и 2-й Белорусский фронт (севернее Варшавы, за Наревом). Сегодня — три салюта.

Дерется уже несколько дней и 3-й Белорусский фронт, в Восточной Пруссии, но пока особых успехов не достиг.

В Будапеште закончили очистку восточной части города — Пешта. Вот гады, держатся уже с 28 декабря!

20 января

Вчера написал на сегодня очередную передовую. Вчера — 5 салютов!

21 января

Сегодня два громовых события: войска 1-го Украинского ворвались на территорию собственно Германии и заняли Крайцбург, Пиштен, Ландоберг, Розенберг и Гутентаг («доброе утро»)!

Войска 3-го Белорусского ворвались в южные районы Восточной Пруссии и заняли Едвабно, Танненберг, Найденбург.

Хочу записать разговор с Кокки. Он был у меня в редакции 17 января вечером и сидел часа два.

— Вчера я чуть не угробился.

— ??

— Летал на Ил-8. Погода — мудь. А мне позарез одну штуку опробовать надо. Поболтался в облаках, иду домой. Аэродром закрыт облаками. Вывалился из облаков над крышами, чешу от одной к другой. Ну я их всех знаю. Аэродрома не видно — вот тут должен быть. Плюхаюсь куда-то, качусь. Вдруг штурман кричит: «Впереди что-то темное!!!» Встал. «Дуглас» впереди в 8 метрах. А облака толстые, и туман херовый.

— Когда это, утром?

— Нет, утром я летал на Ла-7. Это — днем.

— А ты и на других ходишь?

— А как же! Иногда по делу, иногда из спортивного интереса. Вот, например, последняя серия у него (Лавочкина) села на 40 км/ч против проектированного. Полетал, установил, что проектируемая и не может получиться. Все конструкторы получают цифирь, а заявляют всегда на 10—15 меньше (Яковлев, Ильюшин), а он — больше на 10—15. А заводскую уплывку нашел. Так и сказал наркому: покупайте за столько-то километров.

— А для интереса?

— Это — на Ла-5. Там температура в кабине 56 °С. Нельзя — люди болеют. Конструктор на дыбы: могу охладить, но это съест 25—30 км/ч. Вот, думаю, нехристь. Полетел, в кабине — 23 °С. Он рассчитывал это сделать за счет охлаждения кабины, а я — за счет прекращения доступа тепла. Да еще скорость на этом хочу выгадать — внутренняя циркуляция-то уменьшится!

— А что ты делаешь в Наркомате?

— Разное. Я же генерал-инструктор. Раньше, например, на серийных заводах не проводилось испытания продукции. И вот скорости в сериях начали падать. Конструктора — это не наше дело, это завод. Ухнули некоторые до 40 км/ч. Я ввел всюду испытателей, преподали программу. Месяц за месяцем тянули кривую вверх. И вытянули. Оборудовали все станции новой аппаратурой. Подготовили новые кадры и посадили знающих людей. Вот сейчас на это дело торгую Марка Шевелева. Курсы испытателей провели: сейчас второй набор идет.

— На иностранных летаешь?

— А как же! Ты ведь знаешь мое правило — самому все пощупать. Летал на «Сандерболте», «Харрике», «Спитфайре», «Кобре», на днях пойду на Б-29.

— «Кобра» хороша?

— Хороша, но устарела уже. Вот у них есть какая-то «Черная вдова»[1] — вот бы надо посмотреть. Знаешь, я вчера прочел заметку в «Красной звезде» и заболел. Там какой-то американский грач рубанул через весь континент со скоростью 600 км/ч с гаком!

— Ну?

— Вот я и думаю — весной бы мотануть в Оренбург (ну это близко), лучше — в Ташкент и дать среднюю в 600 км/ч. Здо-

рово, а? Надо машинку найти, да чтобы она бензин тащила, а самое главное — ветер поймать, весной на высотах бывают ветры со скоростью больше 100 км/ч. А полет-то записывается в одну сторону. Я когда по треугольнику летал — и то под ветер рассчитывал, это было ух как сложно — ведь круг! А тут — прямая.

— Ну а когда на запад пойдем?

— Пойдем обязательно. Вот дай с Куйбышевым разделаться. Ну еще неделю-полторы. Может, к тому времени и Вена будет. А сейчас пойдем ко мне молдаванское вино пить! Надо же его попробовать.

Вчера говорил с академиком Гращенковым[2] об Абраме. Он говорит, что ничего наука пока сделать не может. Средств пока нет. Никто в этой области не экспериментирует.

Говорил об этом с профессором Ермольевой. У ней концентрируются материалы по применению пенициллина. Препарат чудодейственный: триппер излечивает в 1—2 дня, сифилис — в месяц. Но против этой болезни и пробовать никто не пробовал. Не то.

В Москве опять холодно. Топят всюду холодно. В редакционном кабинете у меня мерзнут пальцы и ноги. Худо со светом: во всех домах выключают с 8 до 5 ч. вечера. Газ не горит. В городе, говорят, сыпняк — отдельные случаи. Локализуют быстро.

31 января

Наступление все прет и прет. В действии все фронты. Начали доколачивать и в Прибалтике. Начали там дней десять назад, но идет дело медленно. Пока объявили только Клайпеду. По остальным фронтам идет хорошо. В иные дни стреляют салютами в Москве по пять раз в день. А вчера не было ни одного салюта — так москвичи даже недоумевали. Вот заелись!

В Восточной Пруссии немцев окружили. Они попробовали вырваться на северо-запад, к Эльбингу. Сначала продвинулись, вчера остановили. Познань окружена Жуковым, а позавчера (правда, Макаренко сообщил об этом еще в субботу 27-го) его войска пересекли тоже границу. Немного застопорилось дело в Силезии, уже дней 7—8 стоим под Бреслау.

Топает понемногу и 4-й Украинский — по Карпатам. Зимой!! Ну и участочек им достался!

Будапешт еще держится. Вчера бросили туда авиацию — дым пошел. Так его и надо, очень уж церемонились.

В Берлине паника. Дают эвака!

А союзнички все стоят... Вот терпеливые.

Почти через день пишу передовые. Последнюю написал вчера.

Яша Рюмкин блестяще слетал в Будапешт. Он вылетел 19 января на «Дугласе». Дошел до Арада. Там уходил на фронт полк Ил-2. Уговорил летчика, сунул с собой в кабину. Затем подлетел на У-2 до штаба фронта. Выпросил у генерала машину. Притопал в Будапешт. А снимать нельзя — нет погоды. На следующий день чуть развиднелось. Снял. В машину. На связной аэродром. Туман. «Убьешься, нельзя». Уговорил. Дотопал до Арада. Стоит «Дуглас», винты вертятся. Туда. Шли на 5000 м — из-за погоды. Как и туда, шла кровь носом и из ушей.

И вот вваливается ко мне 21-го:

— Снимки нужны?

— Ты откуда?

— Из Будапешта.

— Врешь! Иди разыгрывай других, мне некогда.

Еле уговорил.

Новое партбюро энергично берется за дело. Вчера закончилось созванное им двухдневное совещание актива о фельетоне. Вместо доклада Заславский рассказал: «Как я стал фельетонистом». Очень интересно. Выступали Поспелов, Рыклин, Верховцев, Штих, Гершберг, Рябов и др. Завтра — бюро о своевременном выходе. Вчера нам снова строжайше приказали сдавать в 4.30. Вчера, впервые за месяц, уложились. А то все — 6.30.

Холодно. В редакции все в пальто — минус 20!!

6 февраля

Наступление понемногу утихомирилось. Уже несколько дней нет в сводке 1-го Укр. фронта. Там, южнее Бреслау, мы форсировали Одер еще дней 10 назад, но, видимо, туго рас-

ширяется. Тише стало и на 1-м Белорусском — обкладывается со всех сторон Франкфурт-на-Одере, правым флангом заняли Бервельде (в 70 км от Берлина — это же их Кубинка!! Вспомнить только, что делалось у нас, когда немцы были в Кубинке!). Войска 2-го Белорусского в основном стоят стеной и не выпускают немцев из Восточной Пруссии, а войска 3-го Белорусского (Черняховского) жмут их. Места им там осталось чуть. Между делом 2-й Белорусский окружил Эльбинг. В Будапеште продолжается драка.

Прежней стремительности (20—30 км в среднем по всему фронту) уже нет. Дни проходят без приказов. Это понятно. Нельзя месяц выдерживать такое сумасшедшее движение. Тылы отстали на 200—300 км. Наши ребята рассказывают, что сейчас все за сотни километров (бензин, харч, снаряды) везут на машинах. За границей железка имеет более узкую колею, чем наша. Все надо перешивать, на границе — перевалка, а немцы подвижной состав угоняли. Да что там железка. Пехота отстает на несколько дней. Вот приехал вчера с 1-го Белорусского Кизяев, рассказывает: 5 дней от Катукова не было никаких сведений в штабе: ушел вперед со своими танками и оторвался от всего.

Из немецкой Силезии прилетел наш фотокорр. Устинов. Летел 5 дней. Был в Оппельне, Крайцбурге. Рассказывает: немцы уходят подчистую, во всех городах не видел ни одного! Все вещи брошены, скот бродит, его наши рубят, колют на харч, но не перекололи. Жили там все богато, по горло. Много наших вещей, товаров, машин. Города побиты, но не очень. Часты пожары — солдаты разложат костер в доме, покидают туда мебель, а загасить не всегда умудряются. В лесах немецкие полки, дивизии, отставшие, сбившиеся с толка.

Немцы вовсю эвакуируют Берлин.

Начали брать к нам «стариков». Ильичев их всячески отваживал, сейчас его нет — берем. В иностранный взяли замом Бориса Изакова, он сейчас трижды орденоносец, был у партизан, был тяжело ранен, лежал год, но нога и сейчас болит — с костылями. В экономический взяли спецкором Раневского — он работал последнее время в ТАСС, уволили его от нас лет 7—8 назад из-за ошибки (придравшись!!). Замом в отдел обзоров взяли Бориса Горелика. Поспелов мне вчера сказал: «Вот собираются опять ветераны».

Был у нас режиссер кино Калатозов. Он провел полтора года в Америке. Рассказывал свои впечатления. Высокий, большеглазый, солидный, в сером костюме.

Войны средний американец не чувствует. Бешено разрослась промышленность, безработицы почти нет, все работают на войну, и все боятся — кончится война, что тогда делать, опять безработица. Живут крепко, некоторые ограничения только на обувь, сахар и еще кое-что.

Заводы всюду. Даже в Калифорнии, около Голливуда, авиазаводы «Дугласов». О Советском Союзе знают по-прежнему мало, считают все происходящее чем-то вроде чуда. Очень популярен Сталин, Рузвельт популярен, Черчилля не любят. Пресса Херста[3] весьма сильна, недавно съела Чаплина: обвинили его в совращении девушки и прижитии ребенка. Грозило 10 лет, он нанял адвоката за 100 тыс. долларов, еле вывернулся, Рузвельт его бросил на съедение Херсту.

В кино военной тематики нет. Американцы уже два года перестали делать военные фильмы, говорят — народ устал от войны. Газеты выходят в прежнем объеме. Читать — мало читают, Хемингуэя у нас знают больше, в Америке его считают нереалистом. Русских писателей не знают. Среди белогвардейцев громадный раскол. Большинство — за Советский Союз, руководят всеми сборами в пользу СССР и т. д. Но есть и сильные враги, издается даже газета «Русский фашист».

С неграми дело полегче, есть театры негритянские, берут их и в армию.

Театра в нашем понимании почти нет — ревю. Большинство артистов — актеры одной роли; нашего перевоплощения в роли героев — очень мало и очень немногие. Киношники боятся русской кинематографии: ее методов, исканий, будущего. Русские картины идут в 80—100 кинотеатрах, второэкранных (из, кажется, 18 000 киношек).

Ближайшие годы, по мнению Калатозова, — годы цветного кино. Было бы раньше, но патенты цветной съемки скупила одна фирма и не дает другим.

Мультипликатор Дисней делает чудесные картины, но ярый фашист.

Очень много театров кинохроники. Программа — 10 минут дикторского обзора (что случилось в мире за неделю — не надо читать газет), и потом всякий кинообзор. Кино

[театры] переполнены, это — быт. В среднем каждый американец тратит на кино долларов 30 в год, билет от 50 до 120 центов.

25 февраля

23 февраля, как раз в День Красной Армии получил орден Красного Знамени. Вручали в Кремле. Вручал Калинин. Сначала Горкин огласил фамилии трех Героев. Затем — сразу меня. Потом еще около 150 человек.

Вручение происходило в небольшом круглом, но очень торжественном зале. Высоченный, с уходящим ввысь, прозрачным, с льющимся, каким-то проникающим светом. Массивные колонны, между ними на стенах горельефы — античного торжественного характера. Строгая тишина, и голос Горкина.

Михаил Иванович очень постарел. Я его не видел несколько лет. Стал совершенно седой. Лицо очень усталое, глаза сощурены так, что их почти не видно. Стоит слева у стола, согнувшись, делает шаг, полшага навстречу, протягивает левой рукой орден с коробочкой, правой пожимает руку, говорит: «Поздравляю вас». В первом ряду сидели на костылях. Он делал им навстречу два-три шага.

Быстро. Горкин выкликал пункт из указа (указы сведены вместе по группам и орденам), вызываемый подходил, получал, отвечал Калинину, уходил. Вручение всем заняло (со съемкой) 45—50 минут.

Большинство получающих — военные. Я был в штатском. Подошел. Калинин вручил, поздравил. Вместо обычного: «Служу Советскому Союзу», я ответил: «Спасибо, Михаил Иванович». Он сразу вскинул голову, посмотрел на меня пристально, и улыбка пробежала по его лицу. Видимо, он вспомнил меня.

Потом снялись вместе (по группам) с Калининым. День был морозный (–27), но солнечный, яркий. Очень хороший день!

Наступление продолжается, но темпы уже стали, естественно, иными. В Восточной Пруссии немцам как будто удалось проложить от Кенигсберга дорожку к морю, к Пиллау. Но много ли уведешь морем — там их 40 дивизий.

Левое крыло 2-го Белорусского рвет на Данциг, правое 1-го Белорусского (Жуков) — на Штеттин. Намечается второй гигантский котел. Жуков форсировал Одер южнее Кюстрина и ждет. Конев правым флангом уже подпирает Жукова, а середкой приближается к подступам Дрездена. Слева он окружил Бреслау.

Прошел слух (пишут немцы), что союзники, наконец, начали наступление в районе Аахена. Начали вроде позавчера, но сообщение пока не печатаем.

В отделе — тяжко. Золин уехал на 1 БФ, Иванов — болен, в Архангельском, генерал — болен. Паримся с Яхлаковым каждую ночь. Не вынимая. Да тут еще передовые (сегодня — моя).

6 марта

На фронте опять оживление. Пошел левым флангом Рокоссовский и правым Жуков. Плечом к плечу вышли к Балтике, к Кольбергу, и учинили позавчера котел в Померании. Таким образом, все побережье Балтики в котлах — Прибалтика, Восточная Пруссия, Померания. Так Германия скоро станет сухопутной страной. На остальных участках тихо. О прорыве к морю написал передовую.

Союзники действительно начали 23-го наступление. Идет довольно успешно, хотя темпы и не наши. Находятся сейчас в 5 км от Кельна. Начали они, наконец, долбать авиацией Дрезден и другие пункты, лежащие в ближнем тылу нашего фронта.

Сенька Гершберг рассказал хороший анекдот по поводу Крымской конференции:

Прощаясь, Рузвельт и Черчилль говорят:

— До встречи в Берлине.

— Милости просим! — ответил Сталин.

Это очень хорошо сказано. Рыклин собирается обыграть это в «Крокодиле» (сделав сцену между освобожденным англичанином и нашим бойцом или т. п.).

Популярный ныне бытовой анекдот:

— Кто твой муж?

— Газовый монтер. А твой?

— Повар. А у Машки?

— Инженер.

— Так ей, стерве, и надо!

Вчера чествовали в Серебряном Бору Рыклина — в связи с его 50-летием и Баратова — в связи с награждением орденом Ленина за безупречную выслугу лет в армии. Были: Сиротин, Поспелов, Малютин, юбиляры, Сиволобов, Гершберг, Азизян, Кирюшкин, Шишмарев, Объедков, Лукин, Потапов, Корнблюм, Креславский, Заславский.

Пили крепко. Говорили спичи. Здравицы. Пели песни.

Рыклин рассказал, что в его городке Стародубе были три профессии: часовщик, портной, сапожник — «интеллигентные профессии», по которым отец хотел его пустить.

Заканчивал свою речь Гриша фельетонно: «Как говорится в таких случаях, уважаемый товарищ редактор! Не имея возможности лично отблагодарить всех поздравивших меня с юбилеем, разрешите в вашем лице...» Раздался хохот, Гриша и Поспелов облобызались.

Позавчера на заседании редколлегии Гершберг, наконец, был утвержден зав. экономотделом. В течение нескольких лет он был врио. Вчера в Серебряном выпили по этому поводу.

7 марта

Сегодня Вадим Кожевников рассказывал интереснейшие вещи. Он был в неких органах и просил материалы о действиях наших разведчиков. Меркулов[4] ему посоветовал заняться другой темой: борьбой за чистоту хлебных семян.

Оказывается, это колоссальное дело, огромного народнохозяйственного значения. До войны, в результате колоссальных государственных усилий, у нас было благополучно. Но это — проблема проблем всех стран. Зерно заражается различными бактериями, кроме того — в силу различных причин, — вырождается, теряет свои благородные качества и биологически перерождается. Крайне важно оградить основной семенной фонд и поля от таких зараженных посевов. До войны мы проделали титаническую работу. Ее всегда вели органы НКВД. Были установлены строжайшие кордоны на границах (к растениям они были придирчивее, чем к контрабандистам), барьеры между областями, неусыпное наблюдение за семенным фондом. Этим фондом мы маневрировали, как армиями, безжалостно забирали и изымали подозрительное зерно, давали другое. То же делалось и за границей. Но у них ма-

невренные возможности были меньше. Я помню, как лет 10—15 назад мы часто печатали, что в Канаде или в Бразилии «чтобы не падали цены» фермеры сжигали десятки тысяч тонн зерна. Дело объяснялось гораздо проще (и гораздо сложнее). Это проводилось государственное уничтожение подозрительного зерна. Государство не только скупало у фермеров зерно, но и платило им за расходы по его уничтожению.

Во время войны эта проблема у нас резко обострилась. Во-первых, в связи с недостатком хлеба на севере и на Дальнем Востоке, мы получали зерно из Америки. Пришлось установить старый кордон. Наши заокеанские друзья воспользовались случаем и частенько подсовывали «то» зерно. И часто, несмотря на голод и скуднейшее обеспечение населения севера хлебом, мы, получая зерно и благодаря за него, вывозили его потом в море и топили. Недаром почти все работники хлебной инспекции Мурманска, Архангельска, Дальнего Востока награждены орденами Ленина.

Но гораздо сложнее дело обстояло в оккупированных немцами областях. Они и тут проводили политику истребления. Они вывезли из Украины, Белоруссии, Кубани благородный семенной фонд (желая облагородить свои посевы в Германии), а сюда завезли зерно подмоченной репутации. В итоге уже при немцах урожай хлеба в оккупированных районах составлял едва 30% довоенного. Но это — полбеды. Сейчас из-за этого нависла страшная угроза над всеми остальными районами. Пыльца растений при благоприятных условиях погоды переносится на расстояние до 1000 км. В стране огромное движение, колоссальные перевозки — самая благоприятная обстановка для размножения беды. И вот тут нужна исполинская работа. И настоящая бдительность. Вадиму рассказывали, что недавно были обнаружены два вагона зерна, посланные из Донбасса на Урал, хотя тот и не запрашивал. Как это получилось? То ли напутали, то ли заслали по ошибке, то ли кто-то действительно затребовал и забыл. А может, и сознательно послали заразу.

Наша Наташа Волчанская ездила с советской профсоюзной делегацией в Лондон на всемирную конференцию. Вчера она рассказывала подробности. Занятно!

Путь лежал через Иран, Аравию, Египет, Францию — воздухом. При отличных условиях 4—5 дней, обычно (с непого-

дой) — до 10 дней. На промежуточных аэродромах образцовое обслуживание. Была в Каире: страшная смесь нищеты и богатства; нищие — грязные, обовшивевшие, в лохмотьях — продают ужасные на вид лакомства, ощущение брезгливости не покидает потом неделю. В Египте тьма людей и все ничего не делают — жрут, сидят в кафе или стучат в кости. Была у пирамид — чрезвычайно интересно, но неорганизованно. Пирамиды облезшие, все ценное, даже орнаментировку, англичане вывезли в свои музеи. Экскурсоводы — четыре невероятно грязных араба. На невероятной смеси всех европейских языков «объясняют» самые невероятные вещи. Лицо у сфинкса выщерблено временем, арабы поясняют, что это Наполеон бил из пушки. Всех европейских женщин они почему-то называют Мария.

Наташу поразило, что арабские ребятишки на улицах играют в скакалку, так же как и наши.

Евфрат — грязная, необычайно унылая река, топкие, грязные берега, мутная желтая вода. От рая тут ничего не осталось.

Тяжелое впечатление оставляет Франция. Летели над ней — ни поездов, ни машин. Страшная безработица, голод. Женщины, как правило, без чулок (хотя и холодно, и ноги синие — НЕТУ!), не видела ни одного человека в кожаной обуви — дерево. Паек — 300 гр. хлеба, и почти все. Но очень бурлит общественная жизнь, всюду плакаты, воззвания, лозунги. К нашим отношение — восторженное.

Наших было 42 чел. Летели на трех советских самолетах со своими экипажами. Старший — Чулков.

Лондон. Вид неказистый, мрачный, тяжелый. Совершенно угнетающее дело — туманы. Они какие-то особенные — это копоть, и ее как будто глотаешь. Даже в комнатах туманно.

Женщины и дети в большинстве эвакуированы из-за Фау-1 и Фау-2. На улицах детей почти не видно. Очень много американцев, канадцев, австралийцев, много женщин в военной форме (элегантно — длинные прямые брюки, со вкусом курточки). Много машин, все очень быстро ездят.

Лондон сильно разрушен. Некоторые улицы снесены в дым, ремонта не видно. До сих пор методически обстреливают. Раньше, при Фау-1, успевали объявлять воздушную тревогу за 6 минут до удара. При Фау-2 не успевают и не

слышат полета. Взрыв, а затем — через несколько секунд — грохот рушащегося здания. Каждая бомба — квартал в щепки. Однажды видели полет Фау-2 — как огонек метеора, и взрыв. Население внимания не обращает, бесполезно, но многие ночуют в метро, говорят, что теплее и уютнее.

Магазины торгуют бойко, но промтовары лимитированы. Чулки, носки, обувь, одежда, сукно — по талонам. Хлеб не нормирован, остальные продукты — норма. Сахару — 400 г в неделю. Масла сливочного совсем нет — маргарин. В ресторанах без карточек и сравнительно недорого, но можно заказать только одно мясное блюдо, за вторым мясным надо идти в соседний ресторан.

Еда безвкусная. По утрам обязательно овсянка, которую наши называли «кашей-затирухой».

Англичане Наташе не понравились. Корректные, но страшно сухие. Лицемерные. В ресторане не дашь положенного на чай — и лакей нечаянно обольет соусом. Ханжи. Святость семьи и порнографические открытки в магазинах, порнофильмы в кино, балеты с голыми девушками.

Много кино. Очереди на 30—40 минут. В основном — американские фильмы, в том числе превосходный фильм о Шопене. Английских картин не видели. Дважды была в театре. Постоянных трупп нет. Смотрели «Ричарда III» Шекспира — очень хорошо, но наша постановка богаче; смотрели оперетту — никуда не годно.

Отношение англичан не понравилось. Стараются не пускать куда только можно.

Рыклин рассказал новый анекдот о Крымской конференции. Зашла речь о том, как делить репарации с Германией.

— По частям, — сказал Черчилль.

— По участникам, — сказал Рузвельт.

— По трудодням, — ответил Сталин.

9 марта

Сегодня ушел обедать в 11 ночи и решил остаться дома — болела голова. Лег в 2. Только уснул — звонок. Поспелов просит прийти в редакцию.

— Срочное дело. Можете?

Пришел.

— Надо написать о репатриации военнопленных союзных армий. Задание т. Молотова. Вас ждет генерал Голубев[5].

Поехал. Генерал-лейтенант Голубев — замуполномоченного СНК СССР по репатриациям. Маленький кабинет. Толстый широкий генерал, две линии нашивок, широкое лицо, покоробленное у губы и на щеке шрамами. Когда встал — великан. Сидел еще помощник уполномоченного генерал-майор Басилов, низенький, худощавый, усатый, приветливый.

Говорили часа два. Рассказали интересные вещи. Буду писать в номер. Потом Голубев начал расспрашивать меня, где я бывал. Я рассказал.

— Много видите вы, журналисты. Как вы обеспечены?

— По-разному.

— Ну вот вы, например.

— 3000—3500.

— Столько, сколько командир корпуса.

Рассказал, что командовал армией. Под Москвой, у Подольска в 1941 г., брал потом Медынь, Духовщину и пр. Был тяжело ранен («накрыло нас десять человек огнем — восемь убито») и попал сейчас сюда.

— Обо мне много писали. Как бы достать — память!

Я обещал помочь.

Помнит меня по газете, помнит ребят, которые к нему приезжали, — Белявского, Лидова, Курганова.

Расстались друзьями.

Сегодня напечатана опять моя передовая «Удары Красной Армии по врагу».

Получили сообщение, что Костя Тараданкин награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Наконец-то!

20 марта

В 12, когда я еще спал, позвонил Гершберг.

— День отличный. Звонил мне Яковлев. Приглашает к нему на аэродром, посмотреть послевоенную авиацию. Едет Заславский. Поедем, а! Через полчаса он пришлет машину.

Поехали. Приехали на завод. Вышел Яковлев, сели в другую машину, поехали на аэродром. Он в генеральской форме, с ленточками орденов (восемь, в два ряда). День солнечный, веселый, хотя и 10° мороза.

Еще дорогой Яковлев говорит:

— У меня сегодня одно очень большое событие. Скажу после.

На аэродроме проезжаем мимо красноватых истребителей.

— Это новые, микояновские, — поясняет Яковлев.

— А вот и Яки!

Сошли. Целое племя новых пассажирских машин.

Первый стоит Як-8 — изящная серая двухмоторная машина. Назначение — внутриобластные перевозки. Маленький «Дуглас». Два мотора М-11 по 150 л. с., моторы закопчены. Внутри скромно, но хорошо отделано. Яковлев предложил пройти, сесть. Деревянные удобные кресла с подзатыльниками. Шесть пассажирских мест. Уборная (просторная: я сразу вспомнил теснейшую на дирижабле В-3, из которой высовывалась половина командира корабля). Регуляция воздуха — теплый/холодный. Серый сплошной коврик.

— Садись в пилотское кресло, — предложил Яковлев.

Я сел. Два кресла, двойное управление. Отличный обзор. Скорость 220, дальность 1000, за счет дополнительных баков — 1500. Стоимость 100—150 тысяч.

— Тебе ее заказывали?

— Нет. Мне никто не заказывал ничего, но конструктор и не может ждать. Я хотел сделать машину промежуточную между большими аэродромами. Эта садится где угодно.

Рядом другая — Як-14. Одномоторная, тот же М-11. Моноплан тоже, но крыло над кабиной, поэтому — подкосы. Это настоящий воздушный автомобиль. И все сделано под автомобиль. Широкая дверка, четыре места, как в машине, садиться так же. Приборная доска как в машине и даже ящички по бокам. На доске — витая надпись: «Яковлев» и «№ 14».

— Земной человек плохо себя морально чувствует в самолете. А тут все привычно, как в машине. Этот стиль много значит. Поставил даже глушитель, чтобы и мотор работал по-автомобильному. Послушай!

Запустили (запуск из кабины!). Звук очень приглушенный, чуть громче авто. В кабине можно свободно разговаривать. Скорость — около 200, посадочная — 65. Багажник сзади, на 2—3 чемодана, за сиденьями место для портфелей, свертков. Обзор — чудо.

— Это настоящий автомобиль личного пользования. Таких много в Америке. Стоимость будет не больше эмки. Сейчас она полетает.

Подошел летчик, молодой, скромный, деловой, высокий рост, кожанка.

— Познакомьтесь, Расторгуев. Сегодня — юбиляр. Летал утром и поставил не то союзный, не то мировой рекорд скорости.

Поздравили.

— На чем?

— На моей новой машине.

— Все документировано? По треугольнику? — спросил я. — По правилам ФАИ?[6] Комиссары были?

— Все чин чином, — отвечал летчик. — Летал полчаса. Можно подавать официально, в аэроклуб.

— Так об этом надо написать!

— Погоди, рано. Машина особая.

— А что особого?

— Вот увидишь после.

Расторгуев сел в Як-14 и улетел. Прошел низко над нами. Мотора почти не слышно. Идет как по ниточке. Малый вираж и снова строго горизонтально. Управляемость и послушность отменные.

Пошли дальше.

— Вот вам нужны в «Правде» несколько таких машин, как 14-я, — сказал Яковлев.

— Нет. Такие — само собой. Мне лично нужна машина с радиусом в 1500—2000. И скоростью в 400, — сказал я. — Мне надо в один день успевать в Берлин и обратно — к выходу номера.

— Так вот тебе «Курьер», — ответил Яковлев. — Скорость 600, дальность — 2000. Устраивает? Это будет пассажирский экспресс.

Мы вошли в ангар.

Длинный красный самолет, красная сигара. Это и есть «Курьер» — переделанный Як-9, бывший истребитель, вооружения сняты, добавлено 2-е место.

— Садись в кабину, приноровись, удобно?

Я залез. Низкое, очень удобное сиденье, откидной столик, слева — высотомер, справа — саф. Летчик не отгорожен, можно его толкать, хороший обзор. Даже сидя в

самолете, я чувствовал себя уже летящим с большой скоростью.

— Хороша! — сказал я.

— Вот, пожалуйста. Я согласен дать ее тебе в полет, когда понадобится. Все испытания прошла. Позвони, когда будет нужно!

Вышли из ангара. Около стояла красная машина, одномоторная, похожая на иглу с несколько толстым хвостом.

— Это и есть сегодняшний юбиляр. Реактивный самолет. Взлет с обычным мотором, на высоте — включает реактивный.

— Сколько он работает?

— Около получаса. Вполне достаточно для воздушного боя. Но для него у меня сделан и другой самолет — Як-3 с новым мотором. Будет самый быстроходный истребитель мира. Вот он стоит в ангаре. А рядом — УТ-2, сейчас всюду обучают на нем.

— А ангар у тебя давно?

— Нет. Раньше у меня не было. Все самолеты стояли под открытым небом. Бился, ничего не мог сделать. Сказал т. Сталину. Он сразу, не переспрашивая никого, сказал — дать! Дали мне, Микояну, Лавочкину.

Подошел худощавый, невысокий, веселый летчик, на вид — лет 35, в кожанке, генеральские погоны.

— Федрови[7].

Заславский говорит: хорошо бы полетать хоть на одной из виденных.

— Давайте я вас покатаю, — засмеялся Федрови. — Как раз сейчас полечу.

— На чем?

— «Мессер-108». Новый. Испытываю, что он такое. Прошу!

Но Яковлев запротестовал: «Некогда». Видимо, не хотел отвечать за нас.

Поехали на завод. Зашли в кабинет. В камине дрова горят, уютно. Сели.

— А я с этим камином натерпелся. Начал строить этот корпус, запроектировал камин, широкую лестницу. А стройинспекция не утверждает, говорит — по нормам не полагается. И ни в какую!

Работает у меня подарочная группа (пепельницы с самолетами). Так часто делаю то одному, то другому подарочный

самолет для ребят. И вот случилось: Рузвельт прислал Сталину свой портрет. Сталин ответил тем же, а рамку для портрета — строгую, художественную — мы делали. Я вот давно думаю над тем, чтобы вещи делать не только правильные, но и красивые. Ведь изуродовали Москву новыми безобразными домами. Хочу написать об архитектуре — архитекторы услыхали, Христом Богом просят написать, помочь им прошибить косность. Хочу написать и о театре. Вот я, конструктор, дал за время войны столько-то новых самолетов. А что дал Большой театр? Один спектакль «Иван Сусанин», да и то испортил его. Говорил я об этом с Поспеловым — и об архитектуре, и о театре, — а он боится, что ли?

Позвали завтракать. Маленькая столовая, тут же, при кабинете. Чудный сервиз. На столе — коньяк «КС», водка, мукузани, цинандали. Легкая закуска, печеная картошка, заливная осетрина, горячая рыба, ромштекс, кофе с яблочным пирогом. Великолепно и вкусно.

После завтрака — опять в кабинет. Заславский завел разговор о механизме творчества, спросил: где Яковлев работает?

— Я работаю здесь, в кабинете, больше у меня рабочей комнаты нет. Иногда фотографы требуют, чтобы я снялся за чертежной доской, за расчетами. Я им говорю, это же враки. Я даю идею, основное решение проблемы, а дальше — дело, пожалуй, техники. При современном оснащении нас расчетной наукой и при нынешних знаниях авиации да плюс еще наш опыт — технически грамотные идеи можно обосновать быстро. Этим и занимаются мои помощники. Но одних знаний недостаточно. Нужна творческая интуиция. Вот есть такой авторитет в области аэродинамики — проф. Пышнов[8], ты его, Лазарь, знаешь хорошо. Сколько раз он пытался создать машину, а не получается. Как я творю? Мне необходимы ощущения. Я разговариваю с вами, с другими людьми, бываю в театре, на заседаниях, а мысль все время где-то подсознательно работает. И мне необходимо общаться с людьми. Если бы меня заперли на три месяца в комнату, я бы ничего не создал и захирел.

— Расскажите все же о создании какой-нибудь машины.

— Хорошо. Вот свежий пример. Т. Сталин устраивал прием де Голлю. Кажется, 9 декабря прошлого года. Пригласили почему-то и меня. Видимо, потому, что был и ко-

мандир полка «Нормандия», а они все время хвалят Яки. Прием был в Екатерининском зале. Молотов поднял тост за гостя, гость — за Сталина и, кажется, Молотова. Потом Сталин начал провозглашать тосты. И вдруг слышу — «За Яковлева, конструктора советских грозных истребителей». Я сразу встал. И вот вижу — Сталин идет с бокалом к моему столу. Я совсем растерялся. Пошел навстречу. Чокнулись. «Вы хорошо выглядите, я давно вас не видел», — сказал Сталин. После банкета т. Сталин пригласил посмотреть кино. Посмотрели одну картину. «Ну что, по домам или будем смотреть еще?» — спрашивает Сталин. Все, конечно, молчат. «Ну, давайте посмотрим еще. Что есть?» Ему называют. Он выбрал «Волгу-Волгу». (Сталин, видимо, очень любит эту картину. Мне когда-то Полина Осипенко рассказывала, что на даче Сталина еще в 1938 или 1939 г. ее вертели, потом еще кто-то говорил. Гершберг рассказывает, что Сталин смотрел ее десятки раз. — *Л. Б.*) Прокрутили. «Ну, по домам, или еще?» Опять все ждут. Начали вертеть мультипликацию Диснея, сделанную специально для России, на русском языке.

Потом Сталин взял командира «Нормандии» подполковника Пуяда[9] и пошел в соседний зал, туда же пошли еще несколько человек. Проходя мимо меня, он потрогал ордена, побренчал ими и засмеялся: «А неплохо получается?!» — и позвал меня. Сел за стол. «Дайте нам шампанского!» Сам открыл бутылку, налил в бокалы. Выпили. Потом спрашивает у командира:

— Вы летали на Як-9 с 37-мм пушкой?

— Да.

— Нравится вам эта машина?

— Хорошая машина. Но нам больше нравится Як-3, это более маневренный самолет.

— Но у него вооружение слабее.

— Зато маневренность больше.

— Ну это важнее для индивидуального воздушного боя, — заметил Сталин. — Зато 37-мм пушка разносит любой современный самолет. Видите, у нас есть идея устраивать в воздухе при налете вражеских бомбардировщиков воздушную артиллерийскую завесу. Как вы на это смотрите?

— Вот если бы на Як-3 поставить 37-мм пушку — это было бы хорошо, — упорствовал француз.

— Ну как вы не понимаете, — возразил Сталин. — Это же разные задачи: воздушный бой и артиллерийский заслон. Конечно, было бы хорошо иметь Як-3 с 37-мм пушкой, но такого самолета нет, и вряд ли это возможно. Яковлев, как вы думаете, это возможно?

— Нет, т. Сталин, — ответил я. — Это невозможно. Як-3 — самый легкий в мире истребитель. Если на него поставить 37-мм пушку — это его резко утяжелит и он потеряет и скорость и маневренность.

— Ну, вот видите, — сказал Сталин. — Конструктор говорит, что это невозможно.

А француз упорствовал. Он явно не понимал идеи Сталина и хотел иметь тяжелую пушку не для завесы, а для драки.

— Ну, с ним каши не сваришь, — махнул рукой т. Сталин.

Беседу переводил работник НКИДа. При переводе он явно путался в технической и военной терминологии, и я, несмотря на весьма слабое знакомство с французским языком, и французский летчик его часто поправляли.

— Вот так всегда, — заметил полушутливо т. Сталин. — Мы воюем-воюем, а придут дипломаты и все испортят.

Он еще пару раз — по ходу разговора и очень к месту — сказал это о дипломатах.

Вернулся я домой на дачу в 5 ч. утра, и уснуть не могу. Свербит мысль: как бы все-таки поставить на Як-3 тяжелую пушку. Ходил, лежал, думал. И постепенно начала рождаться мысль: передвинуть летчика, это освободит место для более габаритного вооружения, сделать то-то, так-то изменить центровку. В 9 ч. утра я уже позвонил на завод и приказал приготовить к часу дня такие-то и такие-то расчеты. Приехал, сели. Неделю работали. И в субботу я позвонил т. Сталину.

— Могу поставить на Як-3 37-мм пушку.

— А скорость и маневренность?

— Останутся без изменения.

— Это очень хорошо.

И в понедельник меня уже вызвали со всеми расчетами и данными (об этом он дал в «Комсомолке». Надо взглянуть. — *Л. Б.*).

Вообще, т. Сталин давно уже высказал мысль о том, что современная авиация должна быть пушечной. Помню, еще до войны он вызвал меня и спросил, как вооружены совре-

менные иностранные самолеты. Я ответил, что «Спитфайр» имеет столько-то мелкокалиберных пулеметов, «Харрикейн» столько-то и пр.

— Это обывательский подход к авиации, — сказал Сталин. — Они успокаиваются тем, что их много. Но раз их много — рассеивание большое, а убойность — ничтожна. Сейчас вслед за нами будут бронировать самолеты, что тогда сделает мелкокалиберный пулемет? Самолет-истребитель должен быть вооружен пушками и пулеметами крупного калибра.

— А вот другой случай создания машины. Дело было в 1943 г. в сентябре или октябре, когда наши войска форсировали Днепр. Вызвали нас к т. Сталину — был Маленков, Новиков, Шахурин, кто-то еще; из конструкторов — Ильюшин, Лавочкин и я. Сталин сказал:

— Наши войска вышли к Днепру. Немцы бросили туда свою авиацию, бомбят вовсю, а наши аэродромы далеко, близких к Днепру аэродромов нет, дальности у истребителей не хватает, и они не могут бороться с немцами. Нужно срочно увеличить дальность. Что вы можете предложить, т. Лавочкин? (Между прочим, об этом — дальности аэродромов, невозможности их пододвинуть из-за прибрежных болот и леса — мне как раз говорил тогда на фронте командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник Руденко. — *Л. Б.*)

Лавочкин встал и ответил, что дальность увеличить нельзя, т. к. это снизит скорость, но он может предложить другие улучшения.

— Нам сейчас дальность нужна, — перебил т. Сталин. — Дальность, дайте мне дальность. Можете?

— Нет, т. Сталин, не могу.

А я сказал, что могу, и через несколько минут постановление было оформлено.

Спустя некоторое время наши самолеты производили большую операцию по эвакуации штаба И.Б. Тито[10] из окружения в Югославии (об этом писал летчик Калинкин в «Красной звезде» в конце прошлого года. — *Л. Б.*). Но «Дугласы» должны были действовать обязательно под прикрытием, иначе вся операция могла пойти насмарку. И вот, полк Як-9 днем пролетел через всю территорию Украины, Румынии и Югославии, занятую еще немцами, и без посадки опустился в Бари, в Италии. Из этой машины сейчас родился «Курьер». Такая

дальность тебя устраивает, Лазарь? А помогло мне в этом деле и одно внешнее обстоятельство. Когда я стал замнаркома, я добился постановления (и с этим т. Сталин согласился), чтобы конструкторы 1-й категории имели в год 500 000 рублей абсолютно бесконтрольных, на риск. Он может кинуть эти полмиллиона на ветер, не думая о Наркомфине, Госконтроле и т. д. Конструктор должен иметь право на риск. Вот на эти деньги я и строил машину. Что в этом случае обеспечило успех и в чем здесь проявилась роль конструктора? Конструктор не должен ждать заказа, благодаря предварительной работе общая схема машины и сама она в первом приближении были готовы еще до разговора в Кремле. Успех обеспечило и то, что я поставил перед собой хотя и дерзкую, но разумную черту: 2000 км. Поставь я 3000 — и ничего бы не вышло. Роль конструктора заключается в том, чтобы определить пределы дерзания и наметить наиболее короткий путь к цели. Иные идут более длинным путем, третьи заходят цели во фланг, а то и с тыла, некоторые совсем сбиваются с пути и не приходят к ней (говоря это, Яковлев чертил на столе эти пути).

— А над чем вы сейчас работаете? — спросил Заславский.

— Над истребителем.

— Как вы относитесь к Ильюшину?

— Я считаю его гением. В 1938 г., задолго до войны, он предложил штурмовик, которого и до сих пор нет ни в одной армии мира. Идея его заключалась в том, чтобы бить танки, когда они раскрыты.

9 апреля

Война на излете. Уже две, пожалуй, недели союзники наступают, не встречая никакого организованного сопротивления. Немцы, видимо, решили там открыть ворота. Ясно это было с первых дней нового наступления союзников. Не было сопротивления ни на линии Зигфрида, ни на Рейне, ни за ним, без боя немцы отдали даже Рурский район.

Наша печать сначала молчала. Впервые об этом сказал в № от 1 апреля Галактионов. Тогда стали давать и ТАСС, и остальные газеты.

По-видимому, немцы решили из двух зол избрать меньшее. Хотя зоны оккупации Германии и поделены, но большая разница — как эти районы будут заниматься: с боя или

без боя. И немцы предпочли, чтобы союзники заняли как можно больше, а наши казаки — как можно меньше. И на нашем фронте по-прежнему драка.

За это время Василевский дожал группировку юго-западнее Кенигсберга (сейчас в руках окруженных остается Кенигсберг, Пиллау и южная часть Земландского полуострова), Толбухин (3-й Укр. фр.) отбил все атаки за Дунаем, опрокинул немцев, влез в Австрию и вчера, как сообщили уже немцы, вступил в предместье Вены. Малиновский занял Комарно, Братиславу. Пошел выравнивать мешок и 4-й Украинский фронт.

Немцы дерутся довольно энергично. Появились на нашем фронте и реактивные самолеты, в частности Me-262. Несколько штук уже сбили. Вчера мы об этом первый раз сообщили.

Вадим Кожевников предложил мне вместе поехать на фронт, поглядеть на Германию. Маршрут — Вост. Пруссия, Померания, Бранденбург, Силезия. Заманчиво. Генерал морщится: не могу отпустить вас на три недели. Но позавчера он сам предложил мне:

— А что, Лазарь Константинович, если вам в Вену?

Я позвонил Кокки. Он сказал, что согласен, но после 15—20 [апреля]. Обязательно туда полетит. Но до этого должен смотаться на пару дней к Баграмяну, на 1-й Прибалтийский, а потом в Куйбышев. Другой оказии нет, поздно, к Вене не успею.

Вчера гром: денонсирование пакта с Японией. Японское правительство в тот же день подало в отставку. У нас шум, разговоры, прогнозы. Яша считает, что воевать не будем, Изаков говорит, что японцы отдадут все, что попросим, Минаев считает — это война.

29 апреля

Бурные события. Берлин агонизирует, занято на вчера 90% его территории. Вчера весь мир облетело сообщение о том, что Гиммлер сделал (через шведов) заявление Англии и США о капитуляции, они ответили, что надо капитулировать перед всеми.

Сейчас вся пресса мира полна слухами: Гитлер убит, Гитлер в Берлине, Гитлер ранен, Гитлер улетел, Гитлер разбит параличом, у Гитлера кровоизлияние в мозг и т. д.

25-го войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с союзниками. Позавчера прилетел оттуда Устинов. От нас был он, Конст. Симонов (от «Кр. звезды») и Крушинский («Комсомолка»). Американских журналистов и киношников 50 человек. Устинов рассказывал: ведут себя как коршуны, грязны, небриты, в касках, с револьверами, гранатами и бутылкой вина в заднем кармане. Все держались просто, дружественно.

В Сан-Франциско 25-го открылась мирная конференция. Там — т. Молотов. От нас полетела Наташа Волчанская, от «Известий» — Жуков и Гурарий.

Вчера начали готовить победные номера. Я — в комиссии.

С 30-го в Москве отменяется затемнение.

Все считают, что победа свершится на днях.

2 мая

Вчера был на параде. Чудный, солнечный день. Все ждали демонстрации, но так до последнего дня и не было ясно. Попов собирал секретарей райкомов, ничего не сказал определенного. Между прочим, сказал, что должны следить, чтобы народ хорошо одевался, а директорам заводов и секретарям не худо бы было завести шляпы.

Парад очень насыщенный. Особенно много самоходок, танков. Раньше, когда мы их видели, мы думали: как они будут себя вести в бою? Сейчас знаем — это вещь. Великолепна новая форма генералов.

Генералитет стоял на нижней трибуне. Потом стало слышно, как т. Сталин сказал им: «А нельзя ли вас попросить сюда». Поднялись Фалалеев, Воронов и другие.

Кончился парад, и тысячные толпы ринулись на площадь. Мы смотрели от «Москвы» — буквально вся Тверская залита народом, и все мчатся на Красную площадь.

И вчера и сегодня работаем. Сегодня дежурю. Сегодня ждем Берлина.

5 мая

События кувырком.

2 мая объявили Берлин. Всю ночь возились с материалами, Яхлаков не вылезал с узла.

В 9 ч. вечера позвонил Телегин и сообщил, что Темин вылетел со снимками Берлина. Я помню, как несколько месяцев назад, недели за две до взятия Варшавы, он пришел ко мне и заявил:

— Пришла пора вставлять перья. Темин будет снимать флаг над Берлином и первым привезет его в Москву. Темин хочет опять в «Правду».

Я поддержал его, и его взяли. И вот он летит. Магид сразу связался с маршалом авиации Фалалеевым, и самолет повели. Разрешили ему лететь без посадки в Яново, перенацелили на Внуковский, а не [на] Астафьевский аэродром, дали ночной старт. В 3 часа Темин прибыл в редакцию, проявили, напечатали, дали три снимка (снимок Рейхстага никак не лез на 1-ю полосу под приказ, я предложил убрать шпигель, поднять приказ и тогда войдет. Поспелов пошел на эту меру, впервые в «Правде»). Снимки обошли всю мировую прессу.

В этот день мы выходили одни. На следующий день все газеты вынуждены были перепевать нас. Да и снимки их пришли только 3-го к вечеру. Кстати, в этот день (3-го) прилетел и Рюмкин. Можно представить себе его разочарование.

О том, как Темин снимал Берлин, помещено сегодня в «Правдисте», там же дано постановление редколлегии о премировании его (писал я) и отклики иностранной прессы. Как снимал Рюмкин Рейхстаг — я записал на листочках и, кроме того, написал сегодня для инорадио «Флаг на Рейхстаге».

Между прочим, стоит отметить. В 11 ч. вечера 2-го Яхлаков разговаривал по прямому проводу с Золиным (в штабе 1-го Белорусского фронта). Тот сказал:

— Завтра вылетает Рюмкин.

Яхлаков: «Уже летит Темин».

Золин: «Темин вряд ли вылетел. Кроме того, он не снимал Рейхстага, а Рюмкин снимал».

Редакция объявила группе товарищей, в том числе и мне, благодарность за подготовку первомайского и берлинского номеров. Сегодня вышла «Летучка» ко дню 5 мая. Там обо мне хвалебная статья под заголовком «Спокойная уверенность», писал Лешка Штих.

Был у меня сегодня Коля Константинов. Когда-то учились вместе в Курганском СХТ[11]. С той поры (25 лет!) не виделись. Он был научным работником ТСХА, ополченцем

и с той поры дерется. Сейчас старшина, награжден Красной Звездой и «За отвагу». Внешне — типичный Швейк, а был кругляшок.

Сейчас готовим номера Победы.

Слухи о смерти Гитлера и иже с ним все упорнее в мировой печати. Горбатов и Мержанов передали корреспонденцию о том, как нашли труп Геббельса, Вишневский и Золин — о том, как шли переговоры о капитуляции. Обе задержаны.

В мировой прессе шум по поводу ареста нами 16 поляков-диверсантов. Даем сообщение ТАСС.

7 мая

Сегодня — выходной, у нас собрались в театр. Премьера в Театре миниатюр — «Чужое дело». С Гершбергом.

В 4 ч. я поехал за билетами. В 5 вернулся домой. И начались звонки.

— Лазарь, что ты сидишь дома? — позвонила Витя, кузина. — Наши инженеры рассказывают, что война кончена. Верно?

Я сразу позвонил дежурному по редакции. Дежурил Шатунов.

— Слухи ходят. Сейчас приедет Поспелов.

Новый звонок. Галя Погосова из ТАССа.

— Обнимаю. Целую. Все верно. Уже подписано в деревушке у Эйзенхауэра. Приезжай пить шампанское. Я хоть больна, но, когда мне позвонили из ТАССа, сбегала удостовериться. Приезжай, ей-богу! У меня есть бутылка.

Пришла Феня со двора:

— Весь двор говорит.

Звонок.

— Я сейчас приеду к вам. У меня есть пол-литра. А?

Звонок. Вера Голубева из «Смены».

— Я не могу. Хоть что-нибудь выпить! Сейчас прибегу.

И прибежала. Раскрыли бутылку ликера. Чокнулись...

Прибежал Валерка:

— Папа, правда, что война кончилась?

— Правда.

— Ух, хорошо, я завтра в детский сад не пойду.

Звонок. Хозяйка Фениной знакомой.

— Вы меня не знаете. Верно ли это? Верно!! Крепко вас целую.

Славка:

— Папа, я пойду на Красную площадь, можно? А можно мне завтра в школу не идти?

На Красную площадь — это уже рефлекс.

Звоню Кокки. Подходит Валя, Володя болен.

— Ну, я его сейчас выздоровею. Война кончена!

— Лазарь, вы треплетесь? Приезжайте сейчас же, четверть спирта поставлю на стол. Ей-богу? Только не разыгрывайте — я сейчас всему городу звонить буду.

Конечно, на театр плюнули, послали жен, а сами пошли в редакцию. Собрались Поспелов, Сиротин, Малютин, Козев, Гершберг, Азизян, Шишмарев, Магид, Сиволобов, я. Ждем, может, будем выходить. Слушаем радио, вспоминаем, как слушали также в иностранном отделе в первый день войны речь Риббентропа.

Звонки непрерывно.

Выясняются подробности. В 2 ч. по парижскому времени в штаб Эйзенхауэра[12], в деревушку, явился генерал-полковник Эбр и передал от имени Деница[13] капитуляцию.

Подписал ее начальник штаба генерал Смитс, наш представитель генерал ...[14], француз, англичанин. Было заседание английского кабинета. В 8 ч. по Гринвичу выступит Черчилль. Потом пришло сообщение, что его выступление отложено.

Ждем, будет ли наше сообщение. Неужели не скажут народу? Звоним генерал-полковнику Штеменко в Генштаб, у которого обычно узнаем о салютах.

— Подготовлен салют по Бреслау. В случае большого салюта он будет отложен. Но пока ничего не знаем.

9.40 (или 8.40).

Слушайте важное сообщение.

Мы сразу решили: раз не в круглый час, а за 15 минут, значит — не то. Так и было: Бреслау.

Зашел к Поспелову:

— Можно расходиться?

— Нет. Быть начеку. Может быть, будет в 12.01.

Сразу прибежало несколько человек:

— Папанин звонит по всем телефонам. Ищет вас.

Звоню.

— Лазурка, милый. Приезжай! Такая радость. У меня даже сердечный припадок. Слезы текут, до сих пор не могу успокоиться. Меня попросили написать для радио. Наши написали, не нравится. Говнюки! Только ты мои мысли знаешь.

— Я не могу, Дмитрич. Поспелов не велел отлучаться.

— А он не узнает. Я уже послал за тобой машину. Будет у тебя через 8 минут. Я время засек. Матрос — ветер.

Поехал. Трофейный «Крайслер». Встречает адъютант.

— Заходи скорее, он время засек, все спрашивает — не приехал ли?

Обнялись.

— Винца выпьешь по этому поводу?

Адъютант налил мукузани, поставил закусь. Тут же врач — выслушивает сердце, разволновался старик. Дает лекарство. Папанин шутит:

— Ты закусываешь колбасой, а я бромом.

Поглядел я выступление для радио. Исправил.

Зашел Мазурук. Пошел разговор об Арктике.

Я говорю:

— Пора думать о новых делах. Арктика была всегда родиной нашего героизма, романтики. А сейчас ее стали забывать. Надо новые громкие дела. Иначе место Арктики займут новые области и отрасли. Партии нужно поднимать и воспитывать новых людей. Не забывайте, что с войны вернутся тысячи героев и людей, которые будут поднимать страну перед миром.

И рассказал о недавнем разговоре с Кокки. Он сказал:

— Пора думать о том, чтобы поднять пульс. Вот помнишь, когда я лазил на высоту — начал новое дело, все полезли за рекордами. Полезно. Надо и сейчас делать что-нибудь, чтобы расшевелило остальных и толкнуло. Приезжай, потолкуем.

Я не назвал его имени собеседникам, но Папанин сразу рассмеялся:

— Володя Коккинаки. Он, так же как я, с тобой всегда вместе.

Зерна упали в хорошую почву. Мазурук загорелся:

— Вот надо разделаться с магнитным полюсом. Их сейчас два. И оба чудят. Надо будет послать пару самолетов в

район полюса, сесть там на пару месяцев и изучить до основания.

— И Лазаря туда послать обязательно (Папанин).

— Это хорошо, но это — для науки, — сказал я. — А надо для народа. Вот ведь совершенно недопустимо, чтобы оставались необследованные места в восточном секторе. А они есть. А надо там обязательно открыть землю.

— Это правильно, — подхватил Папанин. — Мы называем СМП сталинским, а вот земли Сталина у нас нет.

— Обязательно землю, а не островок, — сказал я. — Я уверен, что там есть земля. Я уверен в существовании земли к северу и от Врангеля, и от Новосибирских островов. И наверняка есть земля между З[емлей] Ф[ранца]-И[осифа] и Северной землей. Мы там болтались и убеждены в этом.

— Но там же ежегодно летают наши самолеты, — возразил Мазурук, подходя к карте и проведя параллель.

— Но выше они лезут? — спросил я.

— Нет.

— А надо выше. Мы там видели в 1935 г. айсберги, характер дна и грунта в этом убеждает.

— Пожалуй, ты прав. Надо поискать, — сказал Мазурук. — Если айсберги — должна быть большая земля. А землю Сталина надо новую открывать. Нельзя же З[емлю] Ф[ранца]-И[осифа] переименовать.

И, приняв официальный тон, обратился к И.Д.:

— Товарищ начальник. Разрешите резервировать самолет для этого. И нынче отправим. Предлагаю Черевичного. Загодя оборудуем вспомогательные базы. Горючее можно забросить на Северную землю.

— Лучше на о. Ушакова, — предложил я. — Там есть и хорошие бухточки для гидросамолетов, и озерко на куполе, и площадки на берегу.

— Ты там был?

— Был.

— Ну что ж, я согласен. А ледовую разведку это не сорвет? — спросил Папанин.

— Нет.

— А экипаж я сам подберу, — сказал я.

Все засмеялись. А меня действительно мучит и восточный сектор, где, по моему глубокому убеждению, есть земли

(в т. ч. и Санникова и Андреева), и западный, к северу от о. Ушакова, открытого нами в 1935 г. Да и к северу от Шпицбергена, видимо, есть пресловутая земля Джиллиса, которую мы искали тогда на «Садко». Все показывало близость земли, но лед не пускал нас на север, а туман не давал Бабушкину туда проникнуть.

Хорошо, если выйдет!

Ночью Папанин завез меня в редакцию. Сказал, что звонил Поскребышеву о капитуляции, тот ответил, что сегодня сообщения не будет, будет завтра и, возможно, выступит Хозяин.

8 мая

Состоялось!

Сегодня днем выступили Черчилль, Трумэн, де Голль с речами о капитуляции. Все мы ждали, что вот-вот у нас объявят.

Все не отходили от радио. Циркулировали различные слухи. Сталин выступит во столько-то, во столько-то. Так шло до вечера.

Вечером, часов в 5 позвонил Золин из Берлина и сообщил, что скоро начнется заседание, на котором Жуков и Кейтель будут подписывать капитуляцию. Наши ребята там будут и затем со снимками вылетят в Москву.

До полуночи, однако, не было никакого сообщения. Часиков в 11 вечера я поехал поужинать к Кокки. Они осадили меня вопросами. Я, как докладчик, потребовал платы — бутерброд. Валя поставила водку, селедочку, колбаски, предложила кислых щей, кулича, пасхи.

Сказал я Володе о плане экспедиции, о которой вчера толковал с Папаниным.

— Нет, мое сердце не туда смотрит. Как ты думаешь, смотаться на 4 часа дальности со скоростью 580—600 и затем обратно так же — стоит?

— Стоит. Только учти: если летишь Москва—Ташкент — это произведет впечатление в СССР, если Москва—Париж — во всем мире.

— Я это понимаю. Только ветра туда поганые.

— А высота какая?

— Приличная. 10—12 км.

— А нетренированный человек на этой высоте как себя будет чувствовать?

— Я не хочу из-за тебя полет срывать, — прямо ответил Володя. — Ты не обижайся, я честно говорю.

В час меня вызвал Поспелов. В 2 часа стало известно, что радио будет работать до трех с половиной. А в 2 ч. 10 минут ночи начали передавать акт о капитуляции. Когда-то на вопрос: когда кончится война, отвечали — Левитан скажет. Так и было — читал Левитан.

И пошли звонки! Без края. Звонил с дачи Папанин, звонили мы по Москве, звонили москвичи друг другу, звонили нам. Чокались, обнимались.

В 6 ч. утра Горбатов и Мержанов передали отчет о заседании. Указали, между прочим, что акт был подписан в 0 ч. 50 мин. по московскому времени, а начали заседание ровно в полночь. Эти цифры мы выбросили.

9 мая

Сегодня — Праздник Победы. Мы пришли из редакции (я как раз дежурил вчера) в 10 ч. утра, но в 4 ч. все уже снова были в редакции. Весь день радостные звонки.

Передают — с утра народ попер на Красную площадь, в центр. Героев Советского Союза ловят на улицах, качают. Обнимаются, целуются. Какой-то военный подтащил ребят к мороженщикам и кормил всех мороженым. Группа нетрезвых в 4 часа утра вышла к проезду Исторического музея с двумя корзинами вина и бутербродами, останавливали всех прохожих, чокались и выпивали.

Говорили, что Сталин выступит в 4, в 5, в 6. Наконец, стало известно, что в 10 ч. будет приказ.

Я, Сиволобов, Толкунов, Азизян, Магид с сыном решили пойти посмотреть в центр. От Белорусского сели в метро до Театральной. Давка — феерическая, особенно на выходе. Пошли на Красную. Вся Манежная и вся Красная — битком. Кто поет песни, кто идет с красным флагом, выдернутым из дома, много ребят, они идут взявшись за руки, чтобы не растерять друг друга. Это предусмотрительно: мы потеряли Толкунова и Азизяна.

Машины ревут, воют, но пройти не могут. Вскоре, оказывается, закрыли и метро.

Много военных, очень много женщин, все в праздничных костюмах. Все вежливы, никто не ругается, все смеются. Машины идут, облепленные ребятами со всех сторон.

На Красной была такая давка, что мы решили уйти на Манежную. Там народу тоже битком, особенно много у прожекторов.

— Раньше, как увидим прожектор, так сразу шофер гнал что есть силы подальше, — вспомнил я.

Сиволобов рассмеялся.

В 9.50 начали объявлять приказ т. Сталина.

Площадь мгновенно замерла. Тихо. Но вот раздались слова: «30 залпами из тысячи орудий». И площадь ахнула, закричала, зааплодировала, засмеялась. Дальнейшие слова уже не были слышны.

Характерно, что толпа остановила шедший было во время приказа трамвай, автобус и пр.

И вот — салют! Сотни прожекторов сошлись голубым куполом. В последний раз поднялись над Москвой аэростаты воздушного заграждения. Прожектора освещали огромный портрет Сталина, поднятый на тросе аэростата, и такой же громадный красный флаг. Ракеты, море огня. Чудесная феерия!

Но залпы были слышны слабо — пушки стояли по окраинам.

А потом по Садовому кольцу прошли «Дугласы» и кидали ракеты.

Обратно добирались пешком, но были страшно довольны тем, что пошли.

А в редакции узнали, что в 9 ч. выступал Сталин.

В час дня прилетел из Берлина Рюмкин со снимками подписания капитуляции.

11 мая

Вчера умер Щербаков. 44 года!

Сенька рассказывает, что сегодня в правительстве никто не занимался никакими делами. Траур.

Говорят, в воскресенье будет демонстрация по поводу Победы.

В редакции много коридорных разговоров о послевоенных делах. Сиротин прочит на завинформотделом Мержанова,

Сенька и Сиволобов настаивают на мне. А я — сам не знаю: сесть — морока, опять сплошные ночи и не писать, хорошо бы быть очеркистом на спецзаданиях и ездить. Или, может быть, остаться замом в военном отделе — отдыхать и писать?

Никого из корреспондентов пока с фронтов не трогаем. Приказали сидеть, давать о героях боев, о ходе капитуляции и городах.

Ну, посмотрим!

18 мая

Вчера, около полуночи, меня вызвал Поспелов и сказал:

— Есть мировое задание. Буквально — мировое. Поезжайте сейчас к т. Микояну. Возьмите с ним беседу. Он вернулся из Берлина. Мы хотели послать т. Заславского, но вы сумеете это сделать лучше.

Я помчался в Кремль. Пропуск был готов. Поднялся в здание Совнаркома Союза. Помощник Микояна Барабанов — очень живой, полный, невысокого роста, средних лет — сразу пошел доложить и сразу пригласил.

Вошел. Большой кабинет. Много света. Большой письменный стол, заложенный бумагами (видимо, знакомится со всякими делами после возвращения), много телефонов, рядом, вплотную, маленький столик, на нем разложены аккуратно газеты, и тоже дела. Над столом — портреты Ленина и Сталина. Кожаная мебель. Сам Микоян сидел во главе стола для заседаний и читал толстенную папку дел. Я был у него году в 1929—30, тогда он был худощавый, молодой, резкий в движениях. Сейчас эта резкость сохранилась, но он сильно пополнел и поплотнел, лицо несколько обрюзгло и выглядит поэтому сердитым. Широкие, но не длинные усы. Просторный синий костюм, галстук. Судя по всему, он был крайне занят. Сразу приступили к делу:

— Здравствуйте. Садитесь. Я был в Берлине и Дрездене. Докладывал т. Сталину. Он сказал, что хорошо бы дать интервью в «Правду», «Известия». Я думаю — достаточно дать в «Правду», а «Известия» потом перепечатают. Как вы думаете?

— Перепечатают.

— Вот вам сначала материалы. Пойдите ознакомьтесь, а потом поговорим. Только верните мне, там на обороте я записал кое-что.

Я ушел. Это были две докладные записки члена Военного совета одной из армий 1-го Белорусского фронта Бокова о том, как встретили берлинцы объявление норм выдачи хлеба и меры нашего командования по налаживанию нормальной жизни в Берлине, и сводка писем бойцов и офицеров о продовольственном положении Берлина.

Прочел. Пришел к Барабанову. Он опять доложил. Опять сразу принял.

— Садитесь. Прочли? Это надо использовать в интервью. Особенно письма бойцов — последовательно расположить, с нагнетанием; а о том, что едят падаль, — в конце. Я сам видел толпы голодных и как свежевали лошадей.

Он начал диктовать интервью. Не сидел, а ходил. Говорил очень быстро, энергично, но слова его трудно было разобрать, мысли не заканчивал — перескакивал на следующую, сказывались живость и резкость характера. Диктуя, смотрел на записи на обороте дававшихся мне сводок, там синим карандашом широким, неразборчивым, быстрым почерком были набросаны тезисы беседы. Когда он говорил о высказывании Суворова об отношении к побежденному врагу, он спросил: «Найдете эту цитату. Если не найдете — она у меня есть». — «Найдем».

Во время беседы позвонил во ВЧ Жуков из Берлина.

— Здравствуйте, т. Жуков, — сказал т. Микоян. — Я докладывал т. Сталину, и он одобрил ваши мероприятия. Я доложил ему и о поставленных вами вопросах — он обещал их рассмотреть. Дальше. Я говорил о профсоюзах. Т. Сталин сказал: «Надо восстанавливать в Германии профсоюзы». Я сказал, что в Берлине мало газет. Он сказал, что надо открыть газеты демократических партий, коммунистическую и другие. Я предложил открыть в Берлине две гостиницы НКВнешторга для приезжающих. Т. Сталин сказал, что гостиницы нужны, но их должны открыть военные организации. Так что подберите один-два дома, оборудуйте как следует, и пусть действуют для наших приезжающих людей. Вот что я хотел вам сообщить. Действуйте. Поздравляю с успехом.

Потом продолжал беседу. Закончив ее, сказал:

— Вы где будете работать? Поедете к себе?

— Мне все равно. Была бы машинистка.

— Ну, машинистку как-нибудь в Совнаркоме найдем. Сколько у вас займет?

— Часам к 3.30—4.00 сделаю.

— Это правильно. Лучше поработать сегодня. Незачем терять время. Когда напишете — заходите.

— Размер?

— Я не обуславливаю. Пишите.

Я ушел в секретариат. Сел, привел в порядок записи, сообразовал их с материалами, продиктовал шесть страниц. Вернулся. Барабанов опять доложил. Опять сразу вступил. В кабинете сидели какой-то генерал и какой-то нарком.

— Вы оставьте, — сказал Микоян. — Я посмотрю через несколько минут вместе с вами.

— Я говорил с Поспеловым. Дадим в номер.

— Нет, сегодня не надо. Дадим завтра. Вы позвоните, чтобы не ждали.

Через несколько минут он опять меня позвал, и мы вместе стали читать. Он вносил небольшие поправки. Там, где речь шла о том, что крестьяне не имели права продавать излишки, он попросил дописать: «Это не создавало стимула к развитию производства». Он попросил добавить, что они не могли продавать на рынке «малейшую долю» хлеба, жиров, мяса. «У нас тоже могут продавать не все, — и добавил: — И картофеля». Указал, что личное потребление крестьян было строго ограничено правительственными нормами. Вставил, что гитлеровцы закрыли все рынки и базары. Добавил, что наши инженеры руководят работой немцев, «а не сами восстанавливают».

Вычеркнул о том, что сам видел голодных и евших падаль. Вычеркивал лишнее, переходные фразы, вообще делал мысль более ясной и фразы и периоды короче и доходчивее. Небольшое недоразумение получилось с Суворовым. Мне наша библиотека дала цитату: «Солдат — не разбойник, мирных не обижать».

— Я не эту цитату имел в виду, — сказал Микоян. — А то место, где он говорит, что, пока враг не сдается — его надо бить безжалостно, но когда сложит оружие — тогда надо относиться великодушно.

Я исправил.

— Надо ли писать, что вы были по поручению правительства?

— Я ездил по поручению т. Сталина. Но этого писать не надо. Всем ясно, что без поручения правительства такие поездки не предпринимаются.

Попросил внести все эти изменения.

— Завтра утром еще раз почитаем.

— Но в основном годится?

— Да.

Я внес исправления и уехал. Было около 6 ч. утра. Приехал, рассказал Поспелову и ушел спать.

Проснулся в 3 ч. на следующий день. Звонок. Перепухов.

— Звонил Барабанов. Микоян ждет тебя.

Не успел позавтракать, туда.

— Он ждет вас, — сказал Барабанов. — Он сейчас на заседании Бюро Совнаркома. Вот просмотрите этот окончательный текст после его поправок, он хочет знать ваше мнение.

Я прочел. Микоян уточнил некоторые места, поправки были незначительными. По просьбе Барабанова я написал Микояну небольшую записку, что материал видел, все в порядке.

Он ушел с запиской наверх. Возвращается через несколько минут.

— Он хочет вас видеть.

Мы поднялись на третий этаж, где шло заседание Совнаркома. В приемной сидели наркомы, замы, начальники главков, рубали бутерброды с чаем и оживленно разговаривали. Все места вокруг круглого стола и стоявших у стены столиков были заняты.

Пришедший со мной помощник Микояна Королев (высокий, приятный блондин, с умным лицом) написал записку: «А.И.! Т. Бронтман здесь».

Микоян сразу вышел, буквально через минуту. Он поздоровался, пригласил меня выйти в коридор.

— Там высказывания немцев в двух местах — после сообщения о введении норм на питание и после того, где говорится о восстановительных работах. Не лучше ли их объединить в одном месте, т. к. говорят они одно и то же? Как вам кажется?

— Это можно сделать. А число высказываний не надо сокращать?

— Я думаю, не стоит. Они содержательны. Сделайте это, и пошлем на просмотр т. Сталину. Я с ним уже говорил. У вас других вопросов нет?

— Нет.

— Хорошо. До свидания.

Пожали руки. Я ушел, переделал. Барабанов принес записку, написанную Микояном: «Товарищу Сталину И.В. Посылаю проект интервью о положении в Берлине» (и подпись).

Кстати, сначала заголовок у меня был «Красная Армия обеспечила население Берлина продовольствием», — Микоян переделал на «Положение в Берлине», а в газете появилось «Продовольственное положение в Берлине и Дрездене» — этот заголовок пришел к нам от Поскребышева.

Во время перепечатывания Барабанов несколько раз спрашивал меня: «Скоро ли?» Видимо, торопил Поскребышев. Сделали, наконец, и около 6.30 послали.

Да, между прочим, ночью, расставаясь с Микояном, я напомнил ему:

— А помните, А.И., я делал у вас доклад?

— Когда?

— В 1928 или 1929 году мы занимались высвобождением пищевых жиров из мыловаренной промышленности. Вы нас тогда сильно поддержали, и я делал доклад на коллегии Наркомторга.

— Помню, помню, — улыбнулся он. — Этот вопрос и сейчас у нас стоит. Очень важная проблема.

Я приехал в редакцию. В 11 ч. вечера беседа пришла из секретариата т. Поскребышева. Поправки были незначительными. Одновременно сообщили, что она пойдет во всех газетах. Поспелов был счастлив и горячо меня поздравлял и благодарил.

20 мая

Беседа вчера была напечатана во всех газетах. Я позвонил Барабанову.

— А.И. очень доволен. Все в порядке. Если будут отзывы — он просит прислать ему.

Поспелов ночью показал мне Постановление ЦК, в котором было написано приблизительно следующее: «Принять предложение т. Поспелова и установить для ведущих журналистов-писателей «Правды» пять персональных ставок по 2000 рублей в месяц».

— Мы хотим установить это Кожевникову, Рябову, Колосову, Заславскому и вам. Тут дело не в деньгах, а в принципе. Ставка членов редколлегии и формулировка «ведущие журналисты-писатели». Вы, кажется, член Союза писателей?

— Нет еще.

— Обязательно надо провести. Ведь у вас около десяти книг?

— Двенадцать.

— Обязательно надо. Мы этим займемся.

Встает вопрос: что мне делать дальше? Война кончилась. Оставаться ли в военном отделе, переходить ли в другой отдел? Я лично склонен был бы перейти на амплуа спецкора по особым заданиям, не быть связанным оргработой. Тогда бы мог и писать, и поездить, и поработать над книжкой, и людей посмотреть, и себя показать. В крайнем разе это можно бы сделать, оставаясь замом в военном отделе, работы по отделу будет не так много, хотя генерал и считает, что мы сейчас должны широким планом обобщать опыт войны (а это — статьи, а статьи — на мне). Сесть же на отдел информации — это каждодневно трубить от зари до зари и погрязать за столом, без всяких поездок и без писания.

Сиротин, проводя свою политику — сажать везде своих людей, которые были бы ему обязаны местом, намечал на отдел Мержанова, слухи об этом дошли до ТАССа. Против этого энергично выступали Сиволобов и Гершберг. Оба говорили обо мне — и с Поспеловым, и с Сиротиным.

И вот позавчера, когда я приехал от Микояна и докладывал в присутствии Сиротина редактору, Сиротин вдруг сказал:

— Л.К., война кончается. Не пора ли вернуться к старым делам?

— Да, — подхватил Поспелов. — Возглавить отдел информации.

— А первым заместителем — Мержанова, — добавил Сиротин.

Я подумал и согласился.

ПРИМЕЧАНИЯ

1942 год

[1] Кокки — Коккинаки Владимир Константинович (1904—1985) — дважды Герой Советского Союза (1938, 1957), генерал-майор авиации (1943). Летчик-испытатель. Установил 22 мировых рекорда. Во время войны совмещал работу летчика-испытателя и руководителя летно-испытательной службы авиационной промышленности. Испытал 62 типа самолетов. Близкий друг семьи Бронтман.

[2] Поспелов Петр Николаевич (1898—1979) — в 1939—1971 гг. член ЦК, доктор исторических наук, в 1940—1949 гг. главный редактор газеты «Правда». В послевоенные годы — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[3] Имеется в виду Харьковское сражение 12—29 мая 1942 г., в котором участвовали войска Юго-Западного направления в составе Юго-Западного фронта (21, 28, 38 и 6-я армии, армейская оперативная группа генерал-майора Л.Г. Бобкова) и правого крыла Южного фронта (57-я и 9-я армии). Наступательная операция советских войск была сорвана контрударом противника 17 мая во фланг Южного и тыл Юго-Западного фронтов, а 23 мая 6-я немецкая армия соединилась в районе Балаклеи с частями армейской группы «Клейст», после чего основная группировка советских войск была разгромлена. Погибло и попало в плен 171 тыс. советских солдат и командиров.

[4] Володя — В.К. Коккинаки.

[5] Валя — Валентина Коккинаки, жена В.К. Коккинаки.

[6] Гершберг Семен Романович (Сруль Рахмильевич) (1908—?) — заведующий экономическим отделом газеты «Правда».

[7] Баратов Аркадий — главный цензор газеты «Правда».

[8] Зуев Дмитрий Павлович — писатель, после войны сотрудник «Вечерней Москвы», близкий друг семьи Бронтман. Подолгу проживал в доме Л.К. Бронтмана.

[9] Оника Дмитрий Григорьевич — заместитель наркома угольной промышленности СССР. В первый период войны — бригинженер, командовал 8-й саперной армией. С 1942 по 1946 г. начальник комбината «Москвоуголь».

[10] Куприн Василий — в июне 1941 г. — корреспондент «Правды» в Днепропетровске, в период войны — военный корреспондент «Правды», участник уличных боев в Сталинграде.

[11] Имеется в виду Юго-Западный фронт. Харьковского фронта не существовало.

[12] Чанкотадзе Шалва Лаврентьевич — генерал-майор (1944). В 1942—1943 гг. — командир 7-го (позднее — 87-го гвардейского) отдельного авиаполка Гражданского воздушного флота (ГВФ), затем — 1-й транспортной дивизии ГВФ.

[13] Реут Василий Федорович — сотрудник информационного отдела газеты «Правда», друг Л.К. Бронтмана.

[14] Тараданкин Константин — заведующий отделом информации газеты «Известия», друг Л.К. Бронтмана.

[15] Кириченко Алексей Илларионович (1908—1975) — в 1942 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины, бригадный комиссар, член Военного совета Юго-Западного фронта. Впоследствии — первый секретарь ЦК КП Украины, секретарь ЦК КПСС.

[16] Боде Наталья Федоровна (1914—1996) — фотограф, в 1938—1941 гг. работала в фотохронике ТАСС по Украине. В годы войны — корреспондент газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия». Постоянно печаталась в центральных газетах «Правда», «Красная звезда», журнале «Огонек» и зарубежной печати (через Совинформбюро).

[17] Комаров Георгий Иосифович — командир полка штурмовиков, с 12 октября 1942 г. — командир 228-й штурмовой авиадивизии (преобразована во 2-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию), генерал-майор (с 13 апреля 1944 г.).

[18] Долматовский Евгений Аронович (1915—1994) — советский поэт, прозаик, журналист. В качестве военного корреспондента в 1939—1940 гг. принимал участие в советско-финляндской войне, западных походах Красной Армии. В начале Великой Отечественной войны попал в окружение, был в плену. Бежал. Работал во фронтовой газете «Красная Армия», являлся военным корреспондентом «Комсомольской правды», печатался в «Известиях».

[19] Рюмкин Яков Ильич (Израилевич) (1913—1986) — фотокорреспондент газеты «Правда». Фотографировал оборону Сталин-

града, освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, взятие Берлина. Единственный репортер, сбивший немецкий самолет: во время фотографирования Сталинграда на штурмовике Ил-2 ему пришлось исполнять роль стрелка. В послевоенные годы работал в газете «Правда», журнале «Огонек».

[20] Шкурин Яков Степанович — генерал-майор авиации, в мае 1942 г. — начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта, в июне—августе 1942 г. — начальник штаба вновь образованной 8-й воздушной армии Юго-Западного, затем — Сталинградского фронтов.

[21] Имеются в виду 6-я армия Юго-Западного и 57-я армия Южного фронтов.

[22] Розенфельд Михаил Константинович (1906—1942) — журналист, писатель-фантаст, сценарист. Один из основателей «Комсомольской правды». В начале войны ушел добровольцем на фронт, воевал на Юго-Западном фронте, писал корреспонденции в газету «Красная Армия». В 1942 г. стал спецкором «Красной звезды». Погиб под Харьковом 15 мая 1942 г.

[23] Бернштейн Михаил Самойлович — интендант 2-го ранга, фотокорреспондент газеты «Красная звезда». Участник событий на Халхин-Голе, советско-финляндской войны. Погиб в мае 1942 г. под Харьковом.

[24] Устинов Александр Владимирович (1909—1995) — фотокорреспондент газеты «Правда». Фотографировал бои на Волховском, Западном, Юго-Западном, Ленинградском, Сталинградском, Брянском, 1, 2, 4-м Украинских фронтах. Снимал действия партизанских соединений в тылу врага, встречу советских и американских войск на Эльбе 25 апреля 1945 г.

[25] А.В. Устинов.

[26] 21-я армия Юго-Западного фронта.

[27] 28-я армия Юго-Западного фронта.

[28] Корнейчук Александр Евдокимович (1905—1972) — драматург. В годы войны — бригадный комиссар, затем полковник, сотрудничал в газете «Правда». Автор пьесы «Фронт» (1942), в которой образ фронтового корреспондента центральной газеты Крикуна передан как подхалим и халтурщик.

[29] Василевская Ванда Львовна (1905—1964) — писательница. Трижды лауреат Сталинской премии. Жена А.Е. Корнейчука.. В годы войны — полковой комиссар, затем подполковник, агитатор ГлавПУРККА на Юго-Западном фронте.

[30] Истомин Иван Александрович — полковник, в начале войны — начальник штаба 12-й пулеметно-артиллерийской бригады, с 25 декабря 1941 по 13 июня 1942 г. — командир 244-й стрелковой дивизии 28-й армии Юго-Западного фронта.

[31] Скиба Сергей Федосеевич — майор, с 16 января 1942 г. — командир 907-го стрелкового полка 244-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 14 июня 1942 г.

[32] Радецкий Николай Антонович — в начале войны полковник, начальник политотдела 28-й армии; в 1943—1945 гг. член Военного совета 65-й армии, генерал-лейтенант (11 июля 1945 г.).

[33] Родимцев Александр Ильич (1905—1977) — генерал-полковник (1961), дважды Герой Советского Союза (1937, 1945). В 1942 г. командовал 87-й стрелковой дивизией (в январе 1942 г. преобразована в 13-ю гвардейскую). С 1943 г. до конца войны — 32-м гвардейским стрелковым корпусом на Юго-Западном, Донском, Сталинградском, Степном, Воронежском, 2-м и 1-м Украинском фронтах.

[34] 20 июня 1942 г. немецкие войска (6-я армия и 1-я танковая армия) начали наступление против 28-й и правого фланга 38-й армий Юго-Западного фронта (операции «Вильгельм» и «Фридрих II»). В ходе боев к концу июня противнику удалось нанести серьезное поражение войскам 28-й армии.

[35] ДКА — Дом Красной Армии.

[36] Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — член Политбюро ЦК ВКП(б), народный комиссар (с 1946 г. — министр) иностранных дел СССР (1941—1949).

[37] В мае—июне 1942 г. В.М. Молотов находился с официальными визитами в Лондоне и Вашингтоне, где вел переговоры с западными союзниками.

[38] Тяжелый бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8) с В.М. Молотовым на борту стартовал с подмосковного аэродрома Раменское и приземлился в Лондоне. Затем через Исландию и Канаду самолет достиг США. В Советский Союз В.М. Молотов вернулся также на самолете через Англию, совершив в целом перелет почти в 20 000 км.

[39] Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — поэт. В период войны корреспондент газет «Красноармейская правда» (Западный фронт, 1941—1942 гг.) и «Красная звезда», подполковник (1943). В период войны выпустил шесть сборников стихов и песен. В сборник «Декабрь под Москвой» (М., 1942) вошли фронтовые стихи, написанные в июле—декабре 1941 г.

[40] Коссов Давид — сотрудник экономического отдела «Правды».

[41] Гаранин Анатолий Сергеевич — фронтовой фотограф, в годы войны — корреспондент газеты «Фронтовая иллюстрация». Снимал боевые действия на разных фронтах. Считается классиком военной фотографии. Автор знаменитого снимка «Смерть солдата», сделанного во время боя.

[42] Мехлис Лев Захарович (1889—1953) — главный редактор газеты «Правда» (1930—1937), заведующий отделом печати ЦК, на-

чальник Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ПУРККА), заместитель народного комиссара обороны (1937—1940), начальник ГлавПУРККА (1941—1942), армейский комиссар 1-го ранга.

[43] Зельма Георгий Анатольевич (1906—1984) — в 30-х гг. и в период войны — фотокорреспондент газеты «Известия». Считается классиком советского фоторепортажа.

[44] Минаев Алексей Васильевич — подполковник, командир 282-го истребительного авиационного полка. За несколько дней до дневниковой записи Л.К. Бронтмана, 9 июня назначен командиром 265-й истребительной авиационной дивизии. С февраля 1943 г. до конца войны — командир 257-й смешанной (позднее — истребительной) авиационной дивизии, полковник (18 марта 1943 г.).

[45] В результате переговоров В.М. Молотова с правительствами Великобритании и США были подписаны советско-английский договор о союзе и войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве в послевоенный период (26 мая 1942 г.) и советско-американское соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии (11 июня 1942 г.), которые завершили оформление антигитлеровской коалиции.

[46] Лазарев Иван Григорьевич — полковник, заведующий военным отделом газеты «Правда».

[47] Л.З. Мехлис весной 1942 г. являлся полномочным представителем Ставки ВГК на Крымском фронте. Несет прямую ответственность за поражение фронта в мае 1942 г. После этого понижен в звании и должности.

[48] Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945) — в 1939—1945 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член Секретариата ЦК, с 1938 г. первый секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б), в 1941—1945 гг. начальник Совинформбюро, в 1942—1945 гг. заместитель наркома обороны СССР, начальник ГлавПУРККА. Генерал-полковник (1943).

[49] Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943) — член ЦК ВКП(б), академик Академии наук СССР (1939). В 1939—1943 гг. руководитель лекторской группы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член редколлегии газеты «Правда».

[50] Безыменский Александр Ильич (1898—1973) — поэт, сатирик. В начале войны — батальонный комиссар, литератор газеты 21-й армии Юго-Западного фронта. Войну закончил в Праге.

[51] Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — писатель. С 1939 г. — секретарь Союза писателей СССР. В годы войны — бригадный комиссар, корреспондент «Правды» и Совинформбюро.

[52] Славин Лев Исаевич (1896—1984) — писатель. В годы войны корреспондент газеты «Известия» и внештатно — «Красной звезды». В 1942 г. опубликовал повесть «Мои земляки», на основе которой был написан сценарий к фильму «Два бойца».

[53] Тобрук — город-порт в Ливии, на побережье Средиземного моря. В январе 1941 г. занят британскими войсками, выдержал восьмимесячную осаду немецко-итальянских войск (апрель—декабрь 1941 г.), после чего деблокирован британской армией. 21 июня 1942 г. Тобрук капитулировал и был занят немецкими войсками. Освобожден 13 ноября 1942 г. в ходе Эль-Аламейнской операции.

[54] Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900—1943) — писатель. В 1936—1941 гг. — генеральный секретарь Союза писателей СССР и главный редактор журнала «Новый мир». В годы войны — бригадный комиссар, полковник. Военный корреспондент газеты «Правда». Погиб в бою 14 ноября 1943 г.

[55] Вашенцев Сергей Иванович (1897—?) — военный писатель. Участник советско-финляндской войны, западных походов Красной Армии. В начале Великой Отечественной войны — интендант 1-го ранга, литератор газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия».

[56] Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель, поэт, драматург. Перед войной окончил курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии (интендант 2-го ранга). В начале войны работал в газете «Боевое знамя». Всю войну был в действующей армии, старший батальонный комиссар, подполковник. Специальный военный корреспондент газеты «Красная звезда». Стихотворение «Жди меня» написано в конце июля 1941 г. на Западном фронте. Впервые опубликовано в январе 1942 г. в «Правде».

[57] Панферов Федор Иванович (1896—1960) — писатель, главный редактор журнала «Октябрь». Повесть «Своими глазами» опубликована в 1941 г.

[58] Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954) — русский и советский военный дипломат и писатель. По происхождению граф, полковник Генерального штаба. В Красной Армии с 1937 г. — старший инспектор по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА. С октября 1942 г. — старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства НКО. Генерал-лейтенант (1943). Первое издание мемуаров «50 лет в строю» вышло в двух частях в 1939—1940 гг. в Москве.

[59] Старицкий Михаил Петрович (1840—1904) — украинский театральный деятель, писатель.

[60] Правильно — Еремин Алексей Яковлевич — подполковник, командир 6-й танковой бригады (16 мая — 15 июля 1942 г.).

[61] ЮЗФ — Юго-Западный фронт.

[62] Зина — Бронтман (Ермилова) Зинаида Александровна (1907—1960) — жена Л.К. Бронтмана, сотрудница отдела писем «Правды» с 1953 г.

[63] Славка — Ростислав, сын Л.К. Бронтмана (р. 1930).

[64] Бронтман Абрам Константинович (1907—1945) — брат Л.К. Бронтмана, главный специалист Наркомата животноводства. С 1941 г. на фронте. Не оправился после тяжелого ранения в 1942 г.

[65] Имеется в виду подвиг командира роты тяжелых танков 6-й танковой бригады старшего лейтенанта Григория Николаевича Фокина (1911—1945). 17 мая 1942 г. в районе Харькова, будучи в окружении, его экипаж принял бой с 11 немецкими танками, 8 из которых были сожжены. Собственный подбитый танк экипаж не бросил и смог позднее отбуксировать в тыл. 5 ноября 1942 г. Г.Н. Фокину присвоено звание Героя Советского Союза. Майор Фокин погиб в Будапеште 5 апреля 1945 г.

[66] Имеется в виду 21-я армия Юго-Западного фронта.

[67] ПУ ЮЗФ — политуправление Юго-Западного фронта.

[68] К северу.

[69] Гуров Кузьма Акимович (1901—1943) — в начале войны — дивизионный комиссар, член Военного совета 29-й армии, член Военного совета Юго-Западного (январь—июль 1942 г.) и Южного фронтов. Генерал-лейтенант (6 декабря 1942 г.).

[70] Решением Ставки ВГК 7 июля 1942 г. из состава Брянского фронта был выделен Воронежский фронт.

[71] 21-й армии.

[72] Правильно — Чуянов Алексей Семенович (1905—1977) — в 1938—1946 гг. — первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), кандидат в члены ЦК (1939—1952). В 1942—1944 гг. член Военных советов Сталинградского, Донского и Южного фронтов.

[73] Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) — член Политбюро (Президиума) ЦК с 1939 по 1964 г. В 1938—1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, первый секретарь Киевского обкома и горкома КП(б) Украины, в 1941—1944 гг. член Военных советов главного командования Юго-Западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Юго-Восточного, Южного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов. Генерал-лейтенант (1943).

[74] Потапов Кирилл Васильевич (?—1975) — с 1935 г. работал корреспондентом газеты «Правда», сотрудник отдела литературы и искусств, редактор сочинений М. Шолохова.

[75] Галаджев (Галаджян) Сергей Федорович (1902—1954) — генерал-лейтенант (1944). В годы войны начальник политуправле-

ний Воронежского, Донского, Центрального, 1-го Белорусского фронтов, участвовал во взятии Берлина. В послевоенные годы начальник политуправления Группы советских войск в Германии, затем сухопутных войск ВС СССР.

[76] Голиков Филипп Иванович (1900—1980) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1961). В начальный период войны командующий 10-й, 4-й Ударной армиями. В 1942 г. — генерал-лейтенант, командующий Брянским и Воронежским (июль 1942 г. и октябрь 1942 г. — март 1943 гг.) фронтами. С 1943 г. — начальник Главного управления кадров НКО.

[77] Ильюшин Сергей Владимирович (1894—1977) — советский ученый и авиаконструктор, генерал-полковник инженерно-технической службы (1967), академик АН СССР (1968), трижды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974). Создал семейство боевых самолетов, в том числе основной штурмовик Красной Армии в период Великой Отечественной войны Ил-2.

[78] Возможно, имеется в виду генерал-майор Логинов Евгений Федорович, командир 17-й (в дальнейшем — 2-й гвардейской) авиадивизии дальнего действия. Однако Е.Ф. Логинов не погиб. В дальнейшем — маршал авиации (1967). Умер в 1970 г.

[79] Новиков Александр Александрович (1900—1976) — Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (апрель и сентябрь 1945). В 1942 г. заместитель командующего, затем — командующий ВВС Красной Армии, замнаркома обороны по авиации.

[80] Голованов Александр Евгеньевич (1904—1975) — Главный маршал авиации (1944). В начале войны — командир дальнебомбардировочного полка. С августа 1941 г. — командир 81-й дальнебомбардировочной авиадивизии. С февраля 1942 г. командующий авиацией дальнего действия (АДД). С декабря 1944 г. командовал 18-й воздушной армией, в которую была переформирована АДД.

[81] 25 июля германское командование приступило к реализации стратегического плана «Эдельвейс» по овладению Кавказом. Для выполнения этой задачи на правом берегу р. Дон были сосредоточены войска группы армий «А» (17-я армия, 4-я танковая армия и 3-я румынская армия) общей численностью 167 тыс. чел., 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов. Противнику противостояли малочисленные армии Южного и Северо-Кавказского фронтов. В конце июля немецкие части захватили ряд плацдармов на левом берегу Дона. Началась Битва за Кавказ (25 июля 1942 — 9 октября 1943 г.).

[82] Сиволобов Михаил — сотрудник газеты «Гудок», с июля 1941 г. — собкор «Правды», с конца 1944 г. — ответственный сек-

ретарь редакции. Неоднократно переправлялся к партизанам. Воевал в составе партизанских отрядов.

[83] Жуков Георгий Константинович (1896—1974) — Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). В начале войны начальник Генштаба, генерал армии. В последующем командовал Ленинградским, Западным, 1-м Белорусским фронтами, работал представителем Ставки на различных фронтах. В 1944 г. за Проскуровско-Черниговскую операцию награжден орденом Победы № 1. На заключительном этапе войны командовал войсками 1-го Белорусского фронта, сыгравшего зимой 1945 г. решающую роль в Висло-Одерской операции. Награжден вторым орденом Победы.

[84] Мержанов Мартын Иванович (1900—1974) — спортивный журналист. В конце 30-х гг. корреспондент «Рабочей газеты», «Труда», «Правды». В начале войны заместитель заведующего информационным отделом «Правды». В дальнейшем — военный корреспондент «Правды».

[85] Громов Михаил Михайлович (1899—1985) — генерал-полковник авиации (1944), Герой Советского Союза (1934), профессор (1937). До войны участник рекордных по дальности беспосадочных перелетов. С 1941 г. начальник Летно-испытательного института. С декабря 1941 г. командир авиадивизии, с февраля 1942 г. командующий ВВС Калининского фронта (в мае переформированы в 3-ю воздушную армию). С мая 1943 г. командующий 1-й воздушной армией. С июня 1944 г. начальник Управления боевой подготовки Главного управления ВВС.

[86] Молоков Василий Сергеевич (1895—1982) — летчик, генерал-майор авиации (1940), Герой Советского Союза (1934). В 1934 г. участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин». В 1937 г. участвовал в воздушной экспедиции на Северный полюс. В 1937—1946 гг. депутат Верховного Совета СССР. С 1938 г. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота (ГВФ). На фронте с мая 1943 г. и до конца войны командовал 213-й авиадивизией ночных бомбардировщиков.

[87] Астахов Федор Алексеевич (1892—1966) — маршал авиации (1944). С 1940 г. заместитель начальника штаба Главного управления ВВС РККА. Во время войны командовал ВВС Юго-Западного фронта. С мая 1942 по 1947 г. начальник Главного управления ГВФ, одновременно с мая 1942 по август 1943 г. заместитель командующего ВВС РККА, а с августа 1943 по декабрь 1944 г. заместитель командующего авиацией дальнего действия.

[88] Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988) — государственный и партийный деятель. В 1939 г. был избран членом ЦК ВКП(б), возглавлял Управление кадрами ЦК ВКП(б). В 1941 г.

кандидат в члены Политбюро. С начала войны — член Государственного Комитета Обороны (ГКО). Выезжал на фронт: Ленинград (август 1941 г.), московское направление (осень 1941 г.), Сталинград (август 1942 г.). В дальнейшем сыграл определенную роль в налаживании производства самолетов, за что в 1943 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

[89] Погосов Александр — полярный штурман.

[90] Папанин Иван Дмитриевич (1894—1986) — дважды Герой Советского Союза (1937, 1940), начальник Главсевморпути (1939—1946), уполномоченный ГКО по перевозкам на Севере.

[91] Козлов Матвей Ильич (1897—1980) — полярный летчик. В мае 1937 г. в составе экипажа впервые в истории посадил тяжелый четырехмоторный самолет на лед Северного полюса, помогая экспедиции И.В. Папанина. В начале войны служил в составе ВВС Черноморского флота, затем вновь направлен в Арктику. Принимал участие в спасении английских и американских моряков с конвоя PQ-17 в Баренцевом море. В августе 1944 г. участвовал в спасении экипажа потопленного транспорта «Марина Раскова».

[92] Имеется в виду командир 2-го (с ноября 1941 г. — 1-го гвардейского) кавалерийского корпуса Павел Алексеевич Белов (1897—1962), в конце 1941 и начале 1942 г. совершившего глубокий рейд по тылам противника на вяземском направлении. С июня 1942 г. и до конца войны командующий 61-й армией, генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944).

[93] Юмашев Андрей Борисович (1902—1988) — летчик, Герой Советского Союза (1937), генерал-майор авиации (1943).

[94] Так в тексте. Правильно — Байдуков Георгий Филиппович (1907—1994) — летчик, Герой Советского Союза (1936). В 1942—1943 гг. командовал 4-й гвардейской штурмовой авиадивизией. В последующем — командир авиакорпуса, командующий ВВС фронта.

[95] Хват Лев Борисович — медик, журналист, фронтовой корреспондент «Правды». Друг и сосед Бронтманов. После войны, в 1950 г. осужден по необоснованным обвинениям.

[96] Эль-Регистан (Уреклян) Габриел Аркадьевич (Аршакович) (1899—1945) — поэт, автор текста Гимна СССР (совместно с С.В. Михалковым). В 1930-х годах работал в Средней Азии в качестве специального корреспондента газеты «Известия». В годы войны — корреспондент ряда газет.

[97] Соловейчик Лев — корреспондент газеты «Красная звезда».

[98] Иш Лев — корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб в 1942 г. в Севастополе.

[99] Вилкомир Лион — корреспондент газеты «Красная звезда», старший политрук. Погиб 19 июля 1942 г., участвуя в боевом вы-

лете самолета Ил-2 103-го штурмового авиационного полка Южного фронта (Ростовская область).

[100] Ортенберг (Вадимов) Давид Иосифович (1904—1998) — военный журналист, армейский политработник. Главный редактор газеты «Красная звезда» (1941—1943).

[101] Певзнер (Гринев) Григорий — в июне 1941 г. корреспондент «Правды» в Киеве.

[102] Петров (Катаев) Евгений Петрович (1903—1942) — писатель. К началу войны — главный редактор «Огонька». Старший батальонный комиссар. Военный корреспондент газет «Правда», «Красная звезда», Совинформбюро. Погиб, возвращаясь на самолете из осажденного Севастополя.

[103] Алтаузен Джек (Яков) Моисеевич (1907—1942) — поэт. В годы войны — старший политрук. Погиб в бою в 1942 г.

[104] Хамадан (Файнгар) Александр Моисеевич (1908—1943) — корреспондент московского радио, зам. заведующего иностранным отделом «Правды» в 1932—1937 гг. В 1941—1942 гг. корреспондент ТАСС. Был пленен в 1942 г. после падения Севастополя. В лагере военнопленных под фамилией Михайлов возглавил подпольную работу. Казнен в мае 1943 г.

[105] Шуэр (Огин) Александр — военный корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб под Киевом 22 сентября 1941 г.

[106] Лапин Борис Матвеевич (1905—1941) — писатель. В качестве военного корреспондента участвовал в боях на Халхин-Голе. В период Великой Отечественной войны — военный корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб во время боев под Киевом.

[107] Хацревин Захар Львович (1903—1941) — писатель, публицист, друг Б.М. Лапина. Военный корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб под Киевом.

[108] Штительман Михаил — сотрудник армейской газеты «К Победе». Погиб под Вязьмой в октябре 1941 г.

[109] Речь идет о первой Ржевско-Сычевской операции войск Калининского и Западного фронтов (30 июля — 23 августа 1942 г.). Советские войска продвинулись на 45 км в глубь обороны противника, потеряв около 200 тыс. чел. убитыми и ранеными. Поставленных целей войска не добились. Ржев освобожден не был.

[110] Речь идет о приказе НКО № 227, известном под названием «Ни шагу назад!».

[111] Кожевников Вадим Михайлович (1909—1984) — писатель. Герой Социалистического Труда (1974). Во время войны работал во фронтовой печати, корреспондент газеты «Правда». С 1949 г. — главный редактор журнала «Знамя».

[112] Шевелев Марк Иванович (1904—1991) — в 30-х гг. полярный летчик, Герой Советского Союза (1937). В начале войны полков-

ник, начальник штаба 81-й дальнебомбардировочной дивизии. В последующем — начальник штаба АДД, генерал-лейтенант (март 1943 г.). С апреля 1944 г. назначен начальником Особой воздушной трассы Красноярск—Уэлькаль.

[113] Новодранов Николай Иванович (1906—1942) — генерал-майор авиации. Командир 3-й авиадивизии дальнего действия. Погиб в авиакатастрофе 30 августа 1942 г.

[114] Яковлев Александр Сергеевич (1906—1989) — советский авиаконструктор, академик АН СССР (1976; член-корреспондент 1943), генерал-полковник авиации (1946), дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957). В 1940—1946 гг. заместитель наркома авиационной промышленности. Под его руководством созданы многие широко известные самолеты, в том числе бомбардировщик Як-4, истребители Як-1, Як-7, Як-9, Як-3, которые составили около 60% (свыше 36 тысяч экземпляров) построенных в годы Великой Отечественной войны истребителей и были в числе лучших самолетов своего класса.

[115] Федоров Евгений Константинович (1910—1981) — государственный деятель, генерал-лейтенант, академик АН СССР (1960), Герой Советского Союза (1938). С 1932 г. научный сотрудник полярных станций. В 1939—1947 гг. и 1962—1974 гг. начальник Главного управления метеослужбы при СНК (Совете Министров) СССР.

[116] Кружков Николай Николаевич — в начале войны — батальонный комиссар, литератор газеты Южного фронта «Героический штурм». В 1942 г. — редактор газеты Северо-Западного фронта «За Родину!», полковой комиссар.

[117] СЗФ — Северо-Западный фронт.

[118] Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — полководец. Похоронен в Самарканде. Материал о вскрытии гробницы Тимура был опубликован в «Правде» 20 июня 1941 г.

[119] Цветов (Цейтлин) Яков Евсеевич (1909—1977) — писатель, журналист. В 30-х гг. был корреспондентом газет «Комсомольская правда», «Известия», «Правда», в годы войны — корреспондент газеты «Правда», был в киевском окружении в 1941 г.

[120] Леонтьев Лев Абрамович (1901—1974) — экономист, член-корреспондент АН СССР (1939). В 30-х гг. работал в Институте Маркса—Энгельса—Ленина (1931—1935), в редакциях газеты «Правда» (1935—1943) и журналов «Война и рабочий класс» и «Новое время» (1943—1957), преподавал в ведущих вузах и академиях.

[121] Косяченко Григорий Петрович (1901—1983) — кандидат экономических наук (1945). Профессор. С апреля 1937 г. начальник кафедры политической экономии Военно-политической академии

им. В.И. Ленина. В сентябре—ноябре 1940 г. член редколлегии «Правды». С ноября 1940 г. заместитель председателя Госплана СССР. С 1949 г. первый заместитель председателя Госплана.

[122] Минц Исаак Израилевич (1896—1990) — историк, академик АН СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1946). В 1932—1949 гг. заведовал кафедрами истории СССР в МИФЛИ и МГУ, в 1937—1949 гг. — в Высшей партийной школе. Во время Великой Отечественной войны входил в состав различных комиссий. Был автором более чем 200 работ по истории партии.

[123] Митин Марк Борисович (1901—1987) — член ЦК в 1939—1961 гг., доктор философских наук, академик АН СССР (1939). В 1939—1944 гг. главный редактор журнала «Под знаменем марксизма», в 1939—1944 гг. директор Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

[124] МГК — Московский городской комитет ВКП(б).

[125] ГлавПУРККА — Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

[126] Рогов Иван Васильевич (1899—1949) — политработник, армейский комиссар 2-го ранга (1941), генерал-полковник береговой службы (1944). С марта 1939 по 1946 г. начальник Политического (с 1941 г. — Главного политического) управления ВМФ и замнаркома ВМФ СССР. С декабря 1943 по февраль 1944 г. член Военного совета Черноморского флота.

[127] Имеются в виду Западный и Калининский фронты.

[128] Курганов (Эстеркин) Оскар Иеремеевич (р. 1907) — журналист, сценарист. В 1934—1949 гг. — специальный корреспондент газеты «Правда», сотрудник отдела искусств, военный корреспондент. С 1954 г. в кино, автор сценариев игровых и документальных фильмов, писатель.

[129] Лидов Петр Александрович (1905—1944) — писатель, журналист. В «Правде» с 1937 г. В июне 1941 г. собкор в Минске. В годы войны — военкор «Правды» на Западном, Юго-Западном и 1-м Украинском фронтах. Участвовал в боях под Москвой; стрелком-радистом летал на бомбардировки в тыл врага; в составе группы белорусских партизан участвовал в рейде в оккупированный фашистами Минск и в других боевых операциях. Первым рассказал на страницах «Правды» о подвиге Зои Космодемьянской. Погиб 22 июня 1944 г. при авианалете под Полтавой.

[130] Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951) — советский драматург, автор героико-эпических произведений, посвященных участникам Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. В годы Великой Отечественной войны — корреспондент «Правды» на Балтийском флоте, в Ленинграде.

[131] Бессуднов Сергей — в июне 1941 г. сотрудник информационного отдела «Правды», с октября 1941 г. — сотрудник военного отдела, фронтовой корреспондент «Правды». Был в окружении.

[132] 7 августа 1942 г. на заседании Всеиндийского комитета Индийского национального конгресса (ИНК) было решено начать всеобщую кампанию гражданского неповиновения против великобританских властей под лозунгом «Прочь из Индии!». 9 августа английской полицией арестованы лидеры конгресса, включая М. Ганди и Д. Неру. Арест был подан как «превентивная мера» на основе имеющихся сведений о подготовке ИНК «насильственных действий». Партия ИНК была объявлена вне закона. В ответ начались стихийные выступления индийцев, переросшие в партизанскую войну, — т. н. «Августовская революция» в Индии.

[133] Викторов (Гольденберг) Яков Зиновьевич — заместитель заведующего иностранным отделом «Правды».

[134] Голль Шарль де (1890—1970) — в годы Второй мировой войны — лидер патриотического движения «Сражающаяся Франция». В последующем — президент Франции.

[135] Виши — название режима оккупированной немцами части Франции (1940—1944) во главе с маршалом Петеном со столицей в курортном городке Виши.

[136] Рузвельт Франклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США (1933—1945).

[137] Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — британский государственный деятель и литератор, лидер Консервативной партии (1940—1955), премьер-министр Великобритании (1940—1945, 1951—1955).

[138] Кислов Федор Иванович — фотокорреспондент «Правды».

[139] Кармен Роман Лазаревич (1906—1978) — кинорежиссер документальных фильмов, оператор, сценарист. Народный артист СССР (1966), Герой Социалистического Труда (1976).

[140] Фигура высшего пилотажа.

[141] Рыклин Григорий Ефимович (1894—1975) — писатель, сатирик. Работал фельетонистом в газетах «Известия», «Правда». Редактор журнала «Крокодил» (1938—1948).

[142] Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович (1884—1975) — политический деятель, дипломат, академик АН СССР (1946), в 1932—1943 гг. полпред (с 1941 г. посол) СССР в Великобритании. В 1943—1946 гг. — замнаркома иностранных дел.

[143] Купала Янка (Луцевич Иван Доминикович) (1882—1942) — белорусский поэт, классик белорусской литературы.

[144] Золин Иван Иванович — корреспондент газеты «Правда», капитан 1-го ранга (1945). После войны — контр-адмирал, главный редактор газеты «Советский флот».

[145] Ерусалимский Аркадий Самсонович (1901—1965) — советский историк и публицист, доктор исторических наук (1948). Профессор исторического факультета МГУ (1944—1956). В период войны — начальник иностранного отдела газеты «Красная звезда».

[146] Здесь и далее Мишкой именуется М. Калашников — близкий друг Л.К. Бронтмана. С начала 30-х годов — фотокорреспондент «Правды». С первых дней войны выполнял оперативные задания газеты «Правда» сначала на Западном, потом на других фронтах. Несколько раз был ранен. После очередного тяжелого ранения скончался 22 апреля 1944 г.

[147] АДД — авиация дальнего действия.

[148] Лукницкий Павел Николаевич — писатель. В начале войны корреспондент газеты «Правда». С августа 1941 г. — специальный военный корреспондент Ленинградского отделения ТАСС. Провел в Ленинграде весь период блокады. Войну закончил в Праге, майор.

[149] ГКО — Государственный Комитет Обороны, чрезвычайный высший государственный орган страны в период Великой Отечественной войны, обладавший всей полнотой власти (председатель И.В. Сталин). Образован 30 июня 1941 г. Упразднен 4 сентября 1945 г.

[150] Акульшин Дмитрий — в июне 1941 г. — корреспондент «Правды» в Донецке. В период войны — фронтовой корреспондент «Правды».

[151] Василевский Александр Михайлович (1895—1977) — Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В период войны заместитель и 1-й заместитель начальника, с июня 1942 г. начальник Генштаба. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования в 1942—1944 гг. координировал действия ряда фронтов в крупных операциях. В 1945 г. командующий 3-м Белорусским фронтом, затем главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке при разгроме японской Квантунской армии.

[152] Бодо аппарат — буквопечатающий аппарат многократного телеграфирования, в котором текст принимаемой телеграммы печатается на бумажной ленте. Сконструирован Ж. Бодо в 1874 г. С конца 50-х гг. вытеснен стартстопными телеграфными аппаратами.

[153] Полторацкий (Погостин) Виктор Васильевич (1907—1982) — писатель, журналист и поэт. В 1940 г. — специальный корреспондент газеты «Известия», бывал на фронтах Великой Отечественной войны, участвовал в боях, майор. С 1956 г. — главный редактор журнала «Современник».

[154] Френкель Илья Львович (1903—1994) — поэт, автор слов песни «Давай закурим» и других популярных советских песен.

[155] Гарин Фабиан Абрамович (1895—1990) — писатель, сотрудник газеты «Гудок».

[156] Дунаевский Александр — внештатный корреспондент «Правды» с 1931 г., в годы войны — фронтовой корреспондент «Правды» в Заполярье.

[157] Коршунов Сергей — с 1929 г. фотокорреспондент «Правды».

[158] Молодчий Александр Игнатьевич (1920—2002) — генерал-лейтенант (1962), дважды Герой Советского Союза (1941, 1942). Воевал в составе 420-го авиационного полка и 748-го (2-го гвардейского) авиационного полка (авиация дальнего действия). Совершил 311 боевых вылетов (в т. ч. 287 ночных). Участвовал во многих бомбардировках крупных военных объектов врага.

[159] Михалков Сергей Владимирович (р. 1913) — поэт, драматург. Автор двух гимнов Советского Союза и гимна Российской Федерации.

[160] Горбатов Борис Леонтьевич (1908—1954) — советский писатель, романтик первых пятилеток. С 30-х гг. работал очеркистом в редакции «Правды». В годы войны был военкором.

[161] Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — партийный и государственный деятель. В 1919—1946 гг. Председатель ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета СССР. Упомянутое Л.К. Бронтманом совещание агитаторов Западного фронта, гарнизона и Московского фронта ПВО состоялось 22 июля 1942 г.

[162] Кривицкий Александр Юльевич (1910—1986) — журналист, в июне 1941 г. корреспондент «Правды» в Ростове. После войны заместитель главного редактора журнала «Новый мир».

[163] Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — деятель революционного движения, военный и государственный руководитель, Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960). В период войны член Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования, в июле 1941 г. командовал войсками Северо-Западного направления, затем фронтом. В 1942 г. руководил партизанским движением. В январе 1943 г. координировал действия войск Ленинградского и Волховского фронтов при прорыве блокады Ленинграда.

[164] Шахурин Алексей Иванович (1904—1975) — в 1940—1946 гг. нарком авиационной промышленности.

[165] Фалалеев Федор Яковлевич (1899—1955) — маршал авиации (1944). В ВВС с 1932 г. В 1941 г. генерал-инспектор авиации. Во время войны командовал ВВС 6-й армии, Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления. В октябре—мае 1943 г. и с апреля

1945 г. начальник штаба. В 1943—1945 гг. заместитель командующего ВВС РККА. Как представитель Ставки работал на различных фронтах, координируя действия ВВС во время крупномасштабных общевойсковых операций.

[166] Долгушин Сергей Федорович (р. 1920) — летчик, Герой Советского Союза (1942). Командир эскадрильи 180-го истребительного авиационного полка (46-я авиационная дивизия, Калининский фронт). К 1 февраля 1942 г. совершил 185 боевых вылетов, провел 29 воздушных боев, лично сбил 7 и в составе группы 4 самолета противника. Генерал-лейтенант (1967).

[167] Клещев Иван Иванович (1918—1942) — летчик, Герой Советского Союза (1942). В начале войны — командир эскадрильи 521-го истребительного авиационного полка. В мае 1942 г. назначен командиром особого 434-го истребительного авиационного полка. В 1942 г. полк курировал В.И. Сталин. Совершил 380 боевых вылетов. Лично и в группе сбил около 50 вражеских самолетов (16 лично и 32 в группе). Погиб в авиакатастрофе 31 декабря 1942 г.

[168] Сталин Василий Иосифович (1921—1962) — младший сын И.В. Сталина. В 1940 г. окончил Качинскую Краснознаменную военную школу пилотов. В начале войны — старший лейтенант. В январе 1942 г. начальник Инспекции ВВС КА, полковник. В мае 1942 г. переформировывал 434-й истребительный авиаполк. Летом 1942 г. на Юго-Западном фронте командовал Особой авиагруппой из трех полков. С февраля 1943 г. командир 32-го истребительного авиаполка. Лично водил полк на боевые задания, участвовал в воздушных боях, сбил 1 истребитель ФВ-190. С мая 1944 г. командир 3-й истребительной авиадивизии. С февраля 1945 г. командир 286-й истребительной авиадивизии. Генерал-лейтенант авиации (1949). Уволен из армии в 1952 г. Осужден по политическим мотивам в 1955 г.

[169] Аллилуева Надежда Сергеевна (1901—1932) — жена И.В. Сталина и мать В.И. Сталина. Покончила жизнь самоубийством.

[170] Возможно, имеется в виду Л.Б. Каменев (настоящая фамилия — Розенфельд).

[171] ФАБ-100, ФАБ-250 — фугасные авиабомбы; РС — реактивный снаряд.

[172] В мае 1942 г. 434-й истребительный авиаполк был пересажен на самолеты Як-1, а июле — на Як-7Б.

[173] Корнилов-Другов Василий Георгиевич (1897—1942) — генерал-лейтенант артиллерии, заместитель начальника Главного артиллерийского управления НКО. Погиб 18 сентября 1942 г. под Сталинградом при авианалете.

[174] ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

[175] Гесс Рудольф (1894—1987) — один из нацистских лидеров. 10 мая 1941 г. самовольно совершил перелет в Великобританию, предложив британским властям от имени германского правительства перемирие. До конца войны содержался под стражей. Нюрнбергским судом приговорен к пожизненному заключению.

[176] Изаков Борис Романович (1903—1988) — писатель, журналист, переводчик. В 1931 г. назначен корреспондентом «Правды» в Лондоне, был одним из первых зарубежных журналистов этой газеты. Был одним из организаторов и руководителей иностранного отдела «Правды», первым ее международным обозревателем. В годы войны майор Изаков пошел добровольцем на фронт, сражался в партизанском отряде, был тяжело ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны.

[177] Партизанские края — лесные зоны, освобожденные от оккупантов — возникли летом 1941 г. На этих территориях восстанавливалась советская власть, функционировали школы и медицинские учреждения. К лету 1943 г. партизанские края занимали до шестой части всей оккупированной противником территории СССР. В данном случае речь идет о партизанском крае, охватившем 25 деревень одного из районов Орловской области.

[178] Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — советский государственный и партийный деятель. С 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно (с декабря 1934 г.) секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С 1939 г. член Политбюро. В 1941—1944 гг. член Военного совета Ленинградского фронта. Генерал-полковник с 1944 г. С 1944 г. работал в Москве секретарем ЦК ВКП(б), занимался идеологическими вопросами.

[179] *Изаков Б.Р.* Народные мстители. Горький: Горьковское областное книжное издательство, 1942.

[180] Марьямов Александр Моисеевич (1909—1972) — писатель, сценарист, режиссер, актер. С 1925 г. — корреспондент газет Черкасс, Харькова, Винницы, Москвы. В годы Великой Отечественной войны работал в газете «Краснофлотец». После войны заведовал отделом искусств «Литературной газеты», зам. главного редактора журнала «Юность».

[181] Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908—1981) — писатель. В годы войны находился в действующей армии в качестве корреспондента «Правды», в том числе на Калининском фронте (1942). События войны были отражены им в корреспонденциях этих лет. Автор известных книг о войне: «Повесть о настоящем человеке» (1946), «Мы — советские люди» (1948).

[182] СТЗ — Сталинградский тракторный завод.

[183] Родимцев Александр Ильич (1905—1977) — советский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1937, 1945), генерал-

полковник (1961). В 1936—1937 гг. добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании. Во время Великой Отечественной войны командовал 5-й воздушно-десантной бригадой (июнь—ноябрь 1941 г.), 87-й стрелковой дивизией (с января 1942 г. — 13-я гвардейская), 32-м гвардейским стрелковым корпусом (с мая 1943 г. и до конца войны) на Юго-Западном, Донском, Сталинградском, Степном, Воронежском, 2-м и 1-м Украинских фронтах. Под его командованием части 13-й гвардейской стрелковой дивизии особенно отличились в боях за Сталинград.

[184] «Кола Брюньон» — роман Ромена Роллана (1914). Первый русский перевод вышел в 1922 г.

[185] Исаков (Исакян) Иван Степанович (1894—1967) — Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965), доктор военно-морских наук (1946). В 1939—1946 гг. 1-й заместитель наркома ВМФ. В 1940—1942 гг. начальник Главного морского штаба ВМФ. В начале войны координировал действия Балтийского флота, Ладожской и Чудской военных флотилий с сухопутными войсками. В 1942 г. член Военного совета Закавказского фронта. 4 октября 1942 г. при обстреле был тяжело ранен, потерял ногу, однако остался в строю. После войны на высших командных должностях в ВМФ.

[186] Журавлев Даниил Арсентьевич (1900—1974) — генерал-полковник артиллерии (1944). С июня 1941 г. командир 1-го корпуса ПВО, прикрывавшего Москву от ударов с воздуха. С апреля 1942 г. командующий Московским фронтом ПВО, с октября 1943 г. — Особой московской армией ПВО, с декабря 1944 г. — Западным фронтом ПВО. Проделал большую работу по защите важнейших промышленных районов и коммуникаций на западном направлении от нападения противника с воздуха.

[187] Имеются в виду Московский областной и городской комитеты ВКП(б).

[188] Кушнер Марк — корреспондент «Правды».

[189] Анохин Александр (1901—1943) — в начале войны — корреспондент газеты «Правда», затем — корреспондент и начальник отдела корреспондентской сети газеты «Красная звезда». Погиб в феврале 1943 г. в период наступления частей Красной Армии у реки Ловать в районе Великих Лук при авианалете.

[190] Костиков Андрей Григорьевич (1899—1950) — российский ученый-конструктор, член-корреспондент АН СССР (1943), генерал-майор инженерно-авиационной службы (1942), Герой Социалистического Труда (1941). Участвовал в создании систем реактивной артиллерии, в т. ч. «катюш». Государственная премия СССР (1942).

[191] Грабин Василий Гаврилович (1899—1980) — конструктор артиллерийского вооружения, генерал-полковник технических

войск (1945), Герой Социалистического Труда (1940). В 1942—1946 гг. начальник Центрального артиллерийского конструкторского бюро, с 1946 г. директор и главный конструктор научно-исследовательского института. Разработал и применил методы скоростного проектирования артиллерийских систем с одновременным проектированием технологического процесса, что позволило организовать в короткие сроки массовое производство новых образцов орудий в годы войны.

[192] Иванов Илья Иванович (1899—1967) — конструктор и ученый-артиллерист, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1940), генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1951). Руководил созданием артсистем крупного калибра.

[193] Шпитальный Борис Гаврилович (1902—1972) — российский конструктор авиационного вооружения, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1940). Создал скорострельный пулемет (ШКАС, совместно с И.А. Комарицким, 1930 г.), пушку (ШВАК, совместно с С.В. Владимировым, 1936 г.) и т. д.

[194] Поликарпов Николай Николаевич (1892—1944) — авиаконструктор, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1940). Ведущий авиаконструктор истребителей в довоенный период. Под его руководством созданы истребители И-15 бис, И-153, И-16, разведчик Р-5, учебный самолет У-2 (По-2).

[195] Воронин Григорий Иванович (1906—1987) — специалист в области криогенно-вакуумной техники и кондиционирования воздуха, доктор технических наук (1951), Герой Социалистического Труда (1961). В 1939—1985 гг. — главный конструктор. Под его руководством созданы системы кондиционирования для поддержания давления, температуры, влажности и чистоты воздуха в кабинах летательных аппаратов.

[196] Доронины Николай, Владимир, Анатолий (братья) — конструкторы парашютов и парашютно-десантной техники.

[197] Конструкторское бюро Н.Н. Поликарпова и его опытный завод № 51 осенью 1941 г. были эвакуированы в Новосибирск.

[198] Проект ночного бомбардировщика «Т» (или «НБ») разрабатывался КБ Поликарпова с декабря 1941 по сентябрь 1942 г. Самолет был принят государственной комиссией, однако его постройка по ряду причин затянулась. Первый полет бомбардировщика состоялся в мае 1944 г., но после смерти Н.Н. Поликарпова 30 июля 1944 г. его испытания прекратились.

[199] Речь идет об истребителе И-185, разработка которого велась еще до войны. Доводка существовавших четырех опытных образцов И-185 должна была закончиться к ноябрю 1942 г. Валерий Чкалов разбился в 1938 г. на предшественнике И-185 И-180, который также не был до конца испытан и не запущен в серию.

[200] Циолковский Константин Эдуардович (1857—1935) — русский ученый, пионер космонавтики и ракетной техники.

[201] Цандер Фридрих Артурович (1887—1933) — ученый и изобретатель в области теории межпланетных полетов, реактивных двигателей летательных аппаратов. С 1917 г. вел систематические исследования проблем ракетно-космической науки и техники. Построил и испытал реактивный двигатель на сжатом воздухе с бензином (ОР-1), в 1933 г. — реактивный двигатель на жидком кислороде с бензином (ОР-2); в 1931—1932 гг. председатель Группы изучения реактивного движения (ГИРД).

[202] АБТУ — Автобронетанковое управление НКО.

[203] Бирюков Николай Иванович — генерал-полковник танковых войск (1944). В начале войны армейский комиссар 2-го ранга, член Военного совета 3-й армии Западного Особого военного округа. Упоминался И.В. Сталиным в известном приказе НКО № 270 от 16 августа 1941 г. о сдавшихся в плен генералах Качалове, Понеделине и Кириллове как руководитель, в противоположность им, сумевший организованно вывести из окружения своих бойцов.

[204] Имеется в виду приказ НКО № 325 «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». Подписан И.В. Сталиным 16 октября 1942 г.

[205] Федоренко Яков Николаевич (1896—1947) — маршал бронетанковых войск (1944). С 1940 г. начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии, а с 1942 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, заместитель наркома обороны СССР.

[206] Вознесенский Николай Алексеевич (1903—1950) — государственный и политический деятель, экономист, академик АН СССР (1943). Член ЦК ВКП(б) в 1939—1949 гг. В 1938—1941, 1942—1949 гг. председатель Госплана СССР. В 1946—1949 гг. заместитель председателя Совета Министров СССР. Член Политбюро в 1947—1949 гг. Автор книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947). Репрессирован.

[207] Попов Георгий Михайлович (1906—1968) — партийный и советский деятель. В 1938—1945 гг. второй, в 1946—1949 гг. — первый секретарь Московского горкома ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б) (1946—1949).

[208] Толкунов Лев Николаевич (р. 1919) — журналист, партийный и государственный деятель. Кандидат исторических наук (1968). В 1938—1944, 1946—1947, 1951—1957 гг. работал в газете «Правда» (литературный сотрудник, военный и специальный корреспондент, редактор отдела). В 1965—1975 гг. главный редактор газеты «Известия». Член ЦК КПСС с 1976 г.

[209] Генерал-полковник И.С. Конев (до августа 1942 г.).

[210] Панфиловцы — 28 бойцов 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор И.В. Панфилов). 16 ноября, когда началось новое наступление противника на Москву, бойцы 4-й роты во главе с политруком В.Г Клочковым (Диевым), осуществляя оборону у разъезда Дубосеково в 7 км от Волоколамска, по официальной версии, совершили подвиг: в ходе 4-часового боя уничтожили 18 вражеских танков. Первоначально считалось, что все 28 героев погибли. Авторство версии, ставшей общепринятой, принадлежит журналистам «Красной звезды» В.И. Коротееву и А.Ю. Кривицкому. Первая заметка о подвиге панфиловцев появилась 27 ноября 1941 г. В очерке А.Ю. Кривицкого «О 28 павших героях» 22 января 1942 г. они уже были перечислены поименно. Вскоре всем посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом числе оказались и упомянутые Л.К. Бронтманом Ларион Романович Васильев и Григорий Михайлович Шемякин. Уже в 1942 г. стали выясняться многочисленные нестыковки и даже фантастические черты рассказа о героях-панфиловцах. В ходе негласного расследования Главной военной прокуратуры в 1948 г. выяснилось, что весь рассказ — плод воображения литературного секретаря «Красной звезды» Кривицкого, основанный на обобщенном и неточном рассказе о боях 316-й стрелковой дивизии корреспондента Коротеева. Часть из награжденных бойцов не имела к бою никакого отношения. Из перечисленных в газете погибших позднее живыми были обнаружены 8 человек. Один, не зная, что является Героем Советского Союза, сдался в плен и несколько лет служил в немецкой полиции. 1075-й стрелковый полк действительно вел в этот день бой у разъезда Дубосеково, однако результаты его были не столь впечатляющи. Бойцы Васильев и Шемякин принимали в нем участие, были тяжело ранены, о награждении себя посмертно узнали в госпиталях и позднее получили «Звезды» Героев без огласки.

[211] Очевидно, одна из мер цензурной «маскировки» наступавших фронтов: Центрального фронта в ноябре 1942 г. не существовало. Первое формирование фронта просуществовало до 25 августа 1941 г. Вторично Центральный фронт образован 15 февраля 1943 г.

[212] Шур Михаил — в июне 1941 г. сотрудник отдела писем газеты «Правда». В период войны — фронтовой корреспондент «Правды».

[213] Корнблюм Абрам — в 30-х гг. — редактор автозаводской газеты «Догнать и перегнать», с 1937 г. — сотрудник редакции «Правды», в годы войны — заместитель заведующего экономическим отделом, специальный корреспондент в Кузбассе.

[214] Ровинский Лев Яковлевич (1900—1964) — главный (ответственный) редактор «Известий» с апреля 1941 по ноябрь 1944 г. До этого 12 лет работал в «Правде».

[215] Ильичев Леонид Федорович (1906—1990) — член ЦК КПСС (1961—1966), доктор философских наук, академик АН СССР (1962). В 1940—1944 гг. ответственный секретарь газеты «Правда», в 1944—1948 гг. главный редактор газеты «Известия», в 1949—1952 гг. заместитель главного редактора, главный редактор газеты «Правда».

[216] Сиротин А.И. — член редколлегии «Правды», с 1942 г. заведующий сельскохозяйственным отделом.

[217] Домрачев Михаил — заведующий сельскохозяйственным отделом «Правды».

[218] Железнов Леопольд — корреспондент газеты «Правда» с 1924 г., заместитель секретаря редакции, позднее — главный редактор «Фронтовой иллюстрации».

[219] Путин Арон Львович — в предвоенный и послевоенный период выпускающий редактор газеты «Правда». В период войны — начальник издательства газеты «Во славу Родины».

[220] Верховский Владимир Иванович (1903—1962) — сотрудник партийного отдела газеты «Правда». С начала 30-х гг. в редакции газеты «Правда» — специальный корреспондент. В начале войны — батальонный комиссар. С октября 1941 г. и до конца войны — редактор газеты 18-й армии «Знамя Родины». С 1945 по 1952 г. — снова в редакции «Правды».

[221] Галанов (Галантер) Борис Ефимович (р. 1914) — журналист, критик, литературовед. В годы войны корреспондент газеты 18-й армии «Знамя Родины».

[222] Заславский Давид Иосифович (1880—1965) — журналист и партийный деятель. Один из влиятельнейших партийных функционеров и идеологов сталинской эпохи. Член РСДРП с 1900 г., меньшевик. Сотрудничал в революционной печати с 1904 г. В 1917—1918 гг. член ЦК Бунд. С 1928 г. в редколлегии газеты «Правда», заведующий отделом фельетонов.

[223] Алексеев Анатолий Дмитриевич (1902—1974) — полярный летчик, Герой Советского Союза (1937). Участник спасения экспедиции Умберто Нобиле (1928) и воздушной экспедиции на Северный полюс (1937). Летчик-испытатель. В начале войны — командир эскадрильи тяжелых бомбардировщиков в 81-й авиационной дивизии дальнего действия. В 1944—1958 гг. летчик-испытатель.

[224] Головатый Ферапонт Петрович (1890—1951) — один из героев советской пропаганды. Герой Социалистического Труда (1948). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Командовал эс-

кадроном в Первой конной армии. Колхозник-пасечник. В начале войны был членом правления колхоза «Стахановец» Новопокровского района Саратовской области. В декабре 1942 г. и мае 1944 г. внес свои сбережения (по 100 тыс. рублей) на постройку двух истребителей.

[225] Хандрос Владимир (ум. 1944) — в годы войны — собственный корреспондент «Правды» в Свердловске.

[226] Штейнгарц Давид — в годы войны — заместитель секретаря редакции «Правды» по выпуску.

[227] Михаил Михайлович Громов.

1943 год

Верховцев Иосиф — заведующий экономическим отделом «Правды». В «Правде» с 1922 г.

[2] ЦДРИ — Центральный дом работников искусств.

[3] ИТР — инженерно-технические работники.

[4] Штих Михаил — журналист, сатирик, с 1924 г. сотрудник газеты «Гудок». В годы войны — сотрудник отдела литературы и искусств, фронтовой корреспондент.

[5] Город Луганск носил название Ворошиловград с 1935 по 1958 г. и с 1970 по 1990 г.

[6] Паулюс (Paulus), Фридрих Вильгельм фон (1890—1957) — генерал-фельдмаршал (1943) германской армии. С сентября 1940 по январь 1942 г. 1-й обер-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск. Был одним из главных разработчиков плана «Барбаросса». С 30 декабря 1941 по 1 февраля 1943 г. командующий 6-й армией, наступавшей на Сталинград. 31 января 1943 г., в день, когда Гитлер произвел его в генерал-фельдмаршалы, со всем своим штабом и остатками 6-й армии сдался в плен советским войскам.

[7] Вирта Николай Евгеньевич (1906—1976) — советский писатель, драматург. Один из самых именитых деятелей искусства сталинской эпохи. С 1923 г. работал репортером, журналистом, ответственным секретарем в различных областных и краевых газетах и на радио. Во время войны — фронтовой корреспондент. Автор киносценария «Сталинградская битва».

[8] Две «шпалы» (прямоугольника) — знаки отличия майора (батальонного комиссара) до начала 1943 г., когда в РККА были введены погоны.

[9] Ротмистров Павел Алексеевич (1901—1982) — Главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965), профессор. В период войны — командир танковой бригады и корпуса, командующий гвардейской танковой армией. В 1944—

1945 гг. — заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками РККА.

[10] Бадано́в Василий Михайлович (1895—1971) — генерал-лейтенант танковых войск (1942). С марта 1941 г. командир 55-й танковой дивизии, затем — 12-й танковой бригады (1941—1942), 24-м (позже 2-м гвардейским) корпусом (1942—1943). С 1943 по 1944 г. командовал 4-й танковой армией. В контрнаступлении под Сталинградом 24-й танковый корпус под его командованием вышел в глубокий тыл противника, чем способствовал успеху всей операции Юго-Западного фронта. За умелое руководство корпусом и мужество, проявленное в этих боях, Баданов первым в Красной Армии был награжден орденом Суворова 2-й степени (1943). В 1944 г. был тяжело ранен и контужен.

[11] Кио (Ренард) Эмиль Теодорович (1894—1965) — советский цирковой артист, иллюзионист, народный артист РСФСР (1958). С 1932 г. одним из первых начал выступать в цирках с иллюзионной аппаратурой на открытой арене. Использовал в своих выступлениях балет, сценическую игру, общение со зрительным залом.

[12] Имеется в виду Владимир Коккинаки.

[13] Азизян Атык — заместитель заведующего отделом пропаганды «Правды».

[14] Здесь и далее имеется в виду праздничный приказ НКО № 95 от 23 февраля 1943 г. в связи с 25-летним юбилеем Красной Армии.

[15] Нилин Павел Филиппович (1908—1981) — писатель и сценарист. Работал слесарем, кочегаром, служил в уголовном розыске. В 30-х гг. публикует очерки и статьи в столичных газетах и журналах «Гудок», «Известия», «Наши достижения». В 1940 г. по сценарию Нилина вышел фильм «Большая жизнь», получивший широкую известность. С начала войны служил военным корреспондентом.

[16] Шумилов Михаил Степанович (1895—1975) — генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1943). Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. в должности командира стрелкового корпуса. В Великую Отечественную войну командующий 64-й (с мая 1943 г. — 7-й гвардейской) армией, героически сражавшейся под Сталинградом. В 1945—1955 гг. командующий войсками Беломорского и Воронежского военных округов.

[17] Винокур Леонид Абович — подполковник, заместитель командира 38-й отдельной мотострелковой бригады по политчасти.

[18] Правильно — Роске Фриц — генерал-майор, командир 71-й пехотной дивизии 6-й армии вермахта (26 января — 31 января 1943 г.), командующий южной группировкой немецких войск в Сталинграде. Звание генерала получил за несколько дней до сдачи в плен.

[19] Шмидт Артур (1895—?) — генерал-лейтенант вермахта (1943). Участник Первой мировой войны. Начальник оперативного управления VI корпуса (1937—1939), 5-й армии (1939), 18-й армии (1939—1940), начальник штаба V корпуса (1940—1942). 20 июня 1942 г. Шмидт стал начальником штаба 6-й армии. В плену отказался от сотрудничества с советскими властями.

[20] Имеется в виду начальник штаба 64-й армии генерал-майор И.А. Ласкин.

[21] «Правдист» — многотиражная газета, издававшаяся в редакции газеты «Правда».

[22] Бачелис Илья Израилевич (1902—1951) — писатель, журналист, кинодокументалист. Лауреат Сталинской премии за фильм «Москва — столица СССР» (1948).

[23] Кузнецов Николай Герасимович (1904—1974) — Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1945). В 1939—1946 гг. нарком ВМФ. В 1948 г. по сфабрикованному обвинению понижен в звании до контр-адмирала. В 1951—1953 гг. военно-морской министр. В мае 1953 г. восстановлен в звании. В 1953—1956 гг. главком ВМС. В 1956 г. (после гибели линкора «Новороссийск») вновь понижен в звании до вице-адмирала. В 1988 г. восстановлен в звании Адмирала Флота (посмертно).

[24] Колышкин Иван Александрович (1902—1970) — Герой Советского Союза (1942), контр-адмирал (1944). С начала войны по январь 1942 г. подводные лодки под его командованием (Северный флот) потопили 8 транспортов и сторожевых кораблей противника общим водоизмещением 72,5 тыс. т. Звание Героя Советского Союза присвоено 17 января 1942 г. Первый моряк-подводник, удостоенный этого звания. С 1943 г. и до конца войны — командир бригады подводных лодок Северного флота.

[25] Галышев Сергей — корреспондент газеты «Известия». Погиб в июле 1942 г. в Севастополе.

[26] Кравченко Григорий Пантелеевич (1912—1943) — летчик-истребитель, генерал-лейтенант (1940); первый дважды Герой Советского Союза (февраль и август 1939 г.). Участник боевых действий в Китае, командир звена И-16. Выполнил 76 боевых вылетов, в 8 воздушных боях сбил 6 самолетов противника. Участник боев на реке Халхин-Гол, командир авиаэскадрильи, полка. Провел 8 воздушных боев, в которых сбил лично 3 и в группе 4 самолета противника. С июня 1941 г. в должностях командира авиационной дивизии на Западном, Брянском и Волховском фронтах. С мая 1942 г. командовал 215-й истребительной авиационной дивизией. Погиб 23 февраля 1943 г. на самолете Ла-5 в воздушном бою в районе Синявино Ленинградской области. Урна с прахом установлена в Кремлевской стене.

[27] Город Красноармейск (до 1938 г. — Красноармейское) был освобожден 11 февраля 1943 г. частями 4-го танкового корпуса, однако после кровопролитных боев оставлен 20 февраля 1943 г. Вторично освобожден 8 сентября 1943 г.

[28] Бронтман Давид Константинович (1915—2002) — брат Л.К. Бронтмана. Окончил МВТУ им. Баумана, доктор технических наук, в период войны инженер, в дальнейшем начальник КБ Лавочкина, в 50-х гг. занимался космическими проектами.

[29] Вязьма освобождена 12 марта 1943 г.

[30] Правильно — Петерс Георгий Борисович — полковник, с 1 сентября 1943 г. — генерал-майор. С 11 ноября 1942 по 27 октября 1944 г. — командир 110-й (позднее — 84-й гвардейской) стрелковой дивизии. Подразделения дивизии первыми вошли в Вязьму.

[31] Палецкис Юстас Игнович (1899—1980) — литовский политический деятель, писатель, Герой Социалистического Труда (1969). После установления в Литве советской власти с июня 1940 г. — председатель Народного правительства. В 1940—1967 гг. председатель (президент) Президиума Верховного Совета Литовской ССР, в 1966—1970 гг. председатель Совета национальностей ВС СССР.

[32] Коробов Леонид (прозвище — Леша, Лешка) — до 1941 г. корреспондент «Комсомольской правды», затем — фронтовой корреспондент «Правды». Много времени проводил у партизан. Первый журналист-фронтовик, награжденный орденом Ленина за боевые заслуги. Друг Л.К. Бронтмана.

[33] Ковпак Сидор Артемьевич (1887—1967) — государственный и общественный деятель Украины, один из организаторов партизанского движения на Украине в годы войны, генерал-майор (1943), дважды Герой Советского Союза (1942, 1944). Провел множество успешных партизанских рейдов, в ходе которых уничтожены тысячи оккупантов, 62 эшелона и др. техники. В январе 1944 г. соединение Ковпака переформировано в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию им. С.А. Ковпака, а сам он назначен членом Верховного суда УССР.

[34] Так в тексте рукописи.

[35] Строкач Тимофей Амвросимович (1903—1963) — один из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине в годы войны, генерал-лейтенант (1944). С октября 1940 г. заместитель наркома внутренних дел УССР. С июня 1941 г. руководил формированием партизанских отрядов на Украине, участвовал в боях при обороне Киева и Москвы. В 1942—1945 гг. начальник Украинского штаба партизанского движения. В 1946—1956 гг. министр внутренних дел УССР.

[36] С 17 марта по 13 мая 1943 г. союзные войска проводили операцию по разгрому итало-немецкой группы армий «Африка». Опе-

рация завершилась успешно: противник потерял свыше 300 тыс. чел., союзники овладели побережьем Северной Африки.

[37] Остров Рудольфа — самый северный остров в архипелаге Земля Франца-Иосифа (в составе территории Архангельской области). Использовался как база для экспедиций, направлявшихся к Северному полюсу. Л.К. Бронтман посещал его в 1937—1938 гг. в составе арктических экспедиций.

[38] ДБ — дальний бомбардировщик.

[39] Гаррис (Harris) Артур Траверс (1892—1984) — маршал авиации, Великобритания (1941). С февраля 1942 г. главнокомандующий бомбардировочной авиацией Королевских ВВС. Разработал тактику массированных бомбардировок противника.

[40] Катуков Михаил Ефимович (1900—1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С ноября 1940 г. командир 20-й танковой дивизии. В самом начале войны (июль—август 1941 г.) участвовал в оборонительных операциях в районе Луцк, Дубно, Коростень. В битве под Москвой он командовал 4-й (затем 1-я гвардейская) танковой бригадой. В 1942 г. командовал 1-м танковым корпусом. С января 1943 г. — командующий 1-й (с июня 1944 г. — 1-й гвардейской) танковой армией.

[41] ПВХО — противовоздушная и химическая оборона.

[42] Фейнберг-Самойлов Илья Львович (1905—1979) — литературовед-пушкинист. В годы войны был военным корреспондентом на Черноморском и Северном флотах.

[43] Сгибнев Петр Георгиевич (1920—1943) — Герой Советского Союза (1942), командир 2-го гвардейского Краснознаменного истребительного авиаполка имени Б.Ф. Сафонова, гвардии капитан. Разбился во время учебного боя.

[44] Теумин Эмилия Исааковна (1905—1952) — редактор международного отдела Совинформбюро. В 1949 г. арестована по делу Еврейского антифашистского комитета.

[45] Речь идет о действиях 16-й литовской стрелковой дивизии, сформированной в декабре 1941 г. Впервые введена была в бой 21 февраля 1943 г. под Орлом.

[46] Перепухов Александр — сотрудник секретариата «Правды».

[47] Малютин А.М. — член редколлегии «Правды».

[48] Струнников Сергей Николаевич — фотограф. До войны работал в газетах «Водный транспорт», «Комсомольская правда», «Известия». В начале Великой Отечественной войны стал военным фотокорреспондентом газеты «Правда». Снимал в Сталинграде, Смоленске, Одессе, Крыму, на Калининском, Западном, Брянском, Ленинградском, Волховском и других фронтах. Погиб при выполнении служебного задания во время бомбежки 22 июня 1944 г.

[49] Кикнадзе Михаил Геронтьевич — в начале войны майор, командир 193-го зенитно-артиллерийского полка. Генерал-майор (1944).

[50] ТСХА — Темирязевская сельскохозяйственная академия.

[51] Гурьянов Григорий Георгиевич — в течение всей войны — член Военного совета Авиации дальнего действия (с декабря 1944 г. — 18-й воздушной армии, после ее сформирования из состава АДД), бригадный комиссар, генерал-майор, генерал-полковник (1944).

[52] Даныцин Сергей Петрович (1911—1943) — летчик, Герой Советского Союза (март 1943 г.). До войны — летчик Гражданского флота. В армии с августа 1941 г. Командир звена в 3-й авиационной дивизии АДД, гвардии капитан. Совершил сотни ночных вылетов на бомбардировку объектов врага в глубоком тылу. 11 сентября 1943 г. не вернулся с боевого задания.

[53] Михайлов Максим Дормидонтович (1893—1971) — певец (бас), народный артист СССР (1940). В 1932—1956 гг. в Большом театре. Среди партий — Сусанин («Иван Сусанин» М.И. Глинки), Кончак («Князь Игорь» А.П. Бородина). Государственная премия СССР (1941, 1942).

[54] Козловский Иван Семенович (1900—1993) — певец (лирический тенор), народный артист СССР (1940). В 1926—1954 гг. солист Большого театра. Выдающийся представитель советской вокальной школы. Лучшие партии: Юродивый («Борис Годунов» Мусоргского; Государственная премия СССР, 1949), Ленский («Евгений Онегин» Чайковского), Лоэнгрин («Лоэнгрин» Вагнера).

[55] Лемешев Сергей Яковлевич (1902—1977) — певец (тенор). В 1931—1956 гг. ведущий солист Большого театра. Спел партии Царя Берендея («Снегурочка» Римского-Корсакова), Ленского («Евгений Онегин» Чайковского), Звездочета («Золотой петушок») и т. д.

[56] Имеются в виду события, произошедшие в 1940 г., когда в Катынском лесу в 14 км от Смоленска сотрудниками НКВД были расстреляны 4 тыс. польских офицеров, интернированных Красной Армией в 1939 г. После начала советско-германской войны нацистское правительство постаралось придать делу максимальную международную огласку. Советская сторона не признавала своей вины.

[57] СИБ — Совинформбюро.

[58] Маркевич Николай Михайлович — корреспондент газеты «Комсомольская правда». В марте 1943 г. погиб в сбитом самолете.

[59] Костров Тарас (Мартыновский Александр Сергеевич) (1901—1930) — критик и публицист, первый главный редактор газеты «Комсомольская правда». Умер от скарлатины и астмы.

[60] Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович (1904—1941) — детский писатель. В июле 1941 г. корреспондентом «Комсомольской правды» отправился на фронт. Погиб в бою у деревни Леплява Каневского района Черкасской области 26 октября 1941 г.

[61] Парфенов А.М. — в период войны заведующий отделом кадров и отделом писем «Правды» (зимой 1941/42 г.).

[62] Шишмарев Михаил — в период войны — заведующий отделом местной корреспондентской сети «Правды».

[63] Макаренко Яков — фронтовой корреспондент «Правды», друг Л.К. Бронтмана.

[64] Кононенко Елена Викторовна (1903 — ?) — писательница, известна книгами для детей и юношества. С 1928 по 1939 г. — очеркист «Комсомольской правды». В годы войны военный корреспондент «Правды».

[65] Магид Александр Самойлович — в годы войны руководил выездными редакциями «Правды».

[66] Шинкаренко Федор Иванович (1913—1994) — летчик-истребитель, Герой Советского Союза (1940). Участник советско-финляндской войны. Лично сбил три самолета противника. Во время Великой Отечественной войны — командир 42-го (с февраля 1944 г. — 133-го гвардейского) истребительного авиационного полка (1942—1944), затем — 130-й истребительной авиационной дивизии. Лично сбил 6 самолетов противника.

[67] Кренкель Эрнст Теодорович (1903—1971, Москва) — полярник, исследователь Арктики, доктор географических наук (1938), Герой Советского Союза (1938). С 1938 г. в Главсевморпути.

[68] Белоусов Михаил Прокофьевич (1904—1946) — полярник, Герой Советского Союза (1940). С весны 1939 г. — капитан флагманского ледокола «И. Сталин» Главсевморпути. Руководил выводом терпящего бедствие ледокольного парохода «Г. Седов». В годы войны — замначальника Главсевморпути, затем командир ледокольного отряда, оказывавшего помощь кораблям Северного флота в проводке судов союзных держав с грузами для Красной Армии.

[69] ГУСМП — Главное управление Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров СССР.

[70] Новиков Валериан Дмитриевич — начальник политуправления Главсевморпути.

[71] «Сибиряков» («Александр Сибиряков») — ледокольный пароход арктического флота России, СССР. Построен в 1909 г., водоизмещение 3200 т. Известен тем, что в 1932 г. совершил первое сквозное плавание по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово за одну навигацию (начальник экспедиции О.Ю. Шмидт, капитан В.И. Воронин). В августе 1942 г. потоплен

в Карском море германским тяжелым крейсером «Адмирал Шеер».

[72] Черевичный Иван Иванович (1909—1971) — полярный летчик, Герой Советского Союза (1949). Участвовал в снятии экспедиции И.Д. Папанина с дрейфующей станции СП-1, во многих высокоширотных воздушных экспедициях, ледовой разведке, проводке судов по Северному морскому пути, совершил первые полеты и посадки в районе полюса относительной недоступности.

[73] Герман Григорий Иванович (р. 1917) — летчик-истребитель, Герой Советского Союза (1943), полковник (1955). С июня 1941 г. в действующей армии. К сентябрю 1943 г. заместитель командира эскадрильи 42-го истребительного авиационного полка (240-я истребительная авиационная дивизия, Калининский фронт). Совершил 209 боевых вылетов, в 37 воздушных боях сбил 16 самолетов противника. 28 сентября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

[74] Яхлаков Петр — заместитель заведующего военным отделом «Правды», подполковник (на 1941 г.).

[75] Дитмар (Dittmar) Курт (1891—1959) — немецкий военный радиообозреватель. Кадровый офицер, участник Первой мировой войны. В 1941 г. командир 169-й пехотной дивизии. В 1942 г. стал официальным радиообозревателем вооруженных сил Германии.

[76] Так в тексте рукописи.

[77] МПВО — местная противовоздушная оборона. Специальные постановления ГКО об усилении МПВО изданы 15 и 16 июня 1943 г. (№ 3588 и 3592).

[78] ПБ — Политбюро ЦК ВКП(б).

[79] Мессершмитт (Messerschmitt) Вилли (1898—1978) — немецкий авиаконструктор и промышленник. Создал многие военные самолеты, вертолеты, планеры, в т. ч. истребители Ме-109 (основной в ВВС Германии в 1935—1945 гг.), Ме-110, Ме-262 (реактивный).

[80] Микоша Владислав Владиславович (1909—2004) — режиссер-документалист, народный артист СССР (1990). В 30-х гг. снял фильмы «Челюскинцы», «Сто дней в Бирме» и др. Снял разрушение храма Христа Спасителя. В период войны фронтовой оператор на Черноморском флоте, в Севастополе, Одессе, на Северном Кавказе. При эвакуации Севастополя летом 1942 г. был вывезен на подводной лодке тяжело контуженным. Писал репортажи для газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда». В конце 1942 г. посетил США для получения премии «Оскар» за фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» (режиссеры Леонид Варламов и Илья Копалин). Сни-

мал акт подписания капитуляции Японии на линкоре «Миссури» и Парад Победы на Красной площади.

[81] Пронин Василий Прохорович (1905—1993) — в 1939—1944 гг. председатель Исполнительного комитета Моссовета.

[82] Так в тексте рукописи.

[83] Ежов Николай Иванович (1895—1940) — член ЦК (1934—1939), кандидат в члены Политбюро ЦК (1937—1939), секретарь ЦК (1935—1939). В 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности (1937). 10 июня 1939 г. арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу за необоснованные репрессии против советского народа. Расстрелян 4 февраля 1940 г.

[84] Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) — член ЦК (1934—1953), член Политбюро (Президиума) ЦК (1946—1953). В 1938—1948 гг. и марте—июне 1953 г. нарком (министр) внутренних дел СССР, одновременно в 1941—1953 гг. зам. председателя СНК (Совмина) СССР. Герой Социалистического Труда (1943). Маршал Советского Союза (1945), Генеральный комиссар государственной безопасности (1941). 26 июня 1953 г. снят со всех постов и арестован. 23 декабря 1953 г. специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян.

[85] В тексте ошибка: Крюченкину В.Д. (на тот момент — командующий 69-й армией) 28 июня 1943 г. было присвоено звание генерал-лейтенанта.

[86] Горкин Александр Федорович (1897—1988) — государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1967). С 1938 по 1957 г. секретарь Президиума Верховного Совета СССР. С 1957 г. председатель Верховного суда СССР.

[87] Бурков Борис Сергеевич (1909—1997) — главный редактор газеты «Комсомольская правда» (1941—1945).

[88] Каминов Аркадий Ефимович — в 1941 г. инженер 1-го ранга.

[89] Имеется в виду Эрнст Кренкель.

[90] Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965) — партийный деятель, генерал-лейтенант. С 1922 г. работал в аппарате ЦК. В 1934—1952 гг. заведующий особым сектором ЦК ВКП(б). С 1931 г. личный секретарь Сталина и его наиболее доверенное лицо. В 1939—1956 гг. член ЦК партии.

[91] Хавинсон Яков Семенович — ответственный руководитель ТАСС.

[92] И.И. Золин в 1943 г. имел воинское звание капитан 2-го ранга. Л.Ф. Ильичев и П.Н. Поспелов воинских званий не имели.

[93] Яков Зиновьевич Викторов (Гольденберг).

[94] Кирюшкин Иван Федорович, военный корреспондент газеты «Правда», в годы войны — заместитель заведующего отде-

лом пропаганды. В 1941—1942 гг. — комиссар диверсионного отряда.

[95] Вольский Василий Тимофеевич (1897—1946) — генерал-полковник танковых войск (1944). Во время войны помощник командующего автобронетанковыми войсками 21-й армии и Юго-Западного фронта (июль—декабрь 1941 г.), заместитель командующего танковыми войсками Крымского и Северо-Кавказского фронтов (апрель—октябрь 1942 г.), командир 4-го, затем 3-го гвардейского механизированного корпуса (октябрь 1942 — июнь 1943 г.), заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками (июнь 1943 — август 1944 г.), с августа 1944 г. командовал 5-й гвардейской танковой армией.

[96] Олендер Петр (псевдоним — полковник Донской) — корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб в 1944 г. на Украине.

[97] Кригер Евгений Генрихович — сценарист и кинодраматург. В 1928—1932 гг. — корреспондент газеты «Комсомольская правда», затем газеты «Известия». Как очеркист печатался в различных журналах. Автор сценариев документальных фильмов. Друг Л.К. Бронтмана.

[98] Трояновский Павел — в период войны корреспондент газеты «Красная звезда». С 1956 г. корреспондент газеты «Советская Россия».

[99] Трошкин Павел — с 1936 г. фотокорреспондент газеты «Известия». Участвовал в битве под Москвой, Сталинградской битве, битве на Курской дуге, битве за Севастополь. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Погиб в 1944 г.

[100] Руденко Сергей Игнатьевич (1904—1990) — маршал авиации (1955), Герой Советского Союза (19 августа 1944 г.). С января 1941 г. командир 31-й истребительной авиадивизии. Во время войны командовал дивизией, ВВС 61-й армии и Калининского фронта, ударными авиагруппами Ставки и т. д. С октября 1942 г. командующий 16-й воздушной армией.

[101] Брайко Петр Игнатьевич — генерал-лейтенант авиации (1944). С апреля 1943 г. и до конца войны начальник штаба 16-й воздушной армии.

[102] Кудреватых Леонид Александрович (1906—1981) — писатель, журналист. В период войны очеркист «Известий». Присутствовал на церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии 8 мая 1945 г.

[103] Башкиров Вячеслав Филиппович (р. 1915) — генерал-майор авиации (1966), в 1942 г. военный комиссар эскадрильи 788-го истребительного авиационного полка (102-я истребительная авиационная дивизия ПВО). В боях за Сталинград в августе 1942 г. сбил 6 самолетов противника. Его эскадрилья за это время сбила 18 са-

молетов. Звание Героя Советского Союза присвоено 8 февраля 1943 г. После войны продолжал службу в войсках ПВО.

[104] Иваницкий Борис Прокопьевич — военный корреспондент газеты «Комсомольская правда». Погиб в июле 1943 г. в районе Краснодара.

[105] Куриленко Иван Григорьевич — полковник, командир 241-й бомбардировочной авиадивизии (февраль 1943 — сентябрь 1944 г.).

[106] Гультяев Григорий Капитонович (р. 1922) — заместитель командира эскадрильи 788-го истребительного авиационного полка (102-я истребительная авиационная дивизия, войска ПВО). К декабрю 1942 г. сбил лично 10 самолетов противника и 5 в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 8 февраля 1943 г. После войны продолжал службу в ВВС.

[107] Муссолини Бенито (1883—1945) — в 1922—1943 гг. премьер-министр Италии.

[108] Модель Вальтер (1891—1945) — генерал-фельдмаршал (1944) германской армии. В армии с 1909 г., участник Первой мировой войны. Одним из первых поддержал Гитлера и всегда оставался верен нацистскому режиму.

[109] ОВ — отравляющие вещества.

[110] Телегин Константин Федорович (1899—1981) — генерал-лейтенант (1943). В июне 1941 г. — бригадный комиссар. С июля 1941 г. — член Военного совета Московского военного округа, в 1942—1945 гг. — член Военных советов Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. В 1947 г. осужден по политическим обвинениям и обвинениям в имущественных махинациях на территории Германии. В январе 1947 г. был уволен из армии, арестован. В июле 1953 г. реабилитирован, восстановлен в вооруженных силах.

[111] Так в тексте рукописи.

[112] Понеделин Павел Григорьевич (1893—1950) — генерал-майор, в начале войны командующий 12-й армией, репрессирован. В приказе НКО № 270 от 16 августа 1941 г. был упомянут в числе генералов, якобы добровольно сдавшихся в плен врагу.

[113] Буковский Константин Иванович (1908—1976) — писатель, журналист. Отец известного диссидента, философа и мемуариста В.К. Буковского.

[114] Троскунов Л.И. — в годы войны редактировал фронтовые газеты «За честь Родины» (Воронежского фронта), «Красная Армия» (Донского, Сталинградского, Юго-Западного и Южного фронтов).

[115] Шаров Александр (Нюренберг Шера Израилевич) (1909—1984) — писатель. Родился в семье профессиональных революци-

онеров. Воспитывался в школе-коммуне. Окончил биологический факультет МГУ (1932). Печатался с 1928 г. Участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент.

[116] Тетешкин Сергей Иванович — генерал-майор (1942). В конце войны — начальник штаба 70-й армии.

[117] Штевнев Андрей Дмитриевич — генерал-лейтенант танковых войск (1942). С 24 июня 1941 г. начальник автобронетанкового управления Южного, затем Сталинградского фронтов. С января 1943 по май 1943 г. — командующий бронетанковыми и механизированными войсками 38-й армии, затем — 1-м Украинским фронтом. Умер от ран в районе Мелитополя 29 января 1944 г.

[118] Шатилов Сергей Савельевич — генерал-лейтенант (1944).

[119] Красовский Степан Акимович (1897—1983) — Герой Советского Союза (1945), маршал авиации (1959). В годы войны командующий ВВС 56-й армии Брянского и Юго-Западного фронтов; командующий 2-й и 17-й воздушными армиями, которые участвовали в Курской и Сталинградской битвах, освобождении Украины, Белоруссии, Польши, в Берлинской и Пражской операциях.

[120] Витрук Андрей Никифорович (1902—1946) — Герой Советского Союза (1942), генерал-майор авиации (1944). В начале войны — майор, заместитель командира 65-го штурмового авиаполка Ленинградского военного округа. К началу 1942 г. совершил 21 боевой вылет, проявив при этом исключительную храбрость и мужество. 24 февраля 1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза. С июля 1942 г. командир 291-й (позднее — 10-й гвардейской) штурмовой авиадивизии. Скоропостижно скончался в результате тяжелой болезни в 1946 г.

[121] Качев Феофан Иванович — генерал-майор авиации (1943). В конце войны командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса.

[122] Каманин Николай Петрович (1908—1982) — генерал-полковник авиации (1967), Герой Советского Союза (1934). В 1934 г. участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин». В Великую Отечественную войну командир 5-го штурмового авиакорпуса. В 1966—1971 гг. руководил подготовкой космонавтов.

[123] Гурарий Самарий Михайлович (Михуэль Лейбович) (1916—1998) — фотограф, корреспондент газет «Известия», «Труд»; снимал парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г., Ялтинскую и Потсдамскую конференции, Парад Победы в Москве и др.

[124] Гордиенко Михаил Харитонович (1906—1972) — генерал-майор авиации, участник перелета В.К. Коккинаки в Америку на самолете «Москва» в 1939 г.

[125] Апанасенко Иосиф Родионович (1890—1943) — генерал армии (1941), в 30-х гг. — заместитель командующего Белорусским

военным округом и командующий Среднеазиатским военным округом. С января 1941 г. командующий Дальневосточным фронтом. В действующих войсках с июня 1943 г. (замкомандующего Воронежским фронтом). Умер от ран 5 августа 1943 г.

[126] ГАМС — Главная авиаметеорологическая станция ВВС. Существовала до 1931 г. Преобразована в Центральную авиационную метеорологическую станцию.

[127] ВВА — Военно-воздушная академия РККА им. проф. Н.Е. Жуковского (пос. Монино Московской области).

[128] КИЖ — Коммунистический институт журналистики.

[129] Бельхин Константин Яковлевич — военный корреспондент газеты «Красная звезда».

[130] Платонов (Климентов) Андрей Платонович (1899—1951) — писатель. Автор книг «Мусорный ветер», «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур» и др. С 1936 г. выступал как литературный критик. В 1942—1945 гг. — специальный корреспондент газеты «Красная звезда».

[131] Пономарев Борис Николаевич (1905—1995) — партийный деятель, академик АН СССР (1962), Герой Социалистического Труда (1975). В 1934—1937 гг. директор Института истории партии при Московском комитете ВКП(б). В 1943—1944 гг. замдиректора Института Маркса — Энгельса — Ленина, партийный журналист. В 1946—1949 гг. 1-й замначальника и начальник Совинформбюро СССР. С 1972 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

[132] Дзот — древоземляная огневая точка.

[133] См. запись за 30 августа 1942 г.

[134] Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972) — маршал артиллерии (1944). В 1937—1941 гг. начальник артиллерии ряда военных округов. С июня 1941 г. и до конца войны начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии.

[135] Лакеев Иван Алексеевич (1908—1990) — летчик-истребитель, Герой Советского Союза (1937), генерал-майор (1940). Считается одним из самых результативных советских летчиков, участвовавших в гражданской войне в Испании (1936—1937). Лично одержал 12 побед, за что 3 ноября 1937 г. удостоен звания Героя Советского Союза. Командовал истребительной авиацией 1-й армейской группы в районе р. Халхин-Гол, где участвовал в боях и сбил несколько японских самолетов. Участвовал в советско-финляндской войне. На воздушных парадах над Москвой водил «красную пятерку» лучших пилотов страны. В 1941—1945 гг. командир 14-й смешанной, 235-й (позднее — 15-й гвардейской) истребительных авиадивизий.

[136] Имеется в виду 1-й Московский шарикоподшипниковый завод (пущен в строй в 1932 г.).

[137] Кириченко Николай Яковлевич (1895—1971) — генерал-лейтенант (1942). В начале войны командир 38-й кавалерийской дивизии, с начала 1942 по ноябрь 1943 г. — командир 17-го (позднее — 4-го гвардейского) Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, отличившегося в битве за Кавказ. В дальнейшем — на преподавательской работе.

[138] Имеется в виду 16-я воздушная армия Центрального фронта.

[139] Глинка Дмитрий Борисович (р. 1917) — летчик-истребитель, дважды Герой Советского Союза (21.4 и 24.8.1943), полковник. С апреля 1942 г. участвовал в Великой Отечественной войне в боях в Крыму, на Кубани, под Харьковом, на Сандомирском плацдарме, под Яссами и в Германии в должностях командира звена, адъютанта эскадрильи и начальника воздушно-стрелковой службы 45-го и 100-го гвардейских истребительных авиационных полков; совершил около 300 боевых вылетов, лично сбил 29 самолетов противника.

[140] Имеется в виду 1-я воздушная армия Западного фронта.

[141] Корзинщиков Сергей Александрович (1904—1943) — летчик-испытатель 1-го класса (1940), майор. В годы войны — летчик-испытатель авиазавода № 84. Погиб 30 августа 1943 г. при перегоне истребителя Як-7Б. Катастрофа произошла при попытке совершить вынужденную посадку на Як-7 на аэродроме Захарково.

[142] Кондратьев Захар Иванович (1901—1973) — генерал-лейтенант технических войск (1943). В годы войны — начальник Главного автодорожного управления, начальник дорожных войск Красной Армии.

[143] Рябов Иван Афанасьевич — поэт, журналист, с 1937 г. в «Правде», в период войны — сельский корреспондент «Правды».

[144] Киселев Николай Семенович — фронтовой кинооператор. Снимал важнейшие события Великой Отечественной войны — парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. и т. д.

[145] Бойков Иван Иванович — генерал-лейтенант (1944) — в конце войны — начальник оперативного управления 1-го Белорусского фронта.

[146] Так в тексте рукописи.

[147] Непомнящий Карл Ефимович (?—1968) — в 1940 г. заведующий иностранным отделом «Комсомольской правды», в годы войны — фронтовой корреспондент «Комсомольской правды», спецкор «Правды» и «Огонька», заведующий главной редакцией международной информации агентства печати «Новости». Сбит на вертолете повстанцами в Праге 24 августа 1968 г.

[148] Глебов Алексей Дмитриевич (р. 1921) — писатель, автор повести «Мой сосед Славка».

[149] Прошляков Алексей Иванович (1901—1973) — маршал инженерных войск (1961), Герой Советского Союза (1945). С июля 1941 по январь 1942 г. замначальника инженерного управления Центрального (1-го формирования) и Брянского фронтов. В 1942—1945 гг. замкомандующего — начальник инженерных войск Южного, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов. После войны начальник инженерных войск Советской Армии (1952—1965).

[150] 61-я армия генерал-лейтенанта П.А. Белова.

[151] Черняховский Иван Данилович (1906—1945) — генерал армии (1944), дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). Сначала командовал танковым корпусом, дивизией, армией, отличившись в Курской битве, при форсировании Десны и Днепра. С апреля 1944 г. командовал войсками Западного, потом 3-го Белорусского фронтов, став самым молодым (в 37 лет) командующим фронтом во время войны. Участвуя в разгроме восточнопрусской группировки фашистов, получил смертельное ранение.

[152] Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, журналист. В годы войны в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда» опубликовал десятки статей, призывавших к бескомпромиссной борьбе с фашизмом (вошли в сборник «Война», т. 1 — 3, 1942—1944).

[153] Так в тексте рукописи.

[154] РИК — районный исполнительный комитет.

[155] Гроссман Василий Семенович (1905—1967) — писатель. В годы войны специальный корреспондент газеты «Красная звезда», подполковник. На фронте пишет эпические произведения «Народ бессмертен», «Треблинский ад» (1944), «Сталинград» (1943) и др. В 1952 г. опубликовал роман «За правое дело». Продолжение романа под названием «Жизнь и судьба» в 1960 г. изъято органами КГБ; сохраненный экземпляр в 1980 г. был опубликован в Швейцарии, в 1988 г. — в СССР.

[156] Кнорринг Олег Борисович — фотокорреспондент. С начала 30-х гг. сотрудничал в журнале «Наши достижения». В годы войны был фотокорреспондентом газеты «Красная звезда». Снимал на многих фронтах. В послевоенные годы работал в иллюстрированном еженедельном журнале «Огонек».

[157] Очевидно, имеется в виду карикатурист Ефимов (Фридлянд) Борис Ефимович (р. 1900) — народный художник СССР (1967), член-корреспондент Академии художеств СССР (1954), Герой Социалистического Труда (1990).

[158] Старченко Василий Федорович (1904—1948) — кандидат в члены ЦК в 1939—1948 гг., с 1938 г. зампредседателя СНК (Совмина) Украинской ССР.

[159] Пухов Николай Павлович (1895—1958) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1943). В период войны командовал стрелковой дивизией (1941), с января 1942 г. и до конца войны — 13-й армией на Юго-Западном, Брянском, Центральном и 1-м Украинском фронтах. После войны командовал войсками ряда военных округов.

[160] Шахейт Аркадий (1898—1959) — в годы войны корреспондент газеты «Фронтовая иллюстрация». Снимал практически на всех фронтах, в том числе под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, при взятии Берлина. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, медалями.

[161] Ерохин Иван Дмитриевич — военный корреспондент газеты «Правда». В сентябре 1943 г. затонул на подводной лодке, подорвавшейся на мине под Новороссийском.

[162] Имеется в виду Переяславский договор 8 января 1654 г. о воссоединении украинских земель с Россией, заключенный украинскими казаками с русским царем Алексеем Михайловичем.

[163] Ватутин Николай Федорович (1901—1944) — военачальник, генерал армии (1943), Герой Советского Союза (1965, посмертно). В Великую Отечественную войну с 1942 г. командующий войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Умер от ран.

[164] Кравченко Андрей Григорьевич (1899—1963) — генерал-полковник танковых войск (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С марта по сентябрь 1941 г. — начальник штаба 18-го мехкорпуса. Командир 31-й танковой бригады (сентябрь 1941 — январь 1942 г.). С февраля 1942 г. заместитель командарма 61-й армии по танковым войскам. Командовал 2-м (июль—сентябрь 1942 г.) и 4-м (с февраля 1943 г. — 5-й гвардейский) танковыми корпусами. Командующий 6-й гвардейской танковой армией с января 1944 г.

[165] Рыбалко Павел Семенович (1894—1948) — маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Во время войны командовал 5-й (с июня 1942 г.), 3-й (с октября 1942 г.) и 3-й гвардейской (с мая 1943 г.) танковыми армиями. Прославился в ходе боев на Курской дуге. Освобождал Украину, Чехословакию, брал Берлин. Считался лучшим танковым генералом Красной Армии.

[166] Рудный Владимир Александрович (1913—1984) — писатель, в период войны — корреспондент газеты «Красный флот».

[167] Воловец Александр Михайлович — в 1943 г. редактор газеты Брянского фронта «На разгром врага!». Погиб, подорвавшись на мине в Брянске. Вместе с ним погибла журналистка газеты З.Ф. Хмелевская.

[168] Космодемьянская Зоя Анатольевна (Таня) (1923—1941) — партизанка, Герой Советского Союза (16.2.1942, посмертно). Член ВЛКСМ с 1938 г. Ученица 201-й средней школы Москвы; добровольно ушла в партизанский отряд, разведчица. Казнена фашистами в д. Петрищево (Московская обл.).

[169] Ардаматский Василий Иванович (1911—1989) — писатель. С 1929 г. работал в качестве радиожурналиста. Автор повестей и романов о милиции, разведчиках и чекистах. Многие его произведения были экранизированы.

[170] Трахман Михаил Анатольевич (1918—1976) — фотограф. С 1938 г. — фоторепортер «Учительской газеты». В 1939 г. был призван в армию и участвовал в советско-финляндской войне, с 1941 г. являлся специальным корреспондентом газеты «Красная звезда», а с 1942 г. — специальный военный корреспондент ТАСС и Совинформбюро.

[171] РАТАУ — Радиотелеграфное агентство Украины.

[172] Жмаченко Филипп Федосеевич (1895—1966) — генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (1943). В период войны был командиром корпуса, заместитель командующего армией, с сентября 1943 г. командовал 47-й, а с октября 1943 г. — 40-й армией; участвовал в боях на Брянском, Воронежском, 1-м и 2-м Украинских фронтах.

[173] Имеется в виду вымышленный персонаж романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922).

[174] Руставели Шота — грузинский поэт XII в.

[175] Правильно — Гречкосий Иван Семенович — генерал-майор (июль 1945 г.) — начальник оперативного отдела 18-й армии. В последние месяцы войны — командир 167-й стрелковой дивизии.

[176] Москаленко Кирилл Семенович (1902—1985) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1978). С мая 1941 г. командир 1-й моторизованной противотанковой артиллерийской бригады. Затем командовал 15-м стрелковым, 6-м кавалерийским корпусами и конно-механизированной группой войск. С марта 1942 г. последовательно командовал 38-й, 1-й танковой, 1-й гвардейской и 40-й армиями, с октября 1943 г. до конца войны вновь командовал 38-й армией. Войска 38-й армии отличились в боях за Киев.

[177] Антонов Алексей Иннокентьевич (1896—1962) — генерал армии (1943). В период войны начальник штаба ряда фронтов, первый заместитель начальника Генштаба (с 1942 г.), начальник Генштаба (с 1945 г.), участвовал в разработке планов многих крупнейших операций. С 1955 г. начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Варшавского договора.

[178] ВПУ — временный пункт управления.

[179] Иванов Семен Павлович (1907—1993) — генерал армии (1968), Герой Советского Союза (1945), профессор. В период войны начальник оперативного отдела штаба армии, начальник штаба 38-й, 1-й танковой и 1-й гвардейской армий, с 1942 г. начальник штаба Юго-Западного, Воронежского, 1-го Украинского, Закавказского, 3-го Украинского фронтов. С июня 1945 г. начальник штаба главного командования советских войск на Дальнем Востоке.

[180] Панкин Иван Сергеевич — генерал-майор (1942).

[181] Издан в 1938 г.

[182] Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — деятель революционного движения, военный и государственный руководитель, Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960).

[183] Первый том «Истории Гражданской войны в СССР» готовился с начала 30-х гг. и вышел в 1935 г. Второй — в 1941 г. Всего до 1960 г. было издано пять томов «Истории».

[184] Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — государственный деятель. С 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров.

[185] ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств.

[186] Юдин Павел Федорович (1899—1968) — советский философ и общественный деятель, академик АН СССР (1953; член-корреспондент с 1939 г.). Окончил Институт красной профессуры (1931), в 1932—1938 гг. директор этого института, в 1938—1944 гг. директор Института философии АН СССР; в 1937—1947 гг. директор ОГИЗ. Работал в аппарате ЦК КПСС, член ЦК.

1944 год

Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905—1965) — в 1939—1944 гг. заведующий отделом и заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1941—1945 гг. председатель Всесоюзного радиокомитета.

[2] Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — поэт, писатель, общественный деятель, Герой Социалистического Труда (1966). Во время ленинградской блокады находился в осажденном городе, работал как журналист, выступал по радио, возглавлял группу писателей при политуправлении Ленинградского фронта. В 1944 г. назначен председателем правления Союза писателей СССР, переезжает в Москву. Однако уже в 1946 г., после выхода постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»,

где ему также посвящено несколько очень резких строк, был снят с этого поста.

[3] Толстой Алексей Николаевич (1883—1945) — прозаик и драматург, академик АН СССР (1939).

[4] Повесть М.М. Зощенко «Перед восходом солнца» была опубликована в журнале «Октябрь» осенью 1943 г.

[5] Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — поэт. В дореволюционной России участвовал в ведущих поэтических обществах, начинал как поэт-символист. В Советской России стал одним из ортодоксальных большевистских поэтов. В 1925 г. выпустил поэму «Двадцать шесть» о бакинских комиссарах. Занимал высокие посты в системе Союза советских писателей. Во время войны издал стихи и поэмы «Радиосводки» (1942), «Полет пуль», «В последний час» (1944), «Пламя победы» и др.

[6] Здесь и далее: Левка — Л.Б. Хват.

[7] Кинеловский Виктор (1899—1979) — фотограф, фотокорреспондент журнала «Фронтовая иллюстрация». В 1942—1944 гг. снимал в Москве при Центральном штабе партизанского движения, в действующей армии и в партизанских отрядах. Дошел до Берлина.

[8] Федосеенко Павел Федорович (1898—1934) — военный пилот-аэронавт, командир стратостата «Осоавиахим-1». Поставил рекорды СССР по продолжительности и высоте полета аэростата в 1922—1931 г., мировые рекорды в 1933—1934 г. Погиб при крушении стратостата «Осоавиахим-1» 30 января 1934 г.

[9] Прокофьев Г.А. — командир стратостата «СССР-1», поставивший мировой рекорд высоты в сентябре 1933 г. Был председателем приемочной комиссии стратостата «Осоавиахим-1», а затем комиссии по расследованию причин его гибели.

[10] На X сессии Верховного Совета СССР (28 января — 1 февраля 1944 г.), созванного впервые за годы войны, кроме обсуждения бюджетных вопросов, было утверждено решение Пленума ЦК ВКП(б) (27 января 1944 г.) о преобразовании Наркоматов иностранных дел и обороны из союзных в союзно-республиканские. Формально все союзные республики получали атрибуты суверенных государств. Центральная на сессии речь В.М. Молотова была посвящена этой реформе. Данное мероприятие было приурочено к обсуждавшемуся в этот период на международных конференциях формату будущей Организации Объединенных Наций, в которой Советский Союз стремился получить наибольшее число голосов.

[11] Рокоссовский Константин Константинович (1896—1963) — военачальник, Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В период войны командовал армией в Московской битве, Брянским, Дон-

ским (в Сталинградской битве), Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими (в Висло-Одерской и Берлинской операциях) фронтами.

[12] Малинин Михаил Сергеевич (1899—1960) — генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1945). В период войны — начальник штаба 16-й армии Западного фронта (1941—1942), начальник штаба Брянского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов (1942—1945). После войны — первый заместитель начальника Генерального штаба.

[13] Батов Павел Иванович (1897—1985) — военачальник, генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). С октября 1942 г. командовал 65-й армией, с которой участвовал в Сталинградской и Курской битвах, ряде стратегических операций.

[14] Романенко Прокофий Логвинович (1897—1949) — генерал-полковник (1944). Участвовал в гражданской войне в Испании. В советско-финляндскую войну командовал механизированным корпусом. С 1940 г. командир 34-го стрелкового, затем 1-го механизированного корпуса. Во время Великой Отечественной войны командовал 17-й армией, 3-й, 5-й и 2-й танковыми, 48-й армиями.

[15] Орел Григорий Николаевич — генерал-полковник танковых войск (1962). В начале войны — подполковник, начальник автобронетанкового отдела штаба 16-й армии. В 1944—1945 гг. — генерал-лейтенант, командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта.

[16] Казаков Василий Иванович (1898—1968) — маршал артиллерии (1955), Герой Советского Союза (1945). В период войны был начальником артиллерии 16-й армии (июль 1941 — июль 1942 г.), затем командующим артиллерией Брянского, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов, участвовал в Московской, Сталинградской и Курской битвах, освобождении Белоруссии и Польши и штурме Берлина.

[17] Петров Евгений — писатель, военный корреспондент газеты «Красная звезда». Погиб в июле 1942 г. под Ростовом.

[18] Мокроусов Алексей Васильевич (1887—1959) — один из руководителей партизанского движения в Крыму во время Гражданской войны 1918—1920 гг. и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; полковник.

[19] Литвиненко-Вольгемут Мария Ивановна (1892—1966) — украинская советская певица (лирико-драматическое сопрано), педагог, народная артистка СССР (1936). Выступала в оперных театрах Петрограда (1914—1916), Винницы (1919—1922), Харькова (1923—1935) и Киева (1935—1953).

[20] Зак Людмила Марковна (р. 1917) — в начале войны студентка исторического факультета МИФЛИ, затем — политрук медча-

сти 3-го полка Московского ополчения. Затем на Северо-Западном, Брянском и Белорусском фронтах в должностях лектора политотдела 11-й армии, начальника агитмашины политуправления фронта, капитан.

[21] Ватер Юрий — капитан, старший инструктор политотдела одной из латышских дивизий. Погиб 12 февраля 1944 г., выходя из окружения в районе корсунь-шевченковского котла. Тяжело раненный, был казнен немецкими солдатами.

[22] Аршинцев Борис Никитович (1903—1944) — генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1944, посмертно). Командир 55-й гвардейской стрелковой дивизии (56-я армия, Северо-Кавказский фронт), отличившейся в боях за Керчь (ноябрь 1943 г.). Погиб в бою 15 января 1944 г.

[23] ДКУ ВАД — дорожно-комендантский участок военно-автомобильной дороги.

[24] АХО — административно-хозяйственный отдел.

[25] Стуков Георгий — председатель Всесоюзного радиокомитета до середины 1941 г. Был в числе организаторов Московского народного ополчения. Погиб в бою.

[26] Левитан Юрий Борисович (1914—1983) — диктор Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, народный артист РСФСР (1973). Работал диктором Всесоюзного радио с 1931 г.

[27] Вихирев Николай Александрович (1904—1976) — кинооператор. В 1933—1960 гг. — оператор Центральной студии документальных фильмов. Снял фильмы: «Челюскин» (1934), «Ударом на удар» (1936), «Мужество» (1939) и др. В годы Отечественной войны был фронтовым оператором. Принимал участие в съемках документальных фильмов: «Сталинград» (1942), «Орловская битва» (1943), «Победа на Украине» (1944), «Берлин» (1945).

[28] Смирнов Алексей Пантелеевич (р. 1917) — командир эскадрильи 99-го ближнебомбардировочного авиационного полка (270-я бомбардировочная авиационная дивизия, 8-я воздушная армия), капитан. К сентябрю 1942 г. совершил 207 боевых вылетов, нанеся врагу большой урон в живой силе и технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1942 г.

[29] Туриков Алексей Митрофанович (р. 1920) — штурман эскадрильи 99-го ближнебомбардировочного авиационного полка (223-я бомбардировочная авиационная дивизия, 2-й бомбардировочный авиационный корпус, 16-я воздушная армия). К февралю 1943 г. совершил 145 боевых вылетов на штурмовку врага, в воздушных боях сбил 6 самолетов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 1 мая 1943 г.

[30] Крупин Андрей Петрович (1915—1949) — штурман эскадрильи 99-го ближнебомбардировочного авиационного полка (223-я бомбардировочная авиационная дивизия, 2-й бомбардировочный авиационный корпус, 16-я воздушная армия). К февралю 1943 г. совершил 199 боевых вылетов на разведку и бомбардировку вражеских объектов. Звание Героя Советского Союза присвоено 1 мая 1943 г.

[31] См. записи за 26 мая и 20 июня 1942 г.

[32] Быстрых Борис Степанович (1916—1943) — командир звена 99-го ближнебомбардировочного авиационного полка (270-я бомбардировочная авиационная дивизия, 8-я воздушная армия). К 1 сентября 1942 г. совершил 168 боевых вылетов на штурмовку, бомбардировку и разведку войск противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1942 г. Погиб 3 июня 1943 г. при вынужденной посадке.

[33] Горбунов Тимофей Сазонович (1904—1969) — советский партийный и государственный деятель. В 1941—1947 и 1950—1960 гг. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В годы Великой Отечественной войны находился на политработе в армии.

[34] ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).

[35] Александров Георгий Федорович (1908—1961) — советский философ, академик АН СССР (1946). Окончил Московский институт истории и философии (1932). В 1940—1947 гг. возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1947—1954 гг. директор института философии АН СССР. В 1954—1955 гг. министр культуры СССР.

[36] Довженко Александр Петрович (1894—1956) — кинорежиссер, драматург, писатель, художник и общественный деятель. Основоположник школы украинского поэтического кино. Народный артист РСФСР (1950). Участник Великой Отечественной войны. В кино с 1925 г. В 1943 г. завершил работу над киноповестью «Украина в огне», в которой решился рассказать горькую правду о советском бюрократизме и халатности, которые привели к гибели тысяч неповинных людей в военное время на Украине. Киноповесть была запрещена для печати и для постановки. Впервые опубликована в 1966 г.

[37] Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) — партийный и государственный деятель, член Президиума ЦК КПСС (1952—1953), член ЦК (1939—1961). В 1938—1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В период войны член военных советов ряда фронтов, начальник Центрального штаба партизанского движения (1942—1944).

[38] Бажан Микола (Николай) Платонович (1903—1983) — украинский поэт, общественный деятель, академик АН Украины

(1951), Герой Социалистического Труда (1974), до войны — специальный корреспондент «Правды».

[39] Богомолец Александр Александрович (1881—1946) — советский патофизиолог и общественный деятель, академик (1932) и вице-президент АН СССР (1942), академик АН УССР (1929), АН БССР (1939) и АМН СССР (1944), Герой Социалистического Труда (1944).

[40] Так в тексте рукописи.

[41] Зыбин Ефим Сергеевич — генерал-майор (1940), на 22 июня 1941 г. — командир 36-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса. В июле 1941 г. попал в плен. Освобожден в мае 1945 г.

[42] Кубе Вильгельм (1887—1947) — с июля 1941 г. генеральный комиссар Белоруссии. Убит партизанами в Минске 23 сентября 1943 г. Непосредственная исполнительница теракта — Елена (Галя) Григорьевна Мазанник.

[43] Заслонов Константин Сергеевич (партизанский псевдоним — Дядя Костя) (1910—1942) — один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза (7.3.1943, посмертно). В Орше создал подпольную группу, участники которой путем применения «угольных мин» (мины, замаскированные под каменный уголь) за 3 месяца подорвали 93 немецких паровоза и совершили ряд других диверсий. С марта 1942 г. руководил партизанским отрядом, бригадой. Погиб в бою с карателями.

[44] Виленский Эзра Самойлович (1902—1944) — журналист, писатель, участник арктических экспедиций 1935—1938 гг. 22 июня 1941 г., находясь в командировке в Кишеневе, добровольно вступил в Красную Армию в звании старшего батальонного комиссара. Участвовал в обороне Одессы. Умер от тяжелой болезни в Москве.

[45] Родионов (Гиль) Владимир Владимирович (1906—1944) — в 1941 г. — подполковник Красной Армии, начальник штаба 229-й стрелковой дивизии. Попал в плен. С весны 1942 г. сотрудничал с немцами, руководил 1-й русской национальной бригадой, действовавшей в Белоруссии. В августе 1943 г. бригада в полном составе перешла на сторону партизан и в дальнейшем активно воевала на их стороне. 16 сентября 1943 г. Гиль-Родионов награжден орденом Красной Звезды и повышен в звании. Погиб 14 мая 1944 г. при прорыве из окружения во время карательной операции.

[46] 21 декабря 1943 г. была создана Белорусская центральная рада (БЦР), президентом которой назначен начальник управы Минского округа Р. Островский (1887—1976). Деятельность Рады

не была эффективной, поскольку она не имела реальной политической власти (только в вопросах социальной опеки, культуры и образования имела право на относительно самостоятельные решения), а ее члены придерживались различных взглядов на будущее Белоруссии и зачастую не знали местных условий.

[47] Стратиевский Натан Борисович (1920—2003) — стрелок-радист 96-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка (301-я бомбардировочная авиационная дивизия, 3-й бомбардировочный авиационный корпус, 16-я воздушная армия, 1-й Белорусский фронт), гвардии младший лейтенант. К августу 1944 г. совершил 232 боевых вылета на разведку и бомбардировку железнодорожных станций, аэродромов, скоплений живой силы и техники противника. Сбил 5 самолетов лично и 5 — в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 23 февраля 1945 г.

[48] Грекова Надежда Григорьевна (р. 1910) — в 1938—1947 гг. — председатель Президиума Верховного Совета БССР.

[49] Имеется в виду В.Ф. Реут.

[50] Имеется в виду 56-й гвардейский минометный полк (ГМП). Командир — А.Т. Шаповалов.

[51] Имеется в виду 6-й гвардейский минометный полк.

[52] Маточкин Шар — узкий пролив между Северным и Южным островами Новой Земли. Соединяет Баренцево и Карское моря. Л.К. Бронтман был там в период полярных экспедиций в конце 30-х гг.

[53] Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — советский государственный и партийный деятель, действительный член АН УССР (1945). Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился с 1903 г. в Петербургском университете; окончил Сорбонну. Активный участник трех революций. С 1924 г. член Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), в 1928—1943 гг. секретарь ИККИ. В 1942—1944 гг. работал в ЦК ВКП(б) и в Главном политическом управлении РККА. С июля 1944 г. заместитель председателя СНК УССР и наркоминдел УССР.

[54] Верхолетов Александр Павлович — участник советско-финляндской войны, в годы Великой Отечественной войны — корреспондент газеты «За честь Родины».

[55] Светлов (Шейнкман) Михаил Аркадьевич (1903—1964) — поэт, драматург. Автор слов популярных песен: «Песня о Каховке», «Гренада» и др. В годы войны корреспондент газеты «Красная звезда».

[56] Щербаков.

[57] Поспелов.

[58] БМ РГК — артиллерия большой мощности резерва главного командования.

[59] Хомзор-Хомутов Георгий Маркович (1914—1990) — с 1938 г. фотокорреспондент газеты «Известия», во время войны — газеты «Красная звезда».

[60] Имеется в виду водитель Л.К. Бронтмана Александр Кахеладзе.

[61] В тексте рукописи два слова не читаются.

[62] Героя Советского Союза, носившего такую фамилию, не было.

[63] Андерс Владислав (1892—1970) — дивизионный генерал (генерал-лейтенант) польской армии, польский военный и политический деятель, командовал т. н. армией Андерса (2-й Польский корпус), сформированной на территории СССР по соглашению с польским правительством в изгнании из числа интернированных в результате советско-польской войны 1939 г. польских граждан. В 1943 г. корпус был отправлен на Ближний Восток на соединение с английской армией.

[64] Так в тексте рукописи.

[65] Так в тексте рукописи.

[66] Брюхоненко Сергей Сергеевич (1890—1960) — медик, был директором НИИ экспериментальной физиологии и терапии, директором Института экспериментальной биологии и медицины. Сконструировал первый в мире аппарат искусственного кровообращения при операциях — автожектор.

[67] Неговский Владимир Александрович (1909—2003) — академик РАМН. В 1936 г. по его инициативе была создана лаборатория по проблеме «Восстановление жизненных процессов при явлениях, сходных со смертью», из которой впоследствии развился первый в мире Институт общей реаниматологии (1985).

[68] Бурденко Николай Нилович (1876—1946) — советский хирург, один из основоположников нейрохирургии, академик АН СССР (1939), академик и первый президент АМН СССР (1944—1946). Генерал-полковник медицинской службы. Герой Социалистического Труда (1943). С 1929 г. директор нейрохирургической клиники при рентгеновском институте Наркомздрава, на базе которой в 1934 г. был учрежден Центральный нейрохирургический институт (ныне Институт нейрохирургии АМН СССР им. Н.Н. Бурденко).

[69] ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины (основан в 1890 г., переименован в 1932 г.).

[70] Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) — партийный и государственный деятель. Застрелился 18 февраля 1937 г.

[71] Имеется в виду И.Г. Лазарев.

[72] Имеется в виду М.И. Мержанов.

[73] Правильно — Семен Александрович Лавочкин (1900—1960) — авиаконструктор, членкор АН СССР (1958), генерал-майор инженерно-авиационной службы (1944), дважды Герой Социалистического Труда (1943, 1956). С 1939 г. главный конструктор по самолетостроению, с 1956 г. — генеральный конструктор.

[74] Тарасов Алексей Александрович (1895 — ?) — генерал-лейтенант (1944), заслуженный мастер спорта (1945). В 1934—1946 гг. служил на руководящих должностях по физической подготовке в РККА. В годы войны — начальник Управления лыжной, горной и физической подготовки Красной Армии.

[75] Петр Николаевич Поспелов.

[76] Федосеев Петр Николаевич (1908—1990) — член ЦК (1961—1990). В 1941—1947 гг. работник аппарата ЦК, заведующий отделом печати. С 1946 г. — главный редактор журналов «Большевик», «Партийная жизнь».

[77] Васильченко Федор Михайлович (1904—?) — до 1944 г. руководитель Управления производства хроники и документальных фильмов.

[78] Григорьев (Кацман) Роман Григорьевич (1911—1972) — режиссер, оператор. Один из организаторов и руководителей Украинской студии кинохроники в Харькове (1931), в 1933—1941 гг. — руководитель отдела периодики, затем главный редактор Центральной студии кинохроники. Режиссер документального кино с 1945 г.

[79] Трояновский Марк Антонович (1907—1967) — оператор, режиссер, сценарист документального кино, заслуженный деятель искусств РСФСР (1965). Участвовал в полярных экспедициях. В годы войны руководил фронтовой киногруппой.

[80] Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906—1985) — кинорежиссер, сценарист, актер. Народный артист СССР (1948). В 20—30-х гг. работал в кино как актер. С 1930 г. — режиссер ленинградской киностудии «Совкино» (впоследствии — «Ленфильм»). Снял фильмы «Семеро смелых», «Маскарад» (1941) и др. Во время войны снимал сюжеты для военно-патриотических киносборников, хроникальные фильмы.

[81] Пудовкин Всеволод Илларионович (1893—1953) — кинорежиссер, народный артист СССР (1948). В конце 30-х — начале 40-х гг. снял фильмы «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1941) и «Адмирал Нахимов» (1947).

[82] Галактионов Михаил Романович (1893—1948). Окончил филологический факультет Киевского университета. В 30-х гг. работал в оборонной группе СНК СССР, дивизионный комиссар. В 1937 г. разжалован, исключен из партии и отставлен из РККА, че-

рез полгода восстановлен в партии, работал в редколлегии «Красной звезды», затем «Правды». В 1943 г. присвоено звание генерал-майора. 5 апреля 1948 г. застрелился.

[83] Возможно, имеется в виду Иван Григорьевич Лазарев.

[84] Иванов Семен Павлович — советский изобретатель в области кино. В кинематографии с 1937 г. (НИКФИ, киностудия «Союздетфильм»). В 1944—1947 гг. — на киностудии «Стереокино», с 1948 г. — в лаборатории «Стереокино» в НИКФИ. Изобрел систему безочкового стереокино. Фильм демонстрировался на растровом проволочном экране (первый фильм снят в 1940 г.).

[85] Полуостров.

[86] Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — государственный и политический деятель, Герой Социалистического Труда (1943). В 1926—1946 гг. возглавлял ряд наркоматов, одновременно с 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1935—1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1942—1945 гг. член Государственного Комитета Обороны.

[87] Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — заместитель прокурора и прокурор СССР в 1933—1939 гг., академик АН СССР (1939). Государственный обвинитель на фальсифицированных политических процессах 30-х гг. В 1940—1953 гг. на руководящих постах в МИД СССР (в 1949—1953 гг. министр).

[88] Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878—1952) — участник революционного движения, государственный деятель, публицист. В РСДРП вступил в 1901 г. Инициатор создания и генеральный секретарь Профинтерна — интернационала профсоюзов (1921—1937). В 1937—1939 гг. — директор Гослитиздата. В 1939—1946 гг. — заместитель наркоминдел СССР, в 1941—1948 гг. заместитель начальника, а позднее начальник Совинформбюро. Доктор исторических наук (1939). Казнен в 1952 г. по делу о Еврейском антифашистском комитете.

[89] КПК — Контрольная партийная комиссия.

[90] Шумаков Александр — друг Л.К. Бронтмана. Лектор Курганинского горкома ВКП(б).

[91] Мазурук Илья Павлович (1906—1989) — генерал-майор авиации (1946), Герой Советского Союза (27 июня 1937 г.). С 1932 г. — командир отряда ГВФ на Дальнем Востоке. С 1936 г. летал в полярной авиации. В 1937 г. в качестве командира самолета ТБ-3 участвовал в высадке первой дрейфующей научной станции «Северный полюс-1». В 1938—1947 гг. — начальник Управления полярной авиации Главсевморпути. С 1943 г. — командир 1-й перегоночной авиационной дивизии, руководил перегоночной трассой из Аляски в СССР (Красноярск) для поставок по ленд-лизу американских самолетов.

[92] Шиманов Николай Сергеевич — генерал-полковник авиации (1944). С марта 1943 г. и до конца войны член Военного совета ВВС, одновременно — заведующий авиационным отделом ЦК ВКП(б).

[93] Грачев Виктор Георгиевич (1907—1991) — генерал-лейтенант авиации (1946), Герой Советского Союза (1945). Участник вооруженного конфликта на Халхин-Голе и советско-финляндской войны. С 1942 г. — командир авиадивизии особого назначения, выполнявшей ответственные задания правительства и Ставки ВГК. На самолетах дивизии также перебазировались части и соединения, доставлялись десанты и боеприпасы, горючее и медикаменты партизанам. Лично совершил 463 особо важных полета. Возил членов руководства страны, в том числе на Тегеранскую и Ялтинскую конференции. За годы войн налетал 11 тыс. часов, на 54 типах самолетов.

[94] Полынин Федор Петрович (1906—1981) — генерал-полковник авиации (1946), Герой Советского Союза (1938). С ноября 1937 по апрель 1938 г. добровольцем участвовал в вооруженном конфликте на КВЖД в Китае. С августа 1941 г. командующий ВВС Брянского фронта. С мая 1942 г. замкомандующего 2-й, с сентября 1942 до 1944 г. командующий 6-й воздушной армией на Брянском и Северо-Западном, 2-м и 1-м Белорусских фронтах.

[95] Ворожейкин Григорий Алексеевич (1895—1974) — маршал авиации (1944). Во время войны командующий ВВС Центрального фронта (август 1941 г.), начальник штаба ВВС Красной Армии (август 1941 — март 1942 г.), 1-й заместитель командующего ВВС Красной Армии (май 1942 — апрель 1946 г.). В качестве представителя Ставки руководил действиями авиации на Волховском, Ленинградском и Центральном фронтах.

[96] Худяков Сергей Александрович (1902—1950) — советский военачальник, маршал авиации (1944). В период войны начальник штаба ВВС, с февраля 1942 г. командующий ВВС Западного фронта, с мая 1942 г. начальник штаба ВВС Красной Армии, с июня 1942 г. командующий 1-й воздушной армией, с мая 1943 г. начальник штаба и заместитель командующего ВВС Красной Армии, с апреля 1945 г. командующий 12-й воздушной армией. В августе 1945 г. участвовал в советско-японской войне. Репрессирован. Расстрелян.

[97] Скрипко Николай Семенович (1902—1987) — маршал авиации (1944). Во время войны командир 3-го авиационного корпуса, командующий ВВС 5-й армии, заместитель командующего ВВС Юго-Западного фронта (1941—1942); заместитель командующего авиацией дальнего действия (с марта 1942 г.). После войны 1-й заместитель командующего дальней авиацией (1946—1949).

[98] Коккинаки Валентин Константинович (1916—1955) — летчик-испытатель 3-го класса (1947), майор (1949). Младший из пяти братьев знаменитой авиационной семьи Коккинаки. Участник войны: в июне 1941 — сентябре 1942 г. — командир звена, командир авиаэскадрильи 66-го штурмового авиационного полка (Западный и Калининский фронты). С ноября 1942 г. по июль 1946 г. — летчик-испытатель военной приемки авиазавода № 30 (Москва). Погиб 25 августа 1955 г. при выполнении испытательного полета.

[99] Коккинаки Константин Константинович (р. 1910) — летчик-испытатель, Герой Советского Союза (1964). Во время войны командир истребительного авиаполка особого назначения, сформированного из летчиков-испытателей. С 1951 г. проводил испытания в опытно-конструкторском бюро А.И. Микояна.

[100] Ляпидевский Анатолий Васильевич (1908—1983) — летчик, Герой Советского Союза (1934), генерал-майор авиации (1946). В 1934 г. участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин». В Великую Отечественную войну директор авиационного завода.

[101] Борзенко Сергей Александрович (1909—1972) — фронтовой корреспондент, писатель, полковник административной службы, Герой Советского Союза (17 ноября 1943 г.). Во время войны фронтовой корреспондент газеты 18-й армии «Знамя Родины», газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины». Оставшись старшим по званию офицером, фактически возглавил один из отрядов десанта морских пехотинцев, штурмом взявших 1 ноября 1943 г. и удерживавших плацдарм на крымском побережье в районе поселка Эльтиген, в ходе Керченско-Эльтигенской операции войск Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. С 1944 г. — корреспондент газеты «Правда».

[102] Так в тексте рукописи.

[103] Высокоостровский Леонид — полковник, военный корреспондент газеты «Красная звезда».

[104] Юдин Сергей Сергеевич (1891—1954) — хирург, академик АМН СССР (1944). В годы войны старший инспектор-консультант при главном хирурге Красной Армии. Основные труды по проблемам брюшной, неотложной и военно-полевой хирургии, анестезиологии, по изучению нейро-гуморальной регуляции желудочной секреции.

[105] Шурка — Бронтман Александр Константинович (1913—2002) — главный инженер авиаремонтного завода во Внуково.

[106] Мама — Чарна Алтеровна Бронтман (Чичельницкая) (1885—1958?) — мещанка, в революционном движении с 1901 г., политкаторжанка, была в ссылке вместе с Я. Свердловым.

[107] Костя — имеется в виду К. Тараданкин.

[108] Щаденко Ефим Афанасьевич (1885—1951) — генерал-полковник (1942). Участник Гражданской войны. В ноябре 1919 — июле 1920 г. член РВС Первой конной армии, в июле—декабре 1920 г. — Второй конной армии. Во время Великой Отечественной войны заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии (1941—1943), с сентября 1943 г. член военных советов ряда фронтов.

[109] Марков Петр Алексеевич (1902—?) — генерал-майор (1944), начальник штаба Автобронетанкового управления РККА.

[110] Назаров Алексей Иванович (1905—1968) — кандидат исторических наук (1953). Доцент (1948). С октября 1929 г., заведующий отделом информации, затем заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда». С сентября 1937 г. заместитель заведующего отделом печати ЦК ВКП(б). В январе 1938 — апреле 1939 г. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. С сентября 1939 г. заместитель заведующего Объединения государственных издательств при СНК РСФСР. С ноября 1946 г. директор Издательства Академии наук СССР.

[111] Имеется в виду Ирина Александровна (1895—1970) — дочь великого князя Александра Михайловича, жена князя Ф.Ф. Юсупова.

[112] Валерка — Валерий, сын Л.К. Бронтмана.

[113] Славка — Ростислав, сын Л.К. Бронтмана.

[114] Водопьянов Михаил Васильевич (1899—1980) — летчик, один из первых Героев Советского Союза (20.4.1934), генерал-майор авиации (1943). В марте—апреле 1934 г. участвовал в спасении экипажа ледокола «Челюскин». В 1937 г. участвовал в воздушной экспедиции на Северный полюс. Во время Великой Отечественной войны командовал авиадивизией. С 1946 г. в отставке.

[115] Бенеш Эдвард (1884—1948) — с 1940 г. председатель временного правительства Чехословакии в Лондоне. В 1945—1948 гг. президент Чехословакии.

[116] Моисеев Яков Николаевич (1897—1968) — один из первых заслуженных летчиков СССР (1926), генералом не был (последнее звание — полковник, 1939); в отставке с 1967 г.

[117] Евгения Сергеевна Байдукова — жена Г.Ф. Байдукова.

[118] См. запись за 22 мая 1942 г.

[119] Котин Жозэф Яковлевич (р. 1908) — конструктор танков, генерал-полковник инженерно-технической службы (1965), доктор технических наук (1943), Герой Социалистического Труда (1941). В годы войны заместитель наркома танковой промышленности СССР и главный конструктор. Под его руководством созданы тяжелые танки КВ и ИС, самоходные установки на их базе.

[1] Имеется в виду американский ночной истребитель Р-61 «Black Widow» («Черная вдова»), состоявший на вооружении американских ВВС с 1943 г.

[2] Гращенков Николай Иванович (1901—1965) — советский невролог, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН БССР (1947; президент в 1947—1951 гг.) и АМН СССР (1944). Подробно изучил и описал газовую гангрену мозга, предложил комплексные методы терапии огнестрельных ранений позвоночника.

[3] Херст Уильям Ренфольд (1863—1951) — крупнейший газетный магнат в США. Владел 13 ежедневными и двумя воскресными газетами, 11 журналами. Его наследник — сын Уильям Рендольф Херст-младший.

[4] Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953) — с 1938 г. — заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР, в 1938—1941 гг. — заместитель наркома НКВД. С февраля 1941 г. по 20 июля 1941 г. и с июля 1943 г. по 1946 г. — нарком госбезопасности СССР. Вместе с Берией и другими 23 декабря 1953 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян.

[5] Голубев Константин Дмитриевич (1896—1956) — генерал-лейтенант (1942), заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (создано в конце 1944 г.). С октября 1941 г. по май 1944 г. командовал 43-й армией.

[6] ФАИ — Международная федерация авиационного спорта.

[7] Федрови Павел Яковлевич (1902—1984) — летчик-испытатель, генерал-майор авиации (1943). Участник Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. В 1934—1940 гг. летчик-испытатель опытных истребителей Як. Летал на самолетах свыше 300 типов.

[8] Пышнов Владимир Сергеевич (1901—?) — советский ученый в области аэродинамики самолета, генерал-лейтенант-инженер (1946), профессор (1939), доктор технических наук (1958). Автор трудов по теории штопора, управляемости, устойчивости, маневренности самолета и др.

[9] Пуяд Пьер — полковник, Герой Советского Союза, командир истребительного авиаполка «Нормандия-Неман».

[10] Тито Иосип Броз (1892—1980) — во время Второй мировой войны возглавлял Народно-освободительную армию Югославии. После войны — глава правительства, затем — президент Югославии.

[11] СХТ — сельскохозяйственный техникум.

[12] Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890—1969) — 34-й президент США (1953—1961), с конца 1943 г. до конца войны главнокомандующий экспедиционными союзными войсками в Европе.

[13] Дениц Карл (1891—1981) — военно-морской деятель фашистской Германии, гросс-адмирал (1943). Командующий подводным флотом, главнокомандующий ВМФ. 1 мая 1945 г., согласно завещанию А. Гитлера, сменил его на посту рейхсканцлера и Верховного главнокомандующего и 2—5 мая сформировал новое «имперское правительство» в Мюрвике-Фленсбурге. Пытался частичной капитуляцией перед западными державами сохранить остатки войск, отходивших с Восточного фронта. 23 мая арестован английскими властями и в октябре 1946 г. приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к 10 годам тюрьмы как военный преступник.

[14] Так в тексте рукописи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бронтман Лазарь Константинович

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»

Встречи. События. Судьбы

1942—1945

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.09.2007.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 26,16 + 2 альбома = 27,91.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 3143.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Лазарь Бронтман

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ»

ВСТРЕЧИ. СОБЫТИЯ. СУДЬБЫ

1942—1945

Военные дневники известного советского журналиста Лазаря Константиновича Бронтмана, более 25 лет проработавшего в главной газете страны — «Правде», публикуются впервые. По долгу службы он присутствовал при многих знаменательных событиях советской эпохи: освещал строительство первых линий метро, дрейфовал на льдине с Папаниным, побывал на Северном полюсе... А с 1942 года и до конца войны Бронтман почти непрерывно находится на фронте. Его командировки охватывают весь театр военных действий. Дневник автора — уникальное историческое свидетельство, содержащее множество неизвестных фактов о войне, штрихов к портретам полководцев и государственных деятелей, деталей военного быта того времени, а также будней военного корреспондента.

ISBN 978-5-9524-3239-0
9 785952 432390
ЦЕНТРПОЛИГРАФ